

Русский водевиль

**Русский
водевиль**

Цена 1 р. 34 коп.

Русский водевиль

Ах, где мои
двадцать лет!
Леночка!

Поздравляю Вас
с днём ангела
и желаю Вам
всего самого, доброго
и светлого.

Слава.

21/1 - 1971г.

Русский водевиль

Русский водевиль

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСКУССТВО
МОСКВА
1970

Составитель
Н. Шантаренков

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Водевиль есть вещь, а прочее все гиль», — заметил грибоедовский Репетиллов. Он же коснулся и распространенного «способа» писания водевилей:

Однако ж я, когда, умишком понатужась,
Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу.
Другие у меня мысль эту же подцепят,
И вшестером, глядь, водевильчик слепят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.

Не хотел ли автор бессмертной комедии таким образом высмеять водевиль, а заодно и всех его приверженцев? Едва ли, хотя оснований для этого было достаточно. С самого начала утверждения водевиля на русской сцене увлечение им стало принимать прямо-таки угрожающие размеры. Пьесы быстро сменяли одна другую, не задерживаясь в репертуаре. Многие забывались навсегда после нескольких представлений, а число поклонников водевиля со временем все увеличивалось. Некоторые деятели русской культуры были серьезно встревожены. Гоголь неоднократно высказывался против водевиля, осуждая

его за «легкие насмешки над смешными сторонами общества без взгляда в душу человека»¹.

Другие отстаивали водевиль на том основании, что примитивность ремесленных поделок не должна зачеркивать самого жанра.

Публику водевиль привлекал остротой и злободневностью, занятым каламбуром, интересом к повседневному быту. «Предмет водевиля — страстишки и слабости, смешные предубеждения, забавно-оригинальные характеры, анекдотические случаи частной и домашней жизни общества. Словом, когда водевиль не выходит из своих пределов и не заходит в чуждые ему сферы, когда он забавен, легок, остроумен, жив, он может доставлять очень приятное, хотя и минутное, удовольствие и в чтении и на сцене»², — писал Белинский.

Нередки были случаи, когда водевиль «для съезда» или «для разъезда» карет, которым сопровождалось представление драм и трагедий, обеспечивал основной успех спектаклю. Легкий, остроумный, озорной водевиль давал возможность актерам блеснуть талантом, показать различные стороны своего дарования. Специфические качества водевиля, такие, как острая интрига, активный ритм развития действия, использовал в своем драматургическом творчестве и Гоголь. Грибоедов же отдал непосредственную дань этому жанру, написав в 1823 году совместно с П. А. Вяземским одноактный водевиль «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом».

Среди огромного числа водевильных пьес, созданных в первой половине прошлого века, есть и такие, которые, дожив до наших дней, представляют собой, как мы сегодня говорим, водевильную классику. С некоторыми из них читатель познакомится в этом сборнике.

Почва, подготовленная развитием русской комической оперы конца XVIII века, оказалась благодатной для жанра французского происхождения — водевиля. Он как бы продолжил ее традиции, поэтому в первых произведениях русских водевилистов много музыки, хоров, танцев. Музыку писали ведущие композиторы начала прошлого века К. А. Кавос, А. Н. Верстовский, А. А. Алябьев, М. Ю. Виельгорский и другие.

¹ Н. В. Гоголь, Сочинения, т. 8, М., Изд-во Академии наук СССР, 1952, стр. 396.

² В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений в 13-ти томах, т. 3, М., Изд-во Академии наук СССР, 1954, стр. 492.

Уже с самого начала проникновения водевиля на русскую сцену (10-е годы XIX века) существовали переводные и оригинальные произведения. Русские переводчики мало придерживались оригиналов. Чаще всего, беря иностранный образец, они переносили его действие на русскую почву, подгоняли его содержание под русские нравы. Получался перевод-переделка.

Переделки первого русского водевилиста А. А. Шаховского грешили наивной «русификацией», искусственным приспособлением иностранных характеров к русским условиям. Н. И. Хмельницкий шел иным путем, он давал вольные переводы с французского, заостряя в них актуальные, близкие для современников темы. Среди многочисленных французских и немецких водевилей отбирались те, которые, не претерпевая существенных отклонений от оригинала, воспринимались как русские. Такой подход характерен для А. И. Писарева. Оригинальный водевиль также строился по принципу французского. Это веселая комедия с куплетами и танцами, сюжет которой, как правило, вертится вокруг любви и женитьбы.

Период развития водевиля с 10-х по 20-е годы XIX века вошел в историю под названием дворянского. Материалом для драматургов служили недостатки и слабости, смешные стороны жизни, подмеченные у представителей дворянско-помещичьей среды. Острый как эпиграмма куплет часто использовался для полемики с литературными противниками. Различие идейных позиций у представителей раннего водевиля обнаруживалось уже в самом подходе их к своему творчеству, во взглядах на цели и задачи комедии. Одни авторы видели в водевиле только средство развлечения и увеселения публики, другие предпринимали попытки через водевиль средствами искусства воздействовать на общество.

Наряду с пьесами, где идеализировалась старина, появляются произведения с элементами реалистической сатиры, рисующие правдивые картины современной жизни. Таким образом, уже в раннем водевиле намечаются две основные противоборствующие тенденции — прогрессивная и реакционная.

С поражением декабрьского восстания реакционные силы активизировались. Русское самодержавие усилило надзор за духовной жизнью страны. Особенную бдительность власти проявляли по отношению к театру. В этой обстановке водевиль так же брался на вооружение мо-

нархическими «идеологами». Он должен был отвлекать внимание публики от вопросов, связанных с общественной жизнью. Основными поставщиками водевилей становятся реакционно настроенные авторы, чьи произведения по сути своей были глубоко чужды демократическим устремлениям русского реалистического искусства.

Но уже в 30-х годах приходит новое пополнение водевилистов. Это актеры (Д. Т. Ленский, П. А. Каратыгин, Григорьевы 1-й и 2-й), режиссеры (Н. И. Куликов), служащие Дирекции императорских театров (П. С. Федоров, Р. А. Зотов), журналисты и театральные рецензенты Ф. А. Кони, Н. А. Перепельский (псевдоним Н. А. Некрасова) и театралы-любители В. И. Орлов, П. С. Арапов, Н. Аксель и другие. Начинает развиваться так называемый буржуазно-разночинный водевиль.

Тематика и проблематика большинства водевилей этого времени зафиксирована в куплетах Жовиала, одного из персонажей пьесы Ленского «Стряпчий под столом»:

Пиши куплет, когда дурак из грязи
Кой-как ничком, ползком пробьется в знать
И вдруг забыл родства и дружбы связи
И никого теперь не хочет знать.

Пиши куплет, когда с эспаньолеткой,
В усах, с хохлом, сидит в театре франт
И, с важностью вертя своей лорнеткой,
Врет всякий вздор и вслух бранит талант.

Пиши куплет, когда старик влюбленный
Вступает в брак с кокеткой молодой.
Она родит, а он, отец законный,
Уж думает, что он отец родной.

Пиши куплет, когда лишь из расчета
Иной с плеча строчить роман начнет;
Коверкает нещадно Вальтер-Скотта,
И, наконец, выходит просто скот.

Пиши куплет, когда себе соседа
Столичный плут обедать позовет
И между тем его после обеда,
Как липочку, за банком одберет.

Развитие классического водевиля совпало по времени с периодом становления критического реализма. Черты, определившие новое направление в искусстве, — правдивость отображения жизни, критическое восприятие явлений действительности, демократические тенденции — все это в своеобразном преломлении проникало и в водевиль, который составлял значительную часть текущего репертуара и в рамках своего жанра выполнял серьезные идей-

но-эстетические задачи. Не только в оригинальных, но и в пьесах с заимствованными сюжетами водевилисты показывали картины русской жизни, типические для различных слоев общества характеры. С одним из таких произведений («Хороша и дурна, и глупа и умна» Д. Т. Ленского) связано высказывание о водевиле А. С. Пушкина. По описанию очевидца, Пушкин, приехав в Москву, встретился с Ленским в Летнем саду, где репетировала труппа Малого театра. Когда ему представили Ленского, он сказал: «Я очень хотел познакомиться с вами и с удовольствием смотрел вашу пьесу «Хороша и дурна»; в ней нет и тени французского оригинала: от господ и до слуг по характерам, по разговорам — все чисто русское. Прекрасно, прекрасно! Я посоветовал бы вам только не переводить и не переделывать, а самому сочинять. У вас есть все данные на это: и талант, и знание сцены. Послушайтесь и начните!»¹

Характерно, что даже лучшие авторы-водевилисты были непоследовательны в своем творчестве. Их произведения далеко не равноценны. Нередко из-под их пера появлялись пьесы чисто развлекательные, не поднимающие выше мелкой мещанской тематики. Не случайно в рецензиях Белинского на произведения, которым он дает в целом положительную оценку, проскальзывают иронические замечания вроде: «неблагопристойностей, слава богу, нет». Вместе с тем в лучших своих произведениях они затрагивают социально значимые темы. Появляются острые водевили Ф. А. Кони «Карета, или По платью встречают, по уму провожают», «Принц с хохлом, бельмом и горбом», «Деловой человек, или Дело в шляпе», в которых автор смело клеймит чинопоклонство, бюрократизм чиновничества, пороки судопроизводства, затрагивает и самые основы государственного и политического устройства царской России. Позднее появляются пьесы молодого Некрасова, в которых автор поднимает голос за защиту человеческой личности, осуждает власть денег.

К 40-м годам на сцене императорских театров ставится до 40—60 новых оригинальных и переводных водевилей в каждый сезон. Авторы многих из них обращаются к жизни буржуазно-демократических низов. В водевиле все чаще начинает звучать тема маленького

¹ Д. Т. Ленский, Водевили, М., Гос. изд-во «Художественная литература», 1937.

человека, задавленного тяжелыми условиями жизни. Позднее темы и характеры этих произведений, уже в ином плане, найдут развитие в комедии Островского.

Критическим острием водевиля в основном был куплет. В нем затрагивались самые разнообразные темы. Блестящим мастером куплета был Ленский. Обычно куплеты писались на излюбленные публикой мотивы из опер «Роберт-дьявол», «Фигаро», «Волшебный стрелок», «Цампа», «Волшебная флейта», «Отелло», «Швейцарское семейство» и др. При этом в самом использовании музыки водевилисты достигали большого комедийного эффекта. Нарочитое сочетание «приземленного», житейского содержания куплетов с «возвышенным» характером подбираемой к ним музыки создавало своеобразный комический эффект. Наиболее яркое применение этот прием нашел в опере-водевиле Ф. А. Кони «Студент, артист, хорист и аферист» (1838). Здесь, например, под музыку «адского вальса» Мейербера герой исполнял такой куплет:

Спешу на почтовых я в Харьков отсель
И буду к вам снова чрез восемь недель.

В исполнении водевиля также появились своеобразные пародийные приемы. Часто исполнители прибегали к портретному гриму, выводя в образе какого-либо отрицательного персонажа всем хорошо известное подлинное лицо.

Большая заслуга в развитии русского водевиля принадлежит крупнейшим актерам прошлого, которые своей реалистической игрой наполняли подчас и слабые вещи глубоким содержанием. Это, безусловно, сказывалось на творчестве авторов-водевилистов, писавших пьесы часто в расчете на определенных актеров.

Умение находить и вскрывать в водевильном конфликте глубоко драматические грани, «смешить серьезом», по словам К. С. Станиславского, отличало многих замечательных русских актеров прошлого. М. С. Щепкин, который, как правило, «пересоздавал» водевильные роли, достигал порою трагического их звучания. В образе матроса, созданном им в одноименном водевиле Т. Соважа и Э. Делюрье, он раскрывал сложную борьбу противоречивых чувств. Преодолевая несовершенства драматургии, Щепкин правдиво передавал страдания «маленького человека», вынужденного лишить себя последней надежды

на счастье. Эта роль стала одной из лучших в репертуаре актера.

Игра Щепкина и Мартынова, другого непревзойденного исполнителя водевиля, вызывала в зрительном зале не только смех, но и слезы сочувствия и сострадания. Об исполнении А. Е. Мартыновым роли Жано Бижу в водевиле «Цирюльник-стихотворец» Белинский писал: «Сквозь эту деревенскую грубость и личную простоватость Жано Бижу проглядывало столько истинного, глубокого чувства, что он нам казался нисколько не смешон, хотя и был в высшей степени смешон»¹. Умение «трогать и возбуждать не смех, а чувство, не переставая быть смешным», отмечает он и у другого актера петербургской школы — И. И. Сосницкого.

Под влиянием водевиля сложился особый тип актера. В. И. Живокини, Н. О. Дюр, В. Н. Асенкова, В. В. Самойлов — каждый из них в своем роде обладал исключительными качествами, необходимыми для этого жанра. Дюр был виртуозно пластичен, эффектен, эмоционален, блестяще танцевал, хорошо пел. Его исполнение было проникнуто юмором и чувством сценического такта. Это был в нашем сегодняшнем понимании вполне «синтетический» актер.

Самойлов мастерски владел искусством мгновенной трансформации и был непревзойденным исполнителем на роли с переодеванием.

Замечательная русская актриса В. Н. Асенкова, обладавшая редким сценическим обаянием, прекрасными вокальными и пластическими данными, с особенным блеском исполняла в водевиле мужские роли. Ее игра отличалась веселостью и душевной теплотой.

Среди водевильных актеров особенно выделялся В. И. Живокини. Критик Ап. Григорьев назвал его «гениальным гаером, одним из оригинальнейших явлений в мире искусства вообще». Знаменитый комик-буфф, Живокини поражал современников замечательным искусством импровизации. Он свободно и непринужденно общался с публикой, как со своими собеседниками. «Когда он начинал страдать, метаться, взывать о помощи со всей искренностью своего таланта, становилось нестерпимо смешно от серьезности его отношения к шуму из

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений в 13-ти томах, т. 2, стр. 526.

пустяков», — вспоминал К. С. Станиславский, видевший этого артиста уже в самом конце его жизни¹.

Водевиль всегда был и остается хорошей школой актерского мастерства. Он ставит перед исполнителями сложные и разнообразные задачи. Он приносит в театр праздничность, жизнерадостность, смех, требует ярких красок, большой, подлинной театральности.

Как заметил К. С. Станиславский, водевиль — это особый мир, управляемый своими законами, в котором все невозможное возможно и естественно. Это дает простор фантазии постановщика, изобретательности исполнителей, позволяет использовать импровизационные моменты в спектакле.

О том, как работать над созданием водевильного спектакля, рассказано в приложенной к данному сборнику статье режиссера-педагога Е. К. Лепковской.

В настоящий сборник вошли произведения лучших русских авторов классической поры водевиля. При отборе мы учитывали в первую очередь потребность самодеятельного и профессионального театра в репертуарном материале. По ряду причин остались в стороне некоторые произведения первого периода, несмотря на огромную роль, которую сыграли они в развитии водевильного жанра. Отбирая произведения с наиболее высокими идейно-художественными достоинствами, хотелось показать все жанровое многообразие русского водевиля и познакомить читателя с произведениями, характеризующими того или иного драматурга. Задача эта осложнялась тем, что пьесы сборника должны быть небольшими по объему (не более одного действия), удобными для постановки на любой сцене, содержащими ограниченное число действующих лиц. Поэтому мы сознательно отказались от включения в сборник пьес, сложных для постановки, как, например, «Кто брат, кто сестра» Грибоедова и Вяземского. Нет таких пьес, как «Лев Гурыч Синичкин» и «Петербургские квартиры». Включены менее известные широкому читателю произведения этих же авторов, созданные в более ранние периоды их творчества. Это «Хороша и дурна, и

¹ К. С. Станиславский, Собрание сочинений, т. 1, М., «Искусство», 1954, стр. 36.

глупа и умна» Д. Т. Ленского и «Принц с хохлом, бельмом и горбом» Ф. А. Кони.

Кроме того, в сборник вошли лучшие пьесы П. А. Каратыгина, П. И. Григорьева, Н. А. Некрасова и др.

Сборник открывается водевилем А. И. Писарева «Хлопотун» (1824). Творчество Александра Ивановича Писарева (1803—1828) продолжалось недолго — всего пять лет. Но за это время он успел создать несколько ярких своеобразных произведений. Среди них выделяется переводной водевиль-опера «Хлопотун, или Дело мастера боится», интересный своим центральным образом Репейкина. Водевиль Писарева необычайно сценичен, полон юмора, острокомедийных ситуаций. Роль Репейкина стала одной из лучших в водевильном репертуаре М. С. Щепкина. Музыка к куплетам была написана композитором А. Н. Верстовским.

Творчество крупнейшего русского водевилиста Дмитрия Тимофеевича Ленского (1805—1860) охватывает период с конца 20-х по 50-е годы. Все его пьесы — переводные и оригинальные — написаны по французским образцам. К своему занятию литературой он относился пренебрежительно, ценя в себе только актера, хотя, по свидетельствам современников, как актер он был гораздо ниже, чем как водевилист. Но преимущество автора давало ему право на первые роли.

Водевиль «Хороша и дурна, и глупа и умна» (1833), написанный на основе пьесы Э. Скриба «*La demoiselle à marier*», — одно из ранних произведений Ленского. Он в полной мере характеризует творческую манеру и дарование драматурга и в то же время принадлежит к лучшим его созданиям.

В. Г. Белинский, самый строгий критик водевиля, дал этой пьесе положительную оценку. Он отмечал: «Г[осподин] Ленский все-таки один из лучших, из первоклассных наших переделывателей французских водевилей, и все-таки «Хороша и дурна, и глупа и умна» есть лучшее произведение его пера»¹.

Водевиль Ленского имел шумный успех в Москве и Петербурге. В Москве он был представлен в первый раз 15 сентября 1833 года на сцене большого Петровского театра с участием Щепкина (Яузов), Репиной (Надень-

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений в 13-ти томах, т. 2, стр. 389.

ка), Живокини (Падчерицын). Роль Алинского исполнял сам автор.

В уже приведенном отзыве Белинский отмечает «превосходную» игру Репиной и «достолюбезную» игру Живокини. В другом, более позднем своем отзыве, 1838 года, в связи с просмотром петербургского спектакля Белинский говорит и о недостатках пьесы: «Этот водевиль нравится публике, и мы с нею в этом согласны. В самом деле, г. Ленский довольно удачно переложил его на русские провинциальные нравы и вывел в нем помещицкий быт средней руки...

В этом водевиле только одно лицо никуда не годится: это Александр Иванович Алинский, что-то вроде Пирогова г. Гоголя¹, только Пирогова сентиментального...» Спб., т. 2.

Текст «Хороша и дурна» воспроизводится по последнему изданию (Д. Т. Ленский, Театр.— Сочинения в 6-ти томах, т. 2., Спб.— М., изд. Вольфа, 1873—1874).

Федор Алексеевич Кони (1809—1879) пережил расцвет и закат водевиля. По воспоминаниям современников, это был человек широкообразованный, глубоко преданный театру. Многие его пьесы, в отличие от лирических, мягких водевилей Ленского, имеют более четкую социальную направленность и сатирическую окраску. Кони уступает Ленскому в мастерстве куплета, но зато его куплет обличает наиболее остро и метко. Яркое выражение это нашло в волшебной сказке «Принц с хохлом, бельмом и горбом» (1833)². Здесь уже намечается проблематика, которая спустя семь лет будет развернута в лучшей пьесе Кони «Петербургские квартиры».

Фантастический водевиль как жанровая разновидность для Кони не характерен, но вообще он имел широкое распространение. Данная пьеса является переработкой французской пьесы «Рике с хохлом». Сюжет ее восходит к одноименной сказке Перро.

Водевиль Кони задуман как одноактная пьеса в двух отделениях. В первом отделении действие происходит на волшебном Зеленом острове, которым правит бездар-

¹ Поручик Пирогов — один из героев повести Гоголя «Невский проспект».

² В первом издании пьесы, 1836 года, после заголовка значится: «Волшебная сказка-водевиль в одном действии, переделанная с французского Федором Кони». В некоторых источниках пьеса ошибочно датируется 1836 годом.

ный и тщеславный губернатор-самодур, во втором — переносится в замок феи Карабоссы. Автор придает пьесе ярко выраженные черты феерии. Вторая ее часть перегружена сценическими эффектами. Вероятно, это усложнение, уход в феерию, понадобилось Кони для маскировки необычайно острых по своей сатирической направленности куплетов Губернатора. Благодаря этим куплетам вся первая часть воспринимается как резкая критика на царскую администрацию. Самое же содержание второй части дает возможность и для более простого ее сценического решения.

Между тем обмануть цензуру не удалось, и пьеса в первом издании вышла с сокращениями. По причине острой сатирической направленности этот водевиль не смог занять подобающего ему места на театральной сцене. Постановки его в Москве (1833) и Петербурге (1834) имели большой успех, но спектакли продержались недолго. В Малом театре водевиль поставлен впервые 13 октября 1833 года в пользу актрисы Н. В. Репиной, которая играла в нем красавицу Абрикотину. Роль принца Рике исполнял Живокини, Губернатора — Щепкин, Губернаторши — Сабурова, Тортиколя — Никифоров, принца Бамбиньи — Г. В. Степанов. Роль феи Карабоссы была поручена мужчине — ее играл актер Г. П. Степанов.

Для второго издания автор внес в пьесу некоторые поправки, изменил время действия. Были восстановлены куплеты Губернатора. По этому последнему изданию (Ф. А. Кони, Театр.—Сочинения в 4-х томах, т. 3, Спб.—М., изд. Вольфа, 1871) водевиль Кони «Принц с хохлом, бельмом и горбом» печатается и в данной книге.

Наиболее характерными для Петра Андреевича Каратыгина (1805—1879) являются водевили, в которых действуют герои демократических низов, а также представители разных сословий: ростовщик, торговец, солдат, купец, мелкий служащий, бедный юноша из разночинцев. В ряде пьес схвачены острые моменты литературной борьбы тех лет («Знакомые незнакомцы», «Ложа первого яруса»). Популярны были «Булочная», «Чудак-покойник».

Помещенные в сборнике два водевиля Каратыгина — «Дом на Петербургской стороне» (1838) и «Вицмундир» (1845), — пожалуй, наиболее интересны. Они представляют собой две жанровые разновидности бытового воде-

вила — водевиль характеров и водевиль положений. В первом психологически тонко, с большой степенью бытовой достоверности разработан образ рассеянного чиновника Разгильдяева, второй — остроумный розыгрыш скряги Копейкина. Насыщая традиционный сюжет тонко подмеченными смешными бытовыми подробностями, Каратыгину удалось достичь большой степени комедийности, создав жизненно убедительные образы.

Петр Иванович Григорьев (1-й) (1806—1871) в своих пьесах также давал бытовую разработку водевильной темы. Его пьесы «Макар Алексеевич Губкин», «Дочь русского актера», «Складчина на ложу в итальянскую оперу», «Андрей Степанович Бука» завоевали любовь демократического зрителя. Как и большинство пьес Каратыгина, они написаны на заимствованной сюжетной основе, однако выведенные в них характеры убедительны и достоверны. Особыми сценическими достоинствами обладает включенный в сборник водевиль из серии пьес, рисующих театральные быт и нравы, «Дочь русского актера» (1843). Роль старого актера Лисичкина нашла блестящего исполнителя в лице А. Е. Мартынова. Другой водевиль Григорьева, который читатель найдет в этом сборнике, — «Петербургский анекдот» (1848) — менее популярен. Он интересен тем, что строится не на любовной интриге, столь типичной для водевиля. Театру он представляет богатый игровой материал.

Особое место в русской водевилистике занимает драматургия Николая Алексеевича Некрасова (1821—1877), который в начале своего творческого пути отдал водевилю немалую дань. Ему принадлежат переводные и оригинальные пьесы. Драматургии Н. А. Некрасова присуща высокая гражданственность, социальная заостренность. В одном из первых его переводных водевилей — «Вот что значит влюбиться в актрису» — своеобразно прозвучала тема художника. Эта тема нашла свое продолжение в другом, оригинальном, водевиле — «Актер» (1841), — который помещен в сборнике.

Используя принципы водевиля с переодеванием, Некрасов создает произведение, по своему содержанию и по мысли выходящее за пределы красивого, изящного, но, как правило, поверхностного водевиля с переодеванием.

Постановка «Актера» на петербургской сцене имела огромный успех, высокую оценку пьесе давал Белинский, полемизируя с реакционной критикой.

Н. А. Некрасов более активно по сравнению с другими современными ему водевилистами поддерживает сатирическую и социальную линию, начатую Ф. А. Кони. В некоторых произведениях ему удается блестяще соединить реалистическую сатиру с водевильной легкостью, вложить в водевильный куплет разоблачительное содержание, не нарушая законов жанра. С наибольшей художественной завершенностью это сделано в водевиле «Петербургский ростовщик» (1844), вошедшем в данный сборник. Водевиль не был опубликован при жизни автора, на сцену попал в урезанном цензурой виде. Но сегодня он вполне может быть репертуарной пьесой.

Прием переодевания использован Некрасовым и здесь. Оба водевиля ставят перед исполнителями главных ролей сложные технические задачи, требуют творческой изобретательности. Эти задачи в свое время блестяще решал актер Александринского театра В. В. Самойлов, исполнявший в «Актере» роль Стружкина, а в «Петербургском ростовщике» — Налимова, Неизвестного и Ростомыхова-Широколобова. Оба водевиля печатаются по тексту Полного собрания сочинений и писем (т. IV, М., Гослитиздат, 1950).

Василий Александрович Соллогуб (1813—1882) в историю русской литературы вошел своим романом «Тарантас», о котором неоднократно писал Белинский. Сам Соллогуб считал себя «не литератором ex professo, а любителем, прикомандированным к русской литературе по поводу дружеских отношений»¹. Он был близко знаком со многими крупнейшими литераторами разных поколений, посещавшими его литературный салон.

В. А. Соллогуб является автором многих не сходящих в 40—50-х годах со сцены водевилей и комедий. «Мастерская русского живописца», «Дагерротип», «Модные петербургские лечения» и другие водевили Соллогуба, очень колоритные по языку и характеристике персонажей, затрагивают быт дворянства, купечества, представителей мещанской среды, художественной богемы. Большое количество водевилей Соллогуба отличается большой комедийной насыщенностью и углубленной разработкой характеров. Консервативное мировоззрение мешало драматургу реализовать в полной мере свое дарование. Соллогуб, как заметил один из исследователей его твор-

¹ В. А. Соллогуб, Воспоминания, Спб., 1887, стр. 189.

чества — Е. Кийко, «верил в возможность идеального аристократа»¹. Он возрождает дворянский водевиль. В большинстве своих пьес откликается на все модные светские увлечения, высмеивая их. «Беда от нежного сердца» (1850), который мы включили в сборник, является лучшим из водевилей Соллогуба.

Последний водевиль сборника — «Аз и ферт» (1850), принадлежащий перу Павла Степановича Федорова (1803—1879), знаменует закат классического водевиля. Хотя еще сохраняется водевильная схема интриги, совсем исчезает куплет. Сатирический образ помещика-самодура Мордашева напоминает аналогичные образы купцов Островского. Роль эту по-разному превосходно играли Мартынов и Живокини, а позднее Варламов.

Начиная с 50-х годов прошлого века, водевиль уступает место пьесам Потехина, Писемского, а затем Островского. Черты жанра в произведениях, появлявшихся все же и в более позднее время, еще менее заметны. Так, водевили А. Н. Андреева — водевилиста 60—80-х годов — и по характерам и по интриге представляют собой, в сущности, разновидность бытовой комедии.

Лучшие традиции старого водевиля нередко используются и в советской комедиографии. Встречаются даже случаи прямого заимствования наиболее популярных водевильных сюжетов с целью «пересоздания» произведения прошлого. Одни драматурги стремятся обновить старый сюжет, привлекая современный жизненный материал, другие объединяют наиболее яркие драматические ходы и ситуации старого водевиля, чтобы дать почувствовать зрителю прелесть этого жанра. Те и другие добиваются подчас интересных результатов. Однако же думается, что постановка водевилей в том виде, как они были исполняемы раньше, имеет важное значение, тем более что среди произведений русских водевилистов есть такие, которые сохранили свою художественную свежесть и до наших дней. Как показывает современная театральная практика, водевильная классика таит в себе еще немало нераскрытых возможностей.

¹ В. Соллогуб, Повести и рассказы, М.—Л., Гослитиздат, 1962, стр. 8.

А. И. ПИСАРЕВ

**Хлопотун,
или
Дело мастера боится**

**ОПЕРА-ВОДЕВИЛЬ
В ОДНОМ
ДЕЙСТВИИ**

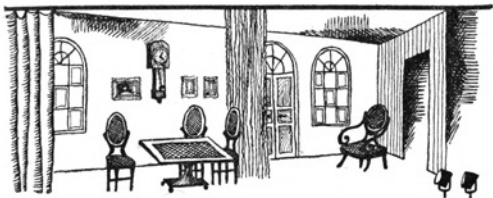
1824

Действующие лица

Радимов, богатый помещик.
Наденька, его дочь.
Репейкин, приятель Радимова.
Лионский, сосед Радимова.
Саша, горничная Радимова.
Иван, денщик Лионского.
Садовник.
Слуга.
Охотники, слуги и крестьяне.

Действие происходит в подмосковной Радимова.

Театр представляет комнату; двери по бокам, в заднем занавесе дверь; окошко в боку. На сцене стол, стулья и стенные часы.

Явление I

Наденька и Саша.

Наденька.

Нет, Саша, я никак не соглашусь.

Саша.

Ну, право же, на вас я рассержусь.

Наденька.

Нет, батюшку связь эта огорчает;
А где найдешь отца, его добрей?
Хоть он бранит, но с радостью прощает.

Саша.

Так вы его обрадуйте скорей.
Не правда ль, вы на это согласитесь?

Наденька.

Ах, Саша, я не знаю, что сказать!..

Саша.

Но если вы ни в чем не провинитесь,
Так не за что вас будет и прощать.

Наденька. Но что же мне должно делать?

Саша. Сущую безделицу: согласиться на свидание с Лионским.

Наденька. Без ведома батюшки?

Саша. Разумеется, потому что он отказал ему от дома; поссорился за какой-то чересполосный лес. Есть из

чего хлопотать! Лионский, верно бы, не постоял за такую дрянь, лишь бы ему увидаться с батюшкой. Да тут есть и другие штуки; я тотчас догадалась, что батюшка недаром посматривает на вас исподлобья... У него в голове какие-нибудь затеи. И от Лионского бегают потому, что он делает вам глазки, а этого не было в плане господина Радимова.

Наденька. Как, ты думаешь, что Лионский...

Саша. Влюблен по уши. О! Я знаю в этом толк! Например, отчего он все ходит по саду один-одинехонек, вдруг остановится, смотрит куда глаза глядят, стучит кулаком по лбу и вскрикивает: ах, Наденька! Полно же, если этот не любит вас, так вовсе нет любви.

Наденька. Так вот что называют любовью?

Саша. Право, сударыня, согласитесь на его требования, не то бедняжка совсем сойдет с ума.

Наденька. Ах, боже мой! Да это невозможно... По крайней мере, Саша, откажи ему поучтивее; скажи, что мне очень нравится его обращение... его нрав... ум... сердце... Скажи, что я очень жалею, что не могу с ним видаться...

Саша. Одним словом: скажи ему, что он прекрасный человек и что в награду за все его отличные достоинства я не хочу и слышать о нем.

Наденька. Нет, нет; ты все перетолковываешь по своему. Можно отказать ему так ласково...

Саша,

Все это только сказки,
Но вот моя рука:
Ручаюсь, что от ласки
Любовь недалеко.
Поверьте мне, что вчуже
Видала я не раз,
Что и согласие хуже,
Чем ласковый отказ.

Наденька. Саша, ты несносна сегодня. Скажи, что не я...

Саша. Тс! Вот ваш батюшка.

Явление II

Те же и Радимов.

Радимов. Здравствуй, Наденька.

Наденька. Вы сегодня рано возвратились с охоты.

Радимов. Я еще не охотился, а велел все приготовить к садке. Мы сегодня будем сажать славного волка, которого недавно поймали... Я к себе ожидаю дорогого гостя... Ты знаешь, кого?

Саша. Верно, господина Репейкина. Не правда ли?

Радимов. Точно. Он мне старинный приятель, человек богатый, умный и, сверх того, чрезвычайно любезен. Как ты об этом думаешь?

Наденька. Батюшка, я его почти не знаю; видела три года назад и то вскользь.

Радимов. Это правда.

Саша. Он барин хоть куда, кабы не привычка во все мешаться.

Радимов. Он обещал мне исправиться; и знаешь ли, Наденька, что если б я был женщина, то не желал бы себе лучшего жениха.

Саша. Как, сударь! Разве Репейкин думает еще жениться? Помилуйте, да ему с лишком сорок лет.

Радимов. Ты, дура, сама не знаешь, что врешь; сорок лет — лучший возраст в жизни.

Саша. Для приятеля, а не для жены. Знаете ли, сударь, как опасно жениться в эти лета?..

Лет двадцать пять себя моложе
Когда старик жену возьмет,
Она вертеть его начнет,
Дурачить всячески... и что же?
Как бедный муж ни будь упрям,
Но прогневить жену боится,
Во всем покорен ей, а там...
А там, кто знает, что случится?

Радимов. А если ты будешь еще мешаться не в свои дела, так я знаю, что случится с тобою.

Саша. Что бы ни случилось, а я никогда бы не вышла за Репейкина, потому что...

Радимов. Потому что ты совсем от рук отбилась. Добро, голубушка! Сегодня же отошлю тебя к матери; я не хочу, чтоб ты жила здесь для того только, чтоб поминутно спорить со мною.

Саша. Как же, сударь?

Радимов. Да вот так же. Я приставлю к Наденьке другую горничную.

Наденька. Но, батюшка...

Радимов. Но, дочка, изволь проститься с нею.

С а ш а.

Ах, сударь, ради бога!..

Р а д и м о в.

Нет, я терпел уж много;

Накажешься ты строго.

Пошла скорей

И впредь не смей

Ты знать моих дверей

И моего порога.

С а ш а.

Да что же сделала я вам?

Р а д и м о в.

Пошла! Ты мне уж надоела.

Н а д е н ь к а.

Но что ж ей делать будет там?

Р а д и м о в.

Уж мне до этого нет дела.

С а ш а.

Ах, бог мой, что за кутерьма!

Как матушке я покажуся?

Но все скорей сойду с ума,

Чем старика любить решуся!

Н а д е н ь к а.

Ах, бог мой, что за кутерьма!

Я спорить с батюшкой боюсь;

Но все скорей сойду с ума,

Чем быть за стариком решуся.

Р а д и м о в (Саше).

Ты хочешь свести меня с ума...

Пошла! Не то я рассержуся;

И если не пойдешь сама,

Тебя я вытолкать решуся.

} Вместе.

Явление III

Т е ж е, кроме Саши.

Н а д е н ь к а. За что прогнали бедную Сашу?

Р а д и м о в. Я имел на это свои причины, которых тебе знать не нужно. Однако ж, Наденька, поговорим о деле. Тебе семнадцать лет, не пора ли в самом деле подумать о муже? Я спрашиваю тебя не шутя.

Наденька.

Я скажу вам не шутя,
Что над сердцем я не властна.
Как дитя, любовь прекрасна
И капризна, как дитя.
Планы мы себе готовим,
А любовь смеется им;
Ловит нас, когда бежим,
И бежит, когда мы ловим.

Радимов. Ловит нас! Мы ловим!.. Это все злодейка Саша ее научила.

Явление IV

Те же и слуга.

Слуга. Господин Репейкин приехал.

Радимов. Насилу дождался дорогого гостя. Да что ж он нейдет?

Слуга. Изволит доставать из коляски доморощенных диких уток, которых привез вам в гостинец.

Радимов. Смотри, пожалуй, какой проказник! Проси сюда.

Слуга уходит.

Наденька, не принарядиться ли тебе для гостя? Он человек со вкусом, и надобно ему понравиться.

Наденька. Если вам угодно, я оденусь.

Явление V

Радимов (*один*). Ох, боюсь я, что Лионский помешает моему плану; кажется, он не противен Наденьке. Хорошо еще, что я отказал ему от дома и прогнал Сашу: эта разбойница вечно за него заступалась... Однако ж если Наденька влюблена в него, если она будет несчастлива... Да нет! Это пустяки.

Беда, когда неосторожно
Мы увлекаемся страстями!
Итак, для их же пользы должно
Смотреть построже за детьми.
Притом для женщин мало значит
Влюбиться, разлюбить шутя;

В день свадьбы пусть невеста плачет,
Лишь бы смеялась день спустя.
Репейкин все-таки нейдет.

Слышен выстрел.

Явление VI

Радимов и Репейкин с ружьем в руках.

Радимов. Что значит этот выстрел? Кажется, в приходежей... никто не ранен?

Репейкин. Ничего, ничего, успокойся, любезный Радимов. Это я, проходя через лакейскую, вижу ружье, оно показалось мне хорошо, беру его; между тем...

Коршун по двору летает.

Я, чтоб не было греха,

Целюсь — паф!.. Ружье стреляет...

Радимов.

И попало?

Репейкин.

В петуха.

Коршун тотчас испугался;

Замертво петух упал...

Радимов.

Но он сам тебе попался,

А не ты в него попал.

Репейкин. Это несчастный случай. Однако ж поздравляю тебя. Ружье славное: я знаток. Обнимемся, старый друг мой.

Радимов. Пожалуй; да я поджидал тебя к завтраку.

Репейкин. Не беспокойся; во-первых, я терпеть не могу завтраков с тех пор, как проиграл две тяжбы.

Судей я славно угощал:

Они меня благодарили;

Я часто завтраки давал:

Они все завтра мне сулили.

Я ждал решительного дня,

И что ж? Соперник оправдался;

С меня же взяли штраф, и я

На завтраках одних остался.

А во-вторых, мой проклятый извозчик был мертвецки пьян, едва сидел на козлах; я, наконец, выхожу из терпения и решаюсь... угадай на что? Решаюсь сам сесть на

козлы... Ты знаешь, что я правлю мастерски... Пошел, да пошел! Коляска набок, а я здесь налицо.

Радимов. И никто не убился?

Репейкин. Почти никто. Правда, извозчик стукнулся лбом в забор, но, к счастью его, я знаток в медицине; дал ему примочку да красненькую за труды: до свадьбы заживет.

Радимов. Он, я думаю, очень благодарен тебе.

Репейкин. Не за что; мы все люди — должны помогать друг другу... Кстати, я уж осмотрел твой дом.

Радимов. Как! Уж успел?

Репейкин. Да много ли времени на это нужно? О! Я родился быть архитектором; это настоящее мое назначение. Конюшня твоя никуда не годится: ее должно переставить. Оранжереи вовсе не надобно; я заведу тебе паровую тепличку. Дай срок, любезный, ты сам не узнаешь своей подмосковной.

Радимов. Помилуй, братец, не успел приехать и хочешь все ломать и строить.

Репейкин. Польза моих друзей для меня дороже собственной.

Радимов. О! Ты со всеми дружен.

Репейкин. Но Радимов останется всегда моим лучшим другом.

Радимов. В этом я уверен... Однако ж поговорим о важнейшем нашем деле.

Репейкин. Хорошо, хорошо; только у меня есть еще до тебя просьба.

Радимов. Что там такое?

Репейкин. Мне попалась на дворе прехорошенькая девушка. Она вся расплакана и говорит, что ты гонишь ее из дому.

Радимов. Гоню, и за дело.

Репейкин. Да у ней пресмирное личико.

Радимов. Очень жалею.

Репейкин. Полно, полно; дай мне обделать это.

Радимов. Да почему ты так за нее заступаешься?

Репейкин. Я? Ни почему; я ее вижу в первый раз отроду, но, знаешь ли, как приятно эдак уладить что-нибудь.

Радимов. Ты не знаешь, что она сделала.

Репейкин. На что мне знать? Что мне мешаться в чужие дела? Верно, какие-нибудь любовные шашни, не

правда ли? Да что толковать об этом! Дело решено. Да? Ты согласен? Она останется здесь? Нельзя же, чтоб ты отказал мне в первой моей просьбе. Ну, бей по рукам! Ведь ты больше не упрямисься?

Радимов. Если тебе непременно хочется. (*В сторону.*) Не стал бы он после пенять на себя. (*Вслух.*) Поговорим о нашем деле-то.

Репейкин. Да, да, поговорим о моем деле. Я же-нюсь на твоей дочери!

Явление VII

Те же и садовник.

Садовник. Уймите, сударь, вашу собаку: она перемяла все гряды и заела трех кур.

Радимов. Какая собака?

Репейкин. Я привез с собою; датская собака моего приятеля. Он просил меня выдрессировать ее; аршина полтора от земли; славной породы. Она тебе пригодится.

Воров ужасно много стало
Везде, куда ни оглянись;
И потому бы не мешало
Тебе собакой запастись.
Она хотя не забияка,
Но славный сторож по ночам...

Садовник.

Да если все поест собака,
Так что ж останется воров?

Потрудитесь покликать ее; она вас знает.

Репейкин. Дурак! Она меня знает столько же, как и тебя. Говорят тебе, что это не моя собака; покличь ее Вулканом.

Радимов. Пока вы рассуждаете, она продолжает душить моих кур. Пошел, привяжи ее скорее.

Репейкин. Не забудь: ее кличут Вулканом.

Явление VIII

Те же, кроме садовника.

Репейкин. Этот дурак помешал нам... о чем бишь мы заговорили? Да! Ты выдаешь за меня свою дочь.

Радимов. Да, братец; это было всегда мое любимое желание, и я ждал только, чтоб она вошла в лета.

Репейкин. Милый Радимов!

Радимов. Мы не станем более разлучаться и проведем старость вместе; будем вспоминать друг другу про нашу молодость. Как это приятно!

Мой друг, стихи поэта
Люблю я повторять:
«Под старость детски лета
Утешно вспоминать».
С улыбкой обращаться
На свой прошедший путь:
Вот средство наслаждаться
И время обмануть.

Репейкин.

Всему на свете мера,
Все будет жертвой дней,
Но дружба и мадера
Чем старе, тем вкусней.
Друзей своих держаться,
Винца подчас хлебнуть:
Вот средство наслаждаться
И время обмануть.

Радимов. Мне не надобно зятя лучше тебя; ну, а дочь мою ты знаешь; в три года она еще более похорошела, только молода немного.

Репейкин. Пустяки! Пустяки! Не моложе меня! Молодость в голове; мне до сих пор двадцать лет, и я, верно, влюблюсь в нее по уши... Да, кстати: знает ли она о наших намерениях?

Радимов. О нет! Я слегка намекал ей; хочу, чтоб ты сам понравился; притом же девушкам не говорят вдруг о замужестве, должно их приготовить.

Репейкин. Так мы приготовим ее; ты совершенно прав, и я, верно, понравлюсь.

Явление IX

Те же и слуга.

Слуга (*тихо Радимову*). Все готово, сударь.

Радимов. Хорошо... Прощай, покамест отдохни немного; у меня есть дельце. Смотри же, постарайся понравиться без меня.

Репейкин. Это решено, не беспокойся.

Радимов. Оно так, да я что-то плохо на тебя надеюсь.

Репейкин. Полно! Полно! Что-ты?

Я на это деликатен;
Ты увидишь по делам,
Что жене тот муж приятен,
Кто все любит делать сам.
Обо всем в дому хлопочет,
Не дает жене гулять,
И в свои дела не хочет
Постороннего мешать.

Радимов. Однако ж иногда лучше сидеть сложа руки.

Явление X

Репейкин (*один*). Пусть его говорит, что хочет; все пойдет наыворот, ручаюсь головою... Какой беспорядок! Вижу, что без меня дело не обойдется. К чему этот цветник?.. Что за вздор! Часы бегут, и никто не поправит: им своя воля — ври что угодно. (*Переставляет стрелки; пружина лопается.*) А! Ничего: пружина только лопнула... (*Передвигает стол и стулья.*) Право, точно у нас в Путивле: без меня ничего не сделают; измучили нонешнюю зиму; зато уж и любят меня, да и не мудрено — за всем смотрю один.

Явление XI

Репейкин и Саша.

Саша. Ах, сударь, как же я вам благодарна!

Репейкин. Дело твое сделано; только, черт возьми, порядочного труда мне стоило: Радимов и слышать не хотел о тебе. Да счастье твое, что я лучше его знаю, что он должен делать. Ну, что ж? Ты очень рада?

Саша. Как же, сударь.

Репейкин. Нет ли еще чего на душе? Мне говори смело.

Саша. Я боюсь вам наскучить.

Репейкин. Мне наскучить? Напротив, это веселит меня. Говори же, в чем дело. Нет ли какой любвишки? Ась? Верно, есть?.. А право, она прехорошенькая. (*Берет ее за подбородок.*) Девушка хоть куда, ей-богу.

С а ш а. Полноте, сударь, не трогайте меня.

Репейкин (*берет ее за руку*). Колечко, да еще золотое; славное колечко; верно, от милого человека... Продолжай рассказывать мне свою сказку.

Любовные люблю я сказки;
Скажи подробно, Саша, мне,
Как начала ты делать глазки,
Как милый отвечал тебе?

С а ш а.

Сказала б я, да уверяют,
Что сказка эта страх длинна.

Репейкин.

Ах, милая, а все скучают,
Когда окончится она.

Явление XII

Т е ж е и И в а н.

С а ш а. Ах, сударь, вот она.

Репейкин. Кто она?

С а ш а. Моя сказка.

Репейкин. Какая сказка? Что ты врешь?

С а ш а. Ну да тот, о ком мы говорили... в кого я... нет, бишь, кто в меня влюблен.

Репейкин. Право? Что ж? Малый хоть куда. Кто ж вам мешает обвенчаться?

С а ш а. Кто? Барин.

Репейкин. Неужто? Да посмотри, посмотри: он манит тебя. Поди сюда, голубчик; не бойся, при мне все можно говорить. Ведь ты любишь Сашу? Ась?

И в а н. Люблю, сударь; видит бог, люблю.

Репейкин. Ну, так будьте покойны... Да зачем проклятый Радимов тут мешается? Ох, мне уж этот Радимов! Во все путается! И что ему за дело? Кто его спрашивает?

С а ш а. Да вот, видите ли, сударь: Иван служит у господина Лионского, вот что живет в нашем селе; ну, знаете, маленький домик с зелеными ставнями?

Репейкин. Как не знать! Я тотчас заметил — славный домик. Только его надобно сломать: стоит не на месте.

С а ш а. Вчера за какой-то лес, не знаю хорошенько, господин Радимов отказал Лионскому от дома.

Репейкин. Как! Таки совсем отказал? Наотрез?

С а ш а. Наотрез.

Р е п е й к и н. Экий бестолковый! Ссорится с соседями, где это видано? Я непременно хочу уладить это дело... Да, право, мне кажется, что Радимов сошел с ума.

И в а н. Кто его знает! А барин мой так огорчился, что жалко видеть. Посмотрите, вот он стоит, задумавшись, там у калитки.

Р е п е й к и н. Кто? Тот молодой человек? Вижу. Пойди, я поговорю с ним, узнаю, с чего Радимов вздумал... Ну, брат Радимов, хорошо, что я приехал вовремя.

Явление XIII

Т е ж е, кроме Репейкина.

С а ш а. Что, Ваня, каков этот приезжий барин? Он хочет нас женить.

И в а н. Нечего сказать, славный малый.

С а ш а. Ах! Как весело будет венчаться! Все выбегут на улицу смотреть, как мы поедем; все станут нам завидовать: и девушки... которые еще девушки, и вдовы, которые напрасно дожидаются женихов, и, может быть, многие замужние.

Начнутся песни, игры, пляски;
Желанье сбудется мое,
И я тебе позволю ласки
И много кой-чего еще.
Ты все оставишь волокитства;
Я также буду помирней...
Ну, право, хоть из любопытства,
Мне замуж хочется скорей.

И в а н. То-то славно мы заживем с тобою! Я ведь знаю секрет, как жить счастливо в женитьбе. Каков же я!

С а ш а. Ты знаешь? Ну, расскажи-ка мне.

И в а н. Пожалуй.

Обещайся быть верна,
Брось господское кокетство,
Будь послушная жена...

С а ш а.

Но скажи мне к счастью средство?

И в а н.

Вот оно и всех верней:
Самоу, без всяких шуток,
Мужем быть жены своей
И отцом своих малюток.

С а ш а. Скажи, пожалуй! А я думала, что все знают это средство.

И в а н. И знают, да не все им пользуются.

С а ш а. Тс! Тише. Вот барышня.

Явление XIV

Т е ж е и Наденька.

Наденька. Ах, Саша, как я рада, что батюшка простил тебя... Однако ж скажи мне, что сделалось с Репейкиным? Он попался мне в саду, едва кивнул головой и пустился бежать.

С а ш а. Не беспокойтесь, сударыня; он скоро воротится.

Наденька. Но это, кажется, Иван?

И в а н. Точно так-с.

Наденька. А я тебе запретила говорить с ним! *(Тихо Саше.)* Спрашивала ли ты его о Лионском? Где он? Что делает? Что же ты с ним не говоришь?

С а ш а. Все идет как нельзя лучше: господин Репейкин побежал за ним.

Наденька. Как? Ты сказала ему?

С а ш а. Ничего; он мне не дал слова сказать, увидел Лионского... Видно, они знакомы, потому что Репейкин побежал к нему. Да вот и они. *(Уходит с Иваном.)*

Явление XV

Наденька, Репейкин и Лионский.

Репейкин. Я говорю вам, что нечего бояться. Войдите. Экий какой! Уж когда я ручаюсь вам за хозяина...

Наденька *(в сторону)*. Я не знаю, что мне делать.

Репейкин. Вообразите, что Радимов с ним было поссорился. Он не смел идти сюда, и если бы я не взялся за это...

Лионский. Признаюсь, сударыня, что после слов вашего батюшки...

Репейкин. Полно, полно! Есть о чем толковать; маленький каприз; это прощается между друзьями; при том же вы уступаете лес, и Радимов нехотя должен согласиться... Вы видите, что здесь есть кому заступиться за вас.

Наденька. Конечно, есть кому.

Репейкин. Скажите-ка мне лучше, что это вы делали там, под большим деревом?

Лионский. Как? Стало, вы видели?

Репейкин. Видел ли я? Разумеется, видел.

Лионский. Я мечтал...

Репейкин. Нет, сударь, вы не мечтали, а держали в руках...

Лионский. Книгу.

Репейкин. Альбом, сударь; вы спрятали его, когда я пришел.

Лионский. Да, я перечитывал.

Репейкин. Пустяки! Пустяки! Вы не перечитывали, а писали.

Лионский. Точно, некоторые замечания...

Репейкин. Вы писали стихи, полноте записаться.

Лионский. Когда вы сами видели...

Репейкин. Точно! Я был в этом уверен; верно, какой-нибудь чувствительный романс. Покажите, покажите: это по моей части. (*Тихо Лионскому.*) Вы влюблены? Да? Признайтесь откровенно, скажите мне все. (*Тихо Наденьке.*) Он влюблен.

Наденька. Неужели в самом деле?

Репейкин. Помилуйте, я тотчас догадался; я узнал по лицу! О! Меня не обманете.

Лионский. Нечего делать, я должен признаться.

Так признаюсь чистосердечно,

Что я без памяти влюблен,

Что я любить клянуся вечно,

Хоть буду вечно разлучен.

Моя душа лишь одного желает:

Любовью жить и умирать.

Пусть счастливый любовник изменяет,

Несчастные не могут изменять.

Им ветреность счастливых непонятна,

Влюбившись, им нельзя влюбиться вновь;

Тоска питает в них любовь,

И смерть за милую приятна.

Репейкин. Ну, бог знает еще — приятна или нет! А как зовут предмет вашей страсти?

Лионский.

Еще любви своей открыть

Я не осмелился пред нею;

И я могу ее любить,
А называть ее не смею.
Репейкин (*Наденьке*). Сам признается, что влюблен! (*Ему*.) А хороша ли она?
Лионский.

Любви несмелой похвала,
Поверьте, будет ей напрасна;
Она по красоте мила
И по милу она прекрасна.
Репейкин (*Наденьке*). Знаю, знаю! По хорошему мил, по милу хорош; это и про меня часто говаривали.
Наденька (*в сторону*). Какое положение!
Репейкин (*Лионскому*). Ну, верно, есть талант?
Лионский. Прекрасный голос!
Репейкин (*Наденьке*). У них у всех прекрасные голоса!.. Итак, вы ее очень любите?
Лионский. Более жизни!
Репейкин (*Наденьке*). О! О! Да это страстная любовь.

Наденька. Вы думаете?
Репейкин. Поверьте мне: я в этом знаток.
Наденька (*в сторону*). Можно ли не любить его!
Репейкин. Да зачем же вы не откроетесь? Знаете ли, молодой человек, что в любви должно быть как можно смелее? И не стыдно ли военному бояться девушки!
Лионский.

Кто горит любовью страстной,
Должен тот всегда робеть;
Взор всеильный, взор прекрасный
Может все ему велеть.
Дух, в боях неустрашимый,
Часто словом уstraшен
И, никем непобедимый,
Взглядом милой побежден.
Можно ль выразить словами,
Что лишь чувствовать привык?
Нет! Влюбленному богами
Дан особенный язык.
Душу он с душой сближает,
Розой на щеках горит,
Взглядом сердце выражает
И молчаньем говорит.
Репейкин. Оно все так; да молчание не всегда бывает понятно.

Лионский. Признаюсь также, что мне мешали открыться; есть такие люди...

Репейкин. Да, которые вечно вмешиваются в чужие дела и все портят. Есть, точно, есть; и можно ль поручиться, что теперь кто-нибудь нас не подслушивает. Все двери отворены, есть ли возможность поговорить о деле! (*Подходит к двери кабинета.*) Вот эта вовсе не запирается. (*Вертит ключ и входит в кабинет.*)

Лионский. Если б я смел... сударыня... извините...

Репейкин (*из-за двери*). Отворите, отворите, меня захлопнуло дверью.

Лионский. Извините смелое признание мое. Так я люблю, обожаю вас; решите участь мою одним словом...

Репейкин. Да выпустите ли вы меня!

Лионский отпирает ему дверь.

Ну что ж, лучше ли вам теперь?

Лионский. Гораздо лучше.

Репейкин. Так вы еще не открылись в любви?

Лионский. Нет, сударь, я открылся, но не получил еще ответа.

Репейкин. Вам не отвечали? Напрасно; должно всегда отвечать что-нибудь.

Лионский. Время не позволило; случаи так редки!

Репейкин. О! Стоит только захотеть, и они будут очень часты; да вот недалеко искать: я однажды преспокойно объяснился в любви да еще при моем сопернике. Знаете ли что? Поручите мне это дело и вы увидите, что все улажу, как должно. Что там такое? (*Смотрит в окно.*) Смотри, пожалуй! Они затеяли садку без меня. Хорошо, господа, прекрасно. Ах, батюшки мои! Волк уйдет от них!.. Тотчас ворочусь; случаи так редки... Эй, Вулкан! Вулкан! Venez-ici! ¹ Ату его! Ого! Ого!

Явление XVI

Те же, кроме Репейкина.

Наденька. Как! Он оставил нас одних.

Лионский. Позвольте мне хоть теперь узнать судьбу мою.

¹ Сюда! (*франц.*).

Наденька. Ах, боже мой, я не знаю, что вам отвечать... я в таком замешательстве!..

Лионский. Одно ваше слово делает меня или счастливейшим, или несчастнейшим человеком в свете.

Наденька. Но если узнает батюшка... нет, я не могу вам ничего сказать.

Лионский. По крайней мере, позвольте мне надеяться, что со временем...

Наденька. Со временем... Кажется, батюшке нельзя за это сердиться... Да, со временем вы можете... но идут...

Явление XVII

Те же и Саша.

Саша. Уйдите, уйдите скорей: батюшка идет.

Наденька. Батюшка!

Лионский. Я не смею теперь показаться ему, но после...

Наденька. Ах, я забыла сказать вам, что батюшка хочет...

Саша. Хорошо, хорошо, я все расскажу, только уйдите, ради бога!

Убегают в разные стороны.

Явление XVIII

Радимов, Репейкин и охотники.

Хор охотников.

Где это видано, чтоб всякий
Чужого зверя смел ловить?
И волка датскою собакой
Кому позволено травить?

Радимов.

Вы, верно, сударь, позабыли,
Что волк не вами пойман был...

Репейкин.

Вы два часа его травили,
А я в минуту затравил.

Хор охотников.

Нигде не видано, чтобы всякий
Чужого зверя смел ловить.

И волка датскою собакой
Вперед не смейте вы травить.

Радимов. Ну, что за шутки, братец, напустить преглупую собаку на такого славного волка.

Репейкин. Что ж? Ты, верно, собирался посадить его за стекло?

Радимов. Нет; да всему ведь есть пределы...

Репейкин. Я не понимаю этих тонкостей. Ты охотился; зачем ты охотился? Чего тебе хотелось?

Радимов. Мне хотелось повеселиться... убить время...

Репейкин. Неправда, тебе хотелось убить зверя, а мне удалось прежде тебя.

Радимов. Да на это держат борзых собак; вся губерния знает, каково скачут мои.

Репейкин. А моя, небось, дурно скачет! Выскочила в окно, наскочила на волка и задушила его.

Радимов. И хозяин и собака сговорились бесить меня.

Но, одурачивши нас, можно
Тебе прощенья попросить.

Репейкин.

Нет! Без меня вам и не должно
И думать волка затравить.
Но, впрочем, мне до вас нет дела,
И я заметить лишь хотел,
Что я во всем собаку съел!

Радимов. Твоя собака волка съела.

Репейкин. Впрочем, извольте. Я виноват, и вперед пусть волк поест ваших собак, вас самих, пусть уйдет, — я не помешаю ему; полноте сердиться, вот лучше выпейте за мое здоровье. *(Дает им денег.)*

Хор охотников.

Теперь ни слова мы не скажем,
Признался он в своей вине;
Его невинность мы докажем,
Потопим злость свою в вине. *(Уходят.)*

Явление XIX

Радимов и Репейкин.

Репейкин. Однако ж, Радимов, уговор лучше денег: я сердит на тебя, ты сердит на меня, вот мы и квиты; поцелуемся теперь.

Радимов. Нет! Нет!

Репейкин. Экий какой! Ведь я прощаю, последуй моему примеру... О! Да он презлопамятный, из себя выходит... Да ты с душком. Смотри, эдак недолго и занемочь. *(Щупает у него пульс.)* Большое волнение, очень большое. Мы это уладим. Я хочу серьезно заняться исправлением твоего нрава.

Радимов. С тобой поневоле засмеешься. *(Хочет сесть, но мебель не на месте.)* Прошу покорно, что за беспорядок в комнате? Это, верно, опять твои штуки; хотелось переставить... А мои часы... *(Идет к часам.)*

Репейкин *(удерживает его)*. Постой, не трогай; говорят тебе, не трогай. Я знаю, что ты пренеловкий. Вы в деревне никогда не знаете, который час... Большая пружина лопнула, поставят другую, вот и все тут; положишься уж в этом на меня.

Радимов. Согласись, что я имел бы право рассердиться в самом деле, потому что тебя невозможно исправить.

Репейкин. Так вот тебе доказательство, что я послушлив по крайней мере... *(Хочет поставить мебель на прежнее место.)*

Радимов его удерживает.

Тебе ж в угодность я хотел
Уставить мебель так, как должно.

Радимов.

Ты мне уж, право, надоел;
Иль отдохнуть тебе не можно?

Репейкин.

Я для тебя же хлопочу.
За всем присматриваю строго,
Поставить к месту все хочу...

Радимов.

Тебе работы будет много.

Репейкин. Кстати, дай слово, что не будешь браниться; у меня есть до тебя просьба, и мне бы не хотелось просить понапрасну.

Радимов. Ну, так и быть, только говори скорее.

Репейкин. У тебя есть ссора с соседом, с Лионским.

Радимов. Как! Ты уже знаешь?

Репейкин. Да есть ли что-нибудь, чего бы я и не знал? Всею причиною чересполосная роща.

Радимов. Ну да.

Репейкин. Я хочу уладить это дело.

Радимов.

Я прежде был с ним дружен:

Жил мирно восемь лет,

Но мне теперь не нужен

Привязчивый сосед.

За рошу он недавно

Стал есть меня, как моль,

И насолил мне славно

За всю мою хлеб-соль.

И прошу тебя не мешаться в это дело. Я не хочу, чтобы ты...

Репейкин. Чтобы я напрасно беспокоился? Дело кончено.

Радимов. Как кончено?

Репейкин. Да он уступает тебе лес, и уже я приведу его сюда.

Радимов. Что ты? Я не хочу его видеть.

Репейкин. Прошу, сударь мой, не делать со мной этих штук. Лионский прекрасный молодой человек, и когда я сказал ему, что ты прислал меня...

Радимов. Как! Ты сказал?.. Однако ж я вижу, что ты не последний чудака.

Репейкин. Да, сударь, я ему сказал, и он принял меня преучтиво, преласково и преблагородно. Он даже расхвалил тебя. Это очень похвально с его стороны; нельзя же тебе не согласиться, что это очень похвально.

Радимов. Оно все так, но...

Репейкин. Но я говорю тебе, что это похвально, очень похвально. Он так уважает тебя...

Радимов. Нечего делать... поневоле должно принять его. Но что за необходимость тебе мешаться в это дело? Неужли ты вечно будешь... (*Хочет понюхать табак.*)

Репейкин (*отнимает табакерку*). А! Портрет покойницы; большое сходство, только глаза я не так бы сделал... А знаешь, это пресчастливая мысль списать портрет для табакерки.

Тебе, мой милый, подражая,
Велю с жены портрет списать;
Пусть табакерка золотая
Ее мне будет вспоминать.
Оно и ловко и опрятно...

Притом же дома и в гостях
Для мужа всякого приятно
Всегда жену держать в руках.

Радимов. Да у тебя еще нет жены; ты даже и не открылся еще в любви своей невесте.

Репейкин. Не беспокойся, не твое дело. Насчет любви я могу быть твоим учителем.

Радимов. Делай что хочешь, если успеешь. *(В сторону.)* Я не вижу никакого средства его исправить, он час от часу хуже. *(Уходит.)*

Явление XX

Репейкин *(один)*. Удивлю ж я его. Когда он за все сердится, так я ни во что более не стану мешаться: пусть их сидят, ходят, плачут, смеются. По мне хоть трава не расти. Если дом загорится... Желал бы, право, чтоб он загорелся! Я не тронусь с места... Да ведь я таков, когда решусь на что-нибудь... *(Ложится в кресло и поет.)*

Пускай идет, как хочет, свет!..

Явление XXI

Репейкин и Саша.

Саша. Не знаете ли, сударь, где барин?

Репейкин *(продолжает петь)*.

Мне все равно, мне дела нет.

Саша. Не видали ли вы его?

Репейкин. Не видал ли я? Кого? Зачем ты меня спрашиваешь? Разве ты не знаешь, что я слеп.

Саша. Неужто?

Репейкин. Да, да. У меня глаза на то, чтобы не видеть, уши, чтоб не слышать, язык, чтоб не говорить, руки, чтоб ничего не трогать. Я — человек мертвый; говорят тебе, что я умер. Затверди это хорошенько и не тревожь костей моих.

Саша. Да вот, изволите видеть, наш повар хочет спросить барина, как изготовить уток, что вы привезли.

Репейкин *(вскакивает)*. Повар спрашивает, как изготовить! Кого он спрашивает? Имеет ли он хоть малейшее понятие об утках? Он не имеет никакого понятия!

Саша. Право, сударь, не знаю; с моей стороны...

Репейкин. Постой! Постой! Дай срок, ты увидишь.

Саша. Как! Стало, вы умеете и кушанье готовить?

Репейкин. Надеюсь, что этому стоит поучиться. Пусть Радимов увидит мое искусство: вот случай поминуться.

Явление XXII

Саша, потом Лионский.

Саша. Ну вот! Теперь он сделался поваром; на все годен... Ах! Это вы, сударь.

Лионский. Скажите мне, милая, где Репейкин? Мне нужно с ним поговорить.

Саша. Он сейчас вышел, я кликну его. *(Уходит.)*

Лионский *(один)*. Кажется, после участия, которое он оказал мне, я обязан с ним посоветоваться; надобно только быть осторожнее... Если бы я не боялся ее отца...

Явление XXIII

Лионский и Репейкин в колпаке и фартуке; нож за поясом и книга в руках.

Репейкин. Добро пожаловать! Знаете, когда мне сказали, что вы меня спрашиваете, ничто не могло удерживать меня; я тотчас прибежал, хотя внизу пропасть дела... Кстати, каково идут наши дела? Я говорю наши. Это вам не противно?

Лионский. Напротив, я вам очень благодарен. Я виделся с нею.

Репейкин. И открылись в любви?

Лионский. Я последовал вашим благоразумным советам.

Репейкин. Хорошо, очень хорошо! *(В сторону.)* Моим благоразумным советам! Да он преумный, право, преумный. *(Вслух.)* Мы открылись? Само собою разумеется, что нас любят, что ж мы будем теперь делать?

Лионский. Я думаю, что должно писать к отцу.

Репейкин. Прекрасно! Это непременно должно.

Лионский. Вот что я написал.

Репейкин *(читает про себя и рвет письмо)*. Посмотрим, посмотрим!

Лионский. Что же вы делаете?

Репейкин. Что надобно. Пречувствительное пись-

мо; вы обожаете, умираете, все это прекрасно, — и вы думаете, что отец сжалится и наденет по вас траур?

Лионский. Может ли он противиться моей любви?

Репейкин. Он будет противиться; увидите, что будет.

Лионский. Как, вы думаете?

Репейкин. Я ничего не думаю, я уверен.

Лионский. Неужели он отдаст свою дочь за человека, которого она не любит; это будет вовсе безрассудно.

Репейкин. Да разве отцы что-нибудь понимают? Это пребестолковый народ. Вы хорошо придумали написать к отцу, но письмо ваше никуда не годится, совершенно никуда.

Лионский. Что же мне делать?

Репейкин. Садитесь к столу, вот чернила, бумага. Я вам продиктую.

Лионский. Я не знаю, как благодарить вас.

Репейкин (*очинив перо*). Пишите; я знаю этих отцов наизусть... Прежде всего скажите: богаты ли вы?

Лионский. Но деликатность...

Репейкин. Деликатность не имение; богаты ли вы?

Лионский. У моего дяди тысяча душ, а я наследник.

Репейкин. Прекрасно! Каких лет ваш дядюшка?

Лионский. Ему лет семьдесят.

Репейкин. Все равно, что умер. У вас тысяча душ... Что ж за вздор вы мне наговорили.

Лионский. Но дядя мой жив еще.

Репейкин. Говорят вам, что он умер. Разве он не должен умереть? И не ему чета умирают. Это очень дурно, что вы не переделаете этого... Теперь начните письмо, говорите о своей любви. Посмотрим, что вы скажете?

Лионский (*пишет*). «Милостивый государь, я не мог видеть равнодушно вашу дочь...»

Репейкин. Пишите: «Смею надеяться, что и она меня любит».

Лионский. Как можно, сударь?..

Репейкин. Можно и должно.

Лионский (*пишет*). «Смею надеяться, что мои чувства ей не противны».

Репейкин. Ну, будь по-вашему. «Я имею хорошее состояние, в скобках — тысячу душ».

Лионский. Но...

Репейкин. Пишите, что вам говорят, это одно может решить отца в вашу пользу. Я знаю, что делаю.

Лионский (*пишет*). «Я остаюсь наследником тысячи душ...»

Репейкин. «Я уверен в согласии моих родных и смею требовать руку вашей дочери» и т. д. и т. д. (*В сторону.*) Не забыть бы другого дела. Поваренная книга... об утках... наконец нашел!..

Лионский. Что же мне еще должно делать?

Репейкин. «Ощипи уток, выпотроши и опали слегка, наблюдая, чтоб не осталось ни пушков, ни пеньков; оправь, слбжи им ноги и зашпиль».

Лионский. Но, сударь...

Репейкин. «Изруби немного корки со свежего лимона». А! Вы написали? Это еще не все: у нас есть соперник, не правда ли?

Лионский. Да сударь.

Репейкин. Что он за человек?

Лионский. Не знаю, я его не видывал.

Репейкин. Все равно, будто мы его знаем. *Post scriptum*: «В кастрюлю положи три полных соусных ложки...» Виноват, не тем голова занята. Пишите: «Я знаю, что вы обещали руку вашей дочери другому, но он человек благородный...» Пишите, это похвала сопернику, и, стало быть, отец, который его выбрал, также благородный человек. «Он обещал мне отказаться от вашей дочери, когда узнает, что мои искания вам не противны».

Лионский. Но как же я могу сказать, что он обещал, когда я его в глаза не знаю?

Репейкин. Все равно, все равно; он человек благородный, не правда ли? А какой благородный человек поступит иначе? Пишите, я непременно хочу. Вы прочтете мне после. Не могу надивиться сам себе: в одно время диктую письмо и обдумываю обед.

Лионский (*читает*). «Я знаю, что вы обещали руку вашей дочери другому, но он человек благородный; он обещал мне отказаться от вашей дочери, когда узнает, что мои искания вам не противны».

Репейкин. Хорошо. Сверните письмо, отправьте его, и поздравляю вас с успехом... «Дай соусу вскипеть однажды...»

Лионский. Ах, сударь, будьте уверены в моей благодарности.

Репейкин. «...и положи под уток». Хорошо, хорошо, ступайте.

Лионский. Нет, я не хочу ничего скрывать от вас; узнайте, в кого я влюблен, кто этот отец...

Репейкин. А к чему бы это? Что мне нужды? Я не любопытен: делаю добро из удовольствия. Впрочем, какое мне дело до этого? Разве я мешаюсь в чужие дела, где меня не спрашивают? Отнесите-ка лучше письмо: это всего нужнее. Счастливый-пути!

Лионский.

Так он, конечно, счастлив будет;
Так будет путь в пути моем!
Лионский вечно не забудет,
Кто помогал ему во всем.
Теперь от радости, от счастья,
Одно могу лишь вам сказать,
Что век без вашего участия
Моей бы свадьбе не бывать. (*Уходит.*)

Явление XXIV

Репейкин, потом Саша, после Наденька.

Репейкин. Вот еще одолжил человека. Да этот малый умный: слушает мои наставления, исполняет мои советы... Однако пойти мне надо на кухню.

Саша (*вбегая*). Лионский пошел от вас в большой радости, но барышня идет сюда. Не худо бы вам и с нею поговорить: она хочет сказать вам что-топреважное.

Репейкин (*снимая колпак и фартук*). Хорошо, хорошо, надобно кончить мне мое любовное изъяснение. Я уверен в успехе, да этот проклятый Радимов пристал как с ножом к горлу.

Саша (*Наденьке*). Будьте смелей, сударыня. Скажите ему все. Он поговорит с батюшкой и уладит дело: он на это мастер.

Наденька. Зная ваше снисхождение, ваше доброе сердце...

Репейкин. Полноте, сударыня, это ничего не значит, совершенно ничего. (*В сторону.*) Дела мои идут хорошо.

Наденька. Слышала, что вы сделали сейчас для человека, вовсе вам незнакомого, я хотела...

Репейкин. Кстати, об этом: дело сделано. Я говорил с Радимовым, он согласен с ним видаться.

Наденька. Как, сударь! Батюшка согласен?..

Репейкин. Разумеется, но это еще не все. Девушка, в которую он влюблен... вы знаете?

Саша. Да, да, мы знаем.

Репейкин. Дело сделано: он женится на ней.

Наденька. Женится!

Саша. Вот подлинное счастье!

Репейкин. Да, я все уладил. Только чего ж мне и стоило! Отец, кажется, преупрямый; хорошо, что я умел приняться за него, а он имел уж в виду другого зятя. Жених, верно, был какой-нибудь чудак. Знаете, брак по расчетам нынче только и видишь в свете. Хорошо, что я вступился, а то бедную девочку погубили бы ни за что ни про что.

Наденька. Она, верно, никогда не забудет, чем вам обязана. Это было бы слишком неблагодарно.

Саша. Да, сударыня, не должно быть неблагодарной.

Репейкин. Я награжден за все мои хлопоты, если вы одобряете их. Я уверен, что вы их одобрите; ваше лицо мне ручается за доброту вашу.

Наденька.

Но как же за душу мою
Лицо вам может быть порукой?

Репейкин.

Я тотчас это узнаю
Простою самою наукой.
Что вы душою хороши,
Я по лицу то вижу ясно:
Лицо есть зеркало души,
А ваше зеркало прекрасно.

Наденька. Это одни комплименты, сударь, но будьте уверены, что я никогда не забуду, что вы сделали сегодня. Вы меня тронули до глубины сердца, и только с вашего приезда я узнала счастье.

Репейкин *(в сторону)*. Ну, Репейкин, не теряй времени: откройся в любви! *(Вслух.)* Ах, сударыня, у ног ваших позвольте... *(Кидается на колени и срывает бантик с башмака ее.)* Позвольте заметить вам, что бантиков нынче не носят на башмаках; об этом можно прочесть даже в «Дамском журнале».

Наденька. Я не читаю «Дамского журнала».

Репейкин. И я не читаю, и никто не читает, а все-таки не мешало бы справиться.

Явление XXV

Те же и Радимов.

Радимов. А! Я, кажется, помешал вам?

Репейкин *(вставая)*. Разумеется, братец, у тебя вечная привычка приходить, когда не спрашивают... Я объяснялся в любви.

Радимов. Ну, что ж? Каково идут дела твои?

Репейкин. Прекрасно. Я нравлюсь, мой характер нравится, мои ухватки понравились; находят, что я добр, чувствителен, ищут случая поговорить со мною... Но так как ты помешал нам, то погоди, я сделаю вам маленький сюрприз... Я не скажу тебе, какой именно, но ты увидишь, сам увидишь.

Явление XXVI

Те же, кроме Репейкина.

Радимов *(в сторону)*. Видно, дело идет лучше, нежели я думал. *(Вслух.)* Наденька! ты досыта наговорила с Репейкиным. Что ж, каков он тебе кажется?

Наденька. Он очень любезен.

Радимов. Право?

Наденька. Такой обязательный, так добр. Узнавши его, нельзя не отдать ему справедливости.

Радимов. Конечно, конечно... Он имеет достоинства, и если бы не проклятая страсть мешаться в чужие дела...

Наденька. Что ж? Это не всегда дурно.

Радимов. Ты думаешь?.. Да он, как видно, совершенно тебе понравился. Ну, милая, теперь вижу, что можно все тебе открыть. Ведь я назначил его твоим мужем.

Наденька. Как, батюшка, вам угодно.

Радимов. Да разве он не открывался тебе в любви, когда я вошел?

Наденька. В любви?

Саша. О, сударыня, не беспокойтесь, разве вы не видите, что батюшка изволит шутить? Разве он не знает, что мы говорили о Лионском, когда он вошел?

Радимов. О Лионском?.. Как! Стало, Репейкин успел еще с ним повидаться?

Саша. Разумеется, он его и приводил давеча сюда.

Радимов. Репейкин? Ну этого бы я век не отгадал. И Лионский осмелился быть здесь без меня?

Наденька. Батюшка, он не виноват: друг ваш привел его.

Радимов. Что за странный человек!

Саша. Точно, сударь, и тогда-то он открылся в любви.

Радимов. Кто открылся? Что ты врешь?

Саша. Право нет-с. Вот извольте видеть: Лионский любит барышню, барышня его, а уж Репейкин-то любит их обоих. Они так и условились, и дело сделано.

Радимов. Так Репейкин сам тут был?.. Но неужели ты?..

Наденька. Батюшка, слова и поступки вашего друга совершенно меня обманули. Да и вы же сами часто говорили, что Лионский очень любезен.

Радимов. Оно все так... он еще недавно поступил со мною преблагородно; но, если он любит тебя, почему не отнестись прямо ко мне.

Явление XXVII

Те же и Иван.

Иван. Вот, сударь, письмо от барина к вам.

Радимов. Посмотрим, посмотрим. (*Читает про себя.*)

Саша (*Наденьке*). Будьте покойны, бояться теперь нечего.

Радимов. Письмо написано умно и учтиво; этот молодой человек хорошо объясняется... но эта приписка... Неужели Репейкин?.. Понять не могу!..

Явление XXVIII

Те же и множество крестьян.

Хор.

Прославим, прославим
Господ молодых.
И петь всех заставим
На свадьбе у них.

Радимов. Что вы? Что вы? С ума сошли! Кто вас пустил с работы? Растолкуете ли вы мне?

Хор.

Прославим... и т. д.

Радимов. Убирайтесь к черту с песнями! Скажете ли вы мне толком?

Староста. Мы, батюшка барин, молотили на току, да гость твой послал нас сюда и велел петь до его прихода. Так не прогневайся, кормилец.

Хор.

Прославим... и т. д.

Радимов. Опять шутки Репейкина!

Явление XXIX

Те же и Лионский.

Радимов. Ах, ты пришел очень кстати; растолкуй нам загадку... точно ли Репейкин научил тебя писать ко мне?

Лионский. Я писал по его совету.

Радимов. А приписка?

Лионский. Он сам диктовал мне ее.

Радимов. Как! Он диктовал это?

Лионский. Да, я писал его собственные слова.

Радимов. Стало быть, он хочет женить вас, но я думаю, не мешало бы ему уведомить меня, что он сосватал дочь мою.

Наденька. Батюшка, от вашего согласия зависит мое счастье.

Радимов. Любезные дети, я вижу, что всем хочется этой свадьбы. Репейкин был главным препятствием: он соглашается, и я тоже. Ну, так и быть, запоем хором. Хотя стихи довольно плохи.

Хор.

Прославим... и т. д.

Явление XXX

Те же и Репейкин.

Репейкин (*вбегая*). Славно! Славно! Форал!

Хор.

Прославим... и т. д.

Репейкин. Стишки-то мои... ась? Каковы? А музыку я же сочинял; хоть бы в водевиль поместить. Да еще

дай срок, я тебе напишу стихов и музыки сколько душе угодно. Это для меня ничего не значит.

Радимов. Поди-ка сюда: растолкуй мне, что ты делаешь?

Репейкин. Кто? Я? Люблю твою дочь до безумия, она меня также, ты согласен меня женить, я женюсь — вот и все тут.

Лионский. Что я слышу?

Наденька. За что вы хотите на мне жениться?

Репейкин. Да что с вами сделалось? Я, хоть убей меня, ничего не понимаю.

Радимов. А я очень понимаю, что ты вмешался в любовные дела Лионского, не зная, кто он таков.

Репейкин. На что мне знать? Он женится на своей невесте, тем лучше. Мы сыграем вдруг две свадьбы.

Радимов. Нет, довольно, будет с нас одной.

Репейкин (*Лионскому*). Как? Стало, отец опять заупрямился?

Радимов. Нет, благодаря твоим дурачествам он перестал упрямиться.

Репейкин. Неужто в самом деле?

Радимов. Я совершенно был готов отдать за тебя Наденьку. Ты, как нарочно, сам мешал мне во всем. Я прогнал Сашу за то, что она вступилась за Лионского; ты насильно воротил ее. Я отказал было Лионскому от дома; ты отыскал его и привел ко мне. Наконец, сам продиктовал ему письмо.

Репейкин. А что? Ведь письмо написано мастерски? Признайся, что хорошо написано.

Радимов. Так хорошо, что я не мог устоять против него и поспешил дать слово Лионскому, чтобы ты не обвенчал их без моего ведома.

Репейкин. Что? Ты не шутишь? Этот отец, эта молодая девушка...

Радимов. Они перед тобою.

Репейкин. Теперь понимаю... но я сказал вам, молодой человек, что соперник ваш человек благородный. Согласитесь, однако ж, что хотя мне и не удалось, а я все-таки уладил хорошо это дело: молодые будут счастливы, а я был бы в дураках, если бы женился.

Саша. Иван! Не просить ли нам его и о нашей свадьбе?

Иван. Мы и без него обойдемся.

Лионский. Как благодарить вас?

Наденька. Вы устроили наше счастье!

Репейкин. А! Вот что! Стало, вы признаетесь, что кроме меня никто бы этого не сделал?

Радимов. Конечно, дело мастера боится.

Мишурский водевиль скропал,
Друзья везде его хвалили,
Его сыграли — он упал,
Как могут падать водевили.
Скажу Мишурским не во гнев,
Что мой совет: не торопиться,
Молчать и помнить мой припев,
Что дело мастера боится.

Саша.

За старика сестру мою
Отдать старались напрасно;
Она не слушала родню,
Грустила, плакала ужасно...
Сестра решилась согласиться
И тем уверила родных,
Что дело мастера боится.

Иван.

Воров на свете не сочтешь,
Но их по классам различают,
Одних хватают за грабеж,
Другие сами все хватают.
Один наказан... между тем
Другой изволит веселиться
И смело повторяет всем,
Что дело мастера боится.

Репейкин.

Врага мы зрели своего,
Пред ним Европа трепетала;
Он всех сражал... вдруг на него
Россия гибелью восстала.

Слышен стук.

Ах, боже мой! Им без меня своя воля колотить посуду.
Позвольте выйти, он *(указывая на Лионского)* пропоет
за меня, оно будет гораздо лучше. *(Убегает.)*

Лионский.

Врага мы зрели своего,
Пред ним Европа трепетала;
Он всех сражал... вдруг на него
Россия гибелью восстала.

Пред нею гордый враг упал.
Европе нечего страшиться.
И русский свету доказал,
Что дело мастера боится.

Наденька (к зрителям).

Каков сегодня наш успех?
Об этом, верно, будут споры,
Затем, что угодить на всех
Не могут никогда актеры...

Репейкин (возвращаясь). Извините, что замешкался; без меня разбили блюдо с жареными утками, да я уладил это.

Каков сегодня наш успех?
Об этом, верно, будут споры,
Затем, что никогда на всех
Не могут угодить актеры.
Но мы за авторов своих
Теперь желаем постараться;
Вы часто баловали их...
Да как партера не бояться?..

Д. Т. ЛЕНСКИЙ

**Хороша и дурна,
и
глупа и умна**

**ВОДЕВИЛЬ
В ОДНОМ
ДЕЙСТВИИ**

1833

Действующие лица

Константин Прохорович Яузов, отставной штабс-капитан.

Степанида Карповна, жена его.

Наденька, дочь их.

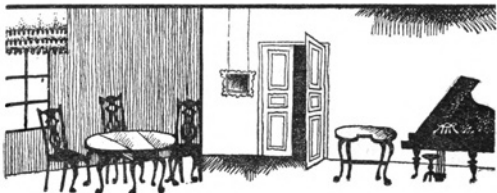
Александр Иванович Алинской, гусарский офицер, жених Наденьки.

Иван Григорьевич, Падчерицын, уездный судья, крестный отец Наденьки.

Емельян, слуга Яузова.

Действие в деревне Яузова.

Театр представляет комнату. Дверь в середине и две по сторонам. Налево от зрителей стол и все нужное для письма. Направо открытое фортепьяно и ноты. Подле рабочий столик с женским рукоделием. На заднем занавесе окно.

Явление I

Константин Прохорович и Степанида Карповна.
Муж в халате, жена в спальном капоте.

Константин Прохорович. Послушай, душа моя! Я тебе говорю, что он придет не прежде одиннадцати: а ведь только половина девятого... Ну, что ты так суетишься?

Степанида Карповна. Вот хорошо! Еще бы мне не суетиться! Ведь дело-то, батюшка, не шуточное! По той причине — я с ног сбилась хлопотавши.

Константин Прохорович. Эх, жена! жена! Я тебе говорю, ты много лишнего затеваешь: смотри, Алинскому это не понравится!

Степанида Карповна. Пожалуйста, мой ангел, не суйся там, где тебя не спрашивают! По той причине, неужто я не знаю, что делаю? Для такого дня да чтоб не приготовиться, принять по-деревенски гостя... да еще какого гостя-то? Зятя! Зятя! Боже мой, я с ума сойду от радости... У меня будет зять!

Ах, как приятно это слово,
И как мне хочется сказать:
«Любезный зятюшка, здорово!

Здорово, мой любезный зять!»

А если внук у нас родится

Точь-в-точь как зять, ни дать ни взять...

Константин Прохорович.

Жена! Болтать так не годится:

Твой зять тебе еще не зять.

Степанида Карповна. Ах, батюшка! Знаю, что еще не зять, ну да будет зять, как скоро увидит нашу Наденьку: по той причине, ведь сегодня только первое свидание.

Константин Прохорович. А легко может быть — и последнее. Я тебе говорю, поручиться за это нельзя.

Степанида Карповна. Сделай милость, перестань молоть вздор! Да где ж Алинской найдет себе такую невесту? По той причине: Наденька у нас красавица, умница, скромница, воспитана в институте... и как славно варит варенье!

Могу сказать я беспристрастно:

Невеста прелесть дочь моя!

Умна, воспитана прекрасно;

Собою ж ангел! Вся в меня!

Константин Прохорович.

За нею много милого найдется;

Позволь одно лишь мне сказать:

У нас пословица ведется

Тесть любит честь, зять любит взять.

И потому я тебе говорю, главное дело тут — приданое: а ведь у нас всего только сто душ за Наденькой. Впрочем, Алинской, как я от многих слышал, отличный молодой человек, сам очень богат, а родных никого не имеет; стало, надо думать, что он ищет себе жену, а не деревень; и эта свадьба сладится, вот помяни мое слово.

Падчерицын (за театром). Тс! Стой!.. Не шалить! Устал, разбойник! Ох, хо, хо, хо! Поводите его немножко.

Константин Прохорович (смотрит в окно). Прошу покорно!.. Это Падчерицын верхом пожаловал!

Степанида Карповна. Иван Григорьевич?.. Ай да кум!.. Что это с ним сделалось? По той причине, я еще не видала, чтоб он когда-нибудь верхом ездил.

Падчерицын (за театром). Каков жеребенок? То-то же, ребята!

Степанида Карповна. Ах он проказник! Ведь целых три недели он у нас не был: совсем зарылся в

своих приказных бумагах. Скажу ему про нашу радость: по той причине, он так любит свою крестницу — вот уж с зимнего Николы все хлопочет ей найти хорошенького женишка.

Явление II

Прежние и Падчерицын, в шпорах и с хлыстиком.

Степанида Карповна. Иван Григорьич! Милости просим!

Константин Прохорович. Здорово, брат Иван! Заспесивились, сударь, и глаз к нам не кажете!

Падчерицын.

Здравствуй, кум ты мой любезный,

Здравствуй, кумушка моя:

Вот вам в лицах суд уездный —

И измученный судья!

Ради бога, не браните,

Что совсем я вас забыл;

Вы на рожу мне взгляните —

Точно в каторге я был!

Должность так меня подъела,

Что я бросил целый свет;

Переделал столько дела,

Что, ей-богу, мочи нет!

Ни друзьями, ни охотой

Мне заняться не дадут:

Завален теперь работой

Бедный наш уездный суд!

Это просто, братец, значит,

Что на днях должны мы ждать:

Кое-кто к нам в суд прискачет

Все дела ревизовать.

А у нас же заседатель

И ленивец и простак,

Секретарь ему приятель

И вертит им так и сяк;

А ты знаешь, как опасна,

Как продажа эта тварь,

Как дерет со всех ужасно

Наш уездный секретарь!

Дай ему любое дело,

Для него, брат, все равно:

Что черно, то будет бело,

А что бело, то черно,
Заседатель, дел на зная,
Все дела лишь им ведет,
И прошения не читая,
Сдуру голос подает;
В суд приедет всех позднее,
И старается всегда
Чтоб уехать поскорее
Из уездного суда.
Так в беду чтоб не попасться
С заседателем таким,
Мы уж сами все, признаться,
Над бумагами корпим.
И хоть в эти три недели
Жизнь мне каторгой была,
Но зато уж в самом деле
Я уладил все дела!
Я едва освободился,
К вам стрелою поскакал;
Кувырком с коня свалился —
И чуть шею не сломал!..
Полно, братец, не пугайся:
Кто ж не падал здесь в свой век?
Падай, только не марайся —
Все ты будешь человек!
Здравствуй, кум ты мой любезный,
Здравствуй, кумушка моя:
Вот вам в лицах суд уездный —
И измученный судья!

Константин Прохорович. Так ты упал, несчастный рыцарь?

Падчерицын. Упал, братец, больно упал.

Степанида Карповна. Ах голубчик мой!

Константин Прохорович. Да и кой черт тебя дернул под старость верхом-то ездить?

Падчерицын. Не черт, а доктор приказал, братец, для здоровья... к тому же нынче все верхом ездят.

Константин Прохорович. Уж я тебе говорю, ездил бы ты на своих судейских креслах: оно гораздо здоровее.

Падчерицын. Ну, не всегда, братец, не говори этого: тут иногда сидишь, как на иглах. Впрочем, я хоть и ушибся, да зато не ошибся и привез вам славную весточку!

Степанида Карповна. Какую это, Иван Григорьевич?

Падчерицын. Надеюсь, вас, братец, по милости своей, с сыном поздравить!

Константин Прохорович. Спасибо, кум, спасибо!.. А я тебе говорю...

Падчерицын. Соловья баснями не кормят, братец; вы все лишь только говорите, а наш брат как бы к делу поскорее. Ты знаешь, братец, что мы с тобой вместе росли, вместе учились и вместе служили. Помнишь ли, как мы, бывало, строили замки на воздухе? Метили то в министры, то в фельдмаршалы; а кончилось тем, что мы оба терли ляжку — и вышли в отставку: ты штабс-капитаном, а я подпоручиком, без особенных знаков отличия, да зато с чистой совестью и ранами на груди за царя и отечество.

Константин Прохорович. А это, я тебе говорю, лучше всего!

Падчерицын. Уж, разумеется! Ты женился на доброй Степаниде Карповне, зажил в своей деревне; а я остался холостяком и, чтоб не разлучаться с вами, определился в соседнем городке в статскую службу не из доходов — потому что у меня и без того, слава богу, есть свой кусок хлеба — и не из чинов, а так... чтобы не быть без дела... Притом же, братец, ведь я не из ученых и умру титулярным советником.

И я, братец, не унываю,
Что титулярным я служу.
Я честно век свой доживаю,
Служу себе и не тужу!

(Указывая на сердце.)

Вот здесь мой список формулярный:

Моя испытанная честь.

А что я вечно титулярный:

Так нашей братьи сколько есть!

Но это чиновлюбие, от которого я сам так давно уж вылез, сохранил я, братец, в отношении к твоей дочери, моей крестнице. Я хочу, чтоб Наденька ваша была по крайней мере высокоблагородная. Целые полгода я об этом старался и наконец сегодня только успел.

Степанида Карповна. Как это, Иван Григорьевич?

Падчерицын. Так же! Сидя у моря, вы дождались погоды. Недаром хлопотал я изо всей мочи. Я нашел же-

ниха чудесного, братец... одним словом, он сын нашего губернатора!

Степанида Карповна. Неужели!

Константин Прохорович. Губернаторский сын!

Падчерицын. И коллежский асессор, братец! Он формально сватается за Наденьку; и вот вам письмо от него, прочтите. Ну! Что же вы? Да что с вами случилось? А я еще думал, что вы броситесь ко мне на шею и до смерти зацелуете... Каковы, братец! Прошу покорно!

Константин Прохорович. Мы очень тебе благодарны, любезный кум, за всю твою дружбу и старания, но я тебе говорю, у нас уж есть другой жених.

Падчерицын. Как, другой?

Степанида Карповна. Точно так, Иван Григорьевич.

Падчерицын. Да что ж он значит перед моим-то, Степанида Карповна? Шутка сказать, братец, сын губернатора!

Знаешь ли ты, что такое
Губернаторский сынок?
Он скорее другого вдвое
Схватит крестик и чинок;
А притом такого рода
И местечко он найдет,
Что, наверно, в два-три года
Деревеньку наживет.

Степанида Карповна. Наш будущий зять не имеет в этом никакой надобности по той причине — у него у самого прекрасное состояние... тысяч тридцать дохода!

Падчерицын. Быть не может!

Константин Прохорович. Я тебе говорю!

Степанида Карповна. Он вот недавно купил здесь поблизости славное село: триста душ.

Падчерицын (*насмешливо*). А! Благоприобретенное имение! Так, братец, так! Понимаю! Ну, это статья особ! Впрочем, ваша воля: как знаете, так и делайте. Мне, братец, от того ни тепло ни холодно не будет: ведь Наденька ваша дочь, а не моя.

Константин Прохорович. Ну вот, уж и пошел! Что значит самолюбие! Добрый ты малый, я тебе говорю; старый задушевный наш приятель и кум, а сердишься, что дочь наша, твоя крестница, выходит замуж за хоро-

шего человека... и сердисься потому только, что не ты его высватал.

Падчерицын. Я сержусь? Помилуй, братец, что ты? В уме ли!

Константин Прохорович. Ну да мы лучше по-толкуем об этом у меня в кабинете: здесь того и гляди Наденька нас услышит; а мне не хочется, чтоб она что-нибудь знала... Особенно ты, жена, смотри: ни гугу! Алинской в письме своем просил меня никак не называть, кто он и зачем сюда будет; и я дал ему слово, я тебе говорю.

Падчерицын. Ха, ха, ха! Молодой графчик, как кажется, изволит скрываться в неизвестности... Прекрасно! Уж сейчас, братец, видно, что вельможа... ха, ха, ха!

Константин Прохорович. Полно! Это делается для того только, я тебе говорю, чтобы избежать огласки. Он придет будто бы покупать у меня несколько десятин леса.

Падчерицын. Еще лучше: чем дальше в лес, тем больше дров!... Стало, это, братец, первая глава романа? А ведь романы нынче в моде! Ваш будущий зять, верно, выпрыгнул из Вальтер-Скотта... Ха! Ха! Ха!

Константин Прохорович. Уж я тебе говорю, что ты зол на него!

Падчерицын. Право нет; да и за что мне на него злиться, когда я его еще и в глаза не видал?

Константин Прохорович. И мы также его еще не видали; однако ж я тебе говорю, все отзываются о нем как об отличном офицере.

Падчерицын. Так он, братец, только что офицер? Тоже, как и мы, его благородие?

Константин Прохорович. Да что тут благородие, высокоблагородие! Были бы только души и душа благородная.

А все мне говорят, что он
Души отменно благородной:
Любезен, честен, добр, умен
И образован превосходно.

Падчерицын.

Все это отзыв лишь один,
Но будь он ангел и профессор;
Не губернаторский он сын
И не коллежский он ассессор!

Степанида Карповна. Да перестаньте или уйдите спорить в другую комнату: вот Наденька.

Слышна ригурнель следующего номера.

Константин Прохорович (*уводя Падчерицына в дверь направо*). Пойдем, пойдем: тебе говорю, ты зол на него. (*Уходит.*)

Явление III

Наденька и потом Степанида Карповна. Наденька в соломенной шляпочке, беленьком платьице и с корзинкою в руках.

Над е н ь к а.

Придет твоя пора, любезная подружка,
Когда не будешь ты беспечна и востра;
Уж не займет тебя ни кукла, ни игрушка:

Придет твоя пора!

Тра, ла, ла, ла...

Придет твоя пора, когда твое сердечко
Не даст тебе заснуть всю ночь до утра,
И ты отдашь дружку сердечко и колечко:

Придет твоя пора!

Тра, ла, ла, ла...

Степанида Карповна (*выходя от Константина Прохоровича*). Где ты была?

Над е н ь к а. В лес ходила, за земляничкой. Посмотрите-ка: полную корзину набрала. (*Ставит корзину на стол.*)

Степанида Карповна (*в сторону*). Прекрасно! Это пригодится к десерту. (*Вслух.*) Зачем ты ходишь в такой жар? Долго ли загореть?

Над е н ь к а. Что же за беда, маменька? Я не боюсь загару. Я страх люблю в хорошую погоду по утрам прогуливаться; особенно теперь, в июне, что за воздух! Прелесть! Уж я бегала, бегала. Ей-богу, кажется, счастливее меня нет на свете.

Степанида Карповна. Так тебе здесь веселее, чем в институте?

Над е н ь к а. Какое же сравнение? Помилуйте! Да я здесь точно в раю! Я только одного и желаю, чтоб всегда быть при вас, никогда с вами не расставаться. Представьте, маменька, ведь я заходила в деревню и у старосты позавтракала.

Степанида Карповна. Что ты? Неужели?

Наденька. Досыта наелась творогу со сливками!

Степанида Карповна (*в сторону*). Ах, господи! Что ж она будет делать за столом, при женихе-то? Сидеть сложа руки? (*Вслух*.) Зачем ты всегда ешь не вовремя? По той причине только аппетит портишь!

Наденька. О, не беспокойтесь! Я до обеда-то еще пробегаюсь, побываю на мельнице.

Степанида Карповна. Ты вздор мелешь, сударыня! (*В сторону*.) Она эдак, пожалуй, и впрямь уйдет, а жених между тем придет. (*Вслух*.) Будь дома, слышишь? Да что ты? Как ты одета! И без шнуровки! По той причине, точно как в мешке. Неужели у тебя нет платица получше?

Наденька. Да в деревне на что же лучше. Я всякий день так одеваюсь, и вы сами мне говорили, маменька, что девушке не должно быть кокеткой.

Степанида Карповна. Конечно, оно правда... Ну, да все, однако... По той причине, что бывают случаи... Послушай, Наденька... Грушка отнесла к тебе в комнату новое сатентюрковое пунцовое платье, поди-ка примерь его... По той причине, я посмотрю, хорошо ли оно сидит?

Надень хорошие чулки;

Да не забудь, надень к тому же

Атласные и башмаки.

В них ножка у тебя поуже.

Наденька.

Так гости будут к нам сюда?

Степанида Карповна.

О нет, но должно нарядиться:

Как знать, что может иногда

Со взрослой девушкой случиться!

Наденька. А разве что-нибудь со мной случится? (*В сторону*.) Право, не знаю, что это маменьке вздумалось нынче выражать меня, как куклу какую!

Явление IV

Прежние и Емельян.

Емельян. Сударыня! Сударыня! Степанида Карповна!

Степанида Карповна. Что там такое?

Емельян. Константин Прохорыч вас сию минуту к

себе требует: у него, примером будучи, манишка пропала-с.

Степанида Карповна. Ну так! Ведь я положила ее к нему на стул, вместе с белой косынкой... Презапаятная головушка! По той причине, он с кумом там заговорился и все разбросал.

Наденька *(в сторону)*. И папенька тоже рядится!

Емельян. Тришка хочет уж каклеты поджаривать: надо, примером будучи, скатерть и салфетки к столу. На сколько прикажете?

Степанида Карповна *(тихо)*. Замолчишь ли ты, дуралей? Я сию минуту выдам тебе белье и серебро. *(Наденьке.)* А ты, мой ангел, не тревожься и не забывай того, о чем я тебе говорила: продолжай всегда быть скромной, доброй девушкой... да надень непременно сатентюрковое платье и атласные башмаки... По той причине, ведь ты знаешь, как я люблю тебя!.. Будь над тобой родительское благословение!.. Поцелуй меня... Да что ты все горбишься? Держись прямее! *(Уходит.)*

Явление V

Наденька и Емельян.

Наденька. Что с ними сделалось? К чему эти приготовления, хлопоты, одевания, парадный стол? Они чему-то радуются и что-то от меня скрывают.

Емельян. Неужли-то вы, матушка-барышня, не догадываетесь?

Наденька. Право, нет... А ты разве знаешь? Скажи поскорей!

Емельян. Мне накрепко запрещено сказывать; ну да ведь, примером будучи, без вас-то не обойдется, потому что ведь в вас-то и штука вся: так надобно ж будет вам сказать. *(Вполголоса.)* Примером будучи... вас хотят выдать замуж.

Наденька. Как замуж?! Меня!.. Ах, боже мой! Что я слышу? А ведь мне и в ум не приходило. Меня хотят выдать замуж! Да зачем это? Да к чему это?

Емельян. Как к чему? Дело известное, матушка-барышня! Будто это вам не приятно-с?

Наденька. Нисколько! Напротив, это меня пугает... И я-вся дрожу!.. Зачем ты говорил мне это? Зачем ты сказал мне это?

Емельян. Да как же было не сказать? Ведь жених-то, того гляди, придет... А женишок прекрасный-с, офицер! И, говорят, очень богат!.. Так извольте, матушка-барышня, хорошенько приготовиться, чтобы этак, примером будучи, приглашаться ему наверняка.

Наденька. Вот еще!.. Ах, какое мученье! Теперь я понимаю маменькины загадки: и для чего она велела сшить мне новое платье и для чего вчера фортепьяно настраивали...

Ах, боже мой, нет сил терпеть!..

Они мне жениха представят...

И, может быть, играть и петь

Они при нем меня заставят!

Емельян.

Да уж теперь пошла писать!

Того смотри, что не на шутку,

Примером будучи, сказать,

Они заставят вас плясать...

Наденька (*испугавшись*).

Плясать!

Емельян.

Под женихову дудку.

Наденька. И все это, верно, делается через папеньку крестного. Ну, не грешно ли ему так обижать меня? Ну что я стану делать при этом незнакомом мужчине?

Емельян. Маменька говорила, что вам надобно при нем держать себя в струне! То есть, примером будучи, на вытяжке; стыдливо опускать глазки; на женишка эдак поглядывать исподтишка: знаете, как обыкновенно поглядывают все девушки, которым, примером будучи, уж замуж хочется.

Наденька. Вот прекрасно! Да ни за что на свете! Я еще не видала этого жениха, а уж терпеть его не могу!

Емельян. Погодите, еще будет время на это, матушка-барышня: дайте срок ему на вас жениться.

Наденька. Нет, этому не бывать! Я сейчас же уйду на мельницу.

Емельян. Помилуйте! Что вы это? Знаете, как маменька рассердится? Долго ль до греха? Пожалуй, этак и в самом деле свадьба разойдется... Узнают, что я вам выболтал, и тогда, примером будучи, достанется мне на орехи!.. А притом... у меня в голове есть одна штучка-с!

Наденька. Что-ж такое?

Емельян. А вот что-с... Вы знаете, матушка-барыш-

ня, что я капли в рот не беру и даже в воскресные дни в кабаке не бываю...

Наденька. Ну, этого я знать не могу; а что я пьяным тебя еще не видала, всегда скажу: и это очень похвально.

Емельян. То-то нет, матушка-барышня! В кухне все зубы скалят надо мной, что я с ними пить не хожу, и дразнят меня бабой: а это, примером будучи, очень обидно-с... Так, чтоб доказать им, что я не баба... я придумал... редкостную штучку-с!

Хочу знать я их злословье...

Примером будучи, скажу-с!

За ваше с женихом здоровье

Мертвецким образом напьюсь!

Я выкину такую штучку;

Как вас к венцу с ним повезут,

И поведут вас ручка в ручку...

Меня под ручки поведут!

Кто-то подъехал. Посмотреть: сквозь решетку видно...

Молодой офицер... Батюшки, это он! Это жених!

Наденька. Пропала я!

В комнатах звонят.

Емельян. Барин зовет...

Слышен голос Степаниды Карповны: «Люди, люди! Кто там есть?»

А вот и барыня кричать изволит.

Опять звонят.

Наденька. Убегу поскорее! (*Убегает.*)

Явление VI

Степанида Карповна вбегает с левой стороны; Емельян, Константин Прохорович и Падчерицын. Люди бегают из стороны в сторону... хлопоты, суета.

Степанида Карповна (*в шлафроке и папильотках*). Емелька! Ротозей! Пошел отвори скорей ворота!

Емельян уходит.

Константин Прохорыч! Константин Прохорыч! Приехал! Приехал! (*Кричит в дверь.*) Костя! Костя! Гости! Гости! Что он там, оглох, что ли? Ах! Боже мой! По той причине, принять некому!

Константин Прохорович (без фрака и без галстука). Жена! Жена! Приехал! Уж на дворе!

Степанида Карповна. А ты еще до сих пор без фрака? Сумасшедший!

Константин Прохорович. Я тебе говорю: мы с кумом все ответ сочиняли губернаторскому сыну... а фрак-то у меня взяли чистить.

Степанида Карповна. Ах ты чудак! Что-ж делать-то? А у меня завтрак не готов, надобно за всем присмотреть... да и самой еще одеться!

Константин Прохорович. Послушай... как же я приму его без фрака?

Степанида Карповна. Ну уж как ты хочешь, ты видишь: я сама в одном чехле и папиюточках.

Падчерицын. Вот хорошо! Стало, придется ему со стенами разговаривать?

Степанида Карповна. В самом деле, Иван Григорьевич, займите его на минуту, ради бога! По той причине, что... ах ты, господи! (Уходит.)

Константин Прохорович. Сделай одолжение, любезный кум! Ты такой мастер говорить, я тебе говорю...

Пожалуйста, любезный кум,

Прими его: ты нас обяжешь!

Я знаю, кум, в тебе есть ум.

Ты на ветер словца не скажешь.

Падчерицын.

Что это, братец, за мечты?

Ты лучше сам бы...

Константин Прохорович.

Что за враки!

Я без ума теперь, а ты

В своей тарелке и во фраке! (Уходит.)

Падчерицын. Бедняжки! Из кожи лезут! Посмотрим, что за гусь такой! Наш брат ведь не промах и сейчас видит птицу по полету.

Явление VII

Алинской, Падчерицын.

Алинской (в дверях). Нет, зачем? Не надобно: я лучше подожду. (Подходя к авансцене.) Я очень рад, что могу оправиться немножко. Сам не знаю, что со мною делается: я, право, оробел, как дитя... Еще подъезжая к

дому, я почувствовал в себе что-то такое.. какое-то волнение. Здесь, думал я, живет моя подруга... та, которой я обязан новым существованием! (*Оборачивается и кланяется Падчерицыну, который рассматривал его издали.*) Извините, я вас и не видал...

Падчерицын (*смотря на него*). Он сейчас же к вам явится, а покамест до тех пор на меня возложена комиссия представлять здесь его лицо.

Алинской. Конечно, я имею удовольствие говорить с его родственником?

Падчерицын. Со старинным другом его и кумом, братец. Я крестный отец оной молодой особы.

Алинской (*в сторону*). Я вижу, что крестный отец оной молодой особы знает уж обо всем: он так пристально на меня смотрит.

Падчерицын (*в сторону*). Что ж они его превозносили? Я, братец, не нахожу ничего особенного: просто офицер с усиками, да и только!

Алинской. Может быть, немножко неучтиво с моей стороны, что я приехал так рано; но в деревне... и, как сосед, я думал, что... (*В сторону.*) Да крестный отец и не думает мне помочь, а, кажется, он бы мог знать, что мое положение для меня ново.

Падчерицын. Так у вас поместье невдалеке отсюда?

Алинской. Тридцать верст.

Падчерицын. А как оное прозывается?

Алинской. Село Богатое.

Падчерицын. А! Это в другом уезде, бывшее князя Радугуна... знаю...

Алинской. Два месяца, как я его купил.

Падчерицын. Знаю, братец, знаю. Село Богатое—подлинно богатое село. Кажется, по последним ревизским сказкам числится в оном триста душ мужеского пола, братец... А что вы за него заплатили?

Алинской. Двести пятьдесят тысяч.

Падчерицын. Двести пятьдесят тысяч! Куш порядочный. И есть у вас еще другие поместья?

Алинской. Есть.

Падчерицын. И чай всего-то этак, братец, душ сотенок восемь наберется?

Алинской. Почти... (*В сторону.*) Что ж это такое? Разве им не было времени прежде узнать об этом? Что за допрос такой? (*Вслух.*) Верно, Константина Прохоро-

вича дома нет? По крайней мере хоть нельзя ли мне видаться с его супругой?

Падчерицын. Никак нельзя, ибо они пошли переодеваться в хорошее платье.

Алинской. Переодеваться в хорошее платье? Уж не для меня ли?

Падчерицын. Думаю, так.

Алинской *(в сторону)*. А мне сказали про них, что они церемоний не любят. *(Вслух.)* Очень жалею, что эти лишние хлопоты лишают меня удовольствия их видеть. Я слышал о них столько хорошего: особенно Константин Прохорович, говорят, прекраснейший, пречестнейший человек.

Падчерицын. И это правда, братец! *(В сторону.)* Сердит на кума, а уж не выдам! *(Вслух.)* Вот уж двадцать лет, братец, как я его знаю, и смело могу сказать, что таких людей в наше время со свечкой поискать! Он так дорожит честью, что уж если даст кому слово, так это кончено! Добрый муж, братец, добрый отец; до крайности любит дочь свою, которую, впрочем, и нельзя не любить... Чудесная девушка: воспитана в институте, братец! Тиха, умна, скромна, добра и мила, как херувимчик! Уж в этом вы можете на меня положиться, потому что я, братец, крестил ее.

Как рад я, что судьба решила
Мне крестным быть ей отцом!
Ее природа одарила
Умом и сердцем и лицом.

Алинской *(в сторону, с досадой)*.

К достоинствам такого рода
Ума и сердца и лица,
Как жаль, что ей дала природа
Такого крестного отца!

Падчерицын. И уж я головой ручаюсь, братец, что тот, кто на ней женится, будет ею доволен... непременно будет.

Алинской *(в сторону)*. Как это мило! Они с другого слова на шею навязывают... Я ехал сюда в приятных ожиданиях, а теперь эти похвалы что-то меня расколодили... Впрочем, я сам увижу: вот идет сюда все семейство.

Явление VIII

Прежние, Степанида Карповна, разодетая в пух; Константин Прохорович, в чулках, башмаках, в новом фраке, орден в петличке, шляпа в руке и белые перчатки; Наденька, с модной прической, в пунцовом платье с блондами, на голове фермуар, на шее жемчужное ожерелье.

Константин Прохорович и Степанида Карповна (*Наденьке*).

Ну что ж? Сойди хоть с места!
Мой бог! Какой прием!
Совсем у нас невеста
Расстроилась при нем!

Падчерицын (*в сторону*).

Все стали! Все ни с места!
Мой бог! Какой прием!
Тесть, теща и невеста
Расстроились при нем.

Наденька.

Мой бог! Какой прием!
И я его невеста!
Я вся дрожу при нем!

Алинской (*на авансцене, с правой стороны*).

Мой бог! Какой прием!
Все стали, все ни с места...
И как мы речь начнем?

Все.

Мой бог! Какой прием!

Константин Прохорович (*тихо жене*). Ну что ж ты стала? Подходи, я тебе говорю.

Степанида Карповна (*тихо дочери*). Ну что ж ты стала? Подходи! Полно прятаться-то!

Все трое подвигаются вперед. Алинской идет к ним навстречу и раскланивается. Из средних дверей выглядывают украдкой старуха нянька, горничные, повар, кучер и прочие.

Алинской. Тысячу раз прошу прощения, если я обеспокоил вас собою (*Степаниде Карповне*.) Особливо перед вами, сударыня, я так виноват!

Константин Прохорович (*рекомендуя*). Александр Иванович Алинской, новый наш сосед...

Степанида Карповна. Право, нам так совестно... вы застали нас в таком беспорядке... По той причине, что... право...

Падчерицын (*в сторону*). Что она за чепуху говорит? Все, братец, разодеты как нельзя лучше.

Константин Прохорович. Но в деревне... знаете... я вам говорю... попросту, без церемоний... и вы нас извините, если мы так долго заставили вас дожидаться.

Алинской. Помилуйте, я и не заметил, как время прошло (*Показывая на Падчерицына.*) Этот господин умел так занять меня своим приятным разговором... Он все отзывался мне об вас с такой похвалой...

Константин Прохорович. Помилуйте! Это наш старый друг, я вам говорю... Позвольте представить вам дочь мою.

Алинской (*раскланиваясь*). Я, сударыня, почту себя очень счастливым, если вы удостоите меня вашим знакомством.

Наденька прячется за Степаниду Карповну.

Константин Прохорович (*тихо Наденьке*).

Да будь немножко посмелее,

Скажи ему хоть что-нибудь!

Степанида Карповна.

Держись, сударыня, прямее!

Наденька.

Но мне шнуровка давит груди!

Алинской (*посматривая на Наденьку, в сторону*).

Ах, как они меня морочат:

И кум, и дочь, и мать с отцом;

И как все пристально хлопочут,

Чтобы продать товар лицом!

А я просил еще, чтоб ей не сказывали: хорошо же они держат свое слово.

Действующие занимают сцену в следующем порядке: Алинской первый, с правой стороны от зрителей. Наденька поодаль, между отцом и матерью. Падчерицын на левой стороне.

Константин Прохорович (*тихо дочери*). Да что же ты все молчишь, душенька.

Степанида Карповна (*тихо*). Или у тебя языка нет, сударыня? Будь поразвязнее!

Наденька (*тихо*). Не могу, когда на меня смотрят.

Константин Прохорович (*тихо Падчерицыну*). Иван, начини хоть ты разговор, я тебе говорю!.. Ведь ты кум и к тому ж ничего не делаешь.

Падчерицын (*в сторону*). И то правда: иначе без меня они в печь станут... особенно женишок: богат, а ме-

шок! (*Переходя к Алинскому.*) Ну, что, братец, как вам кажется здешнее местоположение?

Алинской (*в сторону*). Этот педант со своим братцем чертовски мне надоедает!

Падчерицын. Прекрасная деревня, не правда ли? Река, рощи... Вы же знаток в этом... (*Посматривая на Наденьку.*) Ведь здесь есть чудесные виды?.. Не правда ли, братец, а?

Алинской (*холодно*). Да, особенно там, где встречаешь одну природу без искусства.

Падчерицын (*в сторону*). Фу! Как глуп-то!.. Не понимает. (*Вслух.*) Я думаю, что в ваши лета вам скучно жить одному у себя в деревне?

Алинской. Мне одному никогда не бывает скучно.

Степанида Карповна. Вот и у Наденьки точно такой же характер. По той причине, она еще нынче поутру мне говорила, что хорошая хозяйка всегда найдет чем заняться. Вы не поверите, что она, моя красавица, всем домом у меня заведует.

Наденька (*тихо матери*). Замолчите, ради бога, маменька!

Падчерицын. И без сомнения, братец, вы как человек прекрасно образованный любите искусство? Вероятно, играете на скрипке или на флейте?

Алинской. Очень дурно, но я играю для себя, а не для других.

Степанида Карповна. Ну вот точно так же и Наденька... По той причине я всегда ей твердила: никогда не хвастайся, мой друг, тем, что ты знаешь... а она в институте была из первых учениц. Недавно нарисовала она черным карандашом головку какого-то господина Ромула; да ведь как нарисовала-то? Прелесть! Что ж? Ведь, по той причине, никому ее не показала, кроме меня, да отца! И даже кум-то еще не видал!

Падчерицын. Правда, правда, братец! Не грешно ли это, Наденька? Ведь экая ты какая!

Степанида Карповна (*дочери*). Поди-ка, мой ангел, принеси свою головку да покажи крестному отцу.

Алинской (*в сторону*). Понимаю: крестный отец вторит маменьке.

Степанида Карповна. И Александр Иванович по той же причине, как знаток, сделает тебе свои замечания.

Наденька. Полноте, маменька, что вы это?

Степанида Карповна. Поди же, сударыня! Я непременно хочу, чтоб ты принесла нам головку г-на Ромула; слышишь ли?

Наденька. Да она так дурно была нарисована, что я тут же изорвала ее.

Степанида Карповна (*тихо мужу*). Она изорвала Ромулову головку.

Константин Прохорович (*в отчаянии всплеснув руками*). Изорвала!!!

Степанида Карповна. По крайней мере хоть спой нам свою новую песенку: кстати же, вчера только настроили тебе фортепьяно.

Падчерицын. Неужели настроили, братец? Вот уж подлинно кстати настроили!

Алинской (*в сторону, улыбаясь*). Как все настроено!

Наденька. Ах, маменька, сделайте милость!..

Алинской (*Степаниде Карповне*). Я наперед уверен, что буду восхищаться талантом прелестной вашей дочери; жаль только, что не могу вполне оценить его.

Наденька (*в сторону*). Боже мой! Какой насмешливый тон! Нет сил! Я задыхаюсь... (*Тихо матери*.) Маменька! Не принуждайте меня петь: не то я, право, заплачу.

Степанида Карповна. Ничто не ладится... (*Увидя входящего Емельяна*.) Слава богу, завтрак накрыт... По той причине, я посажу их друг подле друга.

Явление IX

Прежние и Емельян, с салфеткою.

Емельян. Кушанье готово-с!

Константин Прохорович. Надеюсь, что Александр Иванович не откажется позавтракать с нами без чинов.

Степанида Карповна. Знаете... попросту, чем бог послал.

Емельян. Степанида Карповна! Тришка говорит, чтоб поскорее за стол сядились: не то, примером будучи, каклеты перегорят.

Степанида Карповна (*тихо*). Молчи, осел!

Алинской. Я приехал только поговорить с вами о восьми десятинах леса, которые вы хотели мне уступить.

Падчерицын *(в сторону)*. А! Вот она, штука-то! *(Вслух.)* Ну, так что ж? Мы поговорим об этом за завтраком: за столом, братец, говорить о делах гораздо веселее.

Константин Прохорович. И конечно!

Степанида Карповна. Милости просим!

Алинской. Покорно вас благодарю: я уж завтракал.

Константин Прохорович и Степанида Карповна. Завтракали?!

Степанида Карповна *(в сторону)*. Итак, вся моя стряпня ушла ни за копеечку... Подкосил же он меня! *(Алинскому.)* Нет, неужли вы и в самом деле завтракали?

Алинской. Перед тем, как сюда ехать, я спросил себе творогу и сливок.

Степанида Карповна. Ну вот и Наденька, по той причине, точно так же творогу со сливками наелась!

Алинской *(в сторону)*. Как! И тут точно так же! Нет, это уж слишком!

Константин Прохорович. Вы завтракали... Что ж за беда? Поевши, можно и еще поесть; я иногда в день-то раз шесть за еду принимаюсь: и это ничего, я вам говорю. Пожалуйста, Александр Иванович!

Алинской. Ей-богу, не могу! Очень вам благодарен.

Падчерицын. Ну, нечего делать! Мы одни поедим. *(Тихо Константину Прохоровичу и Степаниде Карповне.)* Не мешайтесь, сделайте милость! Вы, братец, все глупости говорите.

Константин Прохорович *(тихо)*. Правое С непривычки.

Падчерицын. Пойдемте к столу.

Константин Прохорович и Степанида Карповна. Теперь нам уже и есть не хочется.

Падчерицын. Все равно пойдем. *(Алинскому.)* Извините, почтеннейший Александр Иванович, если мы вас здесь оставим: моя крестница, которая тоже уж пофрыш-тикала, сделает вам компанию.

Наденька *(тихо)*. Как! Я должна с ним остаться? Ах, маменька!

Степанида Карповна *(тихо)*. Полно дурачиться: не смей уходить отсюда.

Падчерицын (*Алинскому*). Мы сейчас будем к вам. (*Тихо Константину Прохоровичу.*) Видишь, братец, как дело-то уладилось? Вот теперь они и познакомятся.

Константин Прохорович, Степанида Карповна и Падчерицын (*тихо Алинскому*).

Мы к вам в минуту возвратимся,
Придем как можно поскорей;
А впрочем, мы надеждой льстимся
(*указывая на Наденьку*),
Что вам не скучно будет с ней.

Константин Прохорович (*тихо Падчерицыну*).

Ей-ей, когда б не ты, приятель,
Остался-б, верно, я глупцом...
Что за комиссия, создатель...
Быть взрослой дочери отцом!

Вместе. Мы к вам в минуту возвратимся и проч.
(*Уходят в столовую.*)

Явление X

Алинской (*в сторону*). Ушли... затем, чтоб нарочно нас одних оставить... Это лучше всего придумано: по крайней мере я тут сам все увижу.

Наденька (*тоже*). Ах, боже мой, как я боюсь! Что-то он будет мне говорить? Я бы, кажется, все на свете отдала, чтобы только он ушел поскорее!

Алинской (*в сторону*). С чего бы начать разговор? Ей-богу, это претрудно!

Наденька (*в сторону*). Уж как он хочет, а я первая не заговорю!

Алинской (*застенчиво и после минутного молчания*). Стало быть, вы, сударыня... имеете привычку завтракать довольно рано?

Наденька (*тоже*). Да-с!

Алинской. Я этому очень рад... потому, что это доставляет мне теперь удовольствие...

Наденька. Покорно вас благодарю-с!

Алинской. Доставляет мне удовольствие быть вместе с такой особой, которая, как сказывают, сколь прекрасна, столько и умна.

Наденька (*в сторону*). Этого недоставало! Теперь уж я решительно ни слова ему не скажу!

Алинской (*в сторону*). Молчит... Кажется, однако ж, на мой комплимент можно бы что-нибудь сказать...

Еще попробую. *(Вслух.)* Вы, как я вижу, очень любите рисовать?

Наденька. Нет-с.

Алинской. Так играть на фортепьяно?

Наденька. Нет-с! *(В сторону.)* Уж не хочет ли заставить меня спеть?

Алинской. Однако ж я слышал, что вы отлично знаете музыку.

Наденька. Совсем нет-с!

Алинской *(в сторону)*. Она откровеннее батюшки с матушкой. *(Вслух.)* Поэтому вы больше всего занимаетесь хозяйством? И вам нравится ваша домашняя жизнь?

Наденька. Да-с... Мне так весело с папенькой и маменькой!

Я так привыкла их любить,
И все при них мне так прелестно,
Что с ними век хочу я жить:

Алинской *(в сторону)*.

Для жениха как это лестно!
С какой невинной простотой
Она мне делает признание,
Что ей быть замужем за мной —
Все то ж, что быть на покаянье.

Наденька *(при конце куплета старается уйти, но заметив, что Алинской на нее смотрит, говорит ему)*. Извините-с... мне послышалось, что выходят из-за стола.

Алинской. Позвольте... одно слово. Я вам еще не сказал, зачем я сюда приехал.

Наденька *(в сторону)*. Ах, господи! Верно, он хочет говорить мне о любви!.. А маменька ушла... ах, маменька!

Алинской. Наши намерения, кажется, не должны бы вам быть известны... По крайней мере я просил об этом; однако ж по всему видно, что вы их уж знаете... и они вам не нравятся.

Наденька *(почти не слушая его)*. Как-с? Что-с?

Алинской. Я так думаю, по крайней мере и во всю жизнь свою не прошу себе, что мог огорчить вас хотя на одну минуту. Да, сударыня *(в сторону)*. Надобно же ее успокоить... *(Вслух, стараясь взять ее за руку.)* Вěрьте, что теперь все желание мое...

Наденька *(быстро отдернув руку)*. Вот прекрасно! Что это значит, сударь? Прошу вас не брать меня за руку!

Алинской. Помилуйте! Неужели вы...

Наденька. Нет, ничего... только я, право, терпеть не могу, когда меня трогают.

Алинской *(в сторону)*. Э! Да она просто дура набитая! Пойду скажу ее крестному папеньке, что я слуга покорный! Вот после этого прошу верить слухам и жениться на слово! *(Кланяется Наденьке и уходит.)*

Явление XI

Наденька и Степанида Карповна.

Степанида Карповна. Ну! Что?

Наденька. Ах, маменька! Как я рада, что вы пришли! Уж как вы долго не приходили! *(Взяв ее за руку.)* Но вы здесь — и я отдыхаю!

Степанида Карповна. А Александр Иванович где? Уехал?

Наденька. Слава богу, уехал!

Степанида Карповна. Неужли? И ты рада этому?

Наденька. Как же не рада-то! Теперь уж все кончено: мы друг другу не понравились!

Степанида Карповна *(подходя к окну)*. Ты врешь, сударыня! По той причине, я вижу, он там на дворе разговаривает с твоим отцом и Иваном Григорьевичем и, верно, они толкуют о свадьбе.

Наденька. В самом деле! Ах, боже мой! Если это правда, тем хуже... Я никак не могу любить этого жениха! Я его боюсь.

Степанида Карповна. Вздор, вздор, сударыня! Что за ребячество такое? У меня не капризничай! По той причине, после самой слюбится... Вот Иван Григорыч с добрыми вестями!

Явление XII

Прежние и Падчерицын.

Степанида Карповна. Ну! Что, Иван Григорыч?

Падчерицын *(решительно)*. Разошлось!

Степанида Карповна. Как так?

Наденька. Неужели?

Падчерицын. Он очень вежливо просил меня, чтоб

я его извинил перед вами и сказал, как это ему больно... Одним словом, видно, это свадьба не по нем... И он сию же минуту уедет, как скоро подадут коляску.

Степанида Карповна. Какое несчастье!

Наденька (*прыгая от радости*). Какое счастье! Следовательно, я могу теперь скинуть это богатое платье? Не правда ли, маменька? Вы мне позволите?

Степанида Карповна (*горестно*). Как хочешь, душенька, пожалуй.

Наденька (*бросаясь к ней на шею*). Ах, маменька, дайте себя расцеловать! Ах, как я рада! Пойду сейчас опять надену любимое свое беленькое платьице

Я буду в беленьком опять!

Ах, как я рада! Как я рада!

Мне в этом средства нет дышать,

А в том корсета мне не надо...

Итак, теперь всему конец.

Ах, как я рада! Как я рада!

Меня избавил мой Творец

От жениха и от наряда...

Ах, как я рада! Как я рада!

(*Убегает, прыгая и хлопая в ладоши.*)

Явление XIII

Константин Прохорович, Степанида Карповна,
Падчерицын и потом Емельян.

Константин Прохорович (*с письмом в руках*). Ну вот, я тебе говорю: изволь, сделал по-твоему.

Степанида Карповна. Что это?

Константин Прохорович. Да вот: кум поневоле заставил меня написать ответ губернаторскому сыну.

Степанида Карповна. Так разве ты соглашаешься?

Падчерицын. Разумеется, черт возьми! Надобно, братец, доказать этому гусарику, что можно и без него обойтись. (*Пробегая письмо.*) «Я считаю себе за особенную честь ваше предложение и с большим удовольствием его принимаю!» Именно! (*Кличет.*) Емельян!

Степанида Карповна. Подумайте, однако ж, что после этого уж никак нельзя будет отказать!

Падчерицын. Да так и надо; а не то ведь с вами пива не сварить. (*Дочитывая письмо.*) Очень хорошо. Ты не забыл пригласить его сегодня на вечерок?

Константин Прохорович. А тут, на другой стороне, приписка.

Степанида Карповна. Как! Ты просишь его к себе на вечер?

Так Наденьке еще придется
Другого жениха встречать?

Падчерицын.

У нас всегда уж так ведется —
Дела немедленно кончать.
Я к женихам приноровился,
И мне отказ их — сущий вздор.
Один ушел — другой явился,
Один с двора — другой на двор.

Емельян! Емельян!

Емельян (*входя*). Что прикажете?

Падчерицын. Садись, братец, поскорее на лошадь и отвези это письмо к его высокоблагородию Владимиру Петровичу Гремиславу.

Емельян. К губернаторскому сыну? Знаю-с. (*Тихо.*) Но... простите моей глупости... позвольте, батюшка Иван Григорьевич, спросить: правда ли, что будто барышнина-то свадьба, примером будучи, расходится?

Падчерицын. Не бойся, братец, у нас уже есть другой жених, который непременно женится. Эта записка к нему.

Емельян. То-то, сударь, а я уж было струхнул. (*В сторону.*) Так Емельян будет пьян! (*Вслух.*) Мигом слетаю... (*Идет и ворочается.*) Да! Я ведь и забыл: а тот-то, примером будучи, там ждет, чтоб ему позволили войти с господами проститься.

Константин Прохорович. Какой тот?

Емельян. Ну прежний-с... который уж не женится-то... Прикажете, примером будучи, ему подождать?

Константин Прохорович. И! Нет, нет, что ты, дурак? Я тебе говорю: проси его сию минуту. Что он не будет нашим зятем, так уж нам и надо быть врагами? Экой вздор!

Емельян вводит Алинского и уходит.

Явление XIV

Прежние и Алинской.

Алинской (*в некотором замешательстве*). Я никак не мог уехать без того, чтобы не засвидетельствовать вам лично моей благодарности... и не извиниться перед вами.

Константин Прохорович (*весело и дружески*). Руку, сосед! Что тут за благодарность и извинения. Мы давеча вас насмешили, я вам говорю, не правда ли?

Алинской. Как, сударь?

Константин Прохорович. Что делать-то! Эти свадебные церемонии, встреча жениха, которого мы еще в глаза не видали,—все это вскружило нам голову, и мы, я вам говорю, были не в своей тарелке. Но теперь, когда уж между нами все кончено и мы объяснились, так станемте обходиться попросту, то есть, что называется, без экскузаций. Будьте с нами, я вам говорю, как с добрыми своими соседями, которые вас всею душой любят и почитают и рады доказать вам это на самом деле.

Алинской (*в сторону, удивясь*). Что это? Какая перемена! Простота, радушие... (*Вслух.*) Право, Константин Прохорович, я очень сожалею... что...

Константин Прохорович. Не о том речь: ведь вы обедаете с нами?

Степанида Карповна и Падчерицын. И точно, отобедайте-ка с нами.

Алинской. Как! Вы хотите...

Константин Прохорович.

Конечно, мы все трое просим вас

На миску щей.

Падчерицын.

И вот мое условие,

Чтоб доказать, что нет вражды у нас —

Мы за столом пьем общее здорovie!

Степанида Карповна.

Уж выпью рюмочку и я!

Алинской.

И я не смею спорить с вами!

Константин Прохорович.

Ну! По рукам, душа моя!

Когда уж нам родными быть нельзя,

Так просто будемте друзьями!

Алинской. От всего сердца! (*В сторону.*) Да они, ей-богу, прелесть что за люди!

Константин Прохорович. Послушайте, сосед, вы еще пригодитесь нам на подмогу; ведь к вечеру то мы ждем опять другого жениха.

Алинской (*улыбаясь*). Что вы!

Константин Прохорович. Я вам говорю! Владимира Петровича Гремиславова, губернаторского сына, который в одно время с вами сватался за нашу Наденьку.

Степанида Карповна. Не правда ли, мы не сидим сложа руки? Как быть-то? По той причине, у кого на руках есть дочь-невеста... Ну да вы когда-нибудь сами на себе это испытаете.

Константин Прохорович. Вы ведь видели, как мы смешались. Я тут ничего не смыслю; жена мечется как угорелая, врет глупости; ну а вы, я вам говорю, вы человек хладнокровный, умный, ловкий — вы, верно, нас выручите, не так ли? Решено?

Алинской. С удовольствием!

Константин Прохорович. Что ж касается до восьми десятин леса, которые вам нужны, так я вам говорю, они ваши: за какую цену вам угодно.

Алинской. О! Я только в таком случае соглашусь на это, когда вы тут ничего не потеряете. Я для того хотел иметь этот перелесок, что он прежде принадлежал к моему селу, которое я также купил по желанию покойного моего дяди и благодетеля Евгения Николаевича Правдолюбова.

Падчерицын. Евгения Николаевича Правдолюбова? Что вы говорите? Евгения Николаевича Правдолюбова, рязанского помещика?

Алинской. Разве вы его знали?

Падчерицын. Он вам дядя?

Алинской. Родной брат моей матери.

Падчерицын. Помилуйте! Да мы с ним были короткие приятели, братец! Я в Рязани-то с полком зимовал у него однажды; это было в восемьсот семнадцатом... Верно, он когда-нибудь говорил вам об Иване Падчерицыне?

Алинской. Как же! Очень часто.

Падчерицын. Ну, а я-то самый и есть Иван Григорьев сын Падчерицын!

Алинской. Неужели? Да он очень любил вас!

Падчерицын. А я-то его как любил! Уж как же мы с ним, бывало, попивали и в карты поигрывали! Доб-

рый был человек, царство ему небесное! Да кой черт, братец, и я не мог догадаться! Алинской, Алинской... Это имя мне что-то знакомо, думал я... Сестра Правдолюбова вышла за Алинского, кавалерийского полковника, который после был убит под Бородином.

Алинской. Он был мой отец... Вскоре после того и матушка моя скончалась... Таким образом, оставшись круглым сиротою, я вырос в доме моего дяди.

Падчерицын. Вот что! Так это ты, Сашенька? *(Обнимает его.)* Ах ты сокол мой ясный! Представь себе, братец, я помню тебя вот таким... крошкою! Как ты еще, бывало, бегал в красной рубашечке и кучерской шляпе... Ах ты, боже мой! Что значит не узнать друг друга! Ведь с первого взгляда ты, братец, мне вовсе не понравился... то есть несколько не понравился.

Алинской *(улыбаясь)*. Сказать правду, и вы мне тоже не понравились!

Падчерицын *(смеясь)*. Ой ли? Да это, братец, преуморительная штука! А еще старинные друзья!

Константин Прохорович и Степанида Карповна. Как это славно! Какая встреча!

Алинской *(пожимая руку Падчерицыну)*. Как я рад! И надеюсь, что теперь мы все будем видаться как можно чаще, не правда ли, Константин Прохорович?

Константин Прохорович и Степанида Карповна. Разумеется: то вы у нас, то мы у вас.

Алинской. И прекрасно! А что Константин Прохорович, бываете ли вы на охоте?

Константин Прохорович. Очень редко, жена не пускает.

Падчерицын. Нет, я в праздники таки постреливаю.

Алинской. А у меня дичи бездна, и мы когда-нибудь вместе отправимся. Между тем прошу вас навещать меня, как только вам вздумается.

И погреб у меня чудесный,
Бутылками набит битком;
И повар у меня прелестный,
У Яра был учеником.

Падчерицын.

Ну как же тут не восхищаться,
И что милее может быть —
По-деревенски обращаться,
И по-московски есть и пить!

Константин Прохорович. Да, нам будет преселело... Однако ж ведь мне еще надобно заняться с приказчиком, пересмотреть кое-какие счеты.

Степанида Карповна. А мне кой-что приготовить к вечеру.

Константин Прохорович (*Падчерицыну*). Кум! Поди-ка пособи, сделай милость.

Падчерицын. Изволь, братец!

Константин Прохорович (*Алинскому*). Видите, мы с вами попросту, по-дружески; так уж и вы, пожалуйста, я вам говорю, будьте как дома. Вот вам фортепьяно, карандаши, играйте, пойте, рисуйте, гуляйте по саду... возьмите книгу... то есть что вам угодно: совершенная свобода, я вам говорю. За обедом мы увидимся. (*Уходит с женой и с Падчерицыным.*)

Явление XV

Алинской (*один*). Право, они чудесные люди: какая доброта, какое простосердечие! Меня на их счет не обманули... А я сперва принял было их за глупцов, за церемонных! Никогда не должно судить о людях по первой встрече. Конечно, это видно, что они не получили блестящего воспитания. (*Берет со стола книгу.*) Однако ж со всем тем я все-таки очень рад этому соседству и буду часто к ним ездить; жаль только, что дочка-то у них... дочка-то! И довольно дурна и довольно глупа...

Слышно пение Наденьки за кулисами.

А! Да вот и она идет... скинула красное-то платье и хорошо сделала: эдак она гораздо интереснее.

Явление XVI

Алинской и Наденька в прежнем белянском платье.

Наденька (*входит, прыгая и распевая*).

Придет твоя пора, любезная подружка... (*Увидя Алинского.*) Ах! Это вы? Извините!

Алинской. Я наперед знал, что эта встреча вас удивит.

Наденька. Почему же это? Нисколько. Папенька мне сказал, что вы как добрый сосед остаетесь с нами обе-

дать, и это очень похвально... Это доказывает, что вы на нас не сердитесь.

Алинской: Мне сердиться? За что?

Наденька. За то, что мы вам давеча наскучили ужасным образом... И мне очень досадно на самое себя, что я тут также помогала.

Алинской (*смешавшись немного*). Как, сударыня? (*В сторону*.) Она уже знает, что я от нее отказался, как-то же мое положение! (*Вслух*.) Поверьте, сударыня, что... причины очень важные... домашние обстоятельства.

Наденька (*в сторону*). Вот и он теперь оробел и смешался точно так же, как я давеча, это пресмешно!.. круговая порука. (*Вслух*.) Не беспокойтесь и не ищите фраз: ей-богу, я и не думаю на вас быть в претензии. Напротив...

Я вас пришла благодарить,
Что вы жениться расхотели;
Пришла, чтоб с вами здесь побыть.

Алинской.

Как? Неужели, в самом деле?

Наденька.

Ну да! Теперь наедине
Готова с вами я остаться.
Ведь вы не женитесь на мне,
Так отчего ж мне вас бояться?

Притом папенька крестный сказал мне, что вы с ним старинные друзья; а мы его друзей привыкли считать за своих: стали вы теперь у нас свой человек. Но я помешала вам: вы книгу читали... Читайте, читайте! А я сяду за свою работу. (*Подходит к рабочему столу на левой стороне*.)

Алинской (*смотря на нее в то время, как она садится за шитье*). Она и в самом деле при мне уж не чинится и обходится со мной, как с ежедневным гостем!

Наденька (*взглянув на него и видя, что он не садится и смотрит на нее*). Что ж вы не садитесь и не читаете?

Алинской. Нет, мне уж читать что-то не хочется... Теперь до обеда я остаюсь без всякого дела и, если только я вас не беспокою...

Наденька. Нимало! Вы видите, я шью.

Алинской (*берет стул и садится подле нее, несколько поодаль*). Когда так, я очень буду рад с вами побеседовать. (*После минутного молчания*.) Из ваших слов я

догадываюсь, что давишнее наше знакомство мне повредило в вашем мнении.

Наденька. Но...

Алинской. Да, признаюсь откровенно: я вам не понравился!

Наденька (*тихо*). Так... Немножко...

Алинской. То есть очень?

Наденька (*потупив глаза*). Правда! (*Улыбаясь*). Видите, тут была симпатия!

Алинской. Я вижу тут одну только вашу откровенность... А чем же я вам не понравился? Я у вас спрашиваю об этом для своей пользы, чтобы исправиться, если можно, и пусть это послужит вам доказательством, что...

Наденька. Что у вас прекрасный характер и что правда вам не колет глаз. Послушайте же, вот вы чем мне не понравились: вы приняли на себя такой вид... покровительства; в вашем тоне заметно было, что вы чувствуете все ваши преимущества передо мною... что хотя и справедливо, однако же показалось мне очень обидно; вы как будто хотели мне сказать: «Видите, как я благороден и великодушен, я гораздо вас богаче, умнее, образованнее и со всем тем, однако же, делаю вам эту милость: женюсь на вас».

Алинской (*приближаясь к ней*). Как, сударыня! И вы могли подумать!

Наденька. Да как же не подумать-то! Вы не знаете, что значит положение бедной молодой девушки, когда ее родные скажут ей: «Будь мила... старайся понравиться... держись прямее... Вот твой жених... ты должна любить его, он прекрасный молодой человек, затем что очень богат...» Они всегда ведь только и говорят о богатстве, а это-то и ужасно!

Алинской. Ужасно? Почему же?

Наденька. Как без состояния выйдешь замуж за богатого человека, то сколько достоинств надобно иметь, чтобы заменить ему приданое!

Музыка Россини, из оперы «Осада Коринфа»

Сколько терпенья,
Ласк угожденья
И снисхожденья,
Вправе он ждаты!
Надо вниманье,
Надо старанье,

Все в нем желанья
Предупреждать.
Надо познание
И дарованье
Чрез послушанье
И обожанье, ,
Благодеянья
Вознаградят!

Алинской (*в сторону*). Да она, ей-ей, очень не глупа!

Наденька. И за все это, что ж, какое довольствие жена тут получает? Муж накупит ей бриллиантов, окутает ее в турецкую шаль... Большая радость!

Алинской (*улыбаясь*). На это можно бы вам многое отвечать; но положим, что такое суждение и справедливо в отношении к вам, зато ко мне оно вовсе не идет. Я человек совершенно одинокий, не имею никаких семейных обязанностей, я хотел жениться для того, чтобы найти себе добрую и верную подругу, которая заменила бы мне собою потерю всех моих родных.

Наденька. Как? У вас нет ни папеньки, ни маменьки?

Алинской. Я давно всех лишился... Сиротою на пятом году остался я, на попечение моему дяде, который любил меня, как сына, и три месяца тому назад умер на моих руках. «Александр! говорил он мне. Я оставляю тебе все мое имение, потому что у меня нет ни жены, ни детей. Ты будешь очень богат, но одно богатство не есть еще счастье, друг мой. Найди себе хорошую партию; да выбирай не по связям и не по приданому, а по сердцу, и в кругу милого семейства вспоминай иногда о своем дяде!..» Тут он меня обнял и скончался.

Наденька (*тронутая*). Какой он был добрый! Как жаль, что он умер!

Алинской. После его смерти, по его завещанию, я купил себе имение невдалеке отсюда; занялся обустройством новых моих крестьян и хотел чем-нибудь разогнать несносную тоску, которая везде меня преследовала. Я поправил состояние разоренных мужиков, выстроил себе прекрасный дом, отделал сад и когда все привел в порядок, то увидел, что комнаты мои слишком для меня велики, сад пуст, что меня окружают только рабские лица слуг моих, и ни одна родная улыбка не радовала моего сердца!

Наденька (*подвигая стул свой к Алинскому*). Беденький!

Алинской.

Кому нет в жизни наслажденья,
Тот век свой жизнью не зови.
А наслажденья, без сомненья,
Нам нет без дружбы и любви.
Итак, я эти чувства оба
Хотел в жене моей найти,
Чтоб с ней всю жизнь мою до гроба
В любви и дружбе провести.

Наденька (*нежно*). Так вот для чего хотели вы жениться?

Оба весело встают.

Но теперь уж вам это не нужно, затем что в своих соседях найдете вы и то и другое.

Алинской. Да, ваш папенька и маменька ваша удостоили принять меня в число своих друзей; но... смею ли надеяться, что и вы будете считать меня своим другом?

Наденька. А почему же и нет? Конечно!

Алинской. В самом деле?

Наденька. Я всегда говорю правду, вы знаете.

Алинской. Так вы смотрите на меня уж не теми глазами, какими смотрели давеча?

Наденька. И! Полноте, как вам не стыдно! Теперь уж это кончено... Ну а я? Признайтесь: уж, верно, сначала показалась вам такой неловкой...

Алинской (*улыбаясь*). Так... немножко.

Наденька. То есть очень? Ах, это нехорошо! Это значит платить тою же монетой. Но, ради бога, перестаньте говорить об этом... Я надеюсь, что теперь уж больше не думают выдавать меня замуж.

Алинской. Напротив, вы ошибаетесь. И как друг ваш я должен сказать вам, что вечером ждут нового жениха.

Наденька. Что вы! Неужели? Ах, боже мой! Ну вот, я опять оробела. Как! Еще жених придет?

Алинской. Да... какой-то Владимир Львович или Петрович Гремиславов.

Наденька. А! Это сын нашего губернатора... И он придет нынче же вечером, говорите вы? Ах, Александр Иванович! Мне было так весело, я была так довольна, и вы совершенно меня расстроили!

Алинской. Стало быть, этот Гремиславов вам не очень нравится?

Наденька. Да я его почти и не знаю, и всего-то раза с два его видела.

Алинской. Он... недурен собой?

Наденька. И нет! Рябой, в очках, с большими бакенбардами: гораздо хуже вас! Итак, вечером надобно будет опять наряжаться в пунцовое платье, ходить по струнке... И, верно, опять будут заставлять меня при всех играть на фортепьяно и петь новый романс — это уж как бог свят!

Алинской. Ну так что ж? Чего же вы боитесь?

Наденька. Да вот видите ли, романс довольно трудный! Конечно, я его наизусть знаю; но ведь главное тут дело, душа, экспрессия... И со всем тем, однако ж, мне бы не хотелось показаться такой смешной, как давеча.

Алинской. Угодно я вас прослушаю?

Наденька. Ах, сделайте милость! (*Садится за фортепьяно.*)

Алинской. Есть у вас ноты?

Наденька. Вот они. Смотрите, вы меня поправляйте, если я где ошибусь.

Алинской становится позади Наденьки и следит за ее игрой.

Алинской (*после ритурнеля.*)

Посмелей, посмелей!

Я скажу без лести,

Как нельзя быть милей!

Я восхищен, ей-ей!

Наденька (*поет романс*).

«Певец-герой, спеша на поле чести,

Сказал своей красавице невесте:

«Душой всегда ль со мной ты будешь

вместе?»

Алинской.

Тут надо, чтоб экспрессия была!

Тра, ла, ла, ла, ла,

Тра, ла, ла, ла, ла!

Наденька.

«И милая, в знак верности, герою

С груди своей златую цепь сняла»,

Алинской.

Тра, ла, ла, ла, ла,

Тра, ла, ла, ла!

Наденька.

«И молча друга обвила
Своей лилейною рукою».

Вместе. {Тра, ла, ла, ла,
Тра, ла, ла, ла!

Наденька.

Что? Скажите скорей!

Алинской.

Как нельзя быть милей!

Наденька.

Ну, право вы мне льстите!

Алинской.

Я льщу вам? Извините.

Я восхищен, ей-ей!

(Поет романс.)

«Певец-герой красавице унылой
Тут говорит: «Утешься, друг мой милый!
Я вечно твой! Я твой — и за могилой!»

Наденька.

Тут надо, чтоб экспрессия была!

Тра, ла, ла, ла,

Тра, ла, ла, ла!

Алинской.

Я вечно твой и за могилой!

Наденька.

Не правда ли, что музыка мила?

Тра, ла, ла, ла,

Тра, ла, ла, ла!

Вместе.

Тебе я }
Ты другу } сердце отдала.

Оно твое }
Я вечно твой } и за могилой.

Алинской.

Ах, боже мой, как это мило!

Вместе.

Посмелей, посмелей!

Я скажу без лести;

Как нельзя быть милей

Я вам клянусь, ей-ей.

Явление XVII

Прежние и Падчерицын.

Падчерицын. Ай-да молодежь! Смотри-ка, братец, как задувают!

Наденька. Ну вот, папенька крестный! Вы помешали нам в самом лучшем месте... Александр Иванович представлял из себя скромника, а знаете ли, что он отличный музыкант?

Алинской. Уж не смейтесь! Скажите лучше, что вы превосходно поете.

Падчерицын (*Наденьке*). Теперь не до песен, поди-ка, тебя мать зовет; пособи ей десерт приготовить да отведи место для оркестра.

Алинской. А разве будут танцевать?

Падчерицын. Как же, братец! Под скрипку, кларнет, литавры и контрабас... по-деревенски!

Наденька (*Алинскому*). Если кто из кавалеров будет меня просить на котильон, я скажу, что вы меня ангажировали; не правда ли? Вы по дружбе мне позвольте это сделать?

Алинской. Помилуйте, я очень рад!

Наденька. С вами-то я как-то уж ничего не боюсь: мы уж коротко знаем друг друга. Прощайте, папенька крестный! Прощайте, Александр Иванович! Пойду сперва уложу десерт, а потом пойду затягиваться в пунцовое платье... Ах! Вы представить себе не можете, как это скучно!

Алинской. Тем более что в этом простом наряде вы так хороши!

Наденька уходит.

Явление XVIII

Падчерицын и Алинской.

Падчерицын. Прошу покорно! Да вы, братец, кажется, не на шутку подружились?

Алинской (*смотря вслед Наденьке*). И слава богу! Потому что она, ей-ей, прелестна!

Падчерицын (*равнодушно*). Да, не дурна, братец, крестница у меня бредет-таки.

Алинской (*с жаром*). Как, братец! Да она очарова-

тельна! Что за выразительность в лице! Что за огонь в глазах! И как приятно она изъясняется!

Падчерицын (*равнодушно*). Да... она-таки не глупа.

Алинской (*с жаром*). Не только не глупа — умна как нельзя больше! Сколько веселости, любезности, остроты в ее разговоре! И вдобавок ко всему этому — какое редкое сердце!

Падчерицын (*холодно*). Да... она девка добрая.

Алинской (*с большим жаром*). Помилуйте! Ну можно ли говорить так равнодушно о прелестнейшем творении, которое соединяет в себе все превосходные качества ума и души, все возможные добродетели: доброту, откровенность... да это ангел!

Падчерицын. Ой, ой, ой, братец! Да ты что-то уж не путем раскипятился! Скажи, пожалуйста: то она тебе не годилась — или просто сказать была для тебя и глупа и дурна; а то вдруг стала и хороша и умна... что за перемена такая?

Алинской. Послушайте, Иван Григорьевич... вы друг покойного моего дядюшки, следовательно, и мой?

Падчерицын. Разумеется, братец!

Алинской. Итак, обещайте мне наперед не смеяться надо мной, а потом сделайте мне одолжение!

Падчерицын. Какое, братец?

Алинской. Пусть я покажусь вам сумасбродом, бесхарактерным, флюгером — всем, чем угодно, — для меня все равно: где дело идет о счастье целой жизни, там самолюбие не у места... Ваша крестница мне чрезвычайно нравится. Я влюблен в нее, я хочу иметь ее своей женой и прошу вас, чтобы вы ее за меня посватали!

Падчерицын. Как, братец, посватал? Опять? Вторично?

Алинской. Да.

Падчерицын. Это нельзя, братец! Она уже обещана другому; часа с два уж как и письмо отослано.

Алинской. Что ж за беда! Этому другому также можно отказать, как и я было отказался.

Падчерицын. Отец с матерью на это не согласятся.

Алинской. А почему?

Падчерицын. Потому что этот отказ может надеть тьму неприятностей моему куму. У него есть значительная тяжба, и, пожалуй, он этак лишится даже всего

своего небольшого имения: ты не знаешь, братец, как опасно ссориться с властями!

Алинской. Не знаю, да и знать не хочу, а скажу только, что если тут не встретится какого-нибудь препятствия, то я заранее прошу вас к себе на свадьбу. Сейчас пойду к Константину Прохоровичу и Степаниде Карповне: у меня есть средство склонить их на свою сторону.

Падчерицын. Какое же это средство, братец?

Алинской. Самое верное, против которого не устоит не только сын губернаторский, но даже и сам губернатор. До свиданья, Иван Григорыч... Как вы милы! Как я вам благодарен!

Падчерицын. Да за что же, братец?

Алинской. Да так... за все и про все... Я сию минуту к вам ворочусь. (*Уходит налево.*)

Явление XIX

Падчерицын (*один*). Где видана такая любовь? Когда за него отдавали — он не брал; когда же отдают за другого — он с руками отнимает!.. В наше время, кажется, таких штук не было; мы, бывало, братец, если и делали глупости, так делали их с умом.

Не так мы в старину живали,
Наш брат бывал на все удал;
Красавиц мы сортировали,
Но выбор нас не затруднял,
Бывало, девушку лишь встретишь
В шестнадцать иль в семнадцать лет,
Так в ту ж минуту и заметишь,
Годится в жены или нет.

Явление XX

Падчерицын, Константин Прохорович, Наденька и потом Алинской. Наденька с тарелкой земляники, Константин Прохорович с тарелкой персиков.

Наденька. Уж вы не беспокойтесь, папенька. Я сама все сделаю.

Константин Прохорович. Полно! Ну, где тебе одной успеть все сделать? (*Перекладывает персики зелеными листьями.*)

Наденька. Да уж вам так не уложить! Вы посмот-

рите-ка на мою землянику — точно египетская пирамида (*ставит тарелку на стол.*) Только бы не развалилась!

Константин Прохорович. А ты прежде посмотри на мою работу — так, я тебе говорю?

Наденька. Ну, как вам угодно... а я пойду между тем сахар просею.

Падчерицын (*лаская Наденьку*). Хозяйка, братец, хозяйка! Уж что и говорить!

Наденька. А! Вы здесь, папенька крестный? А куда же девался Александр Иванович?

Падчерицын. Он пошел потолковать с твоей матерью, и, кажется, о тебе.

Наденька. Обо мне?

Падчерицын. Да, о тебе... (*Отводя ее в сторону.*) И чтоб не вышло опять катавасии, то признайся мне, пожалуйста, Наденька... Ведь я твой крестный отец, и ты, братец, не должна ничего от меня скрывать — не так ли, а?

Наденька. Конечно!

Падчерицын. Все ли ты бракуешь Алинского?

Наденька (*погупив глаза*). Давеча он точно мне не понравился.

Падчерицын. Давеча? Ну а теперь?

Наденька. А теперь-то уж мне не нравится другой... Тот, которого ожидают.

Падчерицын. Как же это так, братец?

Наденька. Я, право, не знаю; может быть, от того, что он стал моим женихом и слово жених мне не нравится.

Падчерицын. А! Да... понимаю!

В это время входит Алинской и остается в глубине театра.

Но положим, братец, что Алинской тебе уж больше не жених, то не чувствуешь ли ты к нему этак... чего-нибудь, братец, знаешь чего-нибудь особенного?

Константин Прохорович (*вслушивается в их разговор, в сторону*). Что?.. Что там такое?

Наденька. Я, право, не знаю, папенька крестный. Когда я почувствую, я вам скажу... Да зачем вы у меня об этом спрашиваете?

Падчерицын. Экая ты какая, братец! Затем, что он влюблен в тебя по уши, с ума от тебя сходит.

Константин Прохорович (*в сторону*). Э! Нет, я не позволю!

Наденька (*Падчерицыну*). Он влюблен в меня?
В самом деле?

Падчерицын. Это тебя удивляет?

Наденька. Очень.

Падчерицын. Это тебе неприятно?

Наденька. О нет!.. Напротив!

Алинской (*подбегая к Падчерицыну*). Что слышу?

Наденька. Как, сударь! Вы были тут? Ах, как вы меня испугали!

Алинской. Не пугайтесь! Я сию минуту от вашей матушки; она меня прощает и соглашается назвать своим зятем!

Константин Прохорович (*холодно*). Жена моя глупо делает, я вам говорю; она должна знать, что уж теперь этому быть нельзя.

Наденька. Неужели?

Алинской. Ну, полноте, Константин Прохорович! Я предвидел это препятствие, о котором вы мне говорить хотите. Вы другому дали слово и, если его не сдержите, можете навлечь себе ту неприятность, от которого зависит все ваше имение, не так ли? Но я богат и когда женюсь на вашей дочери, то уж, без сомнения, как сын ваш, буду иметь право предложить вам половину своего состояния — разделить его с вами!

Наденька (*Падчерицыну*). Ах! Теперь-то уж я не стыжусь признаться, что люблю его всей душой! (*Отцу, с радостью.*) Ну! Что же, папенька?

Константин Прохорович. Мне очень жаль, моя милая, но я тебе говорю, я не могу согласиться... не могу быть обманщиком.

В кругу людей, я льститься смею,

Я уважение заслужил,

Затем, что честию моею

Я целый век свой дорожил.

Пусть я имения лишусь,

Оно поправная беда;

Я без имения обойдуся,

Но уж без чести — никогда!

Алинской. Итак, обещание ваше Гремиславу...

Константин Прохорович. Для меня священо, и я ни за что не изменю ему. Что делать, я вам говорю? У меня уж привычка такая: не давши слова крепись, а давши слово — держись. Вот давеча, например, приди какой хочешь жених, а уж вам бы я не отказал.

Наденька (плача). Ах, боже мой! Ах, как я несчастна!

Алинской. Она плачет! Посмотрите: она плачет — и вы можете еще противиться! (*Падчерицыну.*) Иван Григорыч! Друг мой, попросите хоть вы за меня!

Наденька. В самом деле, папенька крестный, что вы там стоите сложа руки? Вам и горя мало, а ведь я, кажется, вам не чужая!

Падчерицын. Точно, точно... Да что ж ты; кум, и в самом деле? Ведь эдак и я, братец, пыль подниму!

Константин Прохорович. Это ни к чему не послужит: я знаю, что делаю. Мне уже пятый десяток наступил, так уже поздно мне перемениться, я вам говорю. Наденька, поди отсюда.

Наденька и Падчерицын уходят в глубину театра.

(*Подходит к Алинскому.*) Что ж касается до вас, сударь, я пригласил вас провести нынешний день с нами вместе, но уж после всего, что случилось, вы сами можете судить, что это неприлично... И я покорнейше вас прошу до свадьбы моей дочери уволить нас от своих посещений.

Алинской. Как! Нам должно расстаться?

Наденька. Я умру с тоски!

Алинской. Вы доводите меня до отчаяния!

Константин Прохорович (*взяв его за руку*). Мне и самому это очень, очень больно, я вам говорю!.. Да делать-то нечего! Я уж письмо послал. (*Тихо.*) Перестаньте, Александр Иванович! Вы мужчина, пощадите ее, видите, она как река льется, я вам говорю!

Падчерицын (*с гневом*). А кто виноват, братец? Ты!

Константин Прохорович. Э! Полно, кум, не задирай меня! А лучше останься-ка с ним да постарайся его разговорить да успокоить... а не то, ей-богу, они меня с ума сведут!

Алинской. Можно ли быть меня несчастнее!

Константин Прохорович (*подходя к дочери и стараясь увести ее с собой*). Пойдем, пойдем, Наденька.

Алинской (*которого Падчерицын удерживает*). Прощайте!

Наденька. Прощайте!

Алинской. Я вас никогда не забуду!

Наденька (*в слезах*). И я вас также! (*Уходит с отцом.*)

Явление XXI

Алинской и Падчерицын.

Алинской *(в сильном волнении расхаживая по комнате)*. Не могу прийти в себя! Где видано такое тиранство? Да это самое каменное сердце! Это не отец, а просто варвар! Это... это... *(Опомнясь.)* Нет! Он истинно честный человек: надобно отдать ему справедливость... А я еще сначала думал, что он... так... пустой старик... не дальнего ума и без всякого характера!

Падчерицын. Да! Как не так! Нет, братец, где коснется до чести, тут он настоящий черт, братец! Ведь я тебе говорил, что он в слове своем до того тверд, до того упрям, что в наше время это уж даже из рук вон!

Алинской. А, он упрям, говорите вы? Так постой же! Уж и я ему не уступлю!

Падчерицын. А что же ты сделаешь?

Алинской *(в отчаянии)*. Сам не знаю... но я не могу жить без Наденьки! Это решено: ей не бывать за Гремиславовым! Я вызову его на дуэль!

Падчерицын. Что ты, братец, затеваешь! На дуэль!

Алинской. Да! Кто-нибудь из нас должен умереть! Сейчас же напишу к нему записку и попрошу его явиться в назначенное время и место! А вы, Иван Григорьевич, будьте моим секундантом. *(Садится к столу и пишет.)*

Падчерицын. Этого еще не доставало! Полно, братец! И ты думаешь, что я допущу? Нет, дудки! Гей! Кто тут есть?

Емельян входит.

Явление XXII

Прежние и Емельян, бледный и растрепанный.

Падчерицын. Что это с его рожей сделалось?

Емельян.

Я, сударь, сбился с панталыку.

Да на Руси у нас твердят,

Что ведь не всяка строка в лыку...

Падчерицын *(в сторону)*. Лыка не вяжет!

Емельян.

Простите, сударь, виноват!

Падчерицын.

Или сам черт тебя дурачит?

Что это значит, Емельян?

Емельян.

А это просто, сударь, значит,
Что Емельян... немножко пьян!

Виноват-с... и мне, того гляди, спину вздуют, примером будучи, если вы за меня не вступитесь... А ведь вы-то все-му и причина, батюшка Иван Григорыч!

Падчерицын. Я? Как так, братец?

Емельян. Да-с, вы, батюшка! Вы извольте видеть... Я как честный христианин, примером будучи, давно уж обещался напиться в тот день, как барышню просватают, а ведь вы... Вот я, примером будучи, в рассуждении... Ей-богу, это в первый и в последний!

Алинской все пишет и уж изорвал две записки.

Падчерицын. Ты, верно, сейчас из кабака?

Емельян. Нет-с... с чердака... Я там, примером будучи, всхрапнул было немножко... да сонный-то вдруг и вспомнил: «Ах, мои батюшки! Ведь меня послали с письмом к губернаторскому сыну!..»

Алинской *(вставая)*. А ты потерял его?

Емельян. Никак нет, ваше благородие.

Падчерицын. Стало, ты его не отвез, братец?

Емельян *(на коленях)*. Простите! виноват-с! *(подает письмо.)*

Алинской *(бросаясь на шею к Емельяну, которого Падчерицын уже поднял)*. О, избавитель мой! Я тебе обязан жизнью!

Емельян *(испугавшись, думая, что его хотят бить)*. Виноват! Промилуйте!

Алинской *(давая ему денег)*. На, возьми! Вот тебе, выпей за мое здоровье.

Емельян *(удивясь)*. Нет, уж и без того наздравствовался, примером будучи!

Алинской *(крича)*. Константин Прохорович! Степанида Карповна! Все пожалуйте сюда!

Явление XXIII

Прежние, Константин Прохорович, Степанида Карповна и Наденька.

Наденька. Ах, боже! Что случилось?

Алинской. Что случилось? Ах! Если бы вы знали... Хотите ли вы быть моей женой?

Наденька. Хочу ли я? Уж разумеется!
Алинской (*Константину Прохоровичу*). Итак, теперь больше нет никаких препятствий! Вот письмо Гремислава.

Константин Прохорович. Ответ его?

Алинской. Нет... Не на что было отвечать.

Падчерицын. Емельян и не ездил, братец!

Емельян (*дергая Падчерицына за полу*). Не скажите барину!

Степанида Карповна. Не ездил? Право? Спасибо тебе, Емельянушка! Спасибо, друг любезный! По той причине я за это дам тебе на водку!

Наденька. Уж и я также не забуду твоей услуги!

Емельян. А еще боялся, что меня отдерут на обе корки. (*Наденьке*.) Дай вам бог, матушка-барышня, всякого благополучия с вашим супругом! И совет да любви! Уж как бы я теперь клюкнул за ваше здоровье! Да нет уж, примером будучи, сыт! Душа не берет!

Константин Прохорович (*раздирая письмо, которое держал в руках*). Ну! Вот и концы в воду. Напишем другое, со всевозможной учтивостью.

Наденька. И с отказом...

Степанида Карповна. И с приглашением на свадьбу нашей дочери...

Падчерицын. С Александром Ивановичем, братец!

Наденька. Ах, как я рада!

Степанида Карповна. И я, по той причине, сама не своя!

Константин Прохорович. Слава богу! Насилу дело сладили! Какое счастье, что у меня Наденька только одна, а то, я вам говорю: что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом!

Наденька (*к зрителям*).

Жених сперва меня бранил,

Дурной и глупой находил,

Потом в меня влюбился страстно,

Нашел и умной и прекрасной...

Но это мненье жениха,

А тут всегда не без греха!

Итак, чтоб выйти из сомненья,

Хочу узнать я ваше мненье:

Я хороша или дурна?

Или глупа или умна?

Ф. А. КОНИ

**Принц
с хохлом,
бельмом
и
горбом**

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА

1833

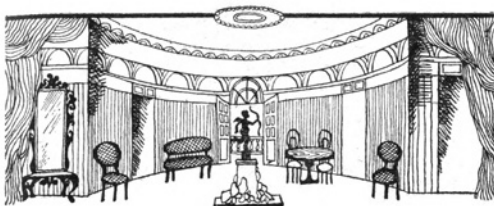
Действующие лица

Принц Рике, горбун, кривоногий, кривобокий,
с бельмом на глазу и с огромным горбом.
Губернатор Зеленого острова.
Губернаторша, жена его.
Абрикотина, дочь их, дурочка.
Тортиколь, чиновник особых поручений.
Кавалер Бамбиньи, матушкин сынок.
Карабосса, волшебница, горбатая.

Амур, Психея, горбуны феи Карабоссы,
свита Бамбиньи и Рике, дворцовые чиновники
губернатора и прочие.

Действие на Зеленом острове за тридевять земель, в тридесятом
царстве, в начале — у губернатора, в конце — у феи Карабоссы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет великолепную залу во дворце губернатора, она открыта в сад. Мебель и украшения залы богаты и роскошны. Посередине на высоком подставе изваяние Амура.

Явление I

Губернатор и губернаторша выходят из галереи, в жарком споре.

Губернаторша. А я вам повторяю, что вы виноваты.

Губернатор. Помилуй, матушка! Да в чем вина моя?

Губернаторша. В чем? И вы можете еще спрашивать? Разве вы не знаете, что дочь ваша...

Губернатор. Первая красавица на нашем полушарии? Знаю, милая, очень хорошо знаю.

Губернаторша. И глупа, что боже упаси! Не стыдно ли вам, до сих пор вы не могли позаботиться об ее умственных способностях и воспитании. Вчера минуло ей шестнадцать лет: другие порядочные девушки в эти годы уж женихов поглядывают, а наша проста, как трехнедельный ребенок, и не умеет отличать военного от статского.

Губернатор. Помилуй, матушка! В чем же я тут виноват? Бог не дал ей рассудка, что же делать? Его святая воля! А я не могу вложить ей в голову...

Губернаторша. Чего вы сами не имеете: очень натурально!

Губернатор. Как? Что вы хотите этим сказать?

Губернаторша. Я хочу сказать, что вы очень хороший человек и довольно порядочный муж, но негодны быть губернатором... потому что для этого нужны ум, знания и сметливосты!

Губернатор. Для губернатора? Много ж вы понимаете. Для губернатора нужна сноровка, и больше ничего... А разве я дурно управляю Зеленым островом? Разве на меня жаловались? Стол мой, что ли, не хорош? Или мало балов даю по высокоторжественным дням, или чиновники мои завалены работой; вздор — все гуляют. Разве секретарь мой не готовит каждый год отчетов к королю за моей подписью и которые я сам лично отвожу к его величеству? О каких же мудростях вы изволите разговаривать? Что за познания такие? Что за ум? Что за сметливость?

Вот прямо бабье рассужденье!

Позвольте вам растолковать:

Не нужны знания и ученье,

Чтоб областями управлять.

Когда начальником владений

Меня сюда король послал,

Не говорил он: «Будь ты гений!»

«Будь губернатор!» — он сказал.

Губернаторша. Не спорю: вы оправдали его выбор. Но с таким образом мыслей не мудрено, что дочь ваша еще долго просидит в девках.

Губернатор. Полноте, она красавица!

Губернаторша. Она красавица, не спорю, зато слишком мало занята собой; неловка, причудлива, а уж как глупа...

Губернатор. Милая! Я дам ей богатое приданое, и она будет у меня первая умница в свете.

Губернаторша. С вашим приданым? Без личных достоинств?.. Сомневаюсь.

Губернатор. Милая!.. В наш век ни в чем не сомневаются; во-первых, и не глядят на личные достоинства, главное дело — наличные.

Кто богат, так тот и с весом,

Говорит вся молодежь,

Хоть рассыпся мелким бесом,

Жениха не проведешь.

Заведи-ка речь вдобавок
Про венчальное кольцо:
О лице не будет справок,
А о том, что налицо.

Губернаторша. Помилуй! Что значит твое приданое! Уж сколько портретов мы разослали во все концы света, и в золотых оправках и с брильянтами, а до сих пор еще ни один жейих не явился.

Губернатор. Не явился, так явится. Поверь, милая, что явится.

Губернаторша. Хорошо. Положим, что явится, да кто захочет на ней жениться, когда узнает ее покороче, когда услышит, что она болтает вздор...

Губернатор. Нынче все молодые девушки говорят вздор, главное дело — говорить по-французски.

Губернаторша. А если он увидит ее походку, ужимки, хватки, кривлянье...

Губернатор. Нынче все кривляются: это в моде.

Губернаторша. Эти вечные гримасы, прищуренные глазки, лорнетки...

Губернатор. Все гримасничают и щурят глазки, особливо перед мужчинами, а о лорнетках уж и говорить нечего: все близоруки наповал.

1

В старину у наших дам
Были опахалы,
Им, бывало, по краям
Пишут мадригалы.
Поцелуй или привет
Был за то наградой:
Счастлив сметливый поэт,
Больше и не надо!

2

Но теперь пора не та,
Вееры не в моде:
Близорукость, слепота —
В нынешней методе.
И хотя теперь у нас
Нет старинной ласки,
Нет здоровых прежних глаз,
Но зато — есть глазки!
Я с вопросом не к одной

Подходил кокетке:
«Для чего вы, ангел мой,
Смотрите в лорнетки?»
Но у всех ответ один:
Вечно объявляют,
Что лорнетки к ним мужчин
Как-то приближают.

Губернаторша. Воля ваша, мне это не нравится, и я стыжусь, когда подумаю о первой ее встрече с женихом.

Слышен звон разбиваемой посуды.

Слышите?.. Бьюсь об заклад, это опять ее проказы... Ну, так и есть.

В эту минуту вбегает Абрикотина и гоняется по комнате за бабочкой, которая перед ней летает.

Явление II

Те же и Абрикотина.

Абрикотина.

Ах! Как бабочка мила!
Как игрива!
Как красива!
Я бы дорого дала,
Если б бабочкой была.

Губернаторша. Прошу покорно — шестнадцатилетняя девочка чем заниматься изволит!.. Гоняется за мотыльком и хочет быть бабочкой! Ну похоже ли это на дело?

Губернатор. Наши девушки привыкли гоняться за мотыльками, особенно с блестящими крылышками.

Абрикотина (*у окна*). Ах!.. Постой!.. Постой!.. Улетела... Вернись, милашка!.. Душечка! Вернись!.. Слышишь ли, вернись, негодная... (*Топая ногой.*) Вернись, говорят тебе, вернись!

Губернаторша. Перестанешь ли ты кричать, бесстыдница? Поди сюда!

Абрикотина. Что вы, мама?

Губернаторша. Поди сюда!

Абрикотина. Что вам-с?

Губернаторша. Слышишь ли, поди сюда!

Абрикотина. Да что вы там?

Губернаторша (*передразнивая*). Что вам-с! Да что вы там — только и сказать-то умеешь, глупая! Поди сюда!

Губернатор. Ваше превосходительство! Обходитесь с ней поласковее.

Абрикотина подходит к авансцене.

Губернаторша. Молчите. Подойди, сударыня! Ну так — голова повисла, ноги внутрь, плечи вперед... Куда как хороша! Взгляни-ка, вот твоя копия. (*Передразнивает ее.*) Ну, как ты стоишь?

Абрикотина. Как я стою?.. Мама... Все так, как и вы, на ногах... Ха! Ха! Ха!

Губернаторша. Я слышала стукотню в диванной, ты, верно, что-нибудь разбила?

Абрикотина. Это не я, мама, — это бабочка!..

Губернаторша. Как бабочка?

Абрикотина. Да-с, она влетела в окошко... порхала, порхала и вдруг... села к папаше на нос.

Губернатор. Ко мне на нос?

Абрикотина. Да, папа! На нос вашей пустой медной головы... что торчит на столбе, знаете...

Губернатор. А, на мой бюст, хочешь ты сказать, понимаю.

Абрикотина. Я подкралась к ней на цыпочках и хотела только ударить, а она вдруг — порх! И полетела; я кинулась за ней и опрокинула стол... знаете, зеленый с узорами.

Губернаторша. Как? Мой малахитовый стол с посудой?

Абрикотина. Да-да, малахитовый... Как весело! Все с него полетело, запрыгало, зазвенело... Ха! Ха! Ха!

Губернаторша (*в отчаянии*). Как? Все мои фарфоровые чашки, сервизы, сюрпризы, поднесенные мне в именины, рожденья и в праздничные дни благодарными жителями...

Абрикотина. Все разбились вдребезги... Ха! Ха! Ха!

Губернаторша (*почти плача*). Это разбой, да и только!

Губернатор (*помирая со смеху*). Вся в меня! Вся в меня! Я, бывало, маленький, все бил да ломал что ни попадетя.

Губернаторша. Как, и вы еще смеетесь! Вы по-
такаете этой баловнице! Этой глупой, резвой девчонке!

Губернатор. Ваше превосходительство, успокой-
тесь! Я обойду все лавки и наберу вам нового фарфора
и во сто раз лучше этого.

Губернаторша. А ты, сударыня, решительно ни-
чем порядочным не хочешь заняться?

Абрикотина. А разве я дурным занимаюсь? Я иг-
раю в куклы, щелкаю чиновников по носу, щиплю папа-
шин парик, кидаю ваши романы в печку... А давеча изор-
вала его статью... вот, что он говорит касательно налога
и розог.

Губернаторша. В ней нет ни капли ума!

Губернатор. В ней нет искры здравого смысла!

Губернаторша. Неужли ты ни к чему дельно-
му не способна? Держись прямой... ведь ты уж не ребе-
нок, взгляни-ка на себя, тебе шестнадцать лет.

Абрикотина. Что ж мне делать, мама? Я не ви-
новата!

Губернаторша. Учись!

Абрикотина. Вот еще!.. Учитесь сами... Я хочу гу-
лять, мне скучно сидеть за книжкой.

Губернатор. Однако ж, милая.

Абрикотина. Не хочу, вот и все тут. Что пристали,
в самом деле?

Губернаторша. Поди с глаз моих, не могу тебя
видеть без досады.

Абрикотина *(плача)*. А я заплачу!

Губернатор *(нежно)*. Поди сюда, друг мой! Поди
сюда, Абрикотинушка, на грудь твоего отца! Тебя все
бранят, обижают: не плачь, дитя мое, не плачь! Утри
глазки... *(Тихо.)* Вот тебе конфетка; спрячь! Спрячь, чтоб
мать не увидала.

Абрикотина *(плача)*. Вот вы какие, мама!.. Все бы
вам кричать да браниться... а о том не думаете, что я от
этого плачу... Дайте конфетку, что же вы? *(Вырывает у
губернатора конфеты.)*

Явление III

Те же и Тортиколь.

Тортиколь. Ваше превосходительство!

Губернатор. А, это ты, милый!

Тортиколь. Я пришел доложить вашим превосходительствам...

Губернатор и Губернаторша. Что такое? О чем?

Абрикотина (*тормошит его*). Ну что, урод? Говори! Ха, ха, ха! Какой уморительный!

Тортиколь (*откланиваясь*). Как вы милостивы... (*В сторону.*) Черт бы тебя побрал!

Губернатор. Говори!

Губернаторша. Продолжайте! В чем дело?

Тортиколь. Сейчас приехали два иностранца; по платью и по свите они должны быть очень богатые и фамильные люди. Они просят позволения вам представиться, потому что... изволите видеть, они нарочно за этим только и приехали...

Губернатор. Кто такие?

Губернаторша. Что им надобно?

Тортиколь. Одного зовут кавалер Бамбиньи, а другого принц Рике; один — с севера, другой — с запада и оба столкнулись в наших воротах, потому что оба скакали сломя голову, чтобы получить руку превосходительной и превосходной вашей дочки Абрикотины.

Губернатор (*с восторгом*). Руку Абрикотины! Ну что, сударыня, чья правда? Не говорил я вам давеча, что женихи явятся? О, я чрезвычайно дальновидный человек! Женихи фамильные, знатные, богатые, северные, западные, со всех сторон света. Это удивительно! Это историческое происшествие! Абрикотина, друг мой! Готовься! Ты у меня первая красавица! На тебе хотят жениться такие люди...

Абрикотина. Жениться!.. Ах! Как это весело! Папаша, нельзя ли поскорее!

Губернатор. Ты, милая, настоящий ребенок! Прежде надо посмотреть женихов, познакомиться с ними, а потом выбрать.

Два жениха явились вдруг,
Ну ждал ли чуда кто такого?
Теперь из них, мой милый друг,
Ты выбирай себе любого.

Абрикотина.

Нет, мы их этим оскорбим,
И выбирать совсем не надо,
А лучше вы скажите им,
Что я обоим очень рада.

Губернаторша. Прекрасно! Она, пожалуй, и при гостях отпустит такую штуку...

Губернатор. Нет, при гостях ты не говори ни слова — слышишь ли, не говори при гостях.

Абрикотина *(зевая)*. Что мне и рта не разевать!

Губернатор. Не разевай!

Губернаторша. И не зевай, это невежливо. А теперь изволь идти за мной: я велю тебя одеть, как следует губернаторской дочери и богатой невесте.

Губернатор. Да-да, как можно богаче. Побольше жемчугу да бриллиантов! С ног до головы осыпьте ее бриллиантами, я хочу, чтоб чистый их огонь зажег сердца ее женихов и ослепил им глаза.

Абрикотина. Ай да папахен! Голубчик! Красавчик! Я вас расцелую! *(Бежит к нему и вдруг ударяет его по лбу.)* Муха! Как я рада! Как это мило! Я выйду замуж! Я выйду замуж! *(Прыгая и ударяя в ладоши.)* Смотрите ж, хорошенько меня оденьте, слышите ли!

Меня оденут на показ,
С меня сводить не будут глаз,
Ах, на день, кажется, сто раз
Я б замуж вышла для проказ.

Губернатор.

Но будь разумна и к тому же
Веди себя ты поскромней!

Абрикотина.

Я поведу себя не хуже
Любезной маменьки моей!
Меня оденут напоказ,
С меня сводить не будут глаз.
Ах, я невестой быть на час
Желала б, кажется, сто раз!

Губернаторша.

Ее оденут напоказ
С нее сводить не будут глаз,
А то, пожалуй, нам проказ
Она наделает тотчас.

Губернатор.

Наряды, золото, алмаз
Ее украсят для всех глаз,
И будет от таких прикрас
Она умнее во сто раз.

Губернаторша. Ну, ну! Ступай же! Ступай скорее в свою комнату.

Абрикотина. Иду, и так иду! Ну, что вы толкаетесь? (*Прыгая и распевая.*) Я выйду замуж! Я выйду замуж! (*Уходит.*)

Явление IV

Губернатор и Тортиколь.

Губернатор. Ну, чиновник особых поручений, что скажете?

Тортиколь. Ничего особенного, ваше превосходительство. Я имел счастье доложить, что приехали двое женихов: кавалер Бамбиньи и принц Рике. Которого из двух изволите сперва принять?

Губернатор. Прими того, в котором больше нетерпения.

Тортиколь. Мудрено, ваше превосходительство, они оба чрезвычайно нетерпеливы...

Губернатор. Так того, который богаче одет.

Тортиколь. Смею доложить, оба в шитье, орденах и одеты отлично.

Губернатор. Ну, того, который выше ростом.

Тортиколь. Одного роста, выше превосходительство. На одном маленькая шляпа, а у другого большой хохол.

Губернатор. Как же быть? У которого больше лошадей в карете?

Тортиколь. Оба шестеркой. Ваше превосходительство, изволите знать, на наших дорогах и черт ногу переломит.

Губернатор. Премудренная вещь! Как же быть, милый, не составить ли по этому случаю комитет?

Тортиколь. Как заблагорассудится вашему превосходительству. Смею доложить, однако, что карета кавалера Бамбиньи прежде въехала на губернаторский двор, потому что обоим нельзя было въехать вдруг: ворота слишком узки.

Губернатор. Не вижу причины не впустить его прежде; так следует по праву... по какому, бишь, праву?.. По римскому, кажется?

Тортиколь. Точно так, ваше превосходительство, я его впущу — по римскому праву. (*Хочет идти.*)

Губернатор. Постой! Я всегда почитал тебя человеком благонамеренным, справедливым и бескорыстным

чиновником, несмотря на то, что все жители острова уверяют, будто ты дурак и мошенник! Это вздор! Не верь им, милый! Они врут, я это лучше знаю.

Тортиколь (*низко кланяясь*). Ваше превосходительство!

Губернатор. А потому я хочу доверить тебе некоторые планы, которые родились в моей голове и давно уже зреют в уме...

Тортиколь. Говорите, ваше превосходительство, вы увидите, как сильна искра той абсолютно конкретной искренности, с которой я в положительном смысле, без всяких завязанных абберраций готов, в пассивно-социальном отношении, при обширном кругозоре вашего превосходительства...

Губернатор (*перебивая*). Хорошо! Хорошо! Я тебя понимаю, слушай:

Ты на все мои вопросы
Беспристрастно отвечай,
Есть доклады, есть доносы,
Ты их дома прочитай.
Отношенья и прошенья
Рассмотреть тебя прошу.
Ты напишешь им решенья —
А я имя подпишу.
Вся подьяческая братья
Тянет взятки за одно.
И решил их всех сослать я!

Тортиколь (*кланяясь*).

И решили вы умно!

Губернатор.

Публицисты все ругают:
В желтый дом их посадить...
Пусть друг дружку разбирают...

Тортиколь.

И умней нельзя решить!

Губернатор.

А чтоб меньше было вздору,
Всех студентов поручить
Полицейскому надзору...

Тортиколь.

Что ж умнее может быть?

Губернатор.

Без стеснений и тиранства
Сбор умножить; я постиг:

Брать велю доходы с пьянства;
Пьяный к счету не привык.

Тортиколь.

Ждите самых верных шансов;
Общий вывод знатоков:
Что основа всех финансов
Есть развитие кабаков.

Губернатор.

Допущу свободу мнения,
Но шпионов заведу:
А чуть резко рассуждение,
Тотчас снова на узду.

Тортиколь.

Скажут в селах и в столице:
Вот настал свободы час!

Губернатор.

А ежовы рукавицы
Мы припрячем про запас.

Тортиколь.

С вашей хитрою наукой
Вам успеть не мудрено;
Только этой старой штукой
Надувают уж давно.

Губернатор.

Вижу, малый ты исправный,
С деловою головой;
И пока я буду главный,
Ты советник будешь мой.

Тортиколь. Ваше превосходительство, я приложу все мои старания и способности, чтобы заслужить высокие ваши милости, но при этом я считаю священным долгом просить об одном: позвольте мне всегда при подобных вызывающих вопросах подавать мое индивидуальное мнение касательно тех мероприятий, предметом которых, при нынешнем направлении политической экономии и центробежного стремления к прогрессивности, по всем законам взаимного контракта и государственного строя от самого Конфуция и до нашего великого века, с его абстрактно-импульсивным мирозерцанием, если можно так выразиться, специально в абсолютно строгом смысле...

Губернатор. Милый, мне кажется, ты несешь бессмыслицу.

Тортиколь. Напротив, ваше превосходительство; я

только говорю правду и дело, прямо и смело, как некогда сказал великий Аристотель...

Губернатор. Аристотель твой сказал вздор.

Тортиколь. Вы изволили читать великого Аристотеля?

Губернатор. Не читал, милый, и читать не буду, я знаю, что вздор. Вели впустить кавалера Бамбиньи, где он?

Тортиколь. Он дожидается в передней.

Губернатор. В передней! Тем лучше!

Во всех странах обряд один:

Кому нужна, тот и последний.

И чем важнее господин,

Тем дольше ждут его в передней.

Но, в кабинет скрываясь свой,

Свое возьмет такой отшельник;

Он для передней — деловой,

А в кабинете — он бездельник.

Зови.

Тортиколь. Слушаю-с. (*Уходит к дверям.*)

Губернатор. Как счастлив начальник, который умеет выбрать и отличить таких сметливых и глубоко-мысленных чиновников!

Тортиколь (*распахнув дверь*). Кавалер Бамбиньи! Его превосходительство вас просит.

Явление V

Те же и кавалер Бамбиньи со свитой

Большая ригурнель означает выход Бамбиньи. Он выступает гордо и на каждом шагу кланяется и, подходя ближе, поет следующую арию со всевозможными руладами.

Как бы превыспренность сила,

Надежда к вам меня манила;

Я на крыльях любви летел,

Скажите: в пору ль подоспел?

Губернатор. В пору, кавалер! Вы, верно, устали: садитесь.

Бамбиньи. Все сидел, благодарю. Оставим лишние церемонии, приступим лучше поскорей к делу, которое привело меня к вам.

Тортиколь (*в сторону*). Какой быстрый!

Губернатор. Очень рад; приступим к делу, оставим церемонии.

Бамбиньи. Отец мой получил недавно портрет прекрасной вашей дочери, в прелестнейшей оправе с бриллиантами; я вам скажу, он меня ослепил, поразил и с ума свел. Я тотчас же решился ехать на Зеленый остров... О! Если портрет сходен с подлинником, то, я вам скажу, я ничего не видывал лучше в этом роде... и нетерпеливое мое сердце — до сих пор железное — теперь разгорается желанием...

Губернатор (*в сторону*). Куй железо, пока горячо! (*Вслух.*) Позовите дочь мою! Вы ее сейчас увидите.

Тортиколь. Вот они сами изволят идти с ее превосходительством.

Явление VI

Те же, Губернаторша, Абрикотина и большая свита придворных и дам.

Хор.

Красавице невесте
Устроим торжество..
Она у нас, без лести,
Прямое божество.
К ней все сердца пылают,
Богатство ей к лицу,
И все у нас желают
Вести ее к венцу.

Губернатор. Кавалер Бамбиньи! Позвольте представить вам жену мою и дочь... Постарше-то моя жена.

Бамбиньи. Сударыни! Честь имею. (*Расшаркивается.*)

Губернаторша. Так вы удостоили нас чести и приехали сюда, чтобы...

Бамбиньи. Точно так, это я.

Губернаторша (*Абрикотине, которая потупила глаза*). Дочь моя! Вы видите перед собой... (*Тихо.*) Подними глаза, дура!

Бамбиньи. Боже мой! Что за глаза!

Губернаторша (*тихо Абрикотине*). Голову кверху! Плечи назад!

Бамбиньи. Нет, зажмурьте! Ради бога, зажмурьте эти ангельские глазки; они прожигают кафтан мой до самого сердца; я не снесу их пламени.

Абрикотина. Ах! Какой несносный! Мне велят на него глядеть, а он велит зажмуриться.

Губернаторша *(толкая ее)*. Молчи! Дочь моя! Кавалер Бамбиньи просит руки вашей.

Абрикотина. Моей руки? Извольте... вот она.

Губернаторша *(бьет ее по руке)*. Держись прямой. Это твой жених! То есть он желает на тебе жениться.

Абрикотина. Жениться? В самом деле? Это бесподобно! *(Приседая)*. Я очень рада: извольте-с.

Бамбиньи. Не в этом сила, мой ангел. Маменька вас спрашивает: чувствуете ли вы желание выйти замуж?

Абрикотина. Как же, чувствую.

Бамбиньи. То есть выйти замуж за меня?

Абрикотина. За вас... Ха! Ха! Ха! Ха! Смешной вопрос.

1

Мне все равно!

Скажу вам откровенно:

Что замуж мне хочется давно;

И кто б на мне жениться непременно

Ни захотел... так это совершенно

Мне все равно!

Мне все равно!

Бамбиньи. Как!.. Помилуйте! Позвольте... Что вы!

Губернаторша. Вас не о том спрашивают, сударыня! Совсем не то надо отвечать! Вы очень рассеянный!

Бамбиньи. Да, да, и я то же думаю... Извините, прелестная Абрикотина, я вам скажу, вы меня не поняли. Я вас спрашиваю, чувствуете ли вы ко мне что-нибудь особенное, например какое-нибудь влечение, род недуга? Как я на ваши глаза: хорош или дурен? Лучше других или хуже?

Абрикотина. Вы!.. Ха, ха, ха!

2

Мне все равно.

Я не люблю к тому же

Твердить сто раз все то же и одно:

Вам говорят, что дело только в муже,
А будь он мил иль просто неуклюжий,
Мне все равно!
Мне все равно!

Бамбиньи. Как все равно? Стало быть, что я, что урод, по-вашему, все равно?

Губернатор. Нет, почтеннейший, тут есть некоторая разница... Но она это так сказала, не подумавши.

Бамбиньи. Как не подумавши? Не верю! Этого быть не может... Кавалер Бамбиньи — и урод, я вас спрашиваю, ну идет ли одно к другому?

Губернатор. Смею вас уверить...

Бамбиньи. Не верю, генерал, не верю и не могу поверить, чтоб девушка в ее лета, с таким ангельским лицом сама по себе, не подумавши и даже не краснея, могла делать такие...

Губернатор (с гневом). Что... такие, кавалер? Что... такие?

Бамбиньи (струсив немного). Такие... ничего... такие! Такие замечания, хотел я сказать. Но вы не думайте, что имели дело с ослом, о нет, я вам скажу, вы ошиблись, жестоко ошиблись! Я не осел: я кавалер Бамбиньи, числюсь в камергерском чине, за мной волочатся графини да княгини, а потому, будьте уверены, что я не погожусь за...

Губернатор (горячо). За чем, сударь, за чем?

Бамбиньи. За вашим портретом... вот он, возьмите! А я поеду домой и скажу моим родителям, как вы меня здесь приняли и отделали! Да, да, я пожалуйюсь папаше и мамаше, и это не пройдет вам даром. (*Хочет идти.*)

Абрикотина. Он идет! Мама, мама! Он идет! Куда вы? Куда вы? (*Бежит за ним.*) Послушайте!.. Пойдите!.. Останьтесь, не уезжайте!.. Может быть, я за вас выйду, почему знать? А не выйду, так все равно: вы потанцуете у меня на свадьбе, вы танцевать-то умеете?

Бамбиньи. Видите-ли, губернатор! Не я гонюсь, а за мной гоняются.

Губернаторша. Какой позор! Какой стыд! Я вам всегда говорила, что она наделает глупостей.

Губернатор. Молчите, ваше превосходительство. У меня и так голова кругом идет.

Абрикотина. Останьтесь, говорят вам! Полноте дурачиться.

Бамбиньи. Нет! Ни за что не останусь!

Как! Меня не уважать!
Мной, как пешкою, играть!
Надо знать,
Наша знать
Не привыкла все прощать!
Ждали вы издалека
Увидать здесь дурака?
Не легка, дорога
Будет вам моя рука.

Абрикотина.

Что ж он раскричался?

Губернатор.

Верно, помешался.

Абрикотина.

Ах! Какой же он смешной!
Уморительный какой!

Бамбиньи.

Я взбешен, я посрамлен
И смешон со всех сторон...
Выйду вон!
Мой поклон!
Но я буду отомщен!

Свита Бамбиньи.

Нас могли не уважать!
Женихом пренебрегать!
Наплевать,
Но за знать,
Мы умеем отомщать.
Кавалер теперь смешон,
Потому что он взбешен,
Но поверьте, будет он
Нами скоро отомщен!
(Все уходят.)

Явление VII

Те же, кроме Бамбиньи и его свиты.

Губернатор. Ушел? Ну и черт с ним! Тем лучше; подавай другого!

Губернаторша. Как! После того, что здесь случилось?

Губернатор. Все равно; пока дело еще не простыло, подавай!

Губернаторша. Помилосердуй, опомнись!

Губернатор. Оставьте меня в покое, сударыня! Я знаю, что делаю. Подавай! Остаешься здесь, Абрикотина. Подавай, я докажу, что я человек с характером: ты будешь нынче замужем во что бы то ни стало. Подавай!

Абрикотина. Так поторопитесь, папаша! Мне уж надоело дожидаться, я и то весь день на ногах.

Губернатор. Где же прекрасный принц Рике?

Тортиколь. Он здесь, в приемной. *(Отворяя дверь, докладывает.)* Принц Рике!

Явление VIII

Те же и принц Рике. Принц входит быстро и на все стороны расшаркивается. На шее у него висит портрет Абрикотины в бриллиантовой оправе. При его появлении все, кроме Тортиколя, с криком разбегаются в разные стороны. Каждый останавливается в испуге у дверей, чтобы еще раз взглянуть на это чудо, и все с ужасом поют следующее.

Хор.

Что за чудо! Что за диво!
Все в нем странно, косо, криво!
Это сам Асмодей!
Убежим поскорей!
(Все разбегаются.)

Явление IX

Тортиколь и принц Рике.

Рике *(с удивлением)*. Кой черт! Все бегут! Что бы это значило?

Тортиколь. А вы не догадываетесь?

Рике. Нет.

Тортиколь *(в сторону)*. Недогадлив, нечего сказать.

Рике *(поправляя хохол)*. Признаюсь, хороша встреча жениху! Такой прием не много обещает страстному любовнику.

Тортиколь. А вы влюблены в прекрасную Абрикотину?

Рике. Как же! Я ее обожаю.

Тортиколь. Но вы с ней незнакомы.

Рике. Нет, знаком, по портрету.

Тортиколь. Напрасно вы ей не прислали своего... Может быть, сберегли бы дорожные прогоны.

Рике. Вы полагаете? Почему ж бы так?
Тортиколь (*подавая ему зеркало*). А вот, не угодно ли взглянуть.

Рике. Что ж? Неужели я нехорош собою?

Тортиколь. Некрасивы, ваша светлость.

Рике. И, полноте, это вам так кажется.

Тортиколь. Однако вы, верно, сами видите?..

Рике. Вздор, вы слишком взыскательны...

Тортиколь. Но ваш горб, ваши ноги, бельмо вашей светлости?

Рике. Пустое. Вы придираетесь ко всякой безделице... Как горбун я хорош и прекрасен, если хотите.

Тортиколь. Не смею спорить, но...

Рике. Надо глядеть на предметы с хорошей их стороны...

Тортиколь (*хрдит вокруг него*). С которой стороны прикажете на вас смотреть?

Рике. Я со всех сторон имею очень много преимуществ; стоит их только рассмотреть.

Тортиколь вынимает зрительную трубку и разглядывает его со всех сторон.

Рике.

Хоть меня-таки природа
Кое в чем пообочла,
Но не спросту как уroda
На смех людям отдала.
Рост кривой, смешное тело
На девиц наводит страх;
Но как вникнуть в это дело,
Так я вышел в барышах.
Все людское наше племя
Тянет лямку сгоряча.
Мне ж судьба земное бремя
Все взвалило на плеча.
У иных с лица все гладко,
Нет морщинки, нет пятна,
А сердечная подкладка
Поизмята и черна.
Я ж с фигурою смешною,
Кривоглаз и кривобок!
Но зато кривить душою
Я считаю за порок.

Я туг на ухо: прекрасно!
Хоть отвечу невпопад,
Но зато при мне всечасно
Обо мне везде кричат.
Я с бельмом: чины большие
Не спят за то меня
И все низости людские
Вполовину вижу я.
Я с хохлом большим, так что же?
Пусть хожу я петухом,
Нынче много молодежи
Отличается хохлом!
Кривоног, а по дороге
Я прямой умел идти,
У других прямые ноги,
А сбиваются с пути.
В миловидности природа
Хоть меня пообочла,
Но зато другого рода
Много прелестей дала.
Я в людском теряю мненья,
Но лишь с виду вся беда,
А в моральном отношеньи
Я красавец хоть куда!

Тортиколь. Честь имею вас поздравить! И сейчас доложу его превосходительству, что вы имеете самое высокое мнение о своих достоинствах и красоте; может быть, они вам поверят на слово.

Рике. И отдаст за меня свою дочь; прекрасно! Нынче все таким образом достигают цели, и, если кто хочет выиграть в мнении света, так должен кричать о себе без умолку до тех пор, пока ему все поверят! В наш век эгоизм сделался божеством, ему все приносится в жертву: и правда, и правосудие, и честь, и честность, и дружба, и спина, и даже любовь.

Да, самолюбие конек!
На нем весь свет галопирует;
Нам каждый задает урок,
А сам себя не растолкует.
Но быть оракулом земли
Искусство, право, небольшое:
Себя везде, всегда хвали
И вечно все брани чужое.

Тортиколь, раскланиваясь, уходит.

Явление X

Рике, один.

Рике. Ну видывал ли кто-нибудь красавца жениха, как я? Правда, одноглазый муж не может быть Аргусом; но зато сколько невыгод для несчастной жены! Если она нежна, нельзя обнять порядком: откуда ни зайди — горбы мешают; если она светская девушка, нельзя пройти в мазурке: ноги слишком кривы; если она зла, не может вцепиться в виски дражайшей половины, потому что на голове пустыня и один только хохол возвышается наподобие египетской пирамиды; а, говорят, без этого трудно жене обойтись. Охота же была мне тащиться такую даль, чтобы разогнать весь народ и самому ни с чем отправиться домой. Странная мысль — искать руки первой красавицы, стоя на такой ноге, как я! Но все равно, дело сделано, и мне остается только думать о том, как бы не ударить лицом в грязь О, Карабосса! Волшебница мудрая и знаменитая! Повелительница тридесатого царства! Покровительница всех уродов и выродков, правительница тьмы кромешной, самодержица подземных чертогов, царица всех гномов, сильфов и лесовиков, и проч., и проч., и проч.! Ты мне смолоду много обещала. Докажи же теперь свою нежность, если можешь! Выведи меня из затруднительного положения и вразуми, что делать: остаться ли здесь и пугать человечество или, не добившись толку, благополучно отправиться во свояси!..

Зову тебя: приди, приди,
Моя драгая Карабосса!
И душу ты мне отведи,
Пока не наклеили носа!
Примчись верхом, пешком приди,
Тебе пустого это стоит;
Но ты любовь в моей груди
Одна лишь можешь успокоить.
Зову тебя! Приди, приди,
Моя драгая Карабосса!
Из Петербурга, из Москвы,
Из Рима, Лондона, Самоса
Примчись на зов мой, Карабосса,
И выбей дурь из головы!
Зову тебя! Приди, приди!
Моя драгая Карабосса!

Явление XI

Рике и фея Карабосса.

Слышны отдаленные раскаты грома и звуки арфы. По сцене пролетают огненная змея и вслед за ней на облачных колесах кабриолет Карабоссы в виде морской раковины, запряженной четверкой больших раков, на запятках пара лягушек в ливрее.

Рике. Что я вижу?

Фея (*сходит с колесницы*). Это я, твоя покровительница!

Рике. Создатель! Моя покровительница — сущая ведьма!

Фея.

1

Вот и я, мой милый сын!
Что глядишь ты косо?
Не за то ль, что я с родин
Неказала носа?
Благодарен будь судьбе,
Что пришла теперь к тебе
Фея Карабосса!

2

Я люблю всех горбунов,
Езжу к ним без спроса,
И ко мне уж чудаков
Много набралось.
И на твой призывный глас,
Сын мой, тотчас принеслась
Фея Карабосса!

Рике. От всей души вам благодарен, милая фея! Извините только, что я так удивился при первой нашей встрече: я вас еще никогда не видал...

Фея. Как не видал? Что ты, дружок! Верно, позабыл: а в тот день, как ты родился?..

Рике. Виноват!.. Но я тогда был еще так молод...

Фея. Помнишь ли, какой я принесла тебе подарок?

Рике (*указывая на горб*). Уж не эту ли возвышенность?

Фея. Да... возвышенность души. Ты родился урод уродом, мне стало жалко. Я одарила тебя остротой, веселостью и главное — здравым смыслом; а это большая редкость в наше время.

Рике. Как вы милы, Карабосса! Я, кажется, расце-

ловал бы вас, если бы был тогда постарше, а вы помо-
ложе.

Ф е я. Сверх того, я предсказала, что ты влюбишься
в первойшую красавицу и что она тебя полюбит.

Р и к е. Так я вас поздравляю, покровительница!
Предсказание ваше сбылось.

Ф е я. Ну, вот, видишь ли!

Р и к е. Вы, верно, знаете прекрасную Абрикотину?
Я в нее влюблен по уши; приехал свататься, сейчас толь-
ко ей представился, и вы не можете вообразить, какое
я произвел на нее впечатление.

Ф е я. Право?

Р и к е. Она ахнула, зажмурила глаза, кинулась бе-
жать, все за ней, и я остался один как рак на мели...
(Хохочет.) Об этом-то я и хотел с вами посоветоваться,
почтенная Карабосса! Я решительно не знаю, что мне
делать.

Ф е я. Эх! Молодой человек, и такая безделица тебя
обескуражила? Стыдись, мой друг! Ведь Абрикотина —
дура.

Р и к е. Полно, так ли-с?

Ф е я. Дура, пошлая дура, несмотря на то, что краса-
вица... Но это ничего не значит, это довольно часто бы-
вает.

Р и к е. Часто? Отчего же?

Ф е я. Оттого, что родители, видя смазливое личико
дочек, сами на них не надивятся. А там гувернантки в
уюду родителям да молодые волокиты в угоду дочек
твердят им беспрестанно, что они чудо что такое: краса-
вицы, умницы, разумницы — ну так, что собьют их с по-
следней крошки здравого смысла. Головка их набивает-
ся лентами, шляпками, причудами и всякой модной
глупостью, выписанной из-за границы. Вместо книжки
они глядят в зеркало, в графини, да в принцессы; вмес-
то хозяйства занимаются балами да пересудами; вместо
того чтобы быть милыми, женственными — везде первые
выскочки и рвутся за военных. Отец и мать в них души
не слышат, а порядочные люди души не видят, а в сущ-
ности они только куклы для примеривания платьев с
хвостами и без хвостов. И это все называется модным
воспитанием.

Р и к е. Так поэтому и Абрикотина?..

Ф е я. Нет, ты можешь из нее сделать даже умницу.

Р и к е. Умницу! Что вы? Будто это так легко. Ведь

для этого, говорят, надо пройти целый курс математики, психологии, истории да выучить статистику наизусть, а без того у нас не назовут умной.

Фея. Ты меня не понял. Я говорю об уме, который рождает в сердце девушки мысль об ее назначении, наполняет глаза каким-то волшебным огнем, оттеняет черты выразительностью, придает устам свежесть розы, а щекам — румянец зари предрассветной.

Рике. И зажигает в сердце мужчин неугасимый огонь, которого она должна быть вечной весталкой. Но для того чтобы я произвел в ней эту перемену, нужно очень многое. Нужно, во-первых, чтоб она от меня не бегала; во-вторых, чтобы она отвечала моей нежной страсти и вышла за меня замуж, а в-третьих... в-третьих-то, уж после; это придет само собой... Да нельзя ли вам, прелестная фея, сделать из меня что-нибудь порядочное? Выправить немножко ноги, сколоть бельмо да хоть капельку сдвинуть горб. Крайне обяжете! Что же касается до хохла, так не троньте: хохлы нынче играют большую роль.

Фея. Все эти недостатки пропадут, только бы Абрикотина призналась, что тебя любит. Одна молодая волшебница из моих знакомых дала ей силу сделать своего жениха красавцем в первый вечер свадьбы.

Рике. Признаюсь, работы много будет и спереди и сзади... Впрочем, фея должна знать свое дело.

Фея. Прощай! Абрикотина скоро придет: постарайся, чтоб она тебя поцеловала — и все дело пойдет на лад. А я полечу к одному хрому поэту, который описывает свой идеал и третий день мучится над рифмой к четвертому стиху, надо помочь ему.

Рике. Позвольте вас проводить, маменька! Боже! Что за экипаж! Что за иноходцы! А много ль вы делаете в одну упряжку?

Фея. Везде поспеваю, мой родной!

Рике.

Фаэтон у вас забавный!
Но спокойна ли езда?
А четверки такой славной
Не встречал я никогда.
Раки лезут вон из кожи,
Вы ж смеетесь тайком,
И как многие вельможи —
Поднимаетесь ползком.

Фея (*садится в колесницу и уезжает*). До свидания, милый Рике! Положись на меня, а к вечеру я опять буду здесь.

Явление XII

Рике и Абрикотина.

Рике (*вслед Карабоссе*). Прощайте, моя прелесть!.. Держитесь, пожалуйста, покрепче! Да приудерживайте своих ползунов... Смотрите, смотрите, смотрите... осторожней! Вы можете легко зацепиться за облачко... Мила! Нечего сказать. Видно, и я по матушке пошел... Тс! Кто-то идет? Это Абрикотина! Бог мой! Она в слезах. Тем лучше. Прекрасный случай подъехать к ней с утешением и пуститься в нежности. А пока спрячусь вот сюда: под защиту Амура, чтоб ее не испугать.

Абрикотина (*в слезах*).

Боже мой! Что за срам!
Меня бьют по щекам!
И за что я страдаю всечасно?
О, мой бог! Неужли
Мне терпеть, чтоб могли
Все меня обижать так напрасно!

Рике.

Но кто ж вас обидел? Кто был так жесток,
Что вас, моя прелесть, ударить он мог?

Абрикотина.

Да маменька вечно дерется моя!

Рике.

Так вы для защиты возьмите меня.
Чтоб ваших прелестных не портили глаз,
Уж лучше меня пусть колотят за вас!

Абрикотина (*оборачиваясь во все стороны*). Да кто это со мной разговаривает?

Рике. Я!

Абрикотина. Вы? Да где же вы? Здесь, кажется, никого нет, кроме этого глупого истукана.

Рике (*в сторону*). О бог любви, защити меня!

Абрикотина. Куда вы спрятались? Послушайте, голубчик, скажите! Вы не отвечаете? А, понимаю, вы хотите играть со мной в гулячки... Я должна вас искать... Найду! Тотчас найду, только аукнете.

Рике. Нет, прелестная Абрикотина, не старайтесь

узнать, где я спрятан! Лучше станем говорить издали... Я очень жалею о вашем горе... Скажите, пожалуйста, за что это вас обижает маменька? Что вы сделали?

Абрикотина (*опять начинает плакать*). Я ничего не делала! А меня за это наказывают. Здесь в доме все ко мне придираются. Что бы я ни стала делать, все не по них: сорву с учителя парик, кричат: «Шалишь!» Стану кидать мячик: «Разобьешь зеркало!» Начну мучить ко-тенка, кричат: «Брось, ты его задавишь до смерти!»

1

Здесь без дальних справок
Все меня бранят!
Дразнят и вдобавок
Плакать не велят;
То: «Не так одета,
Не умеешь статьи!»
Так что мне со света
Впору убежать.

2

Там кричат: «Ты дура!»
Здесь: «Ты не умна!»
«Вот карикатура,
Как она смешна!»
Но кричат некстати,
Что я без ума,
В этом виноваты
Папа и мамá!

Рик е. Правда, мой ангел: во всем виноваты ваши родители. Но вы сами могли бы очень легко устранить все эти неприятности.

Абрикотина. Знаю, что могла бы, да не знаю как?

Рик е. Самым простым средством; стоит вам только поумнеть.

Абрикотина. Поумнеть!.. Все то же говорят, да ведь это очень трудно... Я уж пробовала... да не знаю, как приняться. Научите меня, ради бога.

Рик е. Извольте! С большим удовольствием. Я могу вас сделать умной.

Абрикотина. Можете? Поэтому вы колдун? Ах, покажите мне, пожалуйста: я никогда не видала колдунов. Говорят, они страшные: с желтыми глазами, с ог-

ромной бородой, с рогами... А есть между ними, говорят, и прехорошенькие.

Рике. Нет, я вам не покажусь.

Абрикотина. А что? Разве вы страшный? Вы с бородой?

Рике. Нет!

Абрикотина. С рогами?

Рике. Нет еще.

Абрикотина. Голос у вас такой приятный: вы, верно, из милых колдунов?

Рике. Н-да.

Абрикотина. Вы, должно быть, очень милы.

Рике. Н-да.

Абрикотина. Очень ловки?

Рике. Да, но...

Абрикотина. Вы не горбаты? Я до смерти боюсь горбунов! Вы, верно, не похожи на давешнего горбунчика, уродца... который вздумал было...

Рике. Да-да, точно! Но оставим этот разговор! Он нас отвлек от главной цели... Вы хотели, кажется, поумнеть?

Абрикотина. А вы хотели научить меня уму-разуму... Как же это вы сделаете?

Рике. Я вас заговорю. Во-первых, надо вам завязать глаза.

Абрикотина. Да этак я не увижу, как поумнею.

Рике. Так и надобно.

Абрикотина. Поэтому, чтобы быть умной, надо быть слепой?

Рике. Почти что так: не надо глядеть на слабости людей, а пуще на телесные недостатки.

Абрикотина. Так начинайте.

Рике *(крадется к ней с повязкой)*. Не трогайтесь с места: опустите руки, глядите вперед... прямо... вдаль. *(Накидывает на глаза платок и завязывает сзади.)* Когда я кончу заклинанье, вы снимите повязку, и завеса спадет с ваших глаз...

Абрикотина. Прекрасно. А пока, знаете что? Давайте играть в жмурки!

Рике. В жмурки? Ха, ха, ха! Прекрасная выдумка!

Абрикотина. Чему же вы смеетесь? Разве я что-нибудь глупое сказала?

Рике. О нет! Напротив: жмурки — игра преинтересная и притом очень обыкновенная между людьми.

Да, в жмурки все играем мы на свете,
И слепоты нельзя нам миновать;
У всех людей есть призрак на примете,
Его хотим мы ощупью поймать.
Но все идем напротив назначенья,
И целый свет навыворот идет;
Тому дан дар, а надобно именье,
И он свой дар карману в дар несет,
Иной в глупцы был посвящен судьбою,
Но в знать попал и в умники шагнул.
Другой рожден с прекрасною душою,
А злобный рок в крючок ее согнул,
Иной весь век в пыли газетной рылся,
Писал, корпел и лекции читал;
И думает, что славы он добился,
А он — увы! — лишь время убивал!
Тот торговал и вдруг проторговался —
Что ж, обеднял? Нет, нажил капитал!
Другой чудака за почестью погнался...
И вдруг вдову с мешочками поймал.
Иной в звездах, а кажется все мало,
Он генерал, да ловит аксельбант,
А между тем супругу генерала
Затянутый прельщает адъютант.
Да, в жмурки все играем мы на свете,
И слепоты нельзя нам миновать;
У каждого свой призрак на примете,
Все ощупью хотят его поймать!
И жмурки здесь ни прозой, ни стихами
Философам никак не истребить,
Пока бежит фортуна перед нами,
А мы ее не знаем, как схватить.

Абрикотина. Вы поете очень мило. От вашего пения я до сих пор еще без ума... Когда ж вы начнете ворожить?

Рике. Как скоро вы дадите мне честное слово, что выйдете за меня замуж.

Абрикотина. Замуж? Да ведь я вас совсем не знаю.

Рике. Нужды нет: вообразите себе, что вы идете замуж по страсти или по расчету... Такие супруги никогда друг друга порядочно не знают.

Абрикотина. Это очень мило! Извольте: я выйду за вас; только начинайте поскорей колдовать!

Других умнее быть!
Что может быть милее?
Начните же скорее
Уму меня учить!

Р и к е.

Я стану воровать,
И после до могилы,
Клянуся, ангел милый,
Тебя одну любить!

(Схватывает ее руку.)

Абрикотина *(в смятении)*. Ах, боже мой! Вы, кажется, целуете мою руку? Разве это нужно?

Р и к е. Необходимо!.. И если б вы решились поцеловать меня самого...

Абрикотина. Поцеловать? Что вы! Что вы!.. Разве в таких случаях целуются?

Р и к е. Непременно: в том-то все очарование.

Абрикотина. Когда так! Извольте... я вас целую, только с уговором... я немножко робею, при том же:

Мне вовсе не видать...
Глаза вы завязали,
И вам самим нельзя ли
Меня поцеловать?

(Подставляет ему щечку.)

Р и к е *(целует ее с восторгом)*. Извольте!

Абрикотина.

Что со мной? От стыда
Я будто покраснела,
Неужели поумнела?

Р и к е *(целует ее еще раз)*.

Да, да! Да, да!

Абрикотина. Ах!

Слышен сильный перекал литавр и нежные звуки арфы и флейты. Музыка изображает быструю перемену, которая происходит в Абрикотине.

(Срывает с глаз повязку. Все черты лица ее приняли совсем другое выражение. Она с восторгом и удивлением глядит вокруг себя и не может собраться с мыслями.)

Р и к е убегает.

Явление XIII

Абрикотина одна.

Где я? И что со мной?.. В забвении теряюсь:
Повсюду жизнь и свет, куда ни обращаюсь!
Какой-то новый мир представился глазам...
Вся кровь моя в огне, я вся перерождаюсь...
И будто от земли несуся к небесам...

(Глядит в небо.)

Но от чего во мне такая перемена?
И с глаз моих упала пелена!
Как будто бы от тягостного плена
К свободе и любви я вновь возвращена!
Мой ум кипит... в душе волнение!
И страх... и грусть... и радость... и томление.
Где ж он? Где он?.. Он мил! Он добр! Он мой!
Но кто же он? Посланник неземной?
Иль мечты моей прекрасное создание?
Иль ангел добрый мой; души моей призванье?
Он храм воздвиг во мне, и в нем он идол мой;
Он озарил мне ум, но... отнял мой покой!
(Закрывает лицо руками и быстро бежит со сцены.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Парк губернаторского сада. Вдали приятное сельское местоположение. Везде деревья, цветы и статуи. Направо цветочная беседка, и вблизи дупло. Налево красивый грот, около которого льются каскады.

Явление XIV

Губернатор, губернаторша и Тортиколь.

Губернатор. Не могу понять, что бы это значило? Ты говоришь, милый, что Абрикотина совсем переменялась?

Тортиколь. Точно так, ваше превосходительство, соблаговолили перемениться...

Вся она переродилась,
Удивился, право, я!
До того переменялась,
Что узнать совсем нельзя.
Говорит так резко, смело,

По печатному точь-в-точь.
Помилела, поумнела...
Словно как не ваша дочь.

Губернатор. Как приятно быть отцом такой дочери! Однако я хотел бы знать причину этой быстрой перемены?..

Губернаторша. Причина ясная: образумилась, да и все тут. Когда б видели, как она стала мила, обходительна!

Тортиколь. Восхитительна!

Губернаторша. Как умно рассуждает.

Тортиколь. Как профессор: иногда не доберешься до смысла. Все свысока и преглубоко.

Губернаторша. А танцует — прелесть! Выделяет па...

Тортиколь. Как балетный фигурант.

Губернаторша. Поет...

Тортиколь. Как зяблик...

Губернатор. Господи, боже мой! Во всем перемена! Даже и в гортани.

Губернаторша. И представь себе: Бамбиньи обкусал себе пальцы с досады, что он так некстати вспыл и отказался от ее руки.

Губернатор. А помнишь ли, милая, я всегда говорил, что в этой девочке будет прок.

Тортиколь. И я имел честь говорить то же самое, что ваше превосходительство.

Губернатор. Ты всегда говоришь дело, бескорыстный чиновник!

Губернаторша. Все это хорошо... А мое мнение — выдать ее поскорей замуж.

Губернатор. За кого, милая? За кого?

Губернаторша. Хоть бы за кавалера Бамбиньи. Благо он бесится. Человек он не простой: умный, богатый, знатный; отец его в силе, в связях; не мешает войти с ним в родство: пригодится. Правда, он с неба звезд не хватает, но зато на земле не попадайся.

Губернатор. Правда!.. Дело!.. Что дело, то дело... Видите, сударыня, когда вы дело говорите, я всегда отдаю вам справедливость. Но где ж, Абрикотина, надо спросить ее...

Абрикотина показывается вдали с книгой в руках; не замечая присутствующих, она идет в задумчивости к авансцене.

Тортиколь. Взгляните: вот она, ваше превосходительство.

Губернатор. Тс! Отойдем все к стороне!..

Губернаторша. И станем замечать, что она будет делать.

Тортиколь. Сובлаговолите, ваши превосходительства, вот сюда, в беседку; отсюда, смею доложить, все видно, а вас совсем не видать...

Губернатор. Да, да! Гениальная мысль! Ты великий человек!

Явление XV

Те же и Абрикотина.

Абрикотина.

Вот здесь, в святом уединенье,
Пусть мирно жизнь моя летит!
О счастье, неге, наслажденье
Мне все здесь звучно говорит.
Как воздух дышит сладострастно!
Как блещет яхонт облаков!
И я во всем здесь вижу ясно
Отца предвечную любовь!

Губернатор. Она так замечталась, что ничего не видит и не слышит.

Губернаторша. Не надо ее развлекать.

Абрикотина (*увидав их*). Ах, это вы, папа! Извините: я вас не заметила, я так была занята чтением... Книга очень интересная.

Губернатор (*в сторону*). Верно, мой проект о налоге на сапоги! Или какое-нибудь из моих политико-экономических сочинений, потому что, кроме них и адрес-календаря, у меня в доме других книг не водится... (*Вслух.*) Читай, читай, милая! Это образует твой вкус!

Губернаторша. А мы сейчас только говорили о тебе. Мы очень радовались перемене, которую в тебе заметили.

Абрикотина (*с удивлением*). Во мне, мама? Какую перемену?

Губернатор. Как? Разве ты не помнишь, что ты еще недавно была... то есть, что еще недавно тебя называли... как бы сказать... Ну, да ты меня, верно, понимаешь?

Абрикотина. Нет, папа! Я вас совсем не понимаю.
Губернаторша. То есть, я хочу сказать, что нынче утром ты болтала, как настоящий ребенок... так... всякий вздор болтала... а теперь, говорят, ты судишь так здраво, так умно... чуть ли не умнее меня... Я от этого без ума! Но скажи мне, пожалуйста! Где ты набралась такой премудрости?

Абрикотина. Я, право, не знаю и понять не могу, чему вы так удивляетесь и за что меня хвалите?

Тортиколь *(в сторону)*. Видно, у ней всего много, только память коротка.

Губернатор. Говорят, милая, ты танцуешь, как зяблик, и поешь, как фигурант; признаюсь, мне бы очень хотелось послушать...

Абрикотина. Помилуйте, папа! Стоит ли труда!

Губернатор. Спой, милая, спой, и не жеманься.

Абрикотина. Если вам угодно — извольте.

Явление XVI

Слышны невидимые аккорды. С левой стороны розовый куст превращается в большую корзину с цветами, в которой сидит целый оркестр амуров и гениев с разными инструментами, а с другой стороны быстро спускаются на лучезарном облаке Амур и Психея (как эмблема красоты и гармонии) и подносят Абрикотине золотую лиру.

Губернатор. Ба! Это что за чудеса?

Тортиколь. Чертовская механика! Смею доложить.

Абрикотина *(взявши лиру, берет несколько аккордов)*.

В продолжение пения амуров и гениев составляют около нее пластические картины, а в конце каждого куплета все вместе с нею танцуют.

1

Ах! Девушки, внимлите,
Что я вам пропою;
И в сердце запишите
Вы песенку мою.

И прелесть и уборы
Пленяют только взоры...

Губернатор. Правда, милая, правда!
Абрикотина.

2

Ах! Люди молодые!
Оставьте мотовство,
Все вздоры выписные,
Пустое франтовство!

Вам нужны ум и знания,
Не фарсы, не кривлянья!
Дух чести, дар ума и к родине любовь,
Вот что пленяет нас и нам волнует кровь!

Губернатор и Тортиколь. Правда! Правда!
Правда!
Абрикотина.

3

А вы, что век отжили,
Седые старички!
Вы много пошалили;
Теперь, надев очки,
Вам стыдно волочиться:
Пора остепениться!

Глядите за детьми, давайте им уроки:
Идет к вам седи́на, но к ней нейдут пороки.

Губернатор. Браво! Браво! Прекрасно! Чрезвычайно! Милая, по имени нашего острова я велю называть тебя не иначе как зеленым соловьем.

Тортиколь. Да здравствует зеленый соловей!

Губернатор. Дочь моя! Мы замечаем, что какая-то сверхъестественная сила одарила тебя умом и талантами. Учить тебя больше нечему; а потому ты должна выйти замуж за кавалера Бамбиньи.

Абрикотина. За кавалера Бамбиньи? Помилуйте, я его не знаю и никогда не видела.

Губернатор. Ну, как не видела... А еще утром?.. Такой ловкий, ужимистый мужчина... Милая, да ты с ним разговаривала.

Абрикотина. Я разговаривала?.. С кавалером Бамбиньи? Вы шутите, папа! Быть не может!

Губернатор. Нет, шутки в сторону; сделай одолжение — выдь за него замуж; ты меня этим крайне обяжешь... и мамашу также... Не правда ли, ваше превосходительство?

Абрикотина. Вы этого желаете, он вам нравится... довольно... я согласна.

Сильный удар грома и продолжительный подземный гул.

(Вздрагивает.) Боже! Что я сказала?

Губернаторша. Ничего: это гроза, пройдет. (Мужу.) Послушайте, мне кажется, нам зевать нечего; может быть, ум дан ей только на время. И пока она не успела образумиться или сойти с ума, нам не мешает приготовить все нужное к свадьбе.

Губернатор. Конечно. Я дам великолепный бал. Пускай весь остров празднует счастье моей дочери... Не так ли, Тортиколь?

Тортиколь. Совершенно так, ваше превосходительство. Я только хотел об этом вам доложить.

Губернатор. Удивительный человек! Как он всегда умеет угадывать малейшую мысль мою! (Предлагая руку жене.) Угодно? Абрикотина! Пойдем с нами, милая...

Абрикотина. Мне хотелось бы дочитать эту статью.

Губернатор. А это другая статья! Тебе хочется быть одной. Понимаю! Понимаю! Оставим ее, ваше превосходительство, она после придет.

Губернаторша. Дочь моя! Я объявлю кавалеру Бамбиньи о вашем согласии и велю всему двору готовиться к торжественному вашему обручению. (Уходит с губернатором.)

Тортиколь издали за ними следует.

Явление XVII

Абрикотина одна.

Абрикотина. Итак, я выйду замуж! И за кого же? За какого-то кавалера Бамбиньи, которого я сроду в

глаза не видела и с которым, говорят, я нынче долго разговаривала. Хорош ли он по крайней мере? Умен ли? Ах, боже мой! Боже мой! Как обидно выйти за человека, которого совсем не знаешь. Однако, мне кажется, я знала... я видала где-то мужчину... не могу только припомнить где? В моих мечтах, наяву или во сне? О! Тот очень мил. Я не разглядела лица его... но голос его был так сладостен, слова так приятны, они доходили прямо к сердцу.

Я помню, он преподавал
Мне очень странную науку!
И с жаром страсти целовал
Мою трепещущую руку.

И что ж? Урок его проник
До глубины моей сердечной;
И я, как добрый ученик,
Ему доверилась беспечно!

И помню я, что про любовь
Большое было объясненье;
А речь его невольно в кровь
Вливала смутное волненье.

Но это всё мечта одна!
Она во сне мне представлялась.
Ах, если б от такого сна
Я целый век не пробуждалась!

Явление XVIII

Абрикотина, фея Карабосса и принц Рике.
Во время ления Абрикотины фея выходит медленно из грота и выводит за собой Рике.

Фея. Она мечтает... тем лучше! Погоди, я заведу с нею разговор. (*Ударяя Абрикотину по плечу.*) Душа моя! Что ты так задумалась!

Абрикотина (*в испуге*). Ах!

Фея. Не пугайся! Я была смолodu такая же хорошенькая, как ты...

Абрикотина (*все еще в испуге*). Как я?..

Фея. А со временем и ты будешь такая ж, как я...

Абрикотина. Как вы?

Фея. Ведь я покровительница принца Рике.

Абрикотина. Принца Рике? Зачем же вы пришли меня пугать?

Фея. Ты нынче утром была еще глупенькая девочка... А мой Рике в тебя влюбился и переделал тебя на свой лад... Ты стала умна, рассудительна, и он пришел просить награды.

Абрикотина. Какой награды?

Фея. Известно какой!.. Чтоб ты исполнила данное обещание...

Абрикотина (*почти сквозь слезы*). Помилуйте! Какое обещание?

Рике (*робко подходя и кланяясь*). Прелестная Абрикотина!

Абрикотина (*вскрикивает с ужасом и перебегает на другую сторону*). Ай! Ай!

Рике (*про себя*). Вот тебе и здорово живешь! (*Опять подходит к ней.*) Как! Неужели вы позабыли, что хотели быть моей женой?

Абрикотина. Что вы! Что вы! Бог с вами! Не подходите! Оставьте меня, пожалуйста! (*Перебегает на другую сторону.*)

Рике. Однако вы дали мне слово!

Абрикотина. Помилуйте, разве я сошла с ума?

Рике. Нет, вы были тогда без ума...

Абрикотина. От вас? Так, извините, это случилось как-нибудь по ошибке... Где ж у меня были глаза?

Рике. Они были завязаны. И потому вы не могли меня разглядеть... Я за вами ухаживал, целовал ваши ручки... ваши губки, хотел перелить в них свою душу, истощал все свое искусство, чтоб пробудить в вас мысли...

Абрикотина (*стараясь собраться с мыслями*). Как! И это были вы? Нет, нет! Невозможно!

Рике (*поправляясь*). Да неужели я так безобразен?

Абрикотина. Вы?.. Я... Как бы вам сказать... Вы, ей богу, не хороши.

Фея. И, душенька! Поглядишь на него десяток-другой лет — и обойдется. Я сама такая-то была смолоду, а потом полюбила горбунов: что за милый народ горбуны! К тому ж, друг мой, не надо быть слишком разборчивой: я видала не одну невесту — сначала тасует, тасует женихов, а там, глядишь, рада-радехонька хоть за валета вин-

нового... (*Рике.*) Что ж ты не любезничаешь? Без любезностей у женщин не далеко уйдешь.

Рике. Хорошо вам рассуждать, покровительница! А мне приходится плохо: пока она слушает, дело все идет на лад, а взглянула, так и начинай сызнова. Пренеприятная вещь, когда физика не соответствует моральным способностям. (*Подходя к Абрикотине.*) Сударыня! Положим, что я некрасив! Положим даже, что я урод в некотором смысле, но что вы скажете о моем нраве, обхождении?

Абрикотина. Вы очень милы, даже любезны... но...

Рике (в сторону). Проклятое но! (*Вслух.*) Если бы вы попробовали в меня влюбиться и выйти замуж, мы были бы презавидная парочка!

Я знаю сам: я не красив!
И на себя гляжу престрого:
Немножко крц, немножко крив,
И, сверх того, горбат немного.
И я о качествах своих
Не говорю... А вот в чем дело:
В вас красоты есть на двоих,
А муж с женой — одно лишь тело!

Абрикотина (в сторону). Как жаль, что он такой страшный... В нем должно быть предоброе сердце... Я не знаю, отчего я чувствую к нему особенное влечение?

Рике. Ах! Прелестная Абрикотина! Будьте снисходительны! Видите, я у ваших ног!

Дождусь ли я любви в ответ,
От вас сердечного участия!
Мне без него пустыня свет:
Я в нем найду одни ненастья!
Но взор ваш нежный и привет
Почел бы я зарею счастья!

Абрикотина.

Ах! Бедненький! Как он влюблен!
Как на меня глядит он страстно!
И неужель страдать напрасно
Он будет мною осужден?
Ах, нет! Давно душой прекрасной
С моей душой сроднился он!
Она по нем уж тосковала
Давно пророчески во мне,
И сердце тотчас угадало,
Что он являлся мне во сне.

Р и к е.

Я нехорош собой!
Нельзя в том сомневаться,
Но можно ли пленяться
Наружной красотой?
И я бы все, конечно,
Той девушке простил,
Которую сердечно
Навеки полюбил.

А б р и к о т и н а.

Он нехорош собой,
В том надобно признаться.
Но может ли сравняться
Лицо с его душой?
Он так чистосердечно
Со мною говорил,
Что сердце страстью вечной
К себе приворожил.

Ф е я. Она тронута — наша берет. (*Абрикотине.*) Неужели, милая, ты хочешь изменить данному слову? Впрочем, как тебе угодно, только я не ручаюсь за последствия. Прощай пока! Мы пойдем в грот и будем ждать твоего ответа.

Абрикотина задумывается.

Р и к е (*тихо*). Нет, маменька, я останусь здесь... Я хочу ею полюбоваться! Я спрячусь вот сюда...

Ф е я. В этот пень?

Р и к е. Да. Я теперь в таком положении, что поневоле станешь в пень! Но как бы то ни было, я хочу узнать свою участь. Сюда идут... исчезните, маменька, хоть сквозь землю провалитесь, а я скроюсь. (*Прячется в дупло.*)

Ф е я проваливается.

Явление XIX

Абрикотина, Бамбиньи, Губернатор, Губернаторша, Тортиколь; свита Бамбиньи, чиновники губернатора и Рике, в дупле.

Бамбиньи. Простите, тысячу раз простите меня, очаровательная Абрикотина, что я давеча был так недогодалив. Вам хотелось подвергнуть меня испытанию? О! Я дурак набитый! Как не понять с первого разу, что эта

неловкость и простота были только хитростью с вашей стороны. О! Я вам доложу, вы мастерски притворяетесь. Для придворной дамы это необходимо.

Абрикотина *(с досадой)*. Я совсем не притворялась, сударь, я говорила, что чувствовала.

Бамбиньи. И нет, это вздор, вперед меня не обманете.

Абрикотина *(забываясь)*. Боже мой! Что может быть отвратительнее глупого щеголя... Безобразие Рике перед этим ничто.

Губернаторша. Абрикотина! Ты забываешь, что здесь кавалер Бамбиньи, которому ты дала слово быть его женой.

Абрикотина. К сожалению, я не могу выполнить этого слова.

Все. Не можешь? Почему?..

Абрикотина. Узнайте, я...

Все. Что? Что такое?

Бамбиньи. Уж не другой ли кто-нибудь?

Абрикотина. Вы угадали: я люблю другого.

Все. Другого!..

Рике. Кого ж бы это?

Абрикотина. Я всем обязана принцу Рике... моим умом, образованием, счастьем целой жизни... И ему принадлежит мое сердце!

Рике. Виват! Наша взяла! *(Вылезает из дупла, миг обращается в молодого красавца и бежит в грот.)*

Все. Принцу Рике?

Бамбиньи. Этому хохлу?

Губернаторша *(в сторону)*. Опять с ума сошла! *(Вслух.)* Как, дочь моя, ты хочешь выйти за этого пугалу?

Абрикотина. Вы ошибаетесь, маменька. Я его люблю, и он в глазах моих прекраснее всякого надутого, раздушенного фертника.

Губернаторша *(значительно)*. Дочь моя!

Абрикотина. Рике! Я твоя — навеки! *(Убегает в грот.)*

Губернатор. Куда? Куда? Абрикотина! Останься здесь... Не слушает... бежит! Вот что значит лишний ум, госпожа губернаторша!

Губернаторша. Вот что значит лишнее потворство, господин губернатор.

Губернатор. Я вам всегда сказывал...

Губернаторша. Я вам сто раз повторяла...

Тортиколь перебегает от одного к другой и шепчет:
«Вы правы, ваше превосходительство».

Губернатор. Теперь уже поздно!

Бамбиньи. Как поздно! Вздор! Я не потерплю, чтобы презренный соперник мог у меня из-под носа выхватить невесту... и потому. (*Силится выдернуть шпагу, вертится кругом и никак не может.*) Куда же вы глядите, болваны! Выдерните мне шпагу! (*Ему выдергивают шпагу, он ее схватывает.*)

Губернаторша. Боже! Тут будет ужасное кровопролитие!

Бамбиньи. Ничего, не опасайтесь, я прокалю его только насквозь. Где? Где он?

Вся свита. Здесь! Мы видели, как он побежал в грот.

Бамбиньи (*кидается к гроту, все за ним*). В грот! А, ты здесь, хохлатый гусь! Трепещи моего гнева!

Вдруг раздается сильный гром и треск; весь грот разваливается по камням, деревья исчезают; какое-то чудное пламя озаряет эту картину, и весь театр быстро переменяется в очарованный сад феи Карабоссы. В глубине блестящий храм, освещенный огнями; в нем трон, на котором сидит сама фея в виде молодой нимфы и в ослепительном наряде; кругом весь ее двор, состоящий из карликов, карлиц, гениев, нимф и амуров, на деревьях золотые плоды, всюду бьют серебряные фонтаны.

Хор гениев.

Нас теперь соединила
Не мирская суета;
Ум и чувства наградила
Здесь любовь и красота!

Рике в виде красавца, великолепно одетый, ведет за руку Абрикотину, фея идет к ним навстречу. Губернатор, Губернаторша, Бамбиньи, Тортиколь стоят в смешном положении, разинув рты и не трогаясь с места.

Губернатор. Где мы?

Губернаторша. Не знаю!

Бамбиньи. Не знаю!

Тортиколь. Не могу знать-с!

Фея. Вы во дворце феи Карабоссы, покровительницы всех уродливых...

Губернатор. Дражайшая покровительница!

Фея. И умных... Стало быть, не ваша!

Тортиколь. Не наша, ваше превосходительство, смею доложить...

Губернатор. Убирайся к черту, с твоим докладом!

Фея (*соединяя Рике и Абрикотину*). Дети мои! Будьте счастливы! Повторите внукам вашим, что сила и знатность ничего не значат против ума и красоты!

Губернатор. Милая! Я не вижу причины противиться вашему счастью: будьте счастливы.

Губернаторша. И я вас благословляю, дети мои!

Тортиколь. А я имею счастье поздравить.

Абрикотина.

Где мы? В какой стране очарованья?

Что может быть роскошней и светлей?

Но ты, Рике... Я не стыжусь признанья:

Ты мне всего дороже и милей!

Рике. Я всем обязан тебе, одной тебе. Любовь твоя из безобразного карла сделала красавца... Моя страсть одарила тебя умом... Итак, за все должны мы благодарить любовь всесильную, мудрую, хотя и слепую, любовь!

Все хоро́м.

Любовь! Любовь! Душа вселенной!

Тебе покорен целый свет!

Тобой они теперь блаженны;

Даруй им счастье и совет!

В продолжение хора весь кордебалет танцует и в приятных группах останавливается около молодых.

Рике (*к публике*).

Я главное лицо играю,

Но участь горькая моя!

В процесс я с критикой вступаю,

А публика у нас судья!

Но я умел быть осторожным,

И, чтоб успех был верен мой,

Запасся стряпчим я надежным —

Живой, хорошенькой женой.

Что ж, сударыня, не робейте! Подойдите, объясните судьям, в чем состоит ваша просьба. (*Приводит Абрикотину на авансцену.*)

Мы все, и автор вместе с нами,

Вас просим только об одном:

Чтоб был радушно принят вами
Наш «Добрый принц Рике с хохлом».
Чтоб меня вы полюбили
В перерождении моем
И чтоб теперь предупредили
Суд критики своим судом.

Весь кордебалет составляет пластическую картину. Занавес опускается.

П. А. КАРАТЫГИН

**Дом
на Петербургской
стороне**

**ВОДЕВИЛЬ
В ОДНОМ
ДЕЙСТВИИ**

1838

Действующие лица

Варфоломей Сидорыч Копейкин.

Анна Семеновна Жемчужина.

Виктор Васильевич Субботин.

Домна, исправляющая должность дворника в доме Копейкина.

Бушуев
Дудкин } приятели Субботина.

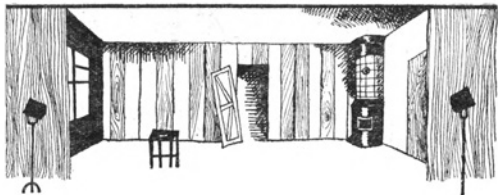
Ухорский }

Будочник.

Еще несколько приятелей Субботина.

Действие происходит в доме господина Копейкина.

Театр представляет совершенно пустую комнату; на одной стороне окно; на другой — двери; в середине общий выход.

Явление I

Копейкин. пишет на подоконнике билет, и Домна.

Домна. Власть ваша, Варфоломей Сидорыч, а право, за одну комнату триста рублей слишком дорого.

Копейкин. Ты прежде наживи свой дом, да потом и назначай цену. Если бы ты была порядочная дворничиха, так старалась бы о выгодах своего хозяина, а ты только кофей распиваешь.

Домна. Пожалуй, я стану за нее просить хоть шестьсот рублей, если прикажете.

Копейкин. И хорошо сделаешь.

Домна. Однако ж сколько я ни расхваливала всем этот старый сарай, а жильцов все нет.

Копейкин. Будут, дай срок. Вот я сделал новый билет: «Въ сем доме одаеця чистый новый покой, а цена спросить в лавочке, с хозяйскими дровами».

Домна (*приклеивает билет на стекло*). С вашими дровами?

Копейкин. Да это только так пишется. А впрочем, она на солнце, на самом припеке; так ее и топить не надобно. Кстати, наш надзиратель сегодня распек меня за твою беспечность. Он говорит, что у наших ворот такая грязь, что пройти нельзя. Эта нечистота на твоей душе.

Домна. Я мету каждое утро, а грязь оттого, что вы не хотите сделать трубы.

Копейкин. Ну-ну-ну! Вишь, тебя куда занесло! Что здесь, Невский пришепт, что ли? У нас, на Петербургской стороне, ни у кого нет труб, а я что за миллионщик? Вот еще какая надворная советница! Я из-за тебя, старой дуры, не хочу быть на замечании у полиции... Я человек смиренный, ссориться не люблю.

Лишь бы хранил меня создатель,
Да был бы цел домишко мой,
Да не сердился б надзиратель,
Не приставал городской, —
Так и доволен я судьбой!
Лишь бы жильцы не забывали
Мне в сроки деньги присылать
Да чтобы вчетверо давали,
Как снова станут нанимать. . .
Чего же больше мне желать?

Да, кстати, когда же наша госпожа Жемчужина соберется мне заплатить за целых два месяца?

Домна. Да откуда ей взять, горемычной? Горько смотреть на нее, бедняжку, в какой она бедности. Вот с самой смерти ее мужа не может справиться — с трудом кормит своих детей.

Копейкин. Дети! Дети!.. Это не мое дело: я ведь этому не причина... Ведь здесь не воспитательный дом... Да смотри, брат Домна Ивановна, ты что-то больно к ней жалостлива!

Домна. Жалостлива! Ведь я у вас дворничиха, а не дворняжка. Не лаяться же мне с ней, коли у нее нет денег.

Копейкин. Лаяться нечего, а пугнуть не мешает. Сходи к ней еще раз, да если она не заплатит, так не выпускай со двора ее пожитков.

Домна. Да вот ее дочка, Анна Семеновна. Поговорите с ней сами.

Явление II

Те же и Аннушка.

Аннушка. А, вы здесь, Варфоломей Сидорыч? Я вас везде искала.

Копейкин. Не мудрено догадаться, моя милая,

что если меня не было дома или в моей мелочной лавочке, так я, верно, где-нибудь...

Аннушка. Я таки так и думала, что вы, верно, здесь, в этом пустом сарае.

Копейкин. Насмешница! Разве можно этот барский покой называть сараем?

Аннушка. Куда как он хорош! Зимой здесь хоть волков морозь.

Копейкин. Зато летом и дачи не нужно... Ну да не в этом дело, а зачем вы меня искали?

Аннушка. Маменька обещала вам сегодня заплатить за квартиру.

Копейкин. Да, за два месяца и три дня с половиною... Спасибо, спасибо.

Аннушка. Не за что, право, не за что. Бедная маменька обегала всех, которые были должны покойному батюшке... но ей обещали отдать не прежде, как через неделю, и она покорнейше просит вас подождать до тех пор.

Копейкин. Подождать?.. Через неделю? Извольте.

Аннушка. Ах, как вас благодарить! Я всегда говорила, что вы не так злы, как кажется. Маменька сама никак не смела вам сказать об этом... я взялась упростить. Я подумала: пойду, авось он меня не съест.

Копейкин. И прекрасно, моя красавица, хоть, однако ж, вы так хороши, что... что, право, так бы вас и съел...

Домна *(в сторону)*. Ах, старый греховодник! Как он на нее посматривает... не к добру так разнежился.

Копейкин. Дайте же мне за эту проволочку маленький процентик. *(Хочет ее обнять и кашляет.)*

Аннушка. Ну-ну, пожалуйста, с этим подальше.

Копейкин. Зачем же подальше? Надо любить ближнего...

Аннушка. Полноте, полноте! Вы и то вон как кашляете.

Копейкин. Ничего, моя душенька!.. Это так, поперхнулось от избытка чувств.

Аннушка. Итак, я пойду скажу маменьке, что вы соглашаетесь подождать.

Копейкин. Согласен, согласен, моя кошечка.

Домна *(в сторону)*. Подождать! Ну, это надо записать на трубе угольком.

Копейкин. Но ведь вы сегодня переедете, потому что у меня вашу квартиру наняли другие жильцы.

Аннушка. Маменька сказала, что если вы только согласитесь, то она сейчас же пошлет за извозчиком.

Копейкин. Извозчик? Зачем же вам извозчик?.. Напрасно! Ивановна! Поди-ка к ним, перенеси их мебели к нам на чердак до вышесказанной уплаты.

Аннушка. Как! Возможно ли?

Домна (в сторону). Ну, я знала, что этим кончится.

Аннушка. Как! Вы оставляете нашу мебель?

Копейкин. Ничего, ничего, переезжайте с богом, а ваша мебель останется со мной. Ведь это только так, из предосторожности.

Аннушка. Так вот какую уступку вы нам делаете! Ах, боже мой! Маменька опять будет плакать. Как вы можете быть так немилосердны?

Копейкин. Ничего, привычка...

Аннушка.

И вас не трогает наш плач?

Копейкин.

Что плакать! Рассудите дельно:

Я не миллионщик, не богач,

И у меня не богадельня.

Аннушка.

Смеетесь вы моим слезам?

Копейкин.

Не плакать же чужой печали.

Аннушка.

За нас сам бог заплатит вам.

Копейкин.

Нет, лучше б вы похлопотали.

Аннушка. Когда был жив наш батюшка, мы вам всегда хорошо платили.

Копейкин. Да, он был прекрасный человек, дай бог ему царство небесное!..

Аннушка. Если б он не умер и не оставил маменьку с двумя малолетними детьми, она бы не принуждена была просить отсрочки.

Копейкин. Верю, верю. Вы скажите ей: как только получу деньги, сейчас ее мебель будет возвращена.

Аннушка. А на чем будут спать в это время мои маленькие братья?

Копейкин. Детей надо приучать с малолетства не нежиться.

Аннушка. О, это уж слишком! Этого бы другой не сделал.

Копейкин. С нами крестная сила! Что я за нехристь?

Аннушка. Неужели вы не позволяете нам и трех дней прожить у вас?

Копейкин. Нет... кто меня обманет, двух дней не проживет.

Аннушка. Это ужасно!

Копейкин. Что делать! Я люблю вести свои дела начистоту... Попросите же маменьку очистить сегодня квартиру, а о мебели не беспокойтесь: она будет на чердаке в чистоте и исправности. У меня немножко с крыши течет, да нынче стоит ведро, а дождь пойдет — кадку поставим.

Аннушка. Прощайте, бог с вами! Он вас накажет за вашу жестокость. (*Уходит.*)

Явление III

Копейкин и Домна.

Домна (*хныкает*). Ну, хозяин! У него в крещение льду не выпросишь, а в петровки хуже бешеной собаки.

Копейкин. Что ты там расхныкалась?

Домна. Да как же! Я не могу смотреть на слезы бедных людей.

Копейкин. Я и сам не смотрю на слезы, меня ими не надуешь. Впрочем, как быть, и богатые люди иногда плачут. Все мы, грешные, родились на горе.

Домна. Она сказала правду. Бог вас когда-нибудь накажет. Вы еще и старых грехов не замолили.

Копейкин. Что ты врешь, старая дура?

Домна. Врешь? Как заговоришь правду, так и врешь.

Копейкин. Правду говори про себя, а я и без правды знаю, что делаю. Уж тебе против меня нечего говорить. Слава богу, награждена достаточно: при моей жене была кухаркой, после своего мужа осталась дворничихой, имеешь летом теплый угол, полная хозяйка при моем дворе.

Домна. Я не жалуюсь, всем довольна, хоть вы мне и ничего не даете.

Копейкин. Как быть... Я сам человек небогатый,

людей притеснять не люблю, чужого не надобно. Ступай же, запри ворота, чтоб госпожа Жемчужина не вывезла своих пожитков.

Домна. Хорошо-с. Я пойду к ним да поплачу вместе.

Копейкин. Поди, поди, открой ей свои дружеские объятия, а хозяйские ворота все-таки запри.

Явление IV

Те же и Субботин у окна.

Субботин (*стучит в раму*). Хозяин дома — дома?

Копейкин. Что вам угодно?

Субботин. Здесь отдается квартира?

Копейкин. Сейчас, сейчас... Проводи-ка его сюда.

Домна уходит.

(*Отворяет окно.*) Сюда, сюда на крылечко... Это какой-то порядочный! Помоги, господи, надуть! Нынче же вторник, счастливый день.

Домна. Милости просим, батюшка, это сам хозяин.

Субботин. Мое почтение.

Копейкин. Всякое уважение.

Домна. Пушай-ка сам попробует отдать ее за триста рублей. (*Уходит.*)

Копейкин. Наденьте вашу шляпу, здесь немножко холодно.

Субботин. После вас, сударь.

Копейкин. Сделайте милость.

Субботин. Ведь вы здесь были в колпаке?

Копейкин. Домашнее дело-с.

Субботин. Зачем же церемониться. Все люди, как люди, — наденьте колпак.

Копейкин. Извольте вы, сударь, прежде накрыться.

Субботин (*надевая шляпу*). Если вы непременно хотите. Впрочем, дело не в шляпе, но я надеюсь, что мы с вами сойдемся.

Копейкин. Очень приятно-с! Позвольте вас спросить, вы не женаты-с?

Субботин. Нет еще.

Копейкин. Это очень кстати. Это чудесная комната для холостого. Видите, здесь есть и окошко и печка... не-возможно удобнее.

Субботин. Я никогда не топлю.

Копейкин. Право-с? Тем лучше: меньше работы трубочисту, которого, между прочим, я не держу, потому что у нас необыкновенная чистота. За всем сам хозяин целый день неусыпно смотрит, а на ночь запираем ворота и собаку с цепи спускаем. Одним словом, здесь все удобства жизни.

Субботин. Немножко низко.

Копейкин. У меня есть квартира на втором этаже-с.

Субботин. Так я бы ту лучше хотел.

Копейкин. Она третьего дня нанята.

Субботин. А! Ну, так я уж ту не возьму. Что же этой цена?

Копейкин. Могу вас уверить, что здесь очень прекрасно. Везде так смирно, спокойно. Экипажи совсем не ездят, совершенная тишина.

Субботин. Тем лучше: я сам человек тихий.

Копейкин. В восемь часов вечера слышно даже, как крысы скребутся.

Субботин. А разве здесь водятся эти животные?

Копейкин. Нет, это только так, примерно говорится. Ведь они заводятся от сырости, а у меня, как видите, такая сушь, что чудо! Даже в наводнение было почти очень мало воды.

Субботин. Однако ж заметка на заборе выше моей головы.

Копейкин. Нет-с, это новая дощечка нарочно приколочена повыше, чтоб ребятишки не пачкали.

Субботин. Но я спрашиваю о цене?

Копейкин. О цене!.. Ну уж извольте... по знакомству, чтоб не запрашивать лишнего, не торговаться, и тем более, что вы человек одинокий, я, знаете, не люблю отдавать внаем, у кого есть дети.

Субботин. То-то я и слышал детский плач, как входил сюда.

Копейкин. А! Это другое дело: они уж здесь родились. Вы понимаете, что хозяин не может препятствовать этим случаям.

Субботин. Но цена?

Копейкин. Разве я вам не сказал еще? Извольте, извольте, самая крайняя пятьсот рублей в год.

Субботин. Пятьсот рублей? Это совсем недорого.

Копейкин. Не правда ли-с?

Субботин. Я полагал, что вы запросите по крайней мере пятьсот десять рублей в год.

Копейкин (*в сторону*). Экое счастье! А моя Домна не могла отдать ее за триста. Позвольте, милостивый государь, спросить, с кем я имею честь говорить?

Субботин. Меня зовут Виктор Васильевич Субботин.

Копейкин. Чиновники-с?

Субботин. Разумеется.

Копейкин. Где вы изволите иметь жительство?

Субботин. А, понимаю: это вам нужно для справок.

Копейкин. Помилуйте, совсем не нужно. Стоит на вас взглянуть...

Субботин. Я живу в этой улице у будки номер триста десятой.

Копейкин. А! Это у отставного надзирателя Кривоглазова?.. Знаю, знаю-с, господин Кривоглазов прямой души человек.

Субботин. Да он и теперь глядит прямым надзирателем.

Копейкин. А, с позволения сказать, где вы изволите служить?

Субботин. В Приказе общественного призрения.

Копейкин. Важнейшее место... У меня тоже жил чиновник, служивший в каком-то Призрении: это именно отец оных детей, которых вы сейчас слышали. Он жил, покуда не умер, вот тут, стена об стену... Вот и дверь оттуда, но она заколочена.

Субботин. Тем лучше, господин...

Копейкин. Варфоломей Сидорыч Копейкин.

Субботин. Копейкин!.. А! Какая богатая фамилия! Который вам год, по совести?

Копейкин. Пятьдесят семь лет.

Субботин. Неужели! Вам не кажется столько.

Копейкин. Не правда ли-с?

Субботин. Нет, я думал, что вы гораздо старше.

Копейкин. Какой шутник!.. О себе же доложу вам, что я человек ужасно честный и добрый, к жильцам не придираюсь. Платили бы мне только за треть вперед ассигнациями верно и исправно, не марали бы стен, не делали дебошу, не вколачивали бы гвоздей, не портили б пола, не приходили б поздно по ночам, не требовали б поправок, а то, пожалуй, делай что хочешь.

Субботин. Это очень снисходительно.

Копейкин. Не правда ли-с?

Субботин. А что, вы служите где-нибудь?

Копейкин. Теперь в отставке-с, служил по питейным сборам. Место скользкое... как раз обвинят. Я же человек непьющий.

Субботин. Что ж, вы сами подали в отставку?

Копейкин. Сам... по приказанию начальства. Нынче служить очень трудно.

Беда служить в казенной службе —

Того гляди, уйдешь под суд.

Возьмешь подарочек по дружбе,

И тотчас взяткой назовут!

Субботин.

Другому подведи-ка справку.

Он-де невинно пострадал,

А дали чистую отставку

Затем, чтоб места не марал.

Копейкин. Про меня этого нельзя сказать... Я был по разъезжей части; бывало, на месте не посидишь.

Субботин. Послушайте... как, бишь, вас? Вор... Вор...

Копейкин. Варфоломей Сидорыч.

Субботин. Да, да! Человек вы простой, а имя такое мудреное.

Копейкин. Такое уж при крещении изволил получить.

Субботин. Я бы хотел, Варфоломей Сидорыч, сегодня же переехать.

Копейкин. Милости просим... Только не прогневайтесь, я человек аккуратный: если б вы прежде заключили контракт. *(В сторону.)* Еще, пожалуй, раздумает, опомнится, что втрое заплатил.

Субботин. Извольте, я хоть сейчас подпишу.

Копейкин. Неужели-с! А у меня с собой почти что готовый, я его припас для других жильцов... для фамилии оставлено место.

Субботин. Давайте, давайте.

Копейкин. Вот здесь перо и чернила.

Субботин *(берет и подписывает)*. Извольте, это мне ничего не стоит.

Копейкин. Экое благополучие! Подписывает не читавши! Где этакие дураки рождаются? Покорнейше вас благодарю, сударь... А вот, как бог даст, вздумаете жениться,

так у меня очистится большущая квартира, и с конюшной. Приищите себе такую женочку, чтоб можно с ней завести и лошадок.

Я вам пророчу наперед,
Что здесь вы заживете лихо;
За вас дворяночка пойдет
Иль первой гильдии купчиха,
Как холостьба понадобится,
Так надо для утехи жизни
Искать вам дорогих невест
При нынешней дороговизне.

Субботин.

Беда с богатою женой!
На Невском видишь зачастую:
Супруга ездит четверней,
А муж шлифует мостовую.

Так я к вам сегодня перееду.

Копейкин. Хоть сию минуту. Только я пойду сделать маленький визит господину Кривоглазову. Не подумайте, чтоб за чем-нибудь. Нет, это только так водится. К тому же мы с ним задушевные приятели, он пользуется моей непритворной дружбой и сальными свечами с восковой светильней. Я, так сказать, просвечиваю почти всю Петербургскую сторону. Только переезжайте, а уж останетесь довольны. Здесь у меня своя мелочная лавочка, и домашняя скотина, и другая живность, словом — Ноев ковчег.

Субботин. Каждого рода по два... Только хозяин единственный в своем роде.

Копейкин.

Здесь в нашей лавке мелочной,—
Хлеб, сахар, свечи и помада,
Напротив мастер гробовой
И все, что человеку надо.
Живи себе, как господин.
Есть под боком для наслажденья
И погреб иностранных вин
Российского произведенья.

Теперь, сударь, я прикажу привести вашу комнату в надлежащую чистоту. Эй! Домна, Домна, поди сюда с щеткой.

Домна (за кулисами). Сейчас, сударь.

Субботин. Послушайте-ка, господин Копейкин, у всех домовых хозяев служат дворники, а у вас какая-то

Домна... Вы еще, кажется, довольно крепки: признайтесь не имеете ли к ней слабости?

Копейкин. Помилуйте, как можно иметь такие дурные понятия о моем вкусе!

Явление V

Те же и Домна, со щеткой.

Домна. Что прикажете?

Копейкин. Вымети-ка здесь хорошенько. Видишь, какая грязь!

Субботин. Господин Копейкин, вы унижаете прекрасный пол. Но я не хочу мешать вашим хозяйственным распоряжениям, и, так как я уже с вами кончил, стало быть, теперь можно снять этот билет.

Копейкин. Можно, если вам угодно.

Субботин (*снимая билет*). Кто это вам писал? Лавочник?

Копейкин. Нет-с, я сам.

Субботин. О! Да вы грамотей!

Копейкин. Нельзя же-с, чиновник есмь.

Субботин. Прощайте же. Через четверть часа я к вам перееду. До свидания.

Копейкин. Остаюсь с моим глубочайшим высокопочтением.

Субботин уходит.

Явление VI

Копейкин и Домна.

Копейкин. Ну, Домна Ивановна, ты мастерица мести улицы, давать советы, а не умеешь отдавать квартиры внаем... Видишь, он нанял.

Домна. Не мудрено, если сбавили цену.

Копейкин. Сбавил? Нет, я отдал ее за пятьсот рублей.

Домна. Пятьсот рублей! Но уверены ли вы, что он не сумасшедший?

Копейкин. Ах ты полоумная! Посмотрела бы, с какой охотой он нанял! Мне только жаль одного: зачем я

не спросил пятьсот пятьдесят. Ну да и то слишком до-
вольно. Пойду сейчас о нем справиться... Это здесь под
боком. А ты между тем вытри раму, вымети пол, обмети
паутину: ему надо на первый раз нашей чистотой пыль
пустить в глаза. Смотри же, не ударь лицом в грязь.
(Уходит.)

Д о м н а (метет пыль). Ну, признаться, куда счастлив
этот скряга: все ему удастся. С жильцов берет втридоро-
га, а самому душа дешевле гроша, каждая копейка ал-
тынным гвоздем прибита... О-о-о-ох! За грехи мои я свя-
залась со старым греховодником! Как был мой Степан
Мироныч, как тепло мне было на свете, а без него быешь-
ся, словно рыба об лед; иной раз и селедку не на что
купить.

При моем Мироныче
Я не так жила:
День деньской, вплоть до ночи,
Улиц не мела.
Мне одно угодное
Делал он всегда —
Словно благородная,
Я жила тогда.
С ним, моим проказником,
Веселилась я,
Хоть хмельной по праздникам
И бивал меня.
Участь неутешная
Нынече пришла...
Кофеишку, грешная,
С месяц не пила!

Явление VII

Д о м н а, С у б б о т и н, А н н у ш к а.

С у б б о т и н. Милости прошу к нам в гости... Что, те-
тушка, хозяин ушел?

Д о м н а. Ушел, батюшка, вон он бежит вдоль по
улице.

С у б б о т и н (дает ей денег). Вот на кофей тебе за
хлопоты.

Д о м н а. Спасибо, кормилец, спасибо, желанный.
Дай бог вам здоровья. Переедете сюда, так не только по-
лы буду мыть, да и сапоги вычищу, если позволите.

Субботин. Нравится ли вам, Анна Семеновна, мое новоселье?

Домна. Так, стало быть, вы знакомы с барышней?

Субботин. С тех самых пор, как начал помнить самого себя. Отец ее был моим благодетелем, а ее матушка была мне второй матерью: первой я никогда не знал. Не печальтесь же, мой друг, все будет хорошо, даю честное слово. Я не люблю платить денежных долгов, но долг благодарности всегда плачу с процентами. До сих пор я думал только об одних шалостях, но моя благодетельница в крайности... Прощай проказы и разгульная жизнь! Я стану работать как лошадь, чтобы быть порядочным человеком и сделаться через свои труды полезным вашему семейству.

Аннушка. О, какой вы добрый, Виктор Васильевич!

Субботин. Очень добр, но зол на выдумки.

Аннушка. Что ж вы хотите делать?

Субботин. Это моя тайна. После я вам все расскажу, а теперь довольно вам знать, что никто, кроме вас, не будет моею женою.

Аннушка. Возможно ли?

Субботин. Это так верно, как то, что я люблю вас всей душою и что вы поцелуете меня в знак согласия...

Аннушка. Да... как можно... вон она здесь...

Домна *(все еще метет)*. Ничего, поцелуйтесь, я со ра из избы не вынесу.

Аннушка. О, мой милый Виктор! *(Целует его.)*

Домна. О-ох! Вот так-то я с Миронычем целовалась... Экой ты добрый, батюшка, что за них вступаешься! Да я бы тебя, ясного сокола, сама расцеловала за это!

Субботин. Нет, тетушка, после, а теперь уж не вкусно. Но скажите же, где ваша матушка?

Аннушка. Ах, она опять побежала доставать где-нибудь денег. Надобно сегодня заплатить за квартиру.

Субботин. Не нужно: она выедет отсюда со всей своей мебелью.

Домна. Но хозяин ни за что не согласится.

Субботин. Мне и не нужно его согласия. Я умею хозяйничать в чужом доме. Повторяю вам: вы без задержки переедете отсюда.

Аннушка. Сегодня?

Субботин. Сегодня.

Аннушка. В семь часов?

Субботин. В семь и со всем.
Аннушка. Но как?
Субботин. Это мое дело.
Домна (*у окна*). Хозяин идет!
Субботин. Уж воротился... Прекрасно... Эта дверь, кажется, в вашу квартиру? Пойдите же через нее: я не хочу, чтоб он вас здесь видел. До свидания.

Явление VIII

Копейкин, Субботин и Домна.

Копейкин. А, вы уже здесь, Виктор Васильевич? Очень рад.

Субботин. Наденьте вашу шляпу.

Копейкин. Ничего-с, ведь я у себя дома.

Субботин. Ну, что же вам сказал мой прежний хозяин?

Копейкин. Невозможно получить лучшего отзыва! Если вы заслуживаете хоть половину того, что он рассказал мне о вас, так вам просто нет подобного.

Субботин. Господин Кривоглазов очень снисходителен.

Копейкин. О, он умеет сортировать людей! Двадцать лет был надзирателем в нашей части и, можно сказать, в довольно большой части. Бездельника ночью узнает, право, такого человека днем с фонарем не найдешь.

Субботин. Итак, ничто не мешает мне к вам перебраться?

Копейкин. Покорно просим.

Субботин. Вы говорили ему, что я к вам переезжаю?

Копейкин. Как же-с! И он мне сказал, что вся ваша движимость сейчас сюда доставится.

Субботин. Да я просил его об этом. Постойте, постойте, вот, кажется, и она... Сюда, любезный, сюда! Пожалуйста, осторожнее, не испорти моей мебели.

Копейкин. Какой аккуратный молодой человек!.. Я воображаю, какие у него прекрасные вещи, любо-дорого посмотреть.

Явление IX

Те же и будочник, несет тюфяк, кровать, стул о трех ножках и прочее.

Субботин. Хорошо, любезный, хорошо...

Копейкин. Что я вижу! Что это за штука?

Субботин. Вот моя подвижность.

Копейкин. Помилуйте, это какой-то хлам... дрянной тюфячишка...

Субботин. Наружность обманчива — внутри у него богатый волос, я на нем засыпаю так же сладко, как на пуховике... На вот тебе, голубчик, на водку. Ты, верно, не замедлишь издержать по назначению?

Будочник. Рады стараться, ваше благородие. Прощенья просим. (*Уходит.*)

Домна. Вот тебе и раз!.. Хвастливого с богатым не распознаешь. Он, мой сердечный, гол как сокол.

Субботин. Я уберусь после. А теперь, почтеннейший хозяин, садитесь, так гости будете.

Копейкин. Не нужно, сударь, не нужно! Вы мне, конечно, потрудитесь объяснить...

Субботин. Как же, за счастье почту. Погодите, дайте только немножко справиться. Куда бы мне поместить свой шкаф?

Копейкин (*в сторону*). Шкаф... Уф! Он меня было перепугал: я уж думал, что у него только и есть всего добра. Но, верно, после принесут, нельзя же вдруг.

Субботин. Вот здесь ему будет очень хорошо.

Копейкин. Нет-с, вот тут, кажется, очень удобное место для шкафа.

Субботин. Нет, нет, гораздо лучше здесь, вот на этой стене.

Копейкин. На стене? Шкаф на стене? Что это? В самом деле лезет на стену... Уж не взбесился ли он?

Субботин вынимает веревку и привязывает ее к двум гвоздям.

Что я вижу! Это веревка!

Субботин. Как вы догадливы!

Копейкин. Но к чему вы ее привязываете?

Субботин. К этим двум гвоздям, как видите. (*Снимает верхний скюртук и перекидывает его на веревку.*) Вот мой складной шкаф. Теперь, Домнушка, купи-ка сальных свеч по восьми на фунт: я даю сегодня вечеринку.

Домна. Да где же подсвечники, батюшка? Во что же их поставить?

Субботин. Я их приклею поглаже к стене.

Копейкин. Как это можно? Вы испачкаете стены, сожжете мой дом... Это ни на что не похоже!

Субботин. Напротив, это будет чудесно, точно петергофская иллюминация. Но это все пустяки, а, главное, я должен вам объяснить, господин... как бишь вас?

Копейкин. Копейкин.

Субботин. Я только что хотел сказать... Итак, узнайте, господин Копейкин, что вот уже два года, как я веду кочевую жизнь. Однажды я сильно захворал, у меня сделалась лихорадка, а в карманах чахотка, я кругом задолжал; словом, был точно в таких обстоятельствах, как моя соседка Жемчужина. Мой хозяин был низок и нечувствителен, как мостовая: при моих глазах продавались все мои мебели. Как скоро моя болезнь прошла, я очень здраво рассудил, что это несчастье может случиться и в другой, и в третий раз, и потому с тех пор я не завожу себе никакой мебели. Но чтобы отплатить тому бездельнику, который так бесчеловечно со мной поступил, я сделался бичом всех тех, кто хоть немножко на него походит, вследствие чего я и нанял у вас квартиру.

Копейкин. Боже мой, что это! Дух занимается!

Субботин.

С тех пор я был неумолим

И сделался на все готовым!

Холерой, язвой, домовым

Я стал хозяинам домовым!

С тех пор бродить из дома в дом

Я начал, как преступный Каин,

И ни копейки за наем

С меня не получал хозяин!

Копейкин. Как! Вы и мне не будете платить?

Субботин. Ни гроша, господин Копейкин.

Домна (в сторону). Вот тебе раз! Копил, копил, да черта и купил.

Копейкин. Возможно ль!.. Когда пять минут назад Кривоглазов говорил мне о вас...

Субботин. И вы то же будете говорить другому хозяину, когда я вздумаю переехать.

Копейкин. Я? Я? Ни за что!

Субботин. Вы станете меня превозносить до небес, лишь бы только я от вас провалился сквозь землю... Но

успокойтесь, почтеннейший! Если вы не будете любезны, если улыбка снова не расцветет на ваших атласных губах, то кончится тем, что я и перееду на ваш счет.

Копейкин. Ах я дурак! Зачем я не велел показать себе его прежнюю квартиру?

Субботин. Это бы ни к чему не послужило: он показал бы вам свою.

Копейкин. Ваше хладнокровие меня бесит.

Субботин. Ничего — привычка.

Копейкин. Я пойду просить в полицию!

Субботин. Напрасно, — я ей слишком хорошо известен, она на меня давно рукой махнула. Впрочем... контракт сделан на полгода.

Копейкин. На полгода!

Субботин. Я нигде меньше не жил.

Копейкин. Ну, так вы ни дня здесь не останетесь!

Субботин. Останусь.

Копейкин. Нет!

Субботин. Останусь, потому что контракт подписан...

Копейкин. Ах я старый осел!

Субботин. Я не хочу с вами спорить и готов помириться, только тут нужна особая сделка.

Копейкин. Как я мог принять его за порядочного человека? Это какой-то шишимора!.. Ведь вы меня своим пассажем по миру пускаете! Это просто дневной грабеж!

Субботин. Может быть.

Копейкин. Так вы после этого разбойник!

Субботин. Не спорю.

Копейкин. Зажигатель!!

Субботин. Согласен.

Копейкин. Убийца!!!

Субботин. Пожалуй.

Копейкин. Если бы я не был доброго характера, я бы вам насказал грубостей, но я удерживаюсь.

Субботин. И хорошо делаете.

Копейкин. У меня от досады даже ноги подгибаются.

Субботин. Вот вам мой стул о трех ножках.

Копейкин. Мне дурно!

Субботин. Ложитесь на мой тюфак.

Копейкин. О! Я со злости желал бы повеситься!

Субботин. Мой шкаф к вашим услугам.

Копейкин. О палач!

Субботин. Чем богат, тем и рад, не осудите.

Копейкин. Проклятый Кривоглазов! Какую воровскую петлю навязал он мне на шею!

Субботин. Нельзя же иначе, если вы с ним закадычные друзья.

Копейкин. Друзья? Нет, это первый мошенник! Я двадцать лет с ним знаком и каждый день собирався высказать ему всю правду.

Субботин. Истинные друзья всегда так делают.

Копейкин. Мы увидим, защищают ли законы такие преступления... Я сейчас пойду жаловаться надзирателю, он не вступится — частному!.. Полицмейстеру!.. Доведу до губернатора!

Субботин. Это ни к чему не поведет. Что хлопотать из пустого? Я вам говорю, что мои карманы пустехоньки, хоть выворотите наизнанку, а на лицо грех жаловаться — не правда ли?

Копейкин. Оно отвратительно... На лице написано, что негодай.

Субботин. Э! Вы, верно, читать не умеете.

Копейкин.

Подожди же ты, приятель,
Я управлюся с тобой!
Здесь квартальный надзиратель
Мне с руки и под рукой.
Он не терпит дебоширу
И когда на спор пойдет,
Так казенную квартиру
Вместо этой отведет! .

Вместе.

Вид и взгляд его ужасен!
Сорванец из сорванцов!
Это просто Стенька Разин!
Это новый Пугачев!

Копейкин уходит.

Субботин.

Не боюсь я этих басен.
Что шуметь из пустяков?
Вам известно, как опасен
Я для скаредных купцов!

Явление X

Субботин и Домна.

Домна. Так этак-то вы помогаете вашей бедной соседке?

Субботин. Этак. Ты видишь, что все идет как нельзя лучше.

Домна. Но ведь хозяин ушел на съезжий двор.

Субботин. Туда ему и дорога!

Домна. Ведь он придет сюда с надзирателем.

Субботин. А надзиратель с чем придет, с тем и уйдет.

Домна. Он принудит вас силой...

Субботин. Не бойся, тетушка: меня даже нечистая сила не выживет отсюда.

Домна (*в сторону*). Ну я этакого смельчака не видывала: даже и квартального не боится!

Субботин. Смотри же, Домнушка, если наше дело сладится, мы тебя возьмем в кухарки — два целковых в месяц.

Домна. Ах вы мои серебряные! Да ведь я прежде была золотая повариха, что твоя чухонка! Умею и квасок затереть, и пироги свалять, и жареное зажарить.

Субботин. Постой же, дай нам прежде кашу расхлебать, которую я здесь заварил. Поди-ка, покарауль у ворот — я жду к себе гостей. Если они придут, покажи им мою квартиру... Но вот, кажется, и они!

Домна уходит.

Явление XI

Субботин, Бушуев, Дудкин, Ухорский и несколько молодых людей.

Хор.

Здорово, добрый наш приятель,
Муж знаменитый без жены,
Любви и мод законодатель
Всей Петербургской стороны!

Субботин. Благодарю вас, друзья мои, душевно благодарю за ваше посещение, и тем более, что вы собрались ко мне не поесть, не попить, а просто пересыпать из пустого в порожнее.

Бушуев. Видишь, как мы исправны. Я только сей-

час из департамента и не успел еще хорошенько пообедать.

Субботин. Ничего, мой друг, я вас всех приглашаю со мной поужинать, только с условием, чтоб вы отказались, потому что у меня здесь ничего нет.

Бушув. О, да ты славный хлебосол! Но нельзя ли узнать, зачем мы сюда собрались?

Субботин. Сию минуту... Милости прошу садиться, господа!

Все (*оглядываются*). Покорно благодарим, очень благодарны.

Субботин. Не на чем, господа, не на чем, не прогневайтесь. Впрочем, ваш начальник отделения заставляет вас сидеть с утра до вечера, что вы исполняете со стоическим терпением. Но к делу. Я не стану вам рассказывать о моих проказах над домовыми хозяевами: эти анекдоты истерты, как журнал входящих и исходящих бумаг. Нужно только вам сказать, что здесь в доме живет вдова прежнего моего благодетеля, добрая женщина, которая в моем сиротстве заменила мне мать. Этому почтенному семейству обязан я своим нравственным существованием. Без него я бы, может быть, давно соединился с моими предками, о которых я никогда не имел никакого понятия.

Бушув. Что за нравственно-сатирический роман?

Дудкин. Что за история?

Ухорский. Что за галиматья? В чем дело? Чего ты хочешь от нас? Что из этого будет?

Бушув. Тише, господа, дайте ему досказать.

Субботин. Напротив, господа, громче! Орите во все горло, чтобы соседи разинули рот и заткнули уши!

Бушув. Но ты прежде нам объясни...

Субботин. Мой речитатив кончен. А если вы не поняли, так вы после этого бестолковы, как оперные хористы, и потому начнем любимый наш хор из «Роберта-Дьявола».

Поют дьявольский хор из «Роберта» с ужасным шумом и стуком.

Явление XII

Те же и Копейкин.

Копейкин. Что здесь за сборище? Что за шум? Что за гвалт? Это какой-то чертовский шабаш!

Субботин. Вы угадали, это из «Роберта-Дьявола».

Копейкин. Дьявол? Что за чертовщина?

Субботин.

Я справляю новоселье,
Пир горой у нас идет;
Для чертовского веселья
Только вас недостает!
Вот, друзья, рекомендую!
Мой хозяин домовой:
Он пирушку разгульную
Любит также всей душой!
Хоть его заела скупость,
Но браниться он не скуп.
Скупость, говорят, не глупость,
Да он сам-то очень глуп.
Что ж вы, братцы, замолчали?
Продолжайте ваш содом,
Чтобы стены задрожали,
Чтобы дом пошел вверх дном!

Все.

Мы справляем новоселье *и проч.*

Копейкин. Позвольте, позвольте, господа, это ни на что не похоже... это просто дебош!

Субботин. Извините, это вокальный концерт, а после я заведу здесь танцкласс. Вы постарайтесь привыкнуть к нашему веселью, потому что это будет аккуратно каждый день.

Копейкин. Я погиб!

Субботин. Перестаньте дуться. Вы так дурны, когда сердитесь, а ваше лицо и без того не очень красиво. Господа, не осудите Копейкина по наружности: он очень добрый человек, хотя теперь со злости ни на что не похож.

Копейкин. Я с ума схожу!

Субботин. Это напрасно. Нынче музыка в большом уважении: мы своими концертами хотим просветить вашу Петербургскую сторону. Сюда будут сбегаться слушать даже из Глухого переулкa.

Копейкин. Я сейчас пошлю за частным приставом.

Субботин. А он также любит музыку? Милости просим... Но шутки в сторону. Послушайте, есть еще средство нам поладить: я готов сегодня же съехать отсюда.

Копейкин. Неужели?

Субботин. Вы видите, как я добр; но вот мое условие: вы должны выпустить мою соседку, госпожу Жемчужину, с ее мебелью.

Копейкин. Ни за что!

Субботин. Подумайте хорошенько, после будет поздно.

Копейкин. Нет! нет! нет!

Субботин. Вы не хотите сделать по-моему, так пусть будет по-вашему. Господа, начнем! Не жалейте ни груди, ни горла, ни хозяйских ушей, ни стекол.

Повторяют прежний хор, колотят палками. Субботин садится на окно, стучит в раму кулаком и бьет стекла.

Явление XIII

Те же, Домна и Аннушка.

Домна. Ах, батюшки мри! Что здесь такое? Вся Петербургская сторона собралась у наших ворот.

Копейкин. У моих ворот?!

Субботин. Это пришли нас слушать. Господа, теперь надо что-нибудь национальное: «Как у наших у ворот».

Домна. Верхние жильцы прислали сказать, что они ни за что не останутся здесь, если вы их не уймете.

Копейкин. Возможно ли?

Домна. А те, которые наняли квартиру госпожи Жемчужиной, остановились с возами на дворе и не хотят переезжать сюда.

Копейкин. Этого только неоставало! Ну, так и быть, я на все согласен — только уезжайте поскорее.

Все. Насилу-то!

Субботин. Но я не знаю, согласиться ли мне теперь.

Копейкин. Сделайте милость, ваше благородие. Я вас покорнейше прошу... ради бога.

Субботин. Как быть! Чувствую, что я слишком добр... Извольте, я соглашаюсь.

Копейкин. Слава богу! Только позвольте еще маленькое условие.

Субботин. Еще условие... Господа!..

Копейкин. Нет, нет, выслушайте прежде. Нельзя ли вам нанять квартиру на углу этой улицы? Тут живет купчиха Рогатина... Я давно на нее сердит и желал бы ей подпустить такого жильца.

Субботин. Однако ж какое у вас сходство с вашим другом Кривоглазовым: ведь он же мне рекомендовал ваш дом.

Копейкин. Неужели? Экая бестия!

Субботин. Точь-в-точь, как вы! Господа, теперь не в службу, а в дружбу... Помогите перебраться моей соседке, Пускай, когда она возвратится домой, чтобы все было уже очищено.

Аннушка. Но мы никак не ожидали... отпустили извозчика.

Субботин. Отпустили? Чья же это тележка стоит на дворе?

Домна. Хозяйская, батюшка. Он собрался ехать за чем-то на ту сторону.

Субботин. Господин Копейкин, можно попользоваться вашей тележкой?

Копейкин. Вот еще новости! Позволю я мучить свою лошады!

Субботин. Ну, все равно, давайте ж мучить хозяина... Начнем, господа!

Копейкин. Нет, нет, кончите, ради бога! Возьмите, только убирайтесь поскорей.

Субботин. Покорно благодарю. Ну, друзья мои, помогите же нашей старушке убраться. Мы ейчас к вам придем.

Они уходят.

Теперь, господин Копейкин, позвольте откланяться и рекомендовать вам мою невесту.

Копейкин. Так, стало быть, вы ее жених?

Субботин. Как вы догадливы!

Копейкин. Ах я старый осел! Служил, служил по питейной части и позволил надуть себя молокососу, мальчишке...

Домна. Батюшка, Варфоломей Сидорыч...

Копейкин. Ну, что тебе еще?

Домна. Пожалуйста мне мой паспорт.

Копейкин. Как? И ты меня оставляешь?

Домна. Да ведь я у вас служила только из чести, а его благородие дает мне два целковых в месяц.

Копейкин. Ах ты жадная! Ну, черт с тобой!

Домна. Покорно благодарю, батюшка!

Субботин. Мы не хотим обижать вас, господин Копейкин! Как скоро поправится ее матушка, вам все

сполна заплатим, а до тех пор я оставляю вам в виде залога свои пожитки: чайник без носа, стул без ноги и все прочее без особенной роскоши. Может быть, глядя на это богатство, вы не будете вперед притеснять бедных людей. Благородный человек должен быть снисходительным к несчастным. Понимаете?

Копейкин. Нет, не понимаю.

Субботин. Ну, все равно. Мы с вами сыграли комедию, кончим же дружно, по-водевильному. Пойте же с нами, хоть скрепя сердце!

Хор,

Хоть усердно мы желаем
Угодать вам каждый раз,
Но со страхом ожидаем
Снисхождения от вас.
Если ж мы вас забавляли,
Так ответ у нас в руках.
Вы наш дом застраховали
И рассеяли наш страх!

П. А. КАРАТЫГИН

Вицмундир

**ВОДЕВИЛЬ
В ОДНОМ
ДЕЙСТВИИ**

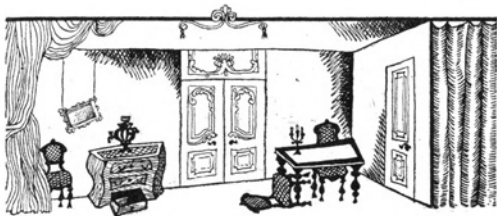
1845

Действующие лица

Осип Осипович Разгильдяев.
Иван Никанорович Гуторин.
Анна Егоровна Любецкая, вдова.
Григорий Сидорович Мелюзга, экзекутор.
Фекла, кухарка Разгильдяева.
Слуга.
Фадеев, сторож из департамента.

Действие происходит в Петербурге.

Театр представляет порядочную комнату, но в которой все в беспорядке: комод с выдвинутыми ящиками, стол с разбросанными бумагами, в середине общий выход, справа другие двери с наружным замком.

Явление I

Фекла (*одна, метет комнату*). Экой человек какой!.. Вечно все разбросано да раскидано, ни одной штуки нет на своем месте; поди вот прибирай за ним, а после все Фекла виновата: с больной головы да на здоровую! Вот туфли в комод, а полотенце в сюртуке, фуражка на полу, а сапог на столе... Эвось! Два двугривенных валяются; экой богач, подумаешь! А после кричит, куда деньги девались? Ведь вот другая бы на моем месте нашла бы да и припрятала, а там ищи да свищи! Ну уж барин хуже малого ребенка! Ахти, никак кто-то пришел!

Явление II

Фекла и Гуторин.

Гуторин. Здравствуй, Феклуша.

Фекла. Здравствуйте, батюшка, Иван Никанорович.

Гуторин. Что, проснулся?

Фекла. Куда те, батюшка; с полчасика как уехал.

Гуторин. Уехал? Так рано? Куда же это?

Фекла. К дилехтору, батюшка, к дилехтору!

Гуторин. А! Верно, какое-нибудь особенное дело?

Фекла. Верно уж, что-нибудь такое.

Гуторин. Да разве он часто ездит к директору?

Фекла. Нет, при мне в первый раз такой чести дослужился... Вчерась беспреренно мне наказывал разбудить себя в семь часов. «Коли, дескать, засплюсь, Феклуша, напomini, что нужно к дилехтору». Я так и сделала — нельзя, служба! Я было самовар хотела поставить, а он говорит — некогда, после напьюсь, велел бриться подать. Я принесла от суседа кипятку, а его и след простыл.

Гуторин. Какой чудак! Как же он вчера просил меня прийти к нему в девять часов, хотел о чем-то важном посоветоваться.

Фекла. Ну, батюшка, на этом не прогневайтесь; уж у него такая повседневная: говорит одно, делает другое, а за третье хватается... Уж я-то к нему привыкла; все надо напомнить да носом сунуть, сам ничего не догадается! Такой растеряха, что и сказать нельзя... Не пригововь ему обедать, так он просидит до вечера, да и ужинать не спросит. И в департаменте-то, говорят, каждый божий день что-нибудь да настряпает. Вот... к нам ходит с бумагами сторож Фадеев, так такие штуки про него рассказывает, что уморушки: то, говорит, пустую бумагу запечатает, то хватит чернила вместо песка, спросит сургучу, а жжет карандаш на свечке... А уж как придет из гостей, так я все карманы обшарю; то чужую табакерку унесет, то запихает салфетку вместо носового платка; о калошах да о шляпах и говорить нечего... Ведь поди-ка другой, не знавши его, подумает, что он нечист на руку, а уж куда ему до чужого: свое-то возьми кто хочет!

Гуторин. Прошу покорно!

Фекла. Один раз у меня на кухне такую штуку отмочил, что, как вспомню, так вот так смех и разбирает! Любит он, батюшка, яички всмятку... Ну, иной раз случится, али не доваришь, али переваришь... Рассердился мой барин... Я, говорит, тебя, дура, научу... Надо, говорит, варить пять минут... Ну, хорошо, вот и пришел на кухню со своими часами; а часы-то были старинные, здоровые, вот, с большую луковицу... Я кипятку в кастрюле поставила на плиту, а он, мой сердечный, часы-то бултых в кастрюльку, а на яичко-то смотрит!

Гуторин. Ну, хорош молодец! Да что это с ним сделалось? До моего отъезда в Москву он хоть и был немножко забывчив, да все не так.

Фекла. Есть зазноба, батюшка!

Гуторин. Эге!

Фекла. Жениться хочет.

Гуторин. Неужели?

Фекла. Как же!.. Куда люди, туда и мы; да уж где нашему теляти волка поймать; чай опять, по-старому, на бобах останется. У него, моего сокола, раза два до обручения доходило, а там, смотришь, напроказит что-нибудь, и мое почтение. Конечно, женитьба дело хорошее, да ведь возьми жену, так надо за ней глядеть, а он и под носом ничего не видит... Нече говорить, барин хороший, и человек-то был бы деловой, да никакого дела поручить нельзя... Ахти, никак я двери-то не заперла, кто-то на кухню пришел.

Явление III

Те же и слуга (с узлом).

Слуга. Здравствуй, Фекла Никитишна. Дома барин?

Фекла. На что тебе?

Слуга. На что? Коли спрашивают, так, стало быть, нужно... Поди же, доложи ему.

Фекла. Да где его взять? Он в департаменте.

Слуга. Уехал!.. Ах, боже мой!.. Что же вы со своимбарином делаете? На что это похоже!

Гуторин. А что случилось, любезный?

Слуга. Да помилуйте, сударь, наш вицмундир унес.

Гуторин. Как это?

Слуга. Да вчера он был у нас в гостях, играли на бильярде, в комнате было жарко, господа сняли фраки, а он изволил напялить наш вицмундир!

Фекла. Ахти, батюшка, как же это я не догадалася!

Слуга. Сегодня надо барину было ехать к своему директору в восемь часов. Он получил вчера повестку. Хватя за платье, а вицмундир чужой; он меня бранить, а чем виноват: гостей было много, разошлись поздно, ведь всякого не осмотришь. «Это, верно, говорит, сумасшедший Разгильдяев обменял!» Нечего делать, сами надели черный фрак, а меня послали сюда с его вицмундиром.

Фекла. Экое горе какое!

Слуга. Право, я не знаю, Фекла Никитишна, как это он у вас такой — ведь мой барин ему по пояс; как его угораздило вспялить на себя?.. Чудное дело! Наш брат иной раз подгуляет, придет без сюртука домой, а уж чужого не наденет.

Фекла. Ну, велика важность!.. Что ж делать! Наш-то фрак еще пошире вашего, так твоему-то бы пришлось впору.

Слуга. Экая глупая... да ведь это другого министерства!

Фекла. Ну что ж, что другого, коли ошибка случилась; так бы и дилектору сказал.

Слуга. Да, ты думаешь, что это как у тебя на кухне, что ложка, что чумичка — все равно: ведь у нашего серебряные пуговицы, а у вашего золотые.

Фекла. Ну, что ж, с золотыми-то еще красивее.

Слуга. Поди вот с ней толкуй. Я твоего-то барина впредь пускать не буду! На, возьми свой фрак, а я за своим после зайду, да вперед гляди в оба, коли камердинерскую должность исправляешь. *(Уходит.)*

Явление IV

Гуторин и Фекла.

Фекла. Эк разважничал! Как будто и невесть что! Камердин! Камердин! Было бы из чего... Ему не по карману человека держать... Ох, вы, камердины! Станете чистить господское платье, так прежде чай карманы очистите, а я вот копейкой не пользуюсь.

Гуторин. Ну, полно, полно, Феклуша.

Фекла. Да нельзя, сударь, обижает. Вот давеча два двугривенных нашла и положила на стол, а уж этакой камердин беспримерно снес бы в ресторацию... Вон и фрак-то нечищенный принес, весь в мелу, словно из лабаза.

Гуторин. Кто-то звонит? Не он ли?

Фекла. Нет, батюшка, это у суседа. Камердин! Камердин! Небось как сам господское платье по праздникам надевает, так ничего... а я так уж этого никогда не сделаю.

Гуторин. Нет, верно, я его не дождусь... Скажи же

ему, как он придет, что я был и что мне некогда было дожидаться.

Звонят.

Фекла. Слушаю, сударь... Эх, какие! Это, верно, звонят опять в пустую фатеру подле нас... Весь колокольчик оборвут, а там никто не живет. Ну, что вы звоните? Кого вам надо?.. Они уже переехали на другую фатеру: спросите у дворника! Ах, батюшки-светы, да это барин!

Гуторин. Ломится в чужие двери; хорош, своих не узнает!

Явление V

Те же и Разгильдяев (в шинели, в шляпе и с распущенным зонтиком).

Разгильдяев. Ну, насилу ты пришла! Что ж ты не отворяешь дверей? Я целый час звоню.

Фекла. Вольно же вам, трезвонить в пустую фатеру.

Разгильдяев. А ты и не слышишь!

Фекла. Как не слышать... Да вы-то ничего не видите.

Разгильдяев. Э! Пошла, дура!

Фекла (*уходя*). Вот, я же дура!

Гуторин. Боже мой! Лицо измято, шинель наизнанку, в чужом вицмундире и с зонтиком в комнате...

Разгильдяев. Ах, Никанор Иваныч! Здравствуй, мой милый. Давно ли ты здесь?

Гуторин. Да уж с четверть часа тебя дожидаюсь.

Разгильдяев. Что же это значит?.. Что тебе вздумалось так рано прийти ко мне? Не случилось ли чего-нибудь?..

Гуторин. Да ведь ты сам просил меня...

Разгильдяев. Я? Когда?

Гуторин. Вот, хорошо, — а вчера в Гороховой?

Разгильдяев. Да, да; спасибо, что не забыл... Очень тебе благодарен: дело важное...

Гуторин. Но скажи-ка лучше, что с тобою сделалось? Зачем ты воротился?..

Разгильдяев. Как воротился?..

Гуторин. Разумеется: теперь только еще девять часов.

Разгильдяев (*вынимает табакерку*). Ну да, девять часов.

Гуторин. Ха-ха-ха! Хорош! Смотрит на часы на табакерке... Да возьми, братец, глаза в зубы.

Разгильдяев. Зачем глаза в зубы?

Гуторин. Да это-то что?

Разгильдяев. Что? Табакерка... Не хочешь ли табаку?..

Гуторин. Фу! Какой несносный, ничего не понимает... Я тебя спрашиваю: зачем ты приехал? Что ты, забыл что-нибудь, а?..

Разгильдяев. Да я ничего не забыл... Я все помню... Что ты ко мне привязываешься. Ведь это, кажется, моя квартира.

Гуторин. Отчего же ты сам не свой? Отчего на тебе чужой вицмундир?

Разгильдяев. Ах, боже мой! Хорошо, что ты напомнил... Я ведь именно за этим-то и приехал.

Гуторин. Ну, насилиу!

Разгильдяев. Вообрази, братец... Я вчера был в гостях у Пучеглазова и, верно, как-нибудь второпях...

Гуторин. Знаю, знаю; вот об этом-то я тебе толкую целый час.

Разгильдяев. Это все она! Ни за чем не смотрит. Эй! Как тебя, кухарка!.. Фекла! Фекла!

Фекла (за кулисами). Сейчас, батюшка.

Гуторин. Как это тебя угораздило; ведь он тебе совсем не впору: и рукава коротки и фалды почти на спине.

Разгильдяев. Эх, братец; я встал в восемь часов, была такая тьма, что ж тут мудреного.

Гуторин. Тебе, я думаю, всю грудь сдавило.

Разгильдяев. Ужасно жало и плечи и грудь, да я полагал, что это от дурной погоды.

Фекла (входит). Что прикажете?..

Разгильдяев. Что тебе надобно?

Фекла. Да вы меня сейчас кликали.

Разгильдяев. Кликал?.. Да, может быть... А зачем я тебя кликал?

Фекла. Не знаю, что прикажете?

Разгильдяев. Какое дурацкое слово — «что прикажете». Коли я звал, так, верно, нужно было. Ну... сделай... что-нибудь...

Фекла. Да что же прикажете?

Разгильдяев. Опять! Убирайся! Ты мне надоела... Коли я что забыл, так ты никогда не вспомнишь!

Фекла (*Гуторину*). Каков молодец! (*Уходит.*)

Гуторин. О! Да он сегодня — прелесть! Послушай, Осип Осипович, ведь, глядя на твои проказы, можно лопнуть со смеху. Я удивляюсь, как даже швы-то не лопнут на тебе.

Разгильдяев. Отчего?

Гуторин. Да посмотри на себя: ведь на тебе точно Тришкин кафтан.

Разгильдяев. Ах, спасибо, что ты напомнил. Ведь эта старая дура видит, что я в чужом платье, и не скажет... Ни о чем не подумает. Вообрази, братец, какая история вышла из этого вицмундира! Ты знаешь, что касается до службы, я человек исправный, всегда с вечера запишу, что надо сделать поутру; так точно и вчера. Возвратясь от Пучеглазова, вынул из бокового кармана бумаги, разбираю и нахожу записку: «Его превосходительство господин директор просит вас завтра в восемь часов к нему на дом по экстренному делу; если он будет опочивать, вы имеете приказать разбудить его превосходительство». Я стал припоминать, когда я получил такой циркуляр; хоть зарежь не помню... однако ж, коли записка в моем кармане, стало быть, ко мне... Вот я велел разбудить себя в семь часов, отправляюсь к директору — спит. Я прошу разбудить, камердинер не хочет; я говорю — приказано; камердинер ушел в спальню его превосходительства. Я сажусь, слышу его превосходительство изволит ворчать и сердиться... Ну, думаю себе, верно, его превосходительство изволит вставать с постели левой ногой; какое мне дело: я не виноват. Наконец его превосходительство выходит в negligé, без парика... Я как увидел его без парика, испугался, ей-богу, испугался; так вот мороз по коже и подрал!.. Он смотрит на меня таким зверем — я молчу... Он протирает глаза, я — ни слова, потом изволит зевать, я тоже из учтивости зевнул; наконец спрашивает: «Что случилось?» Я отвечаю, что, мол, прикажете. Он глядит на меня, разиня рот, и я смотрю на него. «Здоровы ли вы?» — говорит. Я говорю: «Слава богу, ваше превосходительство. Как ваше здоровье?» — «Вы, верно, говорит, не выпались?» — «Нарочно-де приказал разбудить себя пораньше, чтоб не опоздать к вашему превосходительству». — «Да что вам от меня надобно?..» — «По приказанию вашего превосходительства», — и подаю ему повестку. Он прочел, пожал плечами, перевернул записку, посмотрел адрес... «Это, го-

ворит, не от меня и не к вам: вы видите — это чужое письмо!» У меня и руки опустились...

Гуторин. Я воображаю!

Разгильдяев. Потом осмотрел меня с ног до головы; повернул... «Это, говорит, что значит? На вас мундир другого министерства...» Я глядь на пуговицы, а от белых орлов у меня в глазах потемнело! «Если, говорит, вы не хотите служить под моим начальством, так можете подать в отставку!» Я говорю: «Ваше превосходительство, простите великодушно, не доглядел... по ошибке!» — «Хорошо, говорит, я думаю, у вас дела должны идти». Сказал что-то по-французски и пошел опять в спальню. Я поклонился ему вслед и со всех ног бросился как угорелый!

Гуторин. Ну, брат, директора таких шуток не любит... Я тебе советую переодеться, съездить опять к нему и хорошенько извиниться.

Разгильдяев. Непременно, непременно. Я для того-то и заехал домой... Черт возьми! Это предосадно!.. Особливо, если узнает об этой истории наш экзекутор, он завтра по всему городу разнесет... Вообрази, что он на меня наговорил...

Гуторин. Бог с ним... Итак, то дело, для которого ты звал меня, мы отложим до другого раза.

Разгильдяев. Нет, братец, нет, никак нельзя. Это такое дело... такое важное дело, что непременно надо его кончить сегодня поутру; от него, может быть, зависит мое счастье, моя будущность... И ты по дружбе мне поможешь... Ведь ты законник... юрист! Ты знаешь все указы как свои пять пальцев.

Гуторин. Что же это за дело?

Разгильдяев (*надевает халат на мундир*). Сейчас, сейчас. Я вот только надену халат, чтоб покойнее было работать... Я уж не пойду в департамент... Мы вместе с тобой займемся, и к обеду все будет готово...

Входит Фекла.

Ну, что тебе еще? Зачем ты опять?..

Фекла. Да Пучеглазый лакей за мундером пришел.

Разгильдяев. Ну, хорошо... отдай его и убирайся, не мешай нам. Вот, видишь ли, в чем дело...

Фекла (*ищет мундир*). Куда же вы его положили?

Разгильдяев. Ах, как она надоела!

Фекла. Ведь вот это наш мундер, а чужой-то где?

Разгильдяев. Так неужели же я его проглотил. Поди ищи где хочешь, только оставь меня в покое. Вот, видишь ли, дело очень простое; нужна только справка: есть ли такой закон, на основании которого вдова... на-пример... в вицмундире другого министерства.

Гуторин. Что, что такое? Вдова в вицмундире?..

Разгильдяев. Эх, нет, братец, я все думаю: как это я его вчера надел...

Гуторин. А я так удивляюсь, как ты его до сих пор не снимешь.

Разгильдяев. Как не снимешь?.. Разве... я... Ах, черт возьми! На, бери и убирайся! *(Бросает ей халат.)*

Гуторин. Ха, ха! О! Да с ним комедия!

Фекла. Нет... уж халат-то вы носите себе по праздникам, а чужое-то надо отдать.

Разгильдяев. Ты ни за чем не смотришь. Я из-за тебя, старой дуры, всегда в дураках остаюсь.

Фекла. Ну уж, батюшка, я в этом не виновата ни душой, ни телом!

Разгильдяев. Постой, постой! Что бишь я такое хотел спросить?.. Да, пил ли я сегодня чай?

Фекла. Нетутка, сударь, не кушали.

Разгильдяев. Видишь! Ты никогда ничего не на-помнишь; подавай самовар!

Фекла уходит.

Гуторин. Ну, полно по пустякам сердиться; продолжай лучше о своем важном деле.

Разгильдяев. Постой... я вот тебе лучше его прочту. У меня уж почти все написано... Куда оно девалось? *(Разбрасывает бумаги по полу.)* Я помню, что вчера здесь его положил...

Гуторин. Да что же, это — департаментское дело?

Разгильдяев. Нет, братец... одна особа поручила мне быть ходатаем по ее делам.

Гуторин. Эге! Да ты у нас хлеб отбиваешь.

Разгильдяев. Вот, кажется, оно... Нет, это купца Севрюгица о покупке дров... Вот, вот... Нет, опять не то... Что за дьявольщина! *(Ходит по разбросанным бумагам.)*

Гуторин *(смеясь)*. Ну, брат, я вижу, ты славно ходишь по делам!

Разгильдяев. Как это досадно! Чем больше торопишься, тем хуже... Ну да все равно, я покуда на словах объясню.

Гуторин. Ну, ну, говори...

Разгильдяев. Вот видишь ли... Согласись, что холостая жизнь в наши лета есть самая неприятная вещь.

Гуторин. А, вот что: так об этом-то ты и хотел со мною посоветоваться?

Разгильдяев. Нет, это так, теперь к слову пришлось... Ведь мне пора жениться; не правда ли?

Гуторин. Разумеется; это тоже хорошее дело; добрая жена — сокровище.

Разгильдяев. Ну, спасибо; я был уверен, что ты одобришь мое намерение... Ах, как я рассеян, в самом деле, и не спрошу, здорова ли твоя жена?

Гуторин. Моя жена? Да я, братец, пока не женат.

Разгильдяев. Неужели? Да тогда с чего же я это взял?

Гуторин. Так, маленькое рассеяние...

Разгильдяев. Вот хорошо... рассеяние! Я все помню. Ты мне об этом писал, кажется, десять лет тому назад.

Гуторин. Прошу покорно! Ведь вот такую старину вспомнил! Да, мой друг, был бы женат... да...

Разгильдяев. За чем же дело стало?

Гуторин. Полно, полно; что об этом говорить. Это дело решенное, давно спрятано в сердечный архив, так уж не воротишь.

Разгильдяев. Нет, нет, это нехорошо. Ты знаешь, как я тебя люблю... Ты должен мне все рассказать, ведь я твой друг.

Гуторин. Мой друг! На свете нет друзей: это — все мошенники.

Разгильдяев. Неужели?

Гуторин. Да; и если ты этого еще не испытывал, так со временем узнаешь. Я тебе за это отвечаю.

Один приятель мой давнишний
Свою мне дружбу доказал;
С тех пор уж дружбе закадычной
Я ни на грош не доверял.

Разгильдяев. За что ж ты остальных порочишь?

Г у т о р и н.

Верь философии моей:
Когда врагов иметь не хочешь,
Не заводь себе друзей.

Да, брат, десять лет назад я действительно был почти сговорен; все было слажено, но добрый приятель, который мне был даже многим обязан, оклеветал меня перед отцом невесты; мне отказали; ее выдали замуж почти насильно, а я уехал в Москву... Эх, зачем ты заговорил об этом... Смешно сказать, а я до сих пор еще грущу о ней, до сих пор не могу забыть ее; да, старая любовь не ржавеет; а как мы любили друг друга, и как она, бедняжка, после была несчастлива!.. Ну, да довольно: что было, то прошло. Рассказывай лучше о своем деле.

Р а з г и л ь д я е в. Мне тебя очень жаль, но девушки — народ легкомысленный: у них только ветер в голове; помоему, если жениться, так на вдове... По крайней мере, я терпеть не могу нанимать квартиры в новом доме, в котором никто еще не жил, не люблю ни нового платья, ни трубки, ни сапогов, ничего нового.

Г у т о р и н. О вкусах не спорят, но ведь жена — не сапог, с ноги не сбросишь, и потому надо быть осторожным.

Р а з г и л ь д я е в. Ах, брат, если бы ты видел мою вдовушку!

Г у т о р и н. А! Так ты женишься на вдовушке? И у вас все уж кончено?

Р а з г и л ь д я е в. Напротив, еще не началось, но я надеюсь... Вот об ее-то деле я и хочу с тобой посоветоваться. Она месяца два назад приехала сюда хлопотать о своей тяжбе; надо на этих днях непременно подать бумагу... туда... Ее тетушка мне давно знакома и обещалась посватать, если я помогу им выиграть их дело.

Г у т о р и н. Дело, дело. Мы тебе обязательно поможем.

Р а з г и л ь д я е в. Спасибо, спасибо, дружище, но вот беда: на прошедшей неделе они обе на меня ужасно рассердились.

Г у т о р и н. За что же?

Р а з г и л ь д я е в. Это все наш экзекутор насплетничал!.. Он как-то втерся к ним в дом, начал приволакиваться за вдовушкой и, вообрази, что наговорил им обо мне, будто я человек пустой, рассеянный, и что, если они не передадут кому-нибудь другому свою тяжбу, то не-

пременно ее проиграют. Я — рассеянный! Да, кажется, нет человека исправнее меня. Я решительно все помню.

Гуторин. Ну, а как зовут твою вдовушку?

Разгильдяев. Как зовут?.. То есть как фамилия... или имя и отчество?

Гуторин. Неужели ты забыл?

Разгильдяев. Ну, вот забавно: и ты, как экзекутор!.. Разве можно ее забыть, когда я от нее без памяти! Ее зовут... Куда я девал ее бумаги?.. Там все подробно описано... и как зовут, и за кем была замужем, и о чем хлопочет, все как следует...

Гуторин. Боже мой! Какая это несчастная вдова поручила ему свою тяжбу.

Явление VI

Те же и Фекла.

Фекла. Письмо, батюшка, принесли.

Разгильдяев. От кого?

Фекла. Из Гороховой, говорит, улицы.

Разгильдяев. Боже мой! Это от нее!

Гуторин. От вдовушки?

Разгильдяев. Ах, какое счастье! Она в первый раз ко мне пишет!.. Извини, пожалуйста. «Что вы с нами делаете? Вот уж целые две недели вы не можете приготовить той бумаги, о которой мы вас просили; послезавтра срок. Если вы не можете или не хотите, то, ради бога, пришлите назад наши бумаги — и бог с вами». Боже мой, что она обо мне подумает? Что я наделал? Куда я девал ее бумаги? Поди, скажи человеку, что я сейчас приду... Постой, постой! помоги мне, пожалуйста: дело пустое!.. Только надо подвести ссылку на указ. Ступай, скажи, что хорошо... Видишь, у ней о чем-то тяжба... Постой, погоди!.. Скажи ему, чтоб он подождал. Ступай... Нет, нет, подожди... Ну, братец, если б тебя здесь не было, я не знаю, что бы со мною было!.. Нет ли у тебя «Свода законов»? Принеси, пожалуйста.

Гуторин. Как, все томы?

Разгильдяев. Нет, нет... не все, а надо справиться в этом томе, где говорится о том... Понимаешь?

Гуторин. О тяжбах, что ли? Это в десятом томе.

Разгильдяев. Да, да, в десятом я и хотел ска-

зять; выручи меня, пожалуйста; мы с тобой разом кончим, привези поскорее. Если ты мне друг, найми извозчика, не теряй времени, а я между тем отыщу бумаги.

Гуторин. Ну, хорошо, хорошо, я сейчас ворочусь... О, бедная вдова! (*Уходит.*)

Явление VII

Разгильдяев и Фекла.

Фекла. Что же человеку-то сказать?

Разгильдяев. Человеку? Какому человеку?

Фекла. Ну, а лакею-то из Гороховой?

Разгильдяев. Дай мне бриться!

Фекла. Вот вовремя выдумал! А человеку-то велеть подождать, что ли?

Разгильдяев. Да, пускай дожидается... Я сейчас напишу... Точно, надо написать, извиниться... Это будет лучше всего. (*Пишет.*) «Ради бога не сердитесь на меня! Я вас люблю, обожаю... И через час все будет готово; один ваш ангельский взгляд — и я счастливейший человек в мире!» Прекрасно: и коротко и ясно.

Фекла (*входит со стаканом воды*). Вот вода, батюшка.

Разгильдяев. Дай огня.

Фекла (*уходя*). Ох, батюшки, с ног сбил меня, старуху... Хоть бы уж женился скорее, авось бы жена взяла в руки!

Разгильдяев. Впрочем, все равно... Можно облаткой запечатать... Надо выбриться поскорее, а то после забудешь как-нибудь, приедешь к ней небритый... (*Мылит бороду.*) Неужели она не сжалится надо мною? Попрошу тетушку, чтоб она заступилась за меня.

Фекла (*входя*). Сторож к вам из департамента пришел.

Разгильдяев. Что ему надобно?

Фекла. Не знаю, говорит, что, мол, нужно самого видеть.

Разгильдяев. Ну зови его. Что может быть ужаснее, как торопишься: хочешь бриться, а тут к тебе с ножом к горлу приступают!

Явление VIII

Разгильдяев и Фадеев.

Фадеев. Здравия желаю, ваше благородие.

Разгильдяев. Здорово, брат... как тебя? Что скажешь?

Фадеев. Секунтор вас к себе требует, по приказанию директора, ваше благородие.

Разгильдяев (*вскакивая*). Ну так! Это все из-за проклятого вицмундира. Скажи, братец, что не застал дома.

Фадеев. Никак не могу, ваше благородие.

Разгильдяев. Я болен!

Фадеев. Не могу знать, ваше благородие.

Разгильдяев. Вот тебе двугривенный, и черт с тобой.

Фадеев. Покорно благодарю, только уж пожалуйста вместе со мною.

Разгильдяев. Ну вот тебе еще двугривенный, только скажи, что ты меня не видал, что я не могу встать с постели.

Фадеев. Никак не могу, ваше благородие.

Разгильдяев. Что же тебе еще надобно? Я болен! Видишь, я в белой горячке, я простудился; мне доктор не велел выходить со двора. Что ж ты меня за шиворот потащишь, что ли?

Фадеев. Никак не могу, ваше благородие. Вы лучше извольте записку написать, а лгать перед начальством нижним чинам не приказано.

Разгильдяев. Ну, хорошо... сейчас! Подожди немножко... Проклятый экзекутор! Он рад теперь будет этому случаю... все им перескажет! (*Пишет.*) «Я болен, не могу явиться в департамент, а если вы, по обыкновению, мне не верите, так пришлите доктора. Ваш покорный слуга...» Как бишь моя фамилия?.. Ну, все равно — поставлю кавычку...

Фекла (*входит*). Давешний-то человек говорит, что ему теперь некогда дожидаться. Что же прикажете сказать?

Разгильдяев. Ах, боже мой! Это все ты! Ничего не напомнишь. (*Отдает письмо.*) На, отдай ему скорее. Ну, слава богу! Немножко поуправился, а то совсем вскружили голову.

Фадеев. Пожалуйте же, ваше благородие.

Разгильдяев. Что тебе еще?

Фадеев. Да записку-то к секутору. Ведь он без записки не поверит, опять меня протурит.

Разгильдяев. Разве я тебе ее не отдал?

Фадеев. Никак нет, ваше благородие, ничего не получал.

Разгильдяев (*отдавая письмо*). На, вот оно. Смотри, коли станет расспрашивать, ничего не говори.

Фадеев. Слушаю, ваше благородие.

Разгильдяев. Ну, ступай же.

Фадеев. Счастливо оставаться. (*Уходит.*)

Явление IX

Разгильдяев (*один*). Уф! Совсем измучился! Выдастся же этакий денек! Кажется, теперь все улажено... Милая вдовушка, без сомнения, простит мою забывчивость... Ну, что за важность, что-я приехал в чужом вицмундире, а директор хоть человек горячий, но, верно, это не припишет какому-нибудь нерадению... Долго ли написать апелляцию!.. И меня еще называют рассеянным; как будто рассеянные говорят так рассудительно. Я все помню, решительно все... Но что мне такое надо было еще сделать?.. Что-то очень нужное... Вот ведь и забыл! Экая память какая! Спросить разве Феклу — нет, и она ничего не помнит. Я что-то такое потерял... Да, точно... Что же я потерял?.. Этот глупый эскутор со своей дурацкой присылкой... Ах да, вспомнил! Я искал бумагу моей милой вдовушки; давеча поутру я их положил, кажется, в боковой карман. Вот мой вицмундир... тут ничего нет... Кто же их взял? Ах, черт возьми, давеча я был в чужом вицмундире, а его уж отослали... Надо поскорее ехать к Пучеглазову (*надевает шляпу*), чтобы он их как-нибудь не потерял!..

Фекла (*приносит самовар*). Ну вот и самовар готов. Кушайте на здоровье, а я сбегая за сухарями. (*Уходит.*)

Разгильдяев (*стоит в размышлении перед самоваром*). Гм! подумаешь, какое прекрасное и полезное изобретение самовар!.. Гм! гм!.. Да зачем же она его подала? Разве я еще не пил чай? Стало быть, не пил, коли она подала. В самом деле, у меня в горле пересохло от сегодняшней передряги... Вот как женюсь, уж не надо

будет заниматься этими мелочами... Оно, разумеется, вещь простая... Что тут мудреного, положить чай... сахар... *(Все делает наизворот.)* Налить кипятку... вздор, пустяки... *(открывает кран; кипяток течет по полу)*, а все не так сделаешь, как женщина... Да, хозяйство в доме — важное дело.

Жизнь холостая мне очень наскучила!

Как одному не скучать?

Целый день дома, засядешь, как чучело,

Не с кем и слова сказать!

Нет никакого тебе утешения;

Вот хоть хозяйство возьмешь:

Тут беспорядок, а там упущение,

Точно в казармах живешь.

Кроме домашних хлопот и опрятности,

Даже по службе самой

Сколько различных обид, неприятности

Встретит наш брат холостой!

Как ни работает, как ни старается,

Все замечать не хотят;

В наших способностях всяк сомневается:

Он, говорят, не женат!

Если ж красавицей женкой, как следует,

Кто заведется из нас,

Смотришь, начальник ласкает, обедает,

Там и прибавка тотчас!

Дети пошли, покумишься с директором;

Тут уж грешно отказать;

Будет вторым их отцом и протектором,

Это не шутка сказать!

Там и пошел! Через два или три года

Всех перегонишь друзей...

Да, быть женатым огромная выгода...

Надо жениться скорей!..

Да, да, пора жениться *(смотрит на часы)*, пора; десятого половина, в самом деле, половина... Этак я опоздаю. *(Надевает шинель.)* Надо поехать к Пучеглазову за бумагами... Вот, говорят, будто я рассеян, все помню, что надобно...

Фекла *(входит с сухарями)*. Вот и сухари, батюшка. Кушайте на здоровье.

Разгильдяев *(в шляпе)*. Подай мне скорее фуражку...

Фекла. Вона! Куда же это вы опять собрались?..

Разгильдяев. Не твое дело. Вот дура! Ни за чем не смотрит: видит, что я в шляпе, и не скажет... Смотри же, я скоро ворочусь, а если кто-нибудь придет, так кланяйся, скажи, что я... ушел. (*Уходит.*)

Фекла. Здравствуй, батюшка! Кланяйся нашим, коли увидишь своих! Куда это его подмывает... Неужели он уж успел напиться... Ах, господи... Что он тут без меня настряпал!.. Экое море разливанное; и сам утек и самовар выпустил! Ну уж механик!.. Поди вот служи этакому сумасброду, а еще жениться хочет! Этак, пожалуй, со сватается, да из-под венца тягу даст, ей-богу!.. Эк, он на бедокуруил! (*Прибирает.*)

Явление X

Фекла и Любецкая.

Любецкая. Здесь живет господин Разгильдяев?

Фекла (*в сторону*). Вот тебе раз, какая нарядная... Ах, батюшки светы!.. Это, верно, сама невеста пожаловала.

Любецкая. Я тебя спрашиваю, здесь ли живет господин Разгильдяев?

Фекла. Здесь, матушка, здесь, милости просим; рады дорогим гостям.

Любецкая. И он смел мне прислать такое письмо!

Фекла. Садитесь, матушка, подождите, он скоро воротится.

Любецкая. Как, разве его дома нет?

Фекла. Сейчас вышел, матушка; да присядьте, присядьте, отдохните; он скоро воротится.

Любецкая. Несносный человек! И этому сумасшедшему мы поручили нашу тяжбу; и он еще просил тетюшку, чтоб она его посватала! О, как я на него зла!.. Я его дождусь, непременно дождусь, чтобы разбраниться с ним навсегда!

Фекла. Экая лебедь какая! Ну да и мой-то хорош гусь; беспорядочен маленько, а собой-то еще на порядках; право, пара хоть куда... Нече делать, надо к ней подделаться: будущая хозяйка! Вы уж, матушка, пожалуйста, прошу, не оставьте меня, бесталанную, своею милостью.

Любецкая. Что тебе надобно?

Фекла. Дело известное, сударыня, что и говорить... Конечно, может статься на первую пору, что и неладно сделаю, так уж не взыщите — я ведь барину десятый годок служу; он мною доволен, хоть и выругает иной раз... Да я неприхотлива; ведь всего восемь рублей на месяц, ну а тепереча побольше будет работы, так уж вы рублишко-другой прибавьте.

Любецкая я. Что ты ко мне пристаешь? Оставь меня, пожалуйста.

Фекла. У! Какая недотрога! Допечет она моего сахара! Пожалуйста, сударыня, уж не берите другой куфарки; ведь старый человек надежнее какой-нибудь ветрогонки, сами знаете.

Любецкая я. Ах, какая несносная! Поди прочь... Мне совсем не нужно кухарки...

Фекла *(в сторону)*. Эге! Повара хочет взять! Вона какая! *(Сквозь слезы.)* Бог с вами! Ваша воля, матушка, я человек маленький, обидеть долго ли, а уж другой такой не найдете; ей-богу, не найдете.

Хвастать мне собой не для чего,
А спросите обо мне хоть самого,
Кроме кофею горячего,
Никогда я не пивала ничего!
Повариха просто редкая:
И зажарю, и сварю, и закуплю.
Не чухонка и не шведка я,
А уж им я в чистоте не уступлю.
Со двора я неуходчива,
Шашни нет за мною, право, никакой;
Что ж касается до прочего,
Так останетесь во всем довольны мной!

Любецкая я. Да к чему ты мне все это говоришь? Я уж тебе сказала, что мне совсем не нужна кухарка.

Фекла. Понимаю, сударыня, понимаю; да ведь повар-то станет вам в копейку, ведь они, матушка, мошенники, ей-богу, мошенники; я вот на рынке-то насмотрелась: господам купит на рубль, а полтину в карман; делает какую-нибудь фрикассею из костей, а покажет в счету и невесте что; я хвастать не хочу; бламанжеи да немецкие соусы не беруся делать, а уж простое, обнаковенное все смыслю. Кулебяку на свадьбу такую состряпаю, что любо-дорого.

Любецкая я. Какая свадьба? Что ты, с ума сошла!

Фекла. Извините, матушка, проболталась, да ведь дело доброе, что скрываться. Коли бы не были невестой, так не пришли бы к нам... Дай бог вам совет да любовь; у него душа добреющая; забывчив маленько, да как почаще напоминать, так будет исправен, не сумлевайтесь! Ах! Да вот и он воротился!

Явление XI

Те же и Разгильдяев (с бумагами, кидает их на стол.)

Разгильдяев. Вот дураки! Что тут смешного, что человек не успел выбриться... Ну, слава богу — бумаги у меня; теперь все в порядке и я... Боже мой! Вы здесь! А я в халате... Что я наделал! Извините, пожалуйста, я домашнему. Вы меня удостоили вашим посещением... Вы были так снисходительны...

Любецкая. И он еще хочет любезничать, как ни в чем не бывало... Послушайте, сударь, вы наконец вывели меня из терпения, и я решилась сама приехать, чтоб увериться — в полном ли вы рассудке. Если бы вы действительно были больны, вы бы не ушли со двора, если же вы можете ходить, так могли бы обойтись со мной поучтивее.

Разгильдяев. Вы, кажется, сердитесь? Чем же я виноват перед вами?..

Любецкая. И он еще спрашивает! Смотрите, сударь, разве можно писать дамам такие вещи? (*Показывает письмо.*)

Разгильдяев. Как, неужели мое нежное письмо могло оскорбить вас?..

Любецкая. Нежное письмо! Да вы, сударь, прочли ли то, что мне написали?

Разгильдяев. Помилуйте, за кого вы меня принимаете?

Любецкая. Читайте, сударь, читайте, если вы имеете привычку не думать о том, что делаете.

Разгильдяев. Позвольте, я вас не понимаю... Что я вижу!!! Это письмо совсем не к вам, ей-богу, не к вам. Это я писал к экзекутору; он ужасный человек; он хочет меня с вами поссобрить; он бог знает что вам на меня наговаривает; вы ему не верьте.

Любецкая. Но ведь это ваша рука?

Разгильдяев. Моя-с... Только я его не вам послал... Это все Фекла перепутала. *(Рвет письмо и бросает на пол.)*

Фекла. Я? Вот так-то! Да ведь вы сами мне его отдали!

Разгильдяев. Ну пошла, убирайся на кухню... да смотри: кто бы ни пришел, скажи, что дома нет.

Фекла *(уходя)*. Понимаю, батюшка: не в пору гость хуже татарина.

Разгильдяев. Боже мой! Как мне совестно, как досадно... Проклятый экзекутор; нужно же было ему прислать ко мне в то время, когда я... Ради бога, берегитесь этого человека: он к вам равнодушен; он мне вчера еще говорил, что перебьет ваше ко мне расположение.

Любецкая. Он мне так же несносен, как и вы, сударь; но теперь не о нем. Послезавтра срок; надо подавать в сенат...

Разгильдяев. Да-с, я знаю, ей-богу, знаю...

Любецкая. Вы знаете и до сих пор не можете написать прошение?..

Разгильдяев. Помилуйте, все готово, как следует: на гербовой бумаге; вот оно, извольте.

Любецкая. Что это? Тут о каких-то дровах?

Разгильдяев. О дровах! Ах, боже мой! Как поленом по лбу. Это дело Севрюгина, вот ваше. Извините, я каждую минуту думаю о вас, оттого-то и делаю беспрепятственные глупости.

Любецкая. Благодарю вас за комплимент.

Разгильдяев. Нет, Анна Григорьевна, я не то хотел сказать...

Любецкая. Прекрасно, сударь, вы даже имени моего не запомнили.

Разгильдяев. Тьфу, черт возьми! Анна Егоровна, хотел я сказать! Не сердитесь, ради бога, не сердитесь... Вот копия с определения Новгородской гражданской палаты, а вот и апелляция в сенат совсем готова... только двух строчек не дописано... Это я здесь же при вас кончу... Дело ваше чистое. Садитесь, пожалуйста... И вы называете меня рассеянным, вы сомневаетесь во мне... Я вам сейчас докажу... Тут два слова, и дело кончено... Вот оно, готово, совершенно готово... *(Заливает чернилами.)* Ах, черт возьми!

Любецкая. Что еще?

Разгильдяев (*бросает песочницу*). Что я наде-
лал! Проклятая песочница!

Любецкая. Прекрасно, сударь, только этого не-
доставало!..

Разгильдяев. Не беспокойтесь... Это я сейчас
подскоблю.

Любецкая. О, варвар! О, мучитель!

Разгильдяев. Не сердитесь, ради бога. Я сейчас
все сызнава перепишу, тут всего только три листа.

Звонят.

Любецкая. Боже мой, кто-то пришел! Если меня
застанут здесь, у холостого мужчины!..

Разгильдяев. Не беспокойтесь: я приказал нико-
го не принимать.

Фекла (*за кулисами*). Нетутка дома, ей-богу, нету
дома!

Экзекутор (*тоже*). Врешь, дура! Он дома, пусти
меня!

Разгильдяев. Ах! Это проклятый экзекутор!

Любецкая (*тихо*). Не пускайте его сюда.

Разгильдяев. Не пушу, ни за что не пушу.

Экзекутор (*за кулисами*). Осип Осипович, отвори-
те, сию минуту отворите, а не то худо будет!

Любецкая. Тс! Не говорите ему ничего.

Экзекутор. Отворите, вам говорят!

Разгильдяев. Меня дома нет! Я ушел в депар-
тамент!

Любецкая. Что вы делаете!

Разгильдяев. Ах, проклятый экзекутор! } (*Вместе.*)

Экзекутор. А! Прекрасно, прекрасно! Если же вы
мне сию минуту не отопрете, так я дворника клик-
ну! Я двери выломаю. Я человек военный, шутить не
люблю.

Любецкая. Нельзя ли мне куда-нибудь спря-
таться?

Разгильдяев. Да, да, спрячьтесь, пожалуйста,
спрячьтесь. Если он вас здесь застанет, завтра весь де-
партамент узнает! Войдите вон сюда направо, в мою ком-
нату.

Любецкая. Ради бога, выгоните его отсюда поско-
рее... Боже мой, боже мой! Какое мучение!.. (*Уходит на-
право.*)

Разгильдяев. Будьте покойны, сию же минуту...

Чтоб он не вошел сюда как-нибудь... (*Запирает дверь на ключ и прячет его в жилетку.*) Вот такт вернее. (*Идет и открывает средние двери.*)

Явление XII

Те же и экзекутор.

Экзекутор. Помилуйте, господин Разгильдяев, что вы делаете? На что это похоже? Что это за насмешки?.. Ведь я не ваш дурак...— в своем ли вы уме! К вам придешь, а вы еще дома не говоритесь; ведь если мне ходить за всяким чиновником, так так и сам дома не окажешься.

Разгильдяев. Что вам надобно, господин Мелюзга? Вы точно с цепи сорвались.

Экзекутор. Нет, вот вас-то бы надо на цепь посадить. Как это можно? Как вы смели прислать ко мне такую записку? Если б я ее в подлиннике представил директору, так, знаете ли, что бы вам за это было! Я человек военный; где касается до чести, вы меня извините, я шутить не люблю!

Разгильдяев. Что такое? О какой записке вы говорите?

Экзекутор. О той, которую вы мне прислали со сторожем Фадеевым; вот она... покорно прошу объяснить... «Я вас люблю, обожаю»... Что это такое? Что это такое?..

Разгильдяев. Ах! Черт возьми!

Экзекутор. «Один ваш ангельский взгляд, и я счастливейший человек в мире». Помилуйте! За кого же вы меня принимаете?

Разгильдяев. Это совсем не к вам; ну, стану ли я вам писать этакой вздор. Вот ваша записка, возьмите ее... (*Поднимает с полу разорванную записку.*)

Экзекутор. Что? Что? Как вы смеете? Как вы можете?.. Вы забываетесь!.. Я человек военный! Я шутить не люблю! Я понимаю и догадываюсь, к кому вы писали эти нежности: вы с ума сходите от приезжей вдовушки, которая живет в Гороховой, да отложите попечение... вам не выдать ее как ушей своих.

Разгильдяев. Да, особенно если-вы будете наушничать да сплетничать...

Экзекутор. О, она и без меня никогда бы за вас не вышла. Ну что у вас за жалование, что за чин и что вы сами такое: пустой человек — больше ничего!

Разгильдяев. Да уже лучше быть пустым человеком, чем набитым чучелой!

Экзекутор. Ну, да кто бы я ни был, а уж вы из Гороховой вернетесь с носом на Козье болото.

Разгильдяев. Уж не вы ли думаете перебить у меня дорогу?

Экзекутор. А почему ж бы не так? У меня и в голове и в кармане побольше вашего; и собой-то по крайней мере во всем почище вас! Еще вызвались хлопотать о ее тяжбе!.. Уж где вам хлопотать по чужим делам: у вас и в своих-то собственных черт ногу переломит.

Разгильдяев. Разумеется, где нам тянуться за вами; вы умеете свои дела вести — умеете показать начальству расход, а приход спрятать в карман.

Экзекутор. Эге!.. Как вы можете говорить такие слова?.. Я это так не оставляю... Я не перенесу этого, все донесу его превосходительству.

Разгильдяев. Да вам только и дела, что доносить до переносить.

Экзекутор. Ого!.. Ну да об этом после мы поговорим, это дела келейные, а теперь подите-ка разделайтесь за ваши давешние проказы!.. Вы, сударь, срамите весь департамент!.. Что о вас должен подумать его превосходительство?.. Прийти к нему ни свет ни заря и явиться не в своем виде!

Разгильдяев. Что? Что? Как, не в своем виде?

Экзекутор. В вицмундире другого министерства! Ведь это криминал!.. Вольнодумство! Явный знак беспорядочной службы!.. Осмелиться разбудить такого неусыпного начальника, потревожить его отдохновение от дневных трудов! Знаете ли вы, что его превосходительство изволили започивать в два часа, а вы уж в восемь часов!.. Страшно, за человека страшно! Зато вот теперь подите-ка разделявайтесь. Он сию минуту приехал в департамент зверь зверем! Чуть вошел на лестницу, то изволил меня разругать ни за что, ни про что, а это все по вашей милости... Начальника отделения так распеку из-за вас, что не приведи господи! Что, говорит, это у вас за беспорядок? Что за народ? Как, говорит, можно терпеть таких сумасбродов? Филипп Филиппович сейчас меня послал за вами и приказал вас доставить живого или мертвого!.. Я че-

ловек военный, знаю субординацию... Извольте-ко надеть свой вицмундир, а то вы, чего доброго, в халате затешетесь в присутствии!

Разгильдяев (*надевает вицмундир*). Проклятый вицмундир. Как это вчера Пучеглазов не разглядел, как сегодня Фекла не досмотрела?.. Послушайте, господин Мелюзга, вы не уйдете отсюда?

Экзекутор. Без вас шагу не сделаю, останусь здесь хоть до завтра.

Разгильдяев. Нечего делать... Пойдемте, но только вы не воображайте, чтоб я вас испугался. Я это делаю по другой причине.

Экзекутор. Мне все равно, только извольте идти со мною...

Разгильдяев. Вы можете пугать ваших сторожей, а я вас не боюсь... Я иду с вами, потому что... потому что Анна Егоровна меня просила...

Экзекутор. Ну да уж там начальство разберет: Анна ли Егоровна или Григорий Сидорович, только извольте идти.

Разгильдяев. Пойдемте, пойдемте.

Уходят.

Явление XIII

Фекла и Любецкая (*спрятанная*).

Фекла. Эк они тут горланили! Ну уж секатор, какой голосистый! Мой-то как мокрая курица, а он даром что мал, а словно цыцарский петух расходился!.. Да куда же наша залетная пташка девалась?.. Она, кажется, не выходила отсюда?..

Стук.

Те, те, те, в клетку попалась!

Любецкая (*за кулисами*). Послушай, послушай!

Фекла. Что прикажете, сударыня?

Любецкая. Отопри скорее...

Фекла. Сейчас, матушка... Да что это она так туго отворяется... Ахти, батюшки, да ведь дверь-то никак на ключе.

Любецкая. Так отопри скорее.

Фекла. Да чем, матушка? Ключа-то здесь нету.

Любецкая. Боже мой, он меня запер! Посмотри, не выпал ли ключ?..

Фекла. Нету, матушка, нигде не видно; надо быть, что запер... Вот молодец: прежде свадьбы под замком держит!

Любецкая. Отодвинь поскорее задвижки.

Фекла. Да задвижек-то нет, сударыня, задвижки-то внутри.

Любецкая. Так сломай двери!

Фекла. Что прикажете?

Любецкая. Сломай двери, я тебе говорю...

Фекла. Да чем же, сударыня? У меня никакого инструмента нету... Разве сходить за слесарем али кликнуть дворника; так ведь нехорошо: шуму наделаешь, и невеста что подумают! Лучше посидите, матушка; он к обеду воротится, коли что не задержит...

Явление XIV

Те же и Гуторин (с книгой).

Гуторин. Ну, брат, торопился к тебе сломя голову... Эге! Да его нет здесь. Где же он?

Фекла. Уехал с секутором в департамент.

Гуторин. Уехал! Вот полоумный, а я нарочно для него оставил свои дела... Да что ты там делаешь?

Фекла (*вполголоса, махая рукой*). Опять набеда-курил!

Гуторин. Что такое?

Фекла (*вполголоса*). Невесту запер.

Гуторин. Что, что? Какая невеста?

Фекла. Секутор пришел: видно, ей, сердечной, зазорно стало, хотела спрятаться, а он ее на ключ, да и унес с собою.

Гуторин. Ах он сумасшедший!

Любецкая. Кто бы вы ни были, сударь, отворите...

Гуторин. Это, верно, его вдовушка, о которой он мне говорил... Извините, меня, сударыня, я хоть и не имею чести вас знать, но будьте уверены в моей скромности... Принеси молоток!

Фекла уходит и возвращается с молотком.

Любецкая. Отоприте, отоприте, ради бога!

Гуторин. Что я слышу! Этот голос мне что-то знаком.

Любецкая. Если вы сейчас не отопрете, я упаду в обморок.

Гуторин. Ого, это уж не шутка! Успокойтесь, сударыня, я старый друг Разгильдяева; и поверьте, что не сделаю никакой огласки... Любопытно посмотреть, какая это несчастная попалась. Извольте, сударыня, я очень рад, что пришел вовремя и что мог... *(Отворяет дверь.)*

Явление XV

Те же и Любецкая.

Гуторин. Что я вижу! Анна Егоровна!

Любецкая. Иван Никанорович! Ах, мне дурно!

Фекла. Вот тебе раз, да она с ним знакома!

Гуторин. Успокойтесь, ради бога, успокойтесь... Придите в себя!..

Фекла. Ну, прогуляет мой голубчик свою голубушку.

Гуторин. Поди, поди... Феклуша, оставь нас, тебе тут нечего делать.

Фекла. Вижу, батюшка, вижу... наше дело сторона. *(Уходит.)*

Гуторин. Так это была Анна Егоровна!.. Она приходит в себя... Лучше ли вам, Анна Егоровна?

Любецкая. Боже мой... Где я? Что было с мною? Что вы обо мне подумаете!

Гуторин. Помилуйте, я очень хорошо знаю моего сумасшедшего приятеля, но никак не могу понять, каким чудом вы здесь у него!

Любецкая. Ах, не говорите мне о нем: он чудовище. Он меня чуть не уморил!

Гуторин. Но мне давеча Разгильдяев говорил, что хлопчет по делу какой-то вдовы... И хоть не называл мне фамилии, но... неужели?..

Любецкая. Да, это я; он говорил обо мне?

Гуторин. Как, разве вы?..

Любецкая. Вот уже два года, как я лишилась Матвея Петровича.

Гуторин. Возможно ли? Какое счастье!

Любецкая. Как, сударь!

Гуторин. Нет, нет, извините, какое несчастье, хотел я сказать... Боже мой! Я сам теперь не лучше Разгиль-

дьева... Сам себя не помню, совсем растерялся... Он мне говорил, что вы в Петербурге уже два месяца, и мы с вами нигде не встречались. Но в какую несчастную минуту вы могли поручить ему ваше дело?

Любецкая я. Это все тетушка виновата: она мне его рекомендовала как честного и знающего человека... Он уверил нас, что наше дело чистое... и посмотрите... *(Показывает ему бумагу, залитую чернилами, которую оставил Разгильдяев на столе.)*

Гуторин. Ну так, так! Я знаю его работу.

Любецкая я. Боже мой! Как я несчастна... Я никого не знаю в Петербурге, не знаю — к кому обратиться... Если мы послезавтра не представим апелляцию в сенат, я проиграю тяжбу.

Гуторин. Вы забываете ваших старых друзей, Анна Егоровна, друзей, которые...

Любецкая я. Нет, нет, Иван Никанорович. Я так виновата перед вами! Мне даже совестно глядеть на вас... Но я дорого заплатила за свое легкомыслие.

Гуторин. Я все знаю, все слышал... Вы отдали руку человеку, который не стоил вашего мизинца, но бог с ним: о мертвом не надо говорить дурного, а хорошего о нем нечего говорить. Но я... я с ума сходил о вас, почти не спал; в продолжение десяти лет вы ни на минуту не выходили из моей головы, и я дал себе клятву остаться холостым.

Любецкая я. Что я слышу, вы еще не женаты?..

Гуторин. Да разве я мог найти подобную вам! Вы — мой идеал; в вас именно все то, что должна иметь женщина, чтобы осчастливить мужчину. Посмотрите, для другой десять лет — полвека, а вы... вы стали еще лучше, роскошнее... Ну кто, глядя на вас, скажет, что вы вдова! Боже мой, я, кажется, сам помолодел десятью годами! Помните ли, Анна Егоровна, то блаженное время... когда вы...

Любецкая я. Ах! Ради бога, перестаньте...

Гуторин. Извините, Анна Егоровна, я увлекаюсь прошедшим, мечтаю уже о будущем и забываю о настоящем. Неужели я должен опять расстаться с вами, неужели и этот друг отнимет мои прежние права?

Любецкая я. Ах, что вы говорите: я никогда за него не пойду! Это все тетушка...

Гуторин. Как! Так вы его не любите? Я могу надеяться! О, ради бога, передайте мне ваши бумаги, ваши

дела... Как бы Разгильдяев не напутал, я все к завтраму же вам исправлю, все обделаю. Вы молчите... Вы колеблетесь, вы боитесь, что это вас обяжет... Нет, нет! Я ждал десять лет, буду ждать еще столько, если вам угодно, только удостоьте меня своей дружбой, своей доверенностью...

Любецкая (*подает бумаги*). Возьмите!

Гуторин (*целует ее руку*). О! я счастливейший человек в мире!

Явление XVI

Те же, Разгильдяев и Фекла.

Разгильдяев. Где оно? Куда девалось? Фекла! Фекла! Поди сюда, ищи, ищи, скорее.

Фекла. Что такое? Что еще искать?

Разгильдяев. Куда ты, дура, положила дело купца Севрюгина, а?.. Где оно?

Фекла. Ах, батюшка, да мое ли это дело?

Разгильдяев. Ты ни за чем не смотришь, ничего не видишь, ничего не знаешь!.. А, мой друг, ты здесь, ты воротился... Очень рад... Боже мой! Кого я вижу: и вы здесь? Вы меня удостоиваете вашим посещением.

Любецкая. Прекрасно... Он опять начинает давишнюю сцену.

Разгильдяев. Честь имею рекомендовать вам моего друга... закадычного друга... Как бишь тебя?..

Гуторин. Прошу покорно!.. Он и не думает извиниться перед вами.

Разгильдяев. Извиниться, в чем надо извиниться?..

Гуторин. Хорош, очень хорош! И он еще говорит, что все помнит.

Разгильдяев. Да что же я забыл?

Гуторин. Что забыл?.. Ах ты, неключимое создание!.. Запер Анну Егоровну и ключ унес с собою...

Разгильдяев (*шарит в кармане*). Я запер? Я?.. Что ты!.. Ах я дурак! Точно, точно, вот он. Извините, пожалуйста. Я вас сейчас отопру. (*Бежит отворять дверь.*)

Гуторин. Ха, ха, ха! Ну, уж это лучше всего: полно, полно, не трудись... Скажи-ка лучше, как ты разделался с директором.

Разгильдяев. Вымыли голову в полном присутствии. Тут еще подвернулся купец Севрюгин, а его дело у меня на дому — и пошла катавасия... Впрочем, вы, ради бога, не беспокойтесь о своем деле: я его кончу, непременно кончу.

Гуторин. Ну, уж тебе тут нечего хлопотать, Анна Егоровна передала мне свои бумаги.

Разгильдяев. Неужели?.. Вот это прекрасно! На эти вещи он собаку съел. Стало быть, вы с ним познакомились?..

Гуторин. Да, ровно за десять лет прежде тебя. Это та самая особа, о которой я тебе давеча здесь говорил.

Разгильдяев. Да, да, которую у тебя перебил закадычный друг? Помню... Вы напрасно за него не вышли замуж; ведь он прекрасный человек... Он давеча так горевал о вас... Я вас прошу за него...

Гуторин. Не беспокойся, мой друг, может быть, еще дело сладится...

Разгильдяев. Неужели? Ну, очень рад, очень рад... Однако... постой... Чему же я радуюсь; ведь это значит, что теперь ты у меня ее перебиваешь?

Гуторин. Я тебе говорил, что все закадычные друзья одинаковы.

Разгильдяев. Совершенно справедливо! Ты очень хорошо знаешь человеческое сердце... Что же это такое? Там вымыли голову, здесь отбили невесту; и это все из-за чужого вицмундира! Ну да бог с вами! Прощайте, мне пора в департамент... *(Бежит вон.)*

Гуторин. Постой, постой!..

Разгильдяев. Что же еще надобно?.. Разве не все кончено?.. Ведь ты о ней будешь теперь хлопотать?

Гуторин. А ты позабыл?..

Разгильдяев. Да, да, спасибо, что напомнил... *(Поет.)*

Кто глупо так, как я, хлопочет,
Так толку тут не быть ни в чем;
Но автор непременно хочет,
Чтоб я похлопотал о нем.
Мне эта просьба — наказанье.
Я взялся, на беду свою,
И прямо в общее собранье
Теперь ее передаю.

Здесь судят коротко и ясно,
Не станут дела волочить,
И апелляции напрасной
Уж некуда переносить,
В моем лице вас автор просит...
О чем?.. Не нужно пояснять...
И если там меня он спросит,
Так что прикажете сказать?

Н. А. НЕКРАСОВ

Актер

**ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ
В ОДНОМ
ДЕЙСТВИИ**

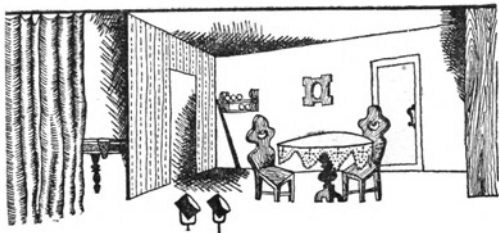
1841

Действующие лица

Кочергин, саратовский помещик.
Лидия, дочь его.
Сухожилов, чиновник, жених Лидии.
Стружкин, актер.
Слуга.

Действие происходит в С.-Петербурге.

Театр представляет комнату в квартире Кочергина. Три двери: направо в биллиардную; налево в комнату Лидии; на середине выходная.

Явление I

Сухожилов и Кочергин, с кием, выходит из биллиардной.

Кочергин. Ха-ха-ха! Как я вас славно обыграл! Удивительная партия... И как мне задалось — что удар, то либо в среднюю блузу, либо дублет в угольную¹... Я надеюсь, вы не сердитесь, что я вам задал сухую партию... что не дал ни одного очка сделать?..

Сухожилов. О, помилуйте, за что сердиться... на то игра; нельзя обоим вдруг выиграть.

Кочергин. Истинная правда... Вот я уж тридцать лет играю на биллиарде, а никогда не замечал, чтоб вдруг оба выиграли... Так уж странно как-то сочинены игры... Так вы не сердитесь за сухую партию?

Сухожилов. Нет, мне остается только удивляться вашему искусству.

Кочергин. Да, от этой сухой партии у меня и теперь лоб мокрый... Вот посмотрели бы вы на меня в прежние годы, как я играл на биллиарде!

¹ Здесь и дальше, в куплете Кочергина, — термины биллиардной игры.

Когда мне было двадцать лет —
Играл тогда я бойко, славно!
Со мной, бывало, сладу нет:
Всех обыграю преисправно!
Хоть на три тысячи изволь —
Вовек не праздновал я трусу:
Я славно делал карамболь
И попадал отлично в блузу!

Теперь совсем не то... меня узнать нельзя... я стал и стар,
и слеп, и слаб.

Явление II

Т е ж е и Лидия.

Лидия. Ах! Валерьян Андреич!

Сухожилов. Лидия Степановна! Здравствуйте! Кажется, целый век не видал... Позвольте поцеловать вашу ручку!

Лидия. Здоровы ли вы?

Сухожилов. Здоров; но сердце у меня страдает... Матушка, кажется, на целый век замедлила нашу свадьбу... однако ж, наконец...

Кочергин. Ну, что наконец?

Сухожилов. Она уже едет... вот письмо прислала. Что это за добродетельная женщина! Вы ее узнаете и с ней не расстанетесь... Она наперед дала свое согласие на брак мой с вашей дочерью... Как она на меня надеется... как любит меня! Послушайте, вот конец ее письма; волосы дыбом поднимаются. (*Вынимает письмо и читает.*) «Прощай, бесценный Валеринька!» — бесценный! — «Я скоро буду... Прощай, сердце мое; береги свое здоровье, одевайся потеплей и будь добродетелен!» Будь добродетелен! Такое выражение может изобрести только материнская нежность.

Кочергин. Вот, сударь мой, скоро матушка ваша будет. Так, значит, в ожидании всерадостного приезда, чтоб незаметнее время прошло — мы теперь и сыграем еще партиюку...

Сухожилов. Некогда. Я заехал только повидаться с дорогой Лидией Степановной. Вы и то меня задержали.

Кочергин. Эх! А я было только кий подпилить... так бы и срезал желтого в среднюю... Ведь вы берете у меня

дочь, последнее мое утешение, можно бы, кажется, за это партию-другую сыграть. Мне ведь будет скучно...

Сухожилов. Скучно, позвольте! Вы говорите, что вам будет скучно? Мы найдем вам развлечение. Ах, позвольте... у меня есть чудесный знакомый, который, верно, умеет играть на бильярде...

Кочергин. Ну... так что же?

Сухожилов. Я приведу к вам славного малого. Он насмежит вас и обыграет.

Кочергин. Обыграет? А кто он такой?

Сухожилов. Актер.

Кочергин. Ха-ха-ха! Актер. Слышишь, Лидия, к нам хотят привести актера...

Сухожилов. Лихая голова!.. Только успевай смеяться: врет, как трещотка!

Кочергин. Все это хорошо, но... *(Берет его за руку.)* Хотите, вперед дам двадцать очков?

Сухожилов. Прощайте, иду за Стружкиным. Сейчас же приведу... Он говорил, что куда-то отозван; ну, да не велик барин, в другой раз туда сходит.

Кочергин. Я очень буду рад!.. Люблю посмеяться... ха-ха!.. и поиграть на бильярде! Актер... Помнишь, Лидия, когда мы жили в Саратове и зазвали какого-то заезжего штукаря?.. Такие коленцы выкидывал, что чудо!.. А это столичный: должно быть, еще лунше, ха-ха!

Сухожилов. Прощайте же. *(Подает ему руку.)*

Кочергин. Ах, киек-то хорош! Двадцать пять вперед дам, сыграем, и выставку дам!

Сухожилов. Прощайте, Лидия Степановна, мы скоро увидимся.

Кочергин *(вслед уходящему Сухожилову)*. Валерьян Андреич! Двадцать пять — и все ваши промахи не в счет! Время терпит: сыграем.

Сухожилов уходит.

Явление III

Те же, кроме Сухожилова.

Кочергин. Экой торопыга! А мочи нет, хочется кий попробовать... Ну да бог с ним, зато он приведет нам Стружкина... Посмежит нас!

Лидия. Отчего вы думаете, папенька, что он должен быть непременно смешон?

Кочергин. Ха-ха-ха! Ведь это его занятие.

Лидия. В театре, а не в гостях.

Кочергин. Все равно. Еще бы он стал серьезные рожи корчить... Да тогда бы его никто в дом-то не пустил... Ну, об нем после, а теперь скажи-ка мне откровенно, довольна ли ты женихом, которого я тебе приискал?

Лидия. Очень довольна; лучше этой партии я не желала.

Кочергин. Постой, постой... Вишь, ты очень тороплива. Пятьдесят девять еще не партия! Вот как вас обвенчают, да на другой день поздравят с добрым утром, вот тогда ты партию-то с ним с удару и кончишь. Жаль, умерла моя покойница; она бы научила тебя, как жить с мужем. Я не могу дать тебе наставлений; а, пожалуй, расскажу, как со мной жила моя жена; может быть, тебе понравится и ты последуешь ее примеру:

Два месяца мы жили очень мирно,
На третий вдруг вздурилась жена,
Вскочивши, я скомандовал ей «смирно!»,
Тарелкой в лоб пустила мне она.
И с той поры не становилась тише;
Все на меня сердилась ночь и день,
И уж к себе не подпускала ближе,
Как на одну печатную сажень.
Мне это страх как было нездорово,
День ото дня ставало тяжелей,—
И, наконец, чтоб сблизиться с ней снова,
Был принужден я покориться ей.
Так шли дела; в два месяца, не дальше,
Покорным быть я ей во всем привык...
Она себе жить стала генеральшей,
А я у ней был точно, как денщик!

Явление IV

Те же, Сухожилов и Стружкин.

Кочергин. А! а! Шум! Видно, приехали. Ну, слава богу... Теперь мы не умрем со скуки.

Сухожилов. Вот, рекомендую вам моего приятеля, Ореста Петровича Стружкина.

Кочергин. Очень приятно... очень приятно,

Стружкин. Валерьян сказал мне, что вы хотели со мной познакомиться: благодарю вас за честь.

Кочергин. И я благодарю, чудесно! (*В сторону.*) Сейчас видно сокола по полету!

Сухожилов (*Стружину*). А вот, рекомендую тебе мою невесту... Лидия Степановна...

Стружкин. Очень рад, сударыня, за моего приятеля: бог наделяет его прекрасной женой.

Лидия. Вы мне льстите...

Стружкин. А скоро будет свадьба?

Кочергин. А вам на что? Ха-ха-ха! Сострить?

Сухожилов. Да вот, как скоро приедет матушка; ты знаешь, что она скоро обещала быть... Однако я иду... надо оканчивать дела.

Лидия. Пойдемте, я покажу вам мою работу.

Сухожилов и Лидия уходят.

Явление V

Стружкин и Кочергин.

Стружкин. Вы, я думаю, с нетерпением ожидаете матушки Сухожилова, чтоб кончить дело. Хорошая она женщина?

Кочергин. А кто ее знает. Я ее сроду не видал. Должно быть, хорошая. Ну, да что о таких пустяках толковать; лучше бы что-нибудь повеселее.

Стружкин. А, вы любитель веселого. Веселого нынче в свете очень редко,— все избилося, истаскалось. Что было прежде гениально — теперь только что сносно; что было забавно — теперь никуда не годится... Легче достать птичьего молока, чем настоящего, неподдельного веселья, если его нет в самом характере человека...

Кочергин. Ха-ха-ха! Как вы сказали, почтеннейший?.. Птичьего молока! Славно, ха-ха!

Стружкин. Что вы говорите?

Кочергин. Чем вы занимаетесь теперь; то есть, что поделяете?

Стружкин. Мои занятия, я думаю, вам известны... Поутру роли, потом репетиции, потом спектакль, а потом опять роли, и опять репетиции, и опять спектакль...

Кочергин (*в сторону*). Ха-ха-ха! Вот уж начал, начал; так у него и выливается!..

Стружкин (*в сторону*). Что он все смеется и смотрит на меня, как на зверя!

Кочергин. Как это вы попали, любезнейший, в такую должность?

Стружкин. Любовь к театру заставила меня посвятить себя благородному званию артиста.

Кочергин. Ха-ха-ха! Да с вами не умрешь со скуки. Ха-ха!

Стружкин. Что такое?

Кочергин. Ну, любезнейший, благородному званию...

Стружкин. Я горячо полюбил театр и стал ревностно изучать образцы.

Кочергин (*смеется*). Оно так и надо, конечно, всякий молодец на свой образец!

Стружкин (*особо*). Он не перестает смеяться; что бы это значило... Уж нет ли тут чего?

Кочергин. И надо признаться, что вы собаку съели в своем ремесле!

Стружкин. Искусстве, а не ремесле!

Кочергин. Ха-ха! Все равно... искусстве... Славно, славно... Как вы вошли, я чуть-чуть не фыркнул.

Стружкин (*вскакивая*). Что такое?

Кочергин. Ха-ха-ха! Какую вы серьезную рожу скорчили. Bravo, ха-ха!

Стружкин. Что... чуть не фыркнул?.. Так я вас на-смешил?

Кочергин. Да как же, любезнейший, вы и теперь смешите, ха-ха-ха! Да полноте притворяться! Право, другой подумает, что вы в самом деле рассердились!

Стружкин. Вы ошибаетесь, я вовсе не думал вас смешить. Я не шут, государь мой, артист... Это такая разница, как небо и земля!.. Шутю может быть всякий дурак, а артистом только человек с дарованием...

Кочергин. Ха-ха-ха! Ну, недаром же мне Валерьян Андреич сказал, что вы меня распотешите... ха-ха!

Стружкин. Как? Так это вам сказал Валерьян Андреич? Он для того меня познакомил?

Кочергин. Ха-ха-ха!

Стружкин. Сделайте одолжение, перестаньте смеяться!

Кочергин. Нечего сказать, я этого не ожидал. Вы мастер своего дела... благодарю, благодарю... Навещайте нас, пожалуйста, почаще, люблю посмеяться, ха-ха!

Стружкин. Теперь я все понимаю! Так вы меня затем пригласили, чтоб я смешил, потешал вас... И это сделал человек, которого я считал другом! Вы приняли меня за уличного паяццо, за фигляра?

И вот как у нас понимают искусство!
Вот как на жрецов его люди глядят:
Ты тратишь и силы, и душу, и чувства,—
За то тебя именем шута клеймят!
Талант твой считают за ложь и обманы;
Понять его — выше их сил и ума.
Им нет в нем святыни: для них шарлатаны
И Гаррик,¹ и Кин,² и Лекень,³ и Тальма!⁴

Кочергин. Очень хорошо! Удивительно! Вот у нас каждый день шарманщик останавливается, собачки у него пляшут в фартуках, и сам, каналья, танцует... Да нет! Все не то! Я еще никогда так не смеялся, как сегодня. Как на вас взгляну... ха-ха-ха-ха!

Стружкин. Нет, это выше сил! Говорят вам, я не затем явился сюда. Этот Валерьян, этот повеса, солгал вам. Я же его проучу... Я покажу ему, что значит актер, я отплачу ему за его похвальную рекомендацию... (Уходя.) Мое почтение.

Явление VI

Кочергин. Куда же вы, вот бы мы партию сыграли... Ну молодец!.. Да что он, вправду, что ли, рассердился? Ха-ха-ха! Как бы то ни было, а потешил... Жаль, если он не придет опять. У него и голос две капли воды на шарманку походит. А если еще он может усовершенствоваться,—так надо ожидать, что под потолок будет подскакивать... Только странно, за что он рассердился? Не находит ли на него дурь? Спрошу ужо у Валерьяна Андреича, а теперь... Эх, скучно стало! Так славно удалось кий подпилить, можно бы с удару партию кончить...

¹ Гаррик Д. (1717—1779) — английский актер-трагик.

² Кин Э. (1787—1833) — трагический актер Англии.

³ Лекен А. (1729—1778) — трагический актер Франции.

⁴ Тальма Ф.-Ж. (1763—1826) — трагический актер Франции.

Кочергин и госпожа Сухожилова.

Сухожилова. Эко неопрятство какое, господи боже мой: в прихожей ни одного холопа нет. Чай все по заведениям разбежались...

Кочергин. А? Откуда вы? Вам кого-нибудь угодно?

Сухожилова. Вестимо, недаром пришла... Ах!.. Дай бог память, фамилия, эдак... на помело либо на ухват похожа...

Кочергин. Что такое?

Сухожилова. Да, да, вспомнила... кочерга. Где мне найти господина Кочергина?

Кочергин. Ха-ха! Да чего спрашиваете, ведь я-то и есть Кочергин; а вы-то уж не Аксиныя ли Дмитриевна Сухожилова?

Сухожилова. Статочное дело, сударик.

Кочергин. Ах, так вы-то и есть... ха-ха! Здравствуйте, матушка Аксиныя Дмитриевна, уж как мы вас ждали-то... Позвольте поздороваться. (*Целует ее руку.*)

Сухожилова. Ждали... Что же мне, сломя голову скакать прикажете, растрясти стариковские кости... Я же, отец мой, люблю экономию, не по-вашему. Велела в домашнюю колымагу запречь в корень пеганку, а сивку на пристяжку,— да и в Питер; вот оттого и долго... Что это у тебя за палка в руке? Дворню, что ли, муштруешь? Неловко, неловко... Вот у меня плетка сделана, так уж больно сподручно.

Кочергин. Нет, это кий, матушка, для игранья на биллиарде.

Сухожилова. В первый раз слышу... Однако некогда толковать о белендрях, ты мне лучше скажи, как вы тут сынишку-то моего просватали?..

Кочергин. Все после узнаете, матушка Аксиныя Дмитриевна; а теперь не угодно ли сперва закусить да отдохнуть с дороги.

Сухожилова. Что? Отдохнуть... вишь, выдумщик какой. Уж не умыслы ли какие? Нет, не дамся в обман. Проучили меня, батюшка, уж довольно!.. Чтоб я стала закусывать, когда мое детище обманывают; нет, закуской меня не купишь... кусок в горло не пойдет.

Кочергин (*в сторону*). Ну, с ней, кажется, придется язык закусить! (*Ей.*) Помилуйте, чего вы сердитесь...

Сухожилова. Нечего, батюшка, подлащиваться-то,

нечего бобы разводить. Говори, что ты даешь за своей дочкой-то?.. Коли хорошо — ладно; а нет — так ведь у меня недолго... и простимся как раз...

Кочергин *(в сторону)*. Эге! Какая задорная!

Сухожилова. Давай же расписание-то.

Кочергин. Еще не готово, а что поважней, то я так скажу, если вам хочется.

Сухожилова. Ну, говори, да не криви душой: узнаю всю подноготную, от венца оторву, если надуешь.

Кочергин. Помилуйте, во-первых, я даю за дочерью двадцать пять душ, не заложенных, мужеска пола, в Саратовской губернии...

Сухожилова. Что? Двадцать пять душ! Только! Ах, ты, голь саратовская... Чтоб я позволила моему сыну... нет, голубчик! Он у меня один, как порох в глазе. Вишь, вы его околдовали тут! Опоздай я — вы бы погубили... Двадцать пять душ моему сыну. Да есть ли в тебе душа-то!

Кочергин. Позвольте, позвольте, сударыня, вы прежде выслушайте все.

Сухожилова. Да что слушать... уж, видно, обмануть хотели. Ну, говори, что еще?

Кочергин. Сорок три души в Олонецкой губернии...

Сухожилова. А! Ну, нешто!

Кочергин. ...по силе духовной, немедленно после переселения моего в жизнь вечную...

Сухожилова. Что? После переселения... Прошу послушать... Эдак он морочит меня, вдову беспомощную. Да господь знает, когда ты с душенькой своей расстанешься. Может, и невесть сколько проживешь.. Хитер! Больно хитер!.. Вишь ты, какой бочонок, разве что параличом хватит, а то... Ну, нашел мой сынишка сокровище!.. Да нет; не видать тебе моего сына; сейчас же выкинь дурь из головы и скажи своей дочке: не бывать ей за моим сыном.

Явление VIII

Те же и Лидия.

Лидия *(заглядывая в дверь)*. Что здесь за шум?

Кочергин. Что вы кричите... Уймитесь! Сорок пять и никого!

Сухожилова. Не уймусь, буду кричать... А! Это что

за неженка? Не она-то ли и невеста... Хороша, больно хороша... больно красива... тонконожка, белоручка, поджарая... Слышишь, голубушка! Выкинь вздор-то из головы, не бывать тебе за Виктошинькой, ищи другого.

Лидия. Что такое?

Кочергин. Чем же вам моя дочь не нравится?..

Она скромна, заботлива,
Послушна, хороша,
Любезна и расчетлива,
В ней добрая душа.
С такой красоткой ангельской
Женитьба— просто чести!

Сухожилова.

У нас, сударь, в Архангельской
Почище этой есть.

Вишь, расхвастался своим добром, разбойник, с ума спятил да еще тараторит... Знайте же, что сыну моему не бывать мужем вашей дочери: не быть, не быть и не быть! Не будь я — не быты! Не видать вам его, как ушей своих, обманщики! (*Уходит.*)

Явление IX

Кочергин и Лидия.

Кочергин. Правду говорят: не узнаешь, где найдешь, где потеряешь. И меня привел господь на своем веку настоящего черта увидеть, а я уж думал, что хуже моей покойницы и быть не может, куда! Она и в подметки этой не годится! Уж покричи она еще, я бы просто кием такой карамболь сочинил!.. Да жаль кия-то... об этакую колдунью и железный лом переломишь... Нет, слуга покорный,— породниться с таким дьяволом! И так на душе грехов много, а тогда уж прямо в ад ступай, а она и дорогу покажет!

Лидия. Помилуйте, не сердитесь, папенька... Может быть, вы ее сами рассердили...

Кочергин. Вот те на... двадцать один и никого!.. Я рассердил! Ну на что черта сердить, в нем и так злости-то в сороковую бочку не вольешь. Хорош Валерьян Андреич! И ничего мне не сказал!..

Лидия. Простите его, папенька!

Кочергин. Ну, полно, нечего тут хныкать... прости-

те! Ступай в свою комнату да выкинь дурь из головы. Свадьбе не бывать, эта партия кончилась промахом! А эта старая чертовка пусть навеки отправится к черту или навсегда в Архангельскую губернию!

Лидия уходит.

Явление X

Кочергин и татарин, с тюком товаров.

Татарин (*заглядывая в дверь*). Халаты, шали, платки бухарские, материя отличная, хорошей доброты, знатной, самой лучшей доброты; не угодно ли купить, барын? Товар хорош... купы, купы!

Кочергин. Ба! Это что за физиономия? Ах, татарин! Зачем черт принес? Правду пословица говорит: не в пору гость хуже татарина, а уж татарин не вовремя должен быть хуже самого черта!

Татарин. Что, судыр?.. Напрасно обижаете — татарин такой же человек, честный человек. Бывает и русский человек, а поступает по-татарски...

Кочергин. Как ты сюда попал? Кто тебя звал, любезный?

Татарин. Сам пришел, барын, сам пришел; должность наша такая... кому звать...

Во все дома вхожу свободно
С вопросом: что купыть угодно?
Я все сейчас продать готов:
Халатов много и платков,
Матерья есть хорош бухарска!
Натура уж такой татарска:
Ужасно хочется продать
Да за товар побольше взять!

Кочергин. Вишь какой! Ха-ха-ха! Побольше взять! Даром что татарин, а у тебя губа-то не дура: любишь денежки!

Татарин. Колы не любит, судыр, деньги вещь хорошая... все хорошее любить можно... мы такие же люди, судыр...

Кочергин. Вот что! Ну, а что ты больше всего любишь?

Татарин. Ну, а вы что больше всего любите? Что весь свет больше всего любит?..

Кочергин. Разумеется, у всякого свой вкус...

Татарин. Ан, нет, судыр, я вам лучше скажу... Весь свет вместе и каждая человек поодиночке больше всего любыт деньга.

Кочергин. Ха-ха-ха! Так и ты, значит, больше всего любишь деньги?

Татарин. Вестимо, судыр. Кто деньга любыт, тот, значит, все хорошее любыт, потому что на деньга можно достать что есть наилучшего в свете, судыр.

Кочергин. Вот что! Умно рассудил, даром, что татарин.

Татарин. Не занимать стать у вас ума, судыр... Эх! Кабы у меня деньга были, не ходыл бы я с утра до темной зоры, не нудил бы себя. А то вот теперь и возишься с товаром, бегаешь как угорелый, с утра до ночи, чужие дела обделываешь... Ох, деньга, деньга! Ходишь по улицам да думаешь, как бы рублик или полтину зашибить, судыр, право, вот-те аллах, право!

Родом я не знатный барин;
Все, что есть,— с собой ношу.
Просто, судыр, я татарин,
Господам большим служу...
Знают все меня в столице;
Я хожу во все дома;
Дамы, судыр, и девицы
От меня все без ума.
Все товар мой выхваляют,
Смотрят шали и платки,
Не торгуясь покупают,—
А мне это и с руки!
Малый, судыр, я не промах,
Знаем, где стоять, где сесть,
Как вести себя в хоромах,
Как в прихожей дружбу свесть.
Мы товар других не хуже
Продавать научены:
Для жены — тайком от мужа,
Мужу — тайно от жены.
Про невест наводим справки,
Как стакнемся с женихом,
От булавки до булавки
Все приданое сочтем.
Если в барыню влюбиться
Вздумал судыр до ушей,

Да не знает, как открыться,—
Мы найдем дорогу к ней.
Все откроем на отчистку
И подарок ей вручим,
При подарке и записку,
Судыр, ей передадим!
Перед нами всяк спасует —
И купец, и господин;
А татарина надует
Разве, судыр, жид один!

Купы, барын, вот халат хорош на турецкой подкладка...

Кочергин. Ну, разворачивай дальше, что у тебя еще есть.

Татарин. Посмотрите халат. Право, останетесь довольны; будете носить да вспоминать. *(Разворачивает халат.)*

Кочергин. Хорошо, хорошо, да халата мне не надо, недавно купил... Показывай, что еще...

Татарин *(развертывая вещи)*. Вот шали персидские, настоящие, отличной доброты...

Кочергин. Вижу, вижу.

Татарин. Которую угодно... любую возьмите... *(Откидывает одну шаль в сторону.)*

Кочергин. А это что?

Татарин. Шаль богатая, в три тысячи...

Кочергин. Что ж ты прячешь, показывай, я посмотрю, может быть, куплю.

Татарин. Нельзя, судыр, уж продана. Я несу ее одному молодому барыну... Валерьяну Андреичу.

Кочергин. Какому Валерьяну Андреичу?

Татарин. Господину Сухожилову.

Кочергин. Вот что! А на что ему?

Татарин. Невесте подарить... невесте...

Кочергин. А, понимаю... Шаль хорошая.

Татарин. Я ему невесту сватаю. Хорошая барышня, такая красивая...

Кочергин. Ты ему невесту сватаешь... Что ты говоришь?

Татарин. Да, барын, невесту.

Кочергин. Да у него уже есть невеста! Сорок пять и никакого!

Татарин. И полна, судыр, какая невеста!.. Бедная... Шутит он, ему надо богатая невеста.

Кочергин. Вот что!.. Ты правду говоришь?

Татарин. Да колы ж не правду, барын. Он сам просыл меня.

Кочергин. А давно ли это было?

Татарин. Да вот на днях.

Кочергин. Ай-ай-ай! Вот штука!

Татарин. Я вот и нашел ему невесту... Уж такая красавица да богатая... А это он так, шутем, где-то посва-тался.

Кочергин. Шутем!

Татарин. Ему нельзя без меня жениться...

Кочергин. Почему?

Татарин. Вот видишь, барын, он мне много должен, да и моим товарищам.

Кочергин. Много должен? За что?

Татарин. Вестимо за что, барын. Дело молодое... Той платочек подарить надо, той шаль, там материи на платье. Красавицы любят подарки.

Кочергин (*в сторону*). Так вот каков мой будущий зятек! Красавицы! Ай-ай-ай!

Татарин. Оно незаметно, да вот мне одному задолжал тысяч шесть.

Кочергин. Шесть тысяч!..

Татарин. Да другим нашим тысяч пяток будет.

Кочергин. Шесть да пять — одиннадцать тысяч! Уф! Двадцать один и никого!

Татарин. Так вот, барын, чтоб честно разделаться, я и ишу ему богатую невесту. Как он женится, вот первому мне и заплатит... Да что вы, судыр, больно страшно на меня смотрите?

Кочергин. Нет, я не могу более терпеть! Иди, любезный, спасибо тебе. Заходи в другое время, я у тебя куплю что-нибудь, теперь некогда... А! Черт возьми! Меня так обманывать!.. Так он сам просил?

Татарин. Да, когда же не сам... Вот сегодня понесу к нему шаль. Он подарит, и сговоры будут... Кабы поскорее! Больно деньги нужны, только и молимся, чтоб женить его... До суда доводить дело не хочется.

Кочергин. Ну, ступай с богом... У него есть другая невеста!

Татарин уходит; за дверью слышен его голос: «Халаты разны, разны, материи бухарски, платки, шали!»

Кочергин, Лидия, потом Сухожилов.

Кочергин. Что я узнал!..

Лидия (*входя*). Папенька, я дошла свою подушку.

Кочергин. Подушку... Напрасно торопишься с подушкой; я уж сказал, что тебе не быть за этим плутом Сухожиловым.

Лидия. Вот вы опять рассердились. В чем он провинился, папенька?

Кочергин. Он негодяй!

Сухожилов (*входит*). Ну вот, слава богу, я отделался. Теперь я могу побыть с вами, с моей милой Лидией... (*Подходит к ней*.)

Кочергин. Прочь! Я не позволяю.

Сухожилов. Что такое? Почему?

Кочергин. Не позволяю, да и только. Чтобы нога ваша не была в моем доме, слышите?

Сухожилов. Что это значит? Помилуйте...

Кочергин. Ступайте вон, и больше ничего... Ищите себе татарскую невесту в другом месте! Сорок пять и никого!

Сухожилов. Степан Глебыч?

Лидия. Батюшка?

Кочергин. Что, Валерьян Андреич? Что, матушка? Вишь, какую рожу скорчил... А ты что смотришь, точно голодная синица, ступай в свою комнату.

Сухожилов. Да объяснитесь...

Кочергин. Ничего... вон, вон! Или я призову людей, призову полицию! Вас вытолкают...

Сухожилов. Боже мой! Что это значит? Я был на верху блаженства и вдруг...

Кочергин. Да уйдете ли вы отсюда? Или... (*Схватывает кий и грозит*.) Вот бог, а вот порог!

Сухожилов. Он с ума сошел! (*Уходит*.)

Кочергин. А! Выпроводил молодца... Ха-ха-ха! Слава богу! Поди к своей окаянной матушке!

За кулисами слышен шум от падения бюстов.

Итальянец (*за кулисами, с гневом*). Morbleu! ¹ Что вы делаете! Vous avez perdu la tête! ² Вы разбили мой

¹ Черт возьми! (*франц.*).

² Вы потеряли голову! (*франц.*).

статуй, отдайте мне деньги... Это не карашо, синьор... Сюда? Карашо!

Кочергин. Что там еще такое?

Явление XII

Кочергин и итальянец, у него на голове лоток со статуями, из которых некоторые разбиты.

Итальянец. *Parbleu!*¹ Мой Вольтер разбил... два двугривенник... *Donnez moi l'argent...*² отдайте мне деньги... деньги...

Кочергин. Какие тут ржавые деньги, что ты толкуешь?..

Итальянец. За Наполеон два двугривенник. За Вольтер два с полтин. У меня бюсты корош, настоящие гипсовые... Отдайте, синьор, деньги.

Кочергин. Что такое? За Наполеона два двугривенных, за Вольтера два с полтиной? Я ничего не понимаю.

Итальянец. Как не понимай! Отсюда бежит молодой человек. Закричал: стара дурак...

Кочергин. А! Это Сухожилов... Он еще ругается.

Итальянец. Я совсем не стара, совсем не дурак... Он толкай меня, э... разбил мой Наполеон... мой Вольтер... нога сломай Тальони... Ну, куда без нога годится Тальони³... Возьмите себе Вольтер... Деньга подай, деньга за мой бюсты.

Кочергин. Да мне-то что за дело? Зачем ты сюда пришел, черт возьми!

Итальянец. Как на что! Деньга... Он показал мне на вашу дверь. Вот мой статуй. (*Снимает и рассматривает.*) Ай-ай!

Кочергин. Да не кричи ты так! Семьдесят пять и никого!

Итальянец. *Ce n'est pas bien...*⁴ обижать так честна итальянца. Мой вам ничего не сделай.

Кочергин. Да замолчишь ли ты, дурак... Говори, в чем дело, пустая голова.

¹ Проклятие! (*франц.*).

² Отдайте мне деньги (*франц.*).

³ Тальони М. (1804—1884) — итальянская балерина.

⁴ Это нехорошо (*франц.*).

Итальянец. Что... вы ругай... Не карашо, синьор, ругать честна итальянец... Я не дурак! Не пуста голова.

Ма¹ — зачем вы так бранитесь, —

Я не глупа человек:

Regardez-vous² осмотритесь, —

Я с умом ношусь весь век.

Был я прежде лазарони³,

Да на разум вдруг попал:

Продавать не макарони,

A les grands⁴ синьора стал.

У меня карманы пусты,

Так, фортуна чтоб нажить, —

По домам носить стал бюсты,

Стал чужою слава жить.

У меня есть Шиллер, Гете...

Все, о ком известна я,

Tout ce qu'il y a⁵ ума на свете.

Все на голова моя!

Кочергин. Ха-ха! А все-таки я ничего не понимаю...

Итальянец. Как не понимай... видит... (*Показывает на лоток.*) Il a cassé mes statues...⁶ Разбил... Отдайте мне деньга, синьор... Нехорошо обижал бедна итальянца...

Кочергин. Ну, хорошо, отдам, отдам, только не кричи. Ты, как я вижу, малый горячий.

Итальянец. Будешь горяча малый... когда обижай... Что мне теперь делай с моей статуей разбитой... Купите, синьор, что-нибудь.

Кочергин. Ну сколько же тебе надо за разбитые статуйки...

Итальянец. Мой уже сказал ви... За Гете рубль сорок копейка, за Вольтер два рубля пятьдесят копейка, за Талиони три рубль.

Кочергин. Что дорого? Ты говори настоящую цену, я у тебя, может быть, и для себя что-нибудь куплю.

Итальянец. Нельзя дешевле, синьор, никак нельзя... Уж так положено...

Наша брат такой товаром

Карашо вся цена знай,

Можно все продай задаром,

¹ Моя (*франц.*).

² Посмотрите (*франц.*).

³ Нищий (*итал.*).

⁴ Великих (*франц.*).

⁵ Сколько есть (*франц.*).

⁶ Он разбил мои статуи (*франц.*).

Только деньга нам давай.
Trois¹ рубль за Шиллер с Гете,
Много ль тут за два, синьор?
Матерьял возьми в расчете,
Выйдет вздор, *ragole d'honneur*²,
За Сенека³, за Гораций⁴,
За Сократ⁵ и за Платон⁶,
По полтина ассигнаций
Можно взять за *chaque personne*⁷.
Нынче древняя персона
Очень дурно сходит с рук,
А вот Эльслер⁸ и Тальони
По целкова каждая штук.
За пять рубль отдам Венера
И большой Наполеон;
Два с полтиной за Волтера,
За Руссо и Аполлон.
Меньше взять нельзя по чести
За такой большой людей,
А гуртом отдам их вместе
За четырнадцать рублей.

Кочергин. Вот как! Отчего же это за Наполеона-то два двугривенных, а за эту, как ее...

Итальянец. Талиони.

Кочергин. Да, за эту мадам три с полтиной? Что ей за честь такая?

Итальянец (*ставя два бюста рядом*). Вот что-с! *Regardez*. Эта Талиони немножко повыше, а Наполеон пониже — вот разнис...

Кочергин. Понимаю. Кто больше, тот и дороже.

Итальянец. Точно так, синьор. Пожалуйста же деньга мне. Всего шесть рублей без десяти копейка... Этот молодой персон, который выбежал отсюда из двери, как *il furioso*⁹, и скажи мне, что я здесь получит...

¹ Три (*франц.*).

² Честное слово (*франц.*).

³ Сенека (2 до н. э. — 65 н. э.) — римский философ и писатель.

⁴ Гораций (65—8 до н. э.) — римский поэт.

⁵ Сократ (ок. 469—399 до н. э.) — древнегреческий философ.

⁶ Платон (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист.

⁷ Каждого (*франц.*).

⁸ Эльслер Ф. (1810—1884) — балерина, гастролировавшая в С.-Петербурге в 1848—1849 годах.

⁹ Одержимый (*итал.*).

Кочергин. На вот, будет с тебя! Тут пять рублей! Ведь за другого плачу, только жаль тебя... Ступай с богом.

Итальянец. Благодарю... А больше синьор ничего не купит? Rien? ¹

Кочергин. Нет, ничего не надо, ступай.

Итальянец (*уходя*). Возьмит, синьор, хоть Сократа, такой тяжелый... голова болит! Penez...²

Кочергин. Ничего не надо, ступай... Вперед не таскай таких тяжелых болванов, от которых голову ломит.

Итальянец уходит.

Явление XIII

Кочергин, потом Сухожилов.

Кочергин. Вот еще молодец! Затем пришел в Россию, чтобы болванами торговать; точно русские не могли бы того же делать. Впрочем, у всякого человека свое пропитание...

Входит Сухожилов.

Ба! Вы зачем пожаловали... Я ведь вас просил не посещать нас больше.

Сухожилов. Знаю. Я ушел от вас с твердым намерением исполнить ваше требование. Но я пораздумал и воротился к вам, по крайней мере, узнать причину вашего гнева, оправдаться.

Кочергин. Оправдаться... Ха-ха-ха! Поздно, поздно!

Явление XIV

Те же и Лидия.

Кочергин. Ты зачем?

Лидия. Ах, папенька... Я услышала голос моего Вальерьяна, он почти плачет...

Кочергин. Нечего нежничать; я уж сказал, что между вами все кончено... Сорок пять и никого!

¹ Ничего (*франц.*).

² Возьмите (*франц.*).

Те же и слуга.

Слуга. Письмо от господина Стружкина. (*Отдает письмо Кочергину и уходит.*)

Кочергин берет письмо. Сухожилов украдкой подходит к Лидин, и они вместе плачут.

Кочергин. От Стружкина?.. (*Читает.*) «Милостивый государь! Валерьян Андреич несколько не виноват в том, в чем его сегодня перед вами обвинили... потому что под видом этих обвинителей — татарина, старухи и итальянца — был я...» — Что такое? — «Он поступил со мною неблагородно, выдав меня перед вами за паяца, так что я подвергался вашим насмешкам. Я хотел отомстить ему тем же. Вы не узнали меня, и я достиг своей цели, но я не хочу продолжать моей мести и открываю вам все. Валерьян любит вашу дочь. Пусть он будет с нею счастлив и научится вперед пообдуманнее оценивать людей! Прилагаю при сем и ваши пять рублей, взятые мнимым итальянцем».

Сухожилов. Что я слышу? Боже мой!

Кочергин. Ха-ха-ха-ха-ха! Так это был он! И я не узнал его... Вот когда надо было смеяться, а не давеча... Точно, мы его обидели... Ха-ха-ха! Молодец!..

Сухожилов. Слава богу! Наконец объяснилось... Я точно виноват перед Стружким и сейчас пойду просить прощения. Он благородный малый.

Кочергин. Ха-ха-ха! Вот комедия... Не плачьте же. Подите ко мне, ничего не бойтесь... Ха-ха-ха! (*Обнимаются.*) Только чур, пойдем играть на биллиарде: уж я и так сегодня целый день моциону не имел... Ах, как он нас обморочил! Ха-ха-ха!

Ха-ха-ха! Должно признаться,
Он нас очень насмешил,
И от смеха удержаться
Не стает уж наших сил.

(*К публике.*)

Но для нас всего важнее
Ваш серьезный приговор,—
Так решите поскорее,
Насмешил ли вас актер?

Н. А. НЕКРАСОВ

**Петербургский
ростовщик**

**ВОДЕВИЛЬ
В ОДНОМ
ДЕЙСТВИИ**

1844

Действующие лица

Лоскутков Потап Иванович, ростовщик.

Лиза, его дочь.

Налимов Иван Федорович, влюбленный в Лизу.

Неизвестный господин.

Издатель.

Краснохвостов.

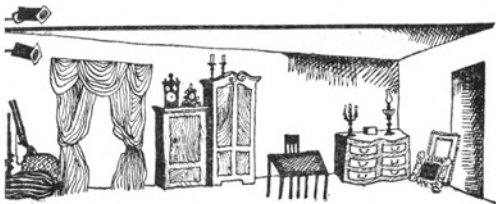
Акулина Степановна.

Ростомахов.

Подзатыльников, приказчик без места.

Слуга.

Театр представляет комнату ростовщика, загроможденную шкафами и разной мебелью; на шкафах несколько штук столовых часов, множество подсвечников и проч.; на стульях неубранные платья, в углу ружья, на полу тюки и т. д.

Явление I

Лоскутков и Налимов.

Н а л и м о в. Так вы решительно отказываете мне в руке вашей дочери?

Лоскутков. Я? Сохрани меня бог! Да лучшего жениха для моей дочери я никогда не желал! Только...

Н а л и м о в. Только, Потап Иванович...

Лоскутков. Только будем говорить откровенно, как благородные люди.

Н а л и м о в. Говорите.

Лоскутков. Вы хотите, чтоб я отдал за вас мою дочь? Ну, хорошо... то есть, чтоб я отдал вам ее совсем, как следует, и до нее не касался, никакой пользы от нее не получал... Хорошо... Я знаю, вы человек благородный,— вам, когда пятнадцать лет пройдет, пряжку за беспорочную службу дадут... Да как же вы хотите, чтоб я отдал вам ее безо всего?

Н а л и м о в. Помилуйте, если вам угодно будет дать что-нибудь в приданое... Я за особенное счастье почту...

Лоскутков. Та-та-та! Вот тут-то и запятая! А я говорю, не угодно ли *вам* будет что-нибудь подарить... так... в знак родственного расположения.

На л и м о в (*всплеснув руками*). Господи! В первый раз слышу такие слова от благородного человека! (*В сторону*.) Ракалия! (*Громко*.) Все отцы еще награждают приданым дочерей своих.

Л о с к у т к о в. Мне дела нет до других отцов. Пускай себе хоть все дочерям отдадут, а сами по миру ходят, а я вот как рассуждаю... Вы теперь нанимаете кухарку... человека, что ли... Ну, холостой человек,— может, и другие расходы есть. Берете у меня дочь — женитесь. Естественно, делаете приобретение. А? Сочтите-ка, сколько у вас останется в барышах от того, от другого... Э? Можете даже кухарки не нанимать... Я уж о других расходах не говорю... А мне ничего... Я, бедный человек, кормил, поил ее. Знаете, у ней всегда такой аппетит, фунта по четыре хлеба на день съедала... ей-богу, как благородный человек. Уж не знаю, в кого она такая уродилась. Я совсем, кроме луку и хлеба, ничего не люблю, а жена покойница даже лук роскошью называла... Мало того, я даже башмаки дочери моей покупал! Черт знает! Разорение! Никто под залог башмаков не приносит... Даже учителя хотел ей нанять. И теперь отдай я дочь ни за что!.. Ха-ха-ха!.. Да выкорми я поросенка, щенка выкорми я, приличное воспитание дай,— да вы же мне за него деньги бы дали!.. А ведь дочь моя не щенок... не щенок, Иван Федорыч!

На л и м о в. Уж, конечно, какой же щенок, Потап Иваныч! Кабы щенок, стал ли бы я свататься!

Л о с к у т к о в. То-то же... Слава богу, такой же она человек, как и все... Да еще я вам скажу. Вы вот только через пятнадцать лет пряжку за беспорочную службу получите, а ведь она у меня... ну, понимаете... Со двора ни ногой. Присмотр за ней был строжайший всегда. Сами можете рассудить... голубица... Петербург — не глушь какая-нибудь... Суньтесь-ка. Да вы, я вам скажу, Иван Федорыч, такого кусочка ввек не видали, хе-хе-хе!.. Богачи, знаете... у них тысячи нипочем... ко мне захаживали... будто денег занять... А сам бы, я думаю, тысяч пять отвалил!

На л и м о в. Ах, Потап Иваныч!

Л о с к у т к о в. Ну что, Потап Иваныч! Чего испугались? Я дело говорю.

На л и м о в. Вы за деньги готовы отца родного продать!

Л о с к у т к о в. А что?.. Да уж умер... царство ему не-

бесное. (*Крестится.*) В академию медицинскую можно бы, да жена тогда была еще жива... Куда! Руками и ногами! А ведь сгнил же в земле.

Н а л и м о в. И все сгнием, Потап Иванович.

Л о с к у т к о в. Сгнием, сгнием, и пеплу нашего не останется!.. Ох! Грешные мы люди. (*Вздыхает.*) Вот на днях умер художник Косточкин... Недели за две до смерти пришел ко мне. Ради бога, говорит, одолжите двадцать пять рублей, только на два дня, я вам в заклад картину принесу. Одна рама, говорит, больше стоит... (*Показывая на картину.*) Вот эта самая. Все говорил — знаменитого художника какого-то... Просил не продавать, непременно, говорит, выкуплю... Да вот и надул шельма! Взял да и умер в самый день срока. Уж нет хуже народа, как художник, сапожник, извозчик да перевозчик, — правду пословица говорит. Купите, Иван Федорыч, картину. Недорого. Свою цену возьму, ей-богу, свою... Положите пятьдесят рубликов.

Н а л и м о в. Да на кой мне ее черт?.. (*В сторону.*) Ах! Какая мысль пришла мне в голову... Хорошо, ей-богу, хорошо. (*Подходит к картине.*) Картина удивительная в самом деле. Вы дешево ее не отдавайте, она, я думаю, тысячи две или три стоит.

Л о с к у т к о в. (*с радостью.*) Три тысячи!.. Благодаритель... Неужели?

Н а л и м о в. Она должна быть работы Микель-Анджело, — как бишь еще? Буэнаротти...¹ да, Буэнаротти... или Рафаэль Сакцио...² Сакцио... Позабыл, ну да все равно. Я сам у вас этой картины купить не могу, я порекомендовать могу.

Л о с к у т к о в. Благодаритель! Я в ножки поклонюсь. Публиковал уж в «Полицейской газете»: за смертью художника продается-де картина отличной немецкой работы, с изображением трех собак, двух свиней и барана и человека в черкесской шапке, — да что-то никто не является...

Н а л и м о в. Хорошо, постараюсь!.. Сегодня же, может быть, к вам придут смотреть. Ну, а уж вы насчет Лизаветы Потаповны?..

¹ *Буэнаротти* (искаж.) — Микеланджело Буонарроти (1475—1564), художник итальянского Возрождения, живописец, ваятель, архитектор и поэт.

² *Рафаэль Сакцио* (искаж.) — Рафаэль Санти (1483—1520), итальянский художник и архитектор эпохи Возрождения.

Лоскутков. С удовольствием... Вы только подарочек приготовьте. Так, тысячки две ассигнациями. Что вам стоит для будущего тестя похлопотать!.. Да, знаете, поскорей. На днях бы и свадьбу сыграли. Вот покуда и подвенечное платье есть, вчера привезли... Женился молодец какой-то... Через недельку все приданое проиграл, на другую уж и есть нечего. Подвенечное платье побоку... Ха-ха-ха! Суета сует! А Лизе оно как раз впору... Коротенько немножко, ну да кто же на ноги у невесты станет смотреть.

Налимов. Грех, Потап Иванович, насчет таких подарочков толковать. Ну, да уж что с вами делать, может быть, как-нибудь и достану... А покуда прощайте.

Лоскутков. Не забудьте же картину порекомендовать... А как зовут художника, который ее рисовал? Неравно, знаете, покупатель зайдет. Хорошо этак ему запустить.

Налимов *(в дверях)*. Микель-Анджело Буонаротти. *(Уходит.)*

Явление II

Лоскутков *(один)*. Буонаротти... Буонаротти... Какая фамилия странная. Что за Буонаротти?.. Должно быть, бестия чрезвычайная был! Из самой фамилии видно... Вот когда бы за картину тысячки три в самом деле взять... да с Ивана Федорыча тысячки две, вот бы оно и того. Можно бы трески купить и другие лакомства позволить себе... Добрейший человек Иван Федорыч, только я дочери так ему не отдам... жирен будешь!.. Стыдитесь, говорит,— вот те раз; да чего же тут стыдиться? А опять, пусть даже было бы стыдно, а деньги все-таки следует взять. Деньги великое дело, я за деньги готов на все решиться. Вот черта так совсем в свете нет: я несколько раз призывал его — хотел душу продать; и дешево бы взял, ей-богу, за пустяки отдал бы. Не является! Вот поди — верь тут ученым!.. Я и ничему не учился, да поскорей их собственным умом добрался; в чем штука-то. Как сам денег-то не накопишь, так черт тебе их не даст. Нет, она, денежка-то, мудрено достается. Много я труда положил,

Было года мне четыре,
Как отец сказал:
«Вздор, дитя мое, все в мире,

Дело — капитал».
И совет его премудрый
Не остался так:
У родителя наутро
Я украл пятак.
С той поры к монете звонкой
Страсть вдруг получив,
Стал у всех я собаçonкой,
Кто богат и чив¹.
Руки им из угожденья
Я лизал, как лъстец.
И семи лет от рожденья
Был уж я подлец!
Вскоре свылся понемногу
С ролею скупца
И, ложась, молился богу,
Чтоб прибрал отца.
Добрый, нежный был родитель,
Но в урочный час
Скрылся в горнюю обитель,
Навсегда угас.
Я не вынес тяжкой раны,
Я на труп упал
И, обшарив все карманы,
Горько зарыдал.
Продав все, что было можно
Хоть за грош продать,
И деньжонки осторожно
Начал в рост пускать.
Чтоб нажить, лез из кожи,
Лук да редьку ел,
Ни спины, ни рук, ни рожи,
Верьте, не жалел.
Всех завел, провел и вывел,
С кем сойтись пришлось,
И, пока не оплешивел,
Брал процент с волос:
По картинке новомодной
Их я отпускал
И в цирюльню ежегодно
Косу продавал.
Вот зато теперь, под старость,

¹ Пользуется почетом (устар.).

Есть немножко тут.

(Показывает на карман.)

Пусть приходят люди в ярость,

Говорят: он плут!

И за что ж бранить за это,

Мне отец сказал:

«Честь — фальшивая монета,

Плутни — капитал!»

И черт знает, как нынче испортился свет! Молодые люди совсем перестали кутить, а который и кутнет,— смотри, год, другой, а на третий и образумится. И уж к тебе ни ногой! Благородные разные страсти у людей были: в картишки иной мотнет — на другой день, глядишь, жена с салопом к тебе и бежит! А нынче дрянь, сущая дрянь! Преферанс копеечный! Грош проиграют, да после толков на рубль. И уж из благородных людей к нашему брату — почти никого... Разве отставная кухарка к тебе с Песков какая-нибудь забежит... кофейку захочет выпить. Притащит целый ворох тряпья: посмотреть — много, а за все-то десять копеек напросится.

Звонят.

Вот опять кого-то господь дает.

Явление III

Лоскутков и неизвестный господин.

Неизвестный господин входит и тотчас обращает внимание на картину, останавливается и несколько минут стоит, как бы пораженный. Лоскутков следит за каждым его движением.

Неизвестный *(сам с собою)*. Превосходно! Восхитительно! Великий Микель-Анджело! Узнаю твою чудотворную кисть!

Лоскутков *(про себя)*. Что он говорит?.. Хвалит?.. *(Потирает руки.)* Эге! Эге-ге!

Неизвестный *(одушевляясь)*. Современная живопись ничего не представляет, что-бы могло сравниться с этим великим произведением — по чувству, по колориту, по глубокому знанию природы и человека. Великое, гениальное произведение, которому нет сравнения, нет цены!

Лоскутков (*про себя*). Нет цены!.. Господи! За что мне такое счастье!

Неизвестный (*более и более одушевляясь*). И если б нашелся человек, который мог бы со временем подарить искусство подобным произведением, — миллионов мало бы для вознаграждения этого необыкновенного человека, этого гения...

Лоскутков (*про себя*). Милльон! Батюшки! Он меня с ног сшибет.

Неизвестный (*в совершенном восторге*). На колени перед этим великим произведением искусства!.. На колени!.. О, если б я мог украсить им мою картинную галерею... Все мое состояние, плод многолетних трудов... На колени! (*Падает на колени.*)

Лоскутков. Все состояние?.. На колени! (*Падает на колени за неизвестным.*)

Неизвестный (*оглядывается и как бы выведенный из самозабвения*). А, вы здесь?.. Вы хозяин этой картины?

Лоскутков (*притворяясь растроганным*). Постойте, постойте еще немного перед этим великим произведением. Дайте и мне постоять. Я вот сейчас только вошел и прямо — бряк на колени... Не могу выдержать: у меня уж такое чувствительное сердце.

Неизвестный (*значительно*). Вы сейчас только вошли?

Лоскутков. Я всегда, когда вхожу в эту комнату, в это святилище, можно сказать, тотчас становлюсь на колени, и, верите ли, слезы прошибают меня, старика.

Неизвестный. Стало быть, вы ничего не слышали?

Лоскутков. Ничего.

Неизвестный. А я, знаете, уже с четверть часа вошел. Смотрю и говорю себе: ничего особенного, картина как картина, и так, для шутки упал на колени.

Лоскутков (*в сторону*). Ври-ври, голубчик! На дурака напал! (*Громко, с иронией.*) Да, конечно, если хотите, я и сам так только, по привычке, — а в картине в самом деле нет ничего особенного, просто, можно сказать, — дрянь.

Неизвестный. И, правда ваша, — дрянь, никакого решительно достоинства.

Лоскутков (*в сторону*). Эх его! Понес, нечего сказать, понес! (*Громко.*) Ни малейшего... так, для виду

только; ну, знаете, все лучше, как на стене что-нибудь висит.

Неизвестный. А что вы за нее возьмете? Я, признаться, люблю картины, даже дрянь покупаю. Для меня была бы только картина.

Лоскутков *(в сторону)*. Складно врет, разбойник. *(Вслух.)* Я не подорожусь.

Неизвестный. А как?

Лоскутков. Да что долго-то толковать! Давайте сорок тысяч бумажками.

Неизвестный. Почтеннейший! Вы с ума спятили! Да она больше тысячи рублей не стоит.

Лоскутков *(вскрикивает)*. Тысячу рублей! *(В сторону.)* С первого раза тысячу рублей дает! Да я бы тебе, дураку, за сто рублей вчера еще продал ее! *(Вслух.)* Нет, она, верите ли богу, мне самому в пятидесяти тысячах пришлась... Десять тысяч только так уж сбавлю: ну, поистерлась немножко, и то, и другое...

Неизвестный. Возьмите тысячу рублей.

Лоскутков. И не подумаю. Да пусть она лучше пропадет, сгниет; да я лучше детям ее оставлю; по крайней мере, благодарить будут. Дайте двадцать пять тысяч и господь с вами.

Неизвестный. Две тысячи.

Лоскутков. Нельзя, клянусь моим богом, нельзя, себе дороже стоит — посмотрите, работа отличнейшая; не русский, я думаю, делал... где русскому так ухитриться!

Неизвестный. Ну, как хотите. Прощайте! *(Идет к двери.)*

Лоскутков *(в сторону, струсив)*. Батюшки! Уйдет, ей-богу, уйдет! Вот тебе и две тысячи! *(Вслух.)* Послушайте, была не была — десять тысяч!

Неизвестный *(в дверях)*. Четыре.

Лоскутков *(жалобным голосом)*. Благодетель! Не разорите! Себе дороже стоит... положите хоть пять тысяч.

Неизвестный. Ну, так и быть, пять. По рукам, вот задатку пятьсот рублей; вечером приду за картиной и остальные все привезу.

Лоскутков *(прячет деньги, в сторону)*. Надул! *(Громко.)* Ну, по рукам.

Неизвестный *(в сторону)*. Надул! *(Громко.)* Только смотрите же: картина за мной... И не подменить. Не то я вас по судам затаскаю. Прощайте! *(Уходит.)*

Явление IV

Лоскутков, потом Лиза.

Лоскутков. Господи! Бывает же такое счастье человеку! И за что? Висела на стене картина, черт знает какая, ни виду, ни великолепия. Вдруг приходит к тебе человек и так, ни с того, ни с сего, дает тебе пять тысяч. Подлинно рука провидения... Жаль, что я сто тысяч не запросил; он бы, может, мне и двадцать вдруг отвалил...

Входит Лиза.

Дочь моя, обними меня, поцелуй своего родителя!.. Я счастливейший человек из смертных! Те башмаки, что не выкупила в срок Перетачкина,—так и быть, я тебе их дарю.

Лиза. Насилу-то вы образумились. Спихватились, что нельзя же дочери вашей без башмаков ходить. Очень благодарю... Ну вот, я сейчас их и надену. Хочу идти к Александре Григорьевне.

Лоскутков. Ну, так я и знал! К Александре Григорьевне! Что у тебя за дружество с ней!.. И чего там, кажется, долго сидеть. Пообедала, да и марш домой... Сплетни, пересуды. Она только, я думаю, и толкует: «Что у вас? Как? Да много ли?» А ты и распустишь язык. Ах, куда бы я рад был, кабы ты даже совсем не шаталась к Александре Григорьевне.

Лиза. Вот еще! Только одна родственница и есть, да еще бы и к той не ходить. Нет уж, как хотите, я сейчас оденусь и уйду, на весь день уйду,—мне, право, здесь с вами не очень весело — сухари глотать да слушать, как вы с своими гостями бранитесь.

Слышен звонок.

Вот кто-то уж и идет... Ну, я пойду собираться.

Явление V

Лоскутков и издатель.

Лоскутков. Гости! Ну, слава богу! Авось, удастся кого-нибудь надуть! *(Делает печальную рожу и идет отворить дверь.)* Пожалуйста... Ох-ох-ох! Плохие времена!

Издатель. Мое почтение, Потап Иванович. Привезли...

Лоскутков. А, привезли! Ну, доброе дело! Так, стало быть, вы согласны взять по семи копеечек под экземпляр?

Издатель. Делать нечего! Нужда! Уж если бы не крайняя нужда, богом божусь, меньше десяти копеек за экземпляр не взял бы. Сочинение превосходнейшее, известного автора, и должно в короткое время все разойтись... А где прикажете свалить?

Лоскутков. А вот сюда... я укажу.

Издатель (*в дверях*). Ступайте сюда.

Входят два ломовых извозчика с тюками книг.

Что за издание! Бумага отличнейшая, слог единственный и шрифт очень хорош...

Лоскутков. А вот я там рассмотрю... Эге, батюшка, да никак книжечки-то с виду жиденьки? А сколько тут счетом-то?

Издатель. Тысяча двести экземпляров.

Лоскутков. А сколько печаталось?

Издатель. Да столько же и печаталось.

Лоскутков. Ну, значит, немного ж разошлось. Охота вам была бумагу переводить!.. Сюда... за мной... вот я их там пересчитаю да тотчас вам и денежки отвалю. (*Скрывается в дверь направо, за ним уходят и извозчики с книгами.*)

Издатель (*махнув рукой*). Благополучного пути!.. Там им и сгнить... Слуга покорный, чтоб я стал выкупать. Нет, много будет всякую дрянь выкупать, капиталу не хватит! А ведь вот, в самом деле, я, дурак, думал, что бог знает какой капитал наживу. Беда с сочинителями связаться... первейшие плуты! Конечно, нельзя ума отнять: умеют надуть мастерски и всегда благородным манером каким-нибудь, не то чтобы он среди улицы тебя до рубашки раздел. Нет, он к тебе чувствительным образом подъедет, на деликатной ноге, и в объятия тебе бросится, и то, и другое... А на поверку-то, глядь, ограбил, разбойник, и последнюю нитку с тебя уж тащит. На-завтра, глядь, у тебя уж и лавчонку заперли и, глядишь, с Невского-то проспекта приходится переезжать в Коломну, в Литовский замок¹... А он все себе ничего, благородный человек, как и был, около другого уж мелким бесом увивается.

¹ Литовский замок — старая тюрьма в Петербурге.

Наша книжная торговля
Так уж исстари идет:
Простачков невинных ловля —
Первый авторов доход!
В кабинете примут знатно
И сигарочку дадут,
И почтеннейшим печатно,
И умнейшим назовут;
С аккуратностью большою
Рассчитают барыши,
А издашь — махни рукою
И в подвалы положи!
Разорили и отстали —
Всякий с ним уже не тот!
Только деньги размотали —
Глядь, господь другого шлет!
С ним опять развязка та же...
Я и сам богат бывал,
Жил когда-то в бельэтаже,
Всех морочил, надувал;
Драл с живых и с мертвых шкуру,
Не боялся никого,
А попал в литературу,
И надули самого.
Здесь хватило б и для внуков,
Да сто книжек издал в год,
И теперь карман мой звуков
Никаких не издает!

Такая уж литература. Вот и я, как есть нечего будет, начну сам сочинять, отличным литератором буду... (*Входящему Лоскуткову.*) Ну что, батюшка, сосчитали?

Лоскутков. Сосчитал... Ровно тысячу сто девяносто две книжки. Теперь остается еще одно...

Издатель. Теперь остается только денежки получить, и дело с концом. Только вы уж, пожалуйста, Потап Иваныч... надеюсь, ни мышь, ни какая другая гадина... Поверите ли, такое сочинение, что стоило бы за стеклом держать.

Лоскутков. Мыши! Не беспокойтесь! Чего другого, а мышей у меня и в заводе нет. Ну, так. (*Берет счеты.*) Тысячу сто девяносто две книжки... тысячу сто девяносто две копейки — раз...

Звонок.

А, видно, еще бог гостя дает. (*Отворяет дверь.*)

Явление VI

Те же и Краснохвостов.

Краснохвостов (*из-за двери*). Дома ли Лоскутков?

Лоскутков. Дома. (*Вводит незнакомого господина.*) Сделайте одолжение, потрудитесь несколько обождать, я вот сию минуту... Ну, так тысячу девяносто две копейки — раз...

Краснохвостов (*выходит вперед и рассуждает сам с собою*). Шельма должен быть! А есть удивительно хочется. Что бы такое ему заложить?

Лоскутков (*в сторону*). Тысячу девяносто две копейки — три.

Краснохвостов. Когда заиграешься в карты, теряешь совсем аппетит, а проиграешься — тотчас захочется... Глупая вещь! Обыграли, разбойники... а ведь наверняка... уж верно, наверняка... Я, правда, на руки пристально смотрел, да, видно, он какую-нибудь особенную штуку знает... Дурак я, мне бы им закричать: обман... подлецы вы, мошенники! Может быть, который бы оплеуху дал. Ну, тут бы...

Лоскутков. Прощайте.

Издатель. До свидания, почтеннейший!

Лоскутков. Всех благ жизни... (*Провожает его.*)

Издатель уходит.

Краснохвостов. Что бы такое ему заложить? (*Рассматривая фуляр.*) Хороший фуляр...

Лоскутков. Что вам угодно-с?

Краснохвостов (*мрачно*). Денег.

Лоскутков. Ох, деньги, деньги! Что это нынче за свет! Кого ни спроси — всякий говорит, нужно денег... А куда как денежки солоно достаются... Вот и у меня, верите ли богу, денег совсем нет.

Краснохвостов. Мне только закусить, так чтоб было что-нибудь закусить. Я вот вчера на прекраснейшем ужине был... Черт знает, совсем есть не хотелось.

Лоскутков (*свищет*). Так-с.

Краснохвостов. Вот этот фуляр... французской, должно быть, работы, посмотрите, как хорошо сделан.

Лоскутков. Хорошо сделан, отлично сделан.

Краснохвостов. Ну вот, вижу, вы знаете толк в

художествах. Приятно иметь дело с умным человеком. Так фуляр вам нравится? Хотите, чтоб он был ваш?

Лоскутков. То есть как? Вы хотите его мне... Вечно буду благодарен вам за такой приятный подарок.

Краснохвостов. Пожалуй, если вы хотите... я вам его и подарю. Только... только, знаете, я не много ем, пустяки, крошечку — вот я уж и сыт. Вы мне что-нибудь... чтобы так, знаете, можно было... немножко хоть закусить.

Лоскутков. Понимаю. Отчего же? Можно и так. Полтину серебра, если вам угодно.

Краснохвостов. Помилуйте... Да у Леграна на полтину только зубы разлакомишь. Вы бы еще два двугривенных!

Звонок. Лоскутков бежит отворять.

Мало, бестия, дает. Хоть бы целковый. (*Осматривает себя с ног до головы.*) Хорошо бы шинель — и порядочные бы деньги можно взять. Да холодно... черт возьми! И в ней-то до костей пробирает! Черт знает, было все тепло — вдруг морозы! Бывает же несчастье! Подлинно, судьба всегда человеку наперекор.

Явление VII

Те же и Акулина Степановна.

Лоскутков (*во время монолога Краснохвостова разговаривал с ней вполголоса, отходит от нее, говоря*). Хорошо-с, ваш салоп сейчас будет-с. (*Краснохвостову.*) Ну-с?

Краснохвостов. Так вы ничего больше полтины не можете дать?

Лоскутков. Рад бы душой, да что делать... Ей-ей, не могу-с! И то беру только так... на свой страх.

Краснохвостов. Ну, давайте деньги. Только, знаете, еще бы что-нибудь... мне совсем мало.. Вот если бы вы, послушайте... (*Замечает, что Лоскутков старается потихоньку развязать узелок.*) Это вздор, я так, для памяти завязал. (*Акулине Степановне.*) А холодно на дворе?

Акулина Степановна. Вестимо, не лето. Я и теперь не могу отогреться, зуб с зубом свести... Уж такой мороз десять лет не запомнят. Что, батюшка, салопчик-то уж не спровадил ли куда-нибудь?

Лоскутков. Сейчас.

Акулина Степановна. То-то же! Знаю я вашу братью! Умеете и в прокат отдавать и в ломбард закладывать.

Краснохвостов (*рассуждая сам с собою*). А будет оттепель, непременно будет. Уж в Петербурге такая погода, самая непостоянная погода. (*Снимает шинель и остается в летних брюках.*) Да и брюки-то на мне летние... Послушайте, почтеннейший...

Лоскутков. Не могу найти. Погоди, вот уж кончу с ними, тогда отыщу.

Краснохвостов. А что вы положите под шинель?

Лоскутков (*с изумлением*). Под шинель? Вы хотите?

Краснохвостов. Что вы так на меня смотрите? У меня кровь горячая... Я ведь того... огонь, просто огонь. Даже в декабре месяце мороженое ем. Вот я даже шкаф прошлую зиму хотел запирать — обливаться... И что шинель? Только сверху защита, а ведь и под шинель поддувает.

Лоскутков (*рассматривая шинель*). Целковых десять, пожалуй, можно дать.

Краснохвостов. Десять целковых! Мало, ей-богу, мало! Рублей хоть пятьдесят положите.

Лоскутков. Не могу-с; десять, если угодно.

Краснохвостов (*подумав*). Ну, давайте десять. Мне же легче будет выкупить.

Лоскутков (*записывает что-то в большую книгу и потом отдает деньги*). Коли не выкупите через месяц... Уж не прогневайтесь.

Краснохвостов. На днях же приду (*ловко шаркивается*), непременно приду.

Акулина Степановна. Коли не замерзнешь!

Краснохвостов. Только, знаете, вы уж, пожалуйста, никому... (*Уходит, напевая.*)

А мой удел — сердечный холод

И безнадежная любовь.

Лоскутков. Очень порядочная шинель. Рублей шестьдесят стоит... Ай-ай-ай! Да ведь подкладка-то дырявая... Карман... а! (*Шарит в кармане.*) Ничего. Хоть бы грош какой-нибудь был.

Акулина Степановна. Ну, полно! Уж захотел у этого фуфлыжника, прости господи, что-нибудь в кармане найти. Давай же салопишко-то...

Лоскутков. Сейчас.

Явление VIII

Лоскутков, Акулина Степановна и Лиза.

Лиза (*входит в салоне и шляпке*). Ну, папенька, я совсем готова, иду к Александре Григорьевне.

Лоскутков. Ну, бог с тобой, матушка! Только не засиживайся, пожалуйста. Помни, что у тебя есть отец.

Акулина Степановна (*бросаясь за уходящей Лизой*). На-тко! вона какой грех!.. Господи! Мать пресвятая богородица!.. Постой, плут ты, разбойник... душа басурманская, картофельная, в чужие салоны дочку рядить... Вишь, собралась гулять... И горя нет, что салон-то чужой... Мошенник! Душегубец! (*Тащит салон.*) Снимай-ка! Снимай, голубушка!

Лоскутков. Не снимай! (*Старухе.*) Деньги!

Акулина Степановна. Вот тебе, разбойник, твои оканные деньги! (*Бросает ему деньги.*) Дочь в мой салон нарядил... Дышло ты оканное!

Лоскутков. А что же? Неужто мне из-за своих денег да еще на салоны тратиться? (*Берет салон и отдает ей.*) Уж приди когда опять, вдвое сдери!

Акулина Степановна. Не приду! Нога моя не будет у тебя: по всему околотку расславлю разбойника! Механик ты этакой! (*Уходит.*)

Явление IX

Лоскутков и Лиза, плачущая.

Лоскутков. Вот уж, подлинно, баба глупая. Как будто что-нибудь делается салопу! (*Лизе.*) Ну, а ты уж вот и расхныкалась. Неприлично, ей-богу, неприлично... Вот завтра, а может быть, и сегодня еще кто-нибудь салон принесет. Ну тогда и пойдешь к Александре Григорьевне.

Лиза. Да я сегодня обещала прийти!.. Стыдно вам! У родной вашей дочери салопишка нет, да не только салоп, платишка даже нет. Все должна в чужих обносках ходить... Идешь да боишься: опять, того и гляди, случится, как в прошлом году. Привязался ко мне на улице какой-то господин: «Где ты, голубушка, этот салон взяла? Это, говорит, салон моей жены...» Да чуть меня в полицию не потащил... Срам с вами! Вы хуже жида, папенька, уж всякий скажет, что вы хуже жида. Недаром она вас

разбойником обругала. Уж точно, настоящий разбойник! Вот я читала в одной книге про какого-то Мефистофеля, который, говорят, превращался в собаку и ел живых людей. Уж нечего сказать, вы настоящий Мефистофель!

Лоскутков. Разбойник! Мефистофель! Откуда она таких слов набралась! Дура сморозила, а ты и повторяешь: разбойник! У разбойника и руки в крови, и рожа так смотрит... Да еще Мефистофеля какого-то тут приплела!

Стыдно родителя звать Мефистофелем,—
Я тебя, нянчил, кормил...

Лиза.

Тухлой салакушкой, мерзлым картофелем...

Лоскутков.

Свежей водою поил.

Можешь рядиться ты в платья блестящие
С барынь богатых, больших.

Лиза.

Лучше б одно, да свое, настоящее,
Чем два десятка чужих!

Платья все выкупить могут решительно,—
Пусто вдруг станет в шкафах,
И я останусь... подумать мучительно!
В чем же? В одних башмаках!

Лоскутков.

Что ж тут стыдиться-то? Таять в истерике,
Выть из таких пустяков?
Дикие, слышал я, ходят в Америке
Даже и без башмаков!

Ну, полно хныкать-то, хочешь непременно идти, так иди; я тебя не удерживаю.

Лиза. Да в чем я пойду?

Лоскутков (*надевая на нее шинель*). А вот... Что тут за церемонии,—некрасиво, да тепло.

Лиза. Подите вы! Еще бы вы в салоп нарядились, да по Невскому прогулялись.

Лоскутков. И наряжусь, ей-богу, наряжусь. Вот только ни одной шинели не будет, покупать не стану... Раз, помню, со мной и случилось... Да не то, чтобы из каких-нибудь пустяков, шинели или там сюртука, а то казус пренеприятный! Вот я поскорей шинель в рукава, подпоясался поплотней, да так целые три недельки и выходил... Даже в гостях несколько раз был. Ну, знакомый человек обедать зовет — жаль отказать. «Что,— гово-

рит,— ты, Потап Иванович, в шинели?» — «Да обет,— говорю,— дал не снимать шесть недель,— ношу вместо траура...» А у меня, кстати, тогда только жена умерла. «Хорошее дело,— говорит,— обеты надобно исполнять». Вот так-то!.. Век живи, век учись!.. А то расхныкалась... Чем худа шинель? *(Надевает и с важностью прохаживается.)*

Слышен звонок.

А, кого-то еще бог дает.. Ну, марш в свою комнату.

Явление X

Лоскутков и Ростомыхов.

Ростомыхов. Здравствуйте, почтеннейший. Читал я в газетах, у вас, говорят, продается картина с изображением трех собак, двух свиней, барана и человека в черкесской шапке. Мне, признаться, и свиньи ваши, и человек, и бараны — наплевать!.. А вот собаки меня интересуют,— я собак чрезвычайно люблю; даже, могу вам сказать, уважаю. Собака — это превосходнейшее произведение природы, лучше человека. Человек — тунеядец, свинья, с позволения сказать, разные мерзости делает, обкрадывает господ, а собака, поверите ли, почтеннейший, — я сам жалею, что не родился собакой... А? Лучше бы... А? Да говорите же, почтеннейший! *(Довольно сильно толкает его в плечо.)*

Лоскутков *(струсив)*. Совершенная правда. Я даже сам чувствовал иногда желание превратиться в собаку. Собаке и платья никакого не надо, и квартиры может не нанимать, и даром ее добрый человек прокормит... совершенная ваша правда. Бедному человеку гораздо выгоднее родиться собакой.

Ростомыхов. То-то же, мой почтеннейший! Да будь вы собакой, я же за вас рублей бы пятьдесят, а может быть, и сотню дал. А теперь, по правде сказать, гроша не дам... Что вы так сморщились и сычом на меня смотрите, а?

Лоскутков. Ничего-с, удивляюсь вашему красноречию, глубокомыслию, так сказать...

Ростомыхов. Напрасно, почтеннейший, ничего не получите. Я за такую дрянь не плачу. А вот картину, пожалуй, куплю, если собаки хорошо сделаны.. Ну что ж, продадите?

Лоскутков. К крайнему сожалению моему, не могу-с... уж продана.

Ростомахов. А, ну продана? Нечего и толковать... Жалы! Я люблю картины, где этак изображают собак. У меня, вам скажу, пропасть таких картин... Даже живописца нанимаю. Чуть отличится собака какая-нибудь, тотчас с нее портрет!.. Десять тысяч ему в год плачу!

Лоскутков *(в сторону)*. Десять тысяч!

Ростомахов. Чудесно делает, бестия, собак... Просто собаку съел... У меня четыре комнаты увешаны собаками его работы, богатейшая галерея. Слышите ли вы, черт вас возьми! *(Хлопает его по плечу.)* Восемьсот картин — и на всех собаки, одна другой лучше... Даже один кобель с желтыми подпалинами так сделан, что я в натуре лучше никогда не встречал, двухсот тысяч за него не возьму!..

Лоскутков *(в сторону)*. Двухсот тысяч! Какой туз!

Ростомахов.

Уж как я, такого парня
Нет и не бывало встарь,
Весь мой дом — большая псарня,
И я сам — отличный псарь!
Широки мои владенья —
У меня с давнишних пор
Десять тысяч душ именья
И осьмнадцать тысяч свор!
Дорога моя забава,
Да зато и веселит,—
Об моей охоте слава
По губернии гремит!
Как кубарь, матерый заяц
Чистым лугом продерет
И ушами, как китаец,
Хлопать в ужасе начнет;
Тут последняя копейка
Мне не стоит пустяка,
Только б Сокол или Змейка
Подхватили русака!
Лучшим псам и стол особый,
А отличных так люблю,
Что рядком с своей особой
И с женой своей кормлю!
Уж как я, такого парня
Нет и не бывало встарь,

Весь мой дом — большая псарня,

И я сам — отличный псарь!

Слышите ли вы, черт вас возьми! А? Вот, не хотите ли, я вам расскажу, как мы охотимся. Собаки лают: гам, гам, гам... на все голоса. Охотники кричат: го-го-го-го!.. Трубят в рога... бррр! И вдруг заяц летит на чистое поле. Ату его, ату! Слышите ли вы, черт вас возьми? Ну, да я вижу, вы — дрянь!.. Совсем не имеете страсти к охоте... Прощайте! *(Идет и останавливается перед картиной.)* Эту картину вы продавали?

Лоскутков. Она самая.

Ростомахов *(сам с собою)*. Я таких собак сроду не видывал. Живые, просто живые; надо их непременно в мою свору, в мою галерею... Ха-ха-ха! *(Лоскуткову.)* Вы мне непременно должны этих собак продать.

Лоскутков. Не могу-с. Я уже имел вам счастье докладывать, что эта картина продана.

Ростомахов. Продана! Ну, так вы мне вырежьте одних только собак, а картина останется у вас, я вам за собак хорошие деньги дам.

Лоскутков. Нельзя-с.

Ростомахов. Можно. Слышите ли вы, можно, черт вас возьми! Я без этих собак от вас не уйду!

Лоскутков. Как угодно-с... А я уж и задаток получил. Вот уж скоро за ней пришлют.

Ростомахов. А вы не отдавайте. Задаток можете возвратить. Я пяти тысяч не пожалею.

Лоскутков. Пять тысяч! Да я за восемь ее продал!

Ростомахов. Ну, так я вам шестнадцать дам.

Лоскутков *(сам с собою)*. Батюшки! Что я надеялся! Шестнадцать тысяч! А я ее за пять продал!.. Он меня ограбил, он меня разорил! *(Ростомахову.)* Вы, верно, изволите шутить?

Ростомахов. Убирайтесь вы к черту с шутками!.. Я, мой почтеннейший, шутить не люблю! Стану я с вашей братией шутить. Вот вам и задаток тысяча пятьсот рублей ассигнациями, остальные четырнадцать тысяч пятьсот рублей сейчас привезу и картину возьму. Ну?

Лоскутков *(в сильном волнении)*. Батюшки! Что тут делать? Не возьмешь — пять тысяч потеряешь; возьмешь — тот, чего доброго, пожалуй, в полицию тебя на старости потащит... процесс затеет с тобой... Никогда еще такой оказии со мной не случалось, деньги к тебе в руки сами идут, а взять боишься.

Ростомахов. Ну?

Лоскутков (*сам с собой*). Если бы хоть мне прежде с тем увидаться, можно бы как-нибудь его надуть... Задаток возратить, прибавить ему что-нибудь.

Ростомахов. Ну, что же вы, черт вас возьми, берете, что ли, деньги-то?.. А не то прощайте!

Лоскутков (*кидаясь за ним*). А! Была не была! Извольте, уж делать нечего, решаюсь для вас. Только вы уж пожалейте меня, ведь он может меня избить, в полицию отправить... Прибавьте хоть целковичек.

Ростомахов. Ну, черт с вами! Прибавлю хоть десять! Вот задаток... Запишите мою фамилию: Савостьян Григорьев Ростомахов-Широколобов, отставной прапорщик, жительствоваю временно у Демута, номер четыреста пятьдесят девятый. Прощайте.

Лоскутков. Всех благ жизни,

Явление XI

Лоскутков (*один*). Ай да картина! Батюшки-светы! Вот не ожидал такого счастья!.. Да я корюшки, да я икры с радости сегодня поем... Уж что себе жиденький тот художничек ни толкуй, а картины ему не отдам! Задаток назад, да и только... Уж хоть и поколотит, куда ни шло!.. За такую сумму можно побои снести... Ну, я сегодня точно пьян, напился. Удивительную радость чувствую на душе: как будто меня вдруг в статские советники пожаловали или этак купец Савостьянов, что заложил у меня сорок тысяч пудов сургучу, скоропостижно скончался. Вот оно, счастье-то! Не ожидал, не гадал, и вдруг, ни с того ни с сего, шестнадцать тысяч к тебе в карман.

Звонят.

Вот опять кто-то идет,— право, даже уж не хочется сегодня и принимать.

Явление XII

Лоскутков и Подзатыльников.

Подзатыльников. А, честная душа на костылях!

Лоскутков. А! Ермолай Иванович! Ермолай Иванович! (*Целует его.*) Голубчик! Сколько лет, сколько зим не видались... Откуда бог принес?

Подзатыльников. Ездил на побывку в свое место.

Лоскутков. В свое место? Ну, слава богу! Слава богу!.. Домашние здоровы ли?

Подзатыльников. Живут, пока мышцы головы не отъели-с.

Лоскутков. Ха-ха-ха! Все такой же шутник!

Подзатыльников. Я ведь к тебе за делом, Потап Иванович.

Лоскутков. Знаю, знаю, уж тебя без дела не заманишь. Ведь нет, чтобы когда-нибудь зашел этак посидеть, покалякать, да выпить бутылочку винца.

Подзатыльников. Так что же-с? Мы от евтого и теперь не прочь.

Лоскутков. То-то вот и есть, что теперь вина-то дома нет, а посылать некого. А вот что: ты закусить не хочешь ли?

Подзатыльников. От хлеба-соли николи не отказываюсь.

Лоскутков. Вот и хорошо. Ты ведь икорку свежую любишь?

Подзатыльников. Как же-с.

Лоскутков. Ну, а сижка копченого?

Подзатыльников. Наша невестка все трескает.

Лоскутков. Так приходи на будущей неделе.

Подзатыльников. Чего-с?

Лоскутков. Приходи на будущей неделе, угошу! У меня занимает деньги рыбак из Никольского рынка, так хотел прислать на пробу и сига и икры.

Подзатыльников (*кланяясь*). Очень много милостей, уонтентован¹ по самую макушку-с! А что, Потап Иванович, пил ли ты хоть чай?

Лоскутков. Чай? Эх хватился! Еще вчера утром пил; впрочем, если хочешь, пожалуй, напьемся, только мне бы не хотелось тебя разорять, ведь, я думаю, в дороге деньжонками-то поиздержался?

Подзатыльников. Да, таки нечего таить, есть тот грешок!

Лоскутков. Я знаю, что уж без этого нельзя.

Подзатыльников. За этим-то больше я и к тебе завернул: будь друг, ссуди меня бабочками.

Лоскутков. Как-с?

Подзатыльников. Дай займы.

Лоскутков. Займы. (*Оглядывает его.*) Гм!

¹ Здесь — доволен, убажжен.

Подзатыльников. А я, как только определяюсь к хозяину, так и отдам тебе с моим почтением.

Лоскутков. Хорошо, хорошо. Только ведь вот беда, денег-то у меня теперь нет.

Подзатыльников. Полно, Потап Иваныч! У кого ж и деньгам быть, коли не у тебя?

Лоскутков. Право нет! То есть они и есть, да не свои. Один приятель пускает их через меня в проценты; да такой жид, что не велел брать меньше, как капитал на капитал.

Подзатыльников *(в сторону)*. Мошенник! *(Ему)*. Потап Иваныч, бойся бога! Вспомни хоть мою прежнюю хлеб-соль.

Лоскутков. Хлеб-соль ешь, а правду режь. Да и какую же я от тебя хлеб-соль видел?

Подзатыльников. Как! Еще тебе мало? Да ты припомни только, что я в прошлом году хозяйскую-то лавку чуть-чуть не всю к тебе перетаскал.

Лоскутков. Великая важность! А зато что за товар ты приносил? Вон гроденаплю-то два куса и до сих пор с рук нейдут, а уж, кажется, как дешево, по пяти с половиной отдаю.

Подзатыльников. Ты бы еще заломил по десяти! Он и в Гостином по целковому продается.

Лоскутков. А! То-то же и есть! А ты с меня почем брал?

Подзатыльников. По полтора рубли!

Лоскутков. Нет, извини, голубчик! По рублю по пятидесяти по две копейки. Впрочем, об этом толковать нечего; ты в нужде, а я, как добрый христианин, обязан помогать ближнему. Сколько тебе надобно?

Подзатыльников. Да мне бы покуле хошь рублей пятьдесят ассигнациями.

Лоскутков. Пятьдесят... *(Оглядывая его и не видя никакого заклада)*. Да как же, разве уж у тебя и ничего нет?

Подзатыльников. То-то, что ничего.

Лоскутков. Да... *(Подходит и рассматривает надетую на нем шубу)*. Ну, а на эту штуку нельзя дать пятидесяти рублей, потому мех-то уж повиытерся, вон назад-то какие лысинки видны.

Подзатыльников *(смотрит на него с удивлением)*. Да кто ж тебе сказал, что я прошу у тебя под шубу?

Лоскутков. А! Так у тебя есть что-нибудь другое?

Подзатыльников. Ничего у меня нет. Я думал, что ты, по старой памяти, дашь без заклада.

Лоскутков (*с испугом*). Без заклада? Господи, твоя воля! Ведь есть же этикие разбойники! Хотят взять деньги в долг и без заклада, да это дневной грабеж! Кровопийца! Что ты, головы моей ищешь, что ли?

Подзатыльников. Так, видно, от тебя, как от козла, ни шерсти, ни молока не дождешься. Прощай! Обирало Аспидыч!

Лоскутков. Прощай, прощай, голубчик!

Подзатыльников. С чертом тебе бы только и знаться! (*Уходит.*)

Лоскутков. Ну, ладно. Смотри же, чай за тобой.

Явление XIII

Лоскутков и неизвестный господин.

Неизвестный. Вот и я... Извините, что немножко замешкался. Зато теперь мы в минуту кончим... деньги я вам сполна привез, у подъезда ждут двое моих людей, чтоб взять картину. Я сейчас позову.

Лоскутков (*делает печальную рожу и останавливает его*). Не зовите.

Неизвестный. Что такое?

Лоскутков. Не прикажите казнить — выслушайте. Будьте отцом и благодетелем... имейте сострадание к несчастному.

Неизвестный. Что вы хотите сказать?

Лоскутков. Я бедный человек. У меня часто за обедом не только говядины, куска хлеба не бывает... Что делать — нужда! Дочь моя, прелестнейшая девушка, смею сказать, ходит в старых родительских сапогах и страдает зубной болью от мерзлого картофеля... Все утешение наше составляла эта картина, это великое произведение искусства, как вы изволите говорить. Поверите ли? Мы так привыкли к ней, что делили с ней горести, нам с ней даже весенняя корюшка казалась вкуснее... Дочь моя часто просиживала перед ней по целым часам. Я сам, как изволите видеть, на колени перед ней становился... Вдруг черт попутал меня, подлинно уж, видно так судьбе было угодно... вздумалось картину продать в надежде хоть сколько-нибудь поправить бедственное свое положение... Вот и изволили вы сторговать и задатку пожаловали. Как узнала дочь моя, что картину от нас

возьмут, тотчас в слезы, и вот теперь лежит она уж больная, на одре страдания, может быть, умрет от печали... Сам я сначала ничего, а как подумал, что сегодня нам с картиной придется расставаться навеки, так меня, старика, за сердце и ущипнуло... Благодетель, отец родной, не погубите... оставьте нам картину, наше единственное сокровище... Возьмите задаток назад.

Неизвестный. Вы, почтеннейший, затеяли вздор. Я картину купил у вас. Вот остальные деньги, и картину сейчас возьму. *(Идет к двери.)*

Лоскутков. Умилосердитесь! Возвратите к жизни единственную дочь мою!

Неизвестный. Э! Пустяки! Берите деньги!

Лоскутков. Не погубите! *(Падает на колени.)* Я вам десять лет без процентов буду в долг деньги давать... Я вам не только пятьсот рублей ваши назад отдам. Я вам еще пятьсот прибавлю своих.

Неизвестный. Э! Полноте комедию-то разыгрывать. Отстаньте. Вот я сейчас велю брать картину. *(Идет к двери.)*

Лоскутков *(вставая и кидаясь за ним)*. Так нет же!.. Я не отдам картину! Не отдам, что хотите со мной делайте... Убейте меня! Зарежьте!.. Я картину свою вам не отдам!

Неизвестный. Что такое? Не отдадите? Да разве вы забыли, что вы мне ее уж продали и получили задаток. Это низко... Знаете, как за такие поступки учат вашего брата?

Лоскутков. Что вы говорите, что? Вы мне пощечину хотите дать... Бейте!.. Тогда вы от меня не отделаетесь!.. Бесчестье взыщу!

Неизвестный. Какая низость!

Лоскутков. Что ж делать? Я человек небогатый! Бедному человеку надо же каким-нибудь образом хлеб доставать.

Пощечина людей позорит,
Так думал в старину народ,
А в наши дни, — никто не спорит, —
Бывает и наоборот.
Был у меня бедняк знакомый
С почтенным выпуклым лицом,
Питался редькой и соломой
И слыл в народе подлецом,
Да вдруг столкнулся с богачом,

Затеял ссору с ним пустую,
Пощечину изволил съесть,
Сто тысяч взял на мировую.
И вдруг попал в почет и в честь.
Все, кто и ведал и не ведал,
К нему с почтением тотчас,
И даже там вчера обедал
Кой-кто, мне кажется, из вас.
И что ж? Ведь было б безрассудно
Сердиться, мщенье затевать:
Боль усмирить в щеке нетрудно,—
Сто тысяч мудрено достать,
А с ними проживешь так чудно,
Не встретишь горя целый век.
Не сто, пожалуйста пять тысяч —
Я сам, как честный человек,
Себя сейчас позволю высечь!

Неизвестный. Все это очень хорошо, а картину-то я все-таки у вас купил и сейчас возьму.

Лоскутков. Благодетель! Отступитесь! Именем дочери моей умоляю вас, отступитесь! Я вам сверх задатку тысячу рублей дам.

Неизвестный. Тысячу рублей!.. Да я сейчас пять тысяч барыша получу. Только стоит свезти да показать.

Лоскутков. Оставьте у меня... я вам, так и быть, две тысячи дам.

Неизвестный. Пять тысяч.

Лоскутков. Пять тысяч! Да у меня сроду столько денег не бывало.

Неизвестный. Ну, как хотите. Эй!

Лоскутков. Три тысячи дам.

Неизвестный. Четыре.

Лоскутков *(в сторону)*. Что тут делать?.. Четыре тысячи дам, ну все-таки не буду в убытке. *(Громко.)* Будьте благодетелем несчастного, возьмите три тысячи с половиной.

Неизвестный. Ничего меньше!

Лоскутков. Ну, так и быть, извольте, — завтра придется с кошельком идти, да по крайней мере картина будет с нами, и дочь моя будет спасена. У меня уж сердце такое чувствительное: все для дочери. *(Идет к шкафу.)*

Неизвестный *(в сторону)*. Ну, что-то будет! Дело, кажется, хорошо обделалось.

Лоскутков. Вот пятьсот рублей ваши, а вот еще четыре тысячи. Сжальтесь над разоренными... Дайте хоть пять рублей, выпью с горя и... пропадай мои денежки.

Неизвестный. Ну, бог с вами! Вот вам десять рублей. Помните же меня... Прощайте. *(Уходит.)*

Лоскутков. Всех благ жизни!

Явление XIV

Лоскутков и потом слуга.

Лоскутков. Славу богу! Отделался! И не так чтоб очень дорого... *(Берет счета.)* С первого получил задатку пятьсот рублей—пятьсот, со второго тысячу пятьсот—тысяча пятьсот,—две тысячи... Отдал четыре—две своих приложил,—значит, картина пойдет за четырнадцать тысяч рублей!.. Хорошо! Очень хорошо! Ха-ха-ха! Вот дураков надул! Ха-ха-ха! *(Подходит к картине и продолжает хохотать.)* Ну думал ли я когда, чтобы за эту дрянь дали мне четырнадцать тысяч рублей!.. И что тут хорошего? Пятака бы не дал, ей-богу; не дал бы пятака... Еще баран сделан туда и сюда, а уж свиньи ни на что не похожи. Настоящие свиньи. А собаки-то как смотрят, собаки-то... Точно хотят сказать: «Прощайте, Потап Иванович! Подарили мы вам четырнадцать тысяч рублей!» Ха-ха-ха! Ну, спасибо, спасибо, собачонки!.. Вот я вас косточками покормлю! Ха-ха-ха! Служите хорошенько своему новому господину. Спасибо.

Звонят.

Недаром я перед вами на коленях стоял... Ну вот, видно, уж и идут... *(Обращаясь к картине, иронически.)* Жалко мне расстаться с тобой, великое произведение искусства. Куда как жалко... *(Отпирает дверь.)*

Слуга *(входит с письмом)*. От помещика Савостьяна Григорьевича Ростомахова.

Лоскутков. За картиной?

Слуга. А вот письмо-с.

Лоскутков. Больше ничего-с?

Слуга. Ничего. *(Уходит.)*

Лоскутков *(читает)*. «Милостивый государь! Нахожусь вынужденным уведомить вас, что картина, которую я у вас сторговал, оказывается, мне не нужна...» Что?.. Что?.. Не нужна? Не может быть!.. А задаток-то?

(Читает.) «И - потому, милостивый государь, предоставляя данный мною задаток в вашу пользу, прошу меня за оною с остальными деньгами не ожидать. Помещик Савостьян Григорьев, сын Ростомыхов». Не надо? Ему не надо картину? Он отказывается от задатка?.. А, я знаю, что делать!.. Я утоплюсь, я повешусь!.. Вот люди! Вот честь человеческая! Верь после того добродетели!.. Веревку! Веревку!

Явление XV

Лоскутков и Лиза, вбегает в испуге.

Лиза. Что с вами, папенька? Вы кричите, как сапожник, что живет против нас.

Лоскутков. Дочь моя! У тебя нет более отца!.. Я не отец тебе! Сапожник, точно сапожник... Я дурак!.. Я нищий... Были у меня деньги, дочь моя, были в руках... А теперь я разорен, ограблен!.. Я сойду с ума... теперь я глупее осла... беднее почтовой лошади... Прощай, дочь моя, я знаю, что мне делать! (*Быстро убегает.*)

Лиза (*одна*). Что с ним сделалось? Он в самом деле ужасно встревожен... Я тут ничего не понимаю!

Явление XVI

Лиза и Налимов.

Налимов. А! Лизавета Потаповна! Как вы можете? Позвольте поцеловать вашу ручку... Отчего вы так встревожены?

Лиза. Что сделалось с папенькой? Он все кричал: я разорен, разорен! Рвал на себе волосы и теперь убежал, такой страшный.

Налимов. Ничего, не бойтесь. Это не то чтобы к худу, это просто к радости.

Лиза. К радости? Что вы говорите?

Налимов. А то, что все препятствия к нашему бракосочетанию, Лизавета Потаповна, уничтожены.

Лиза. Разве вы достали денег?

Налимов. В том-то и дело, что достал... Однако ж где же ваш папенька? Как бы он с собой не сделал чего-нибудь с отчаяния. Не мудрено! (*Быстро уходит.*)

Лиза. У папеньки пропали деньги... Иван Федорович достал денег... Я все-таки ничего тут не понимаю. А

сердцу что-то так весело... Если Иван Федорович в самом деле достал денег, папенька сейчас же согласится выдать меня за него! То-то будет весело!.. Наконец-то я уйду из этого проклятого дома, где мне было так скучно. Чудесно! Чудесно! Нашью себе разных обнов, башмаков, салоп на лисьем меху... поеду с мужем на бал...

Явление последнее

Лиза, Лоскутков и Налимов.

Налимов (*ведет под руку Лоскуткова, бледного и посинелого*). Ну вот, Лизавета Потаповна! Еще 6 минуточку — и быть бы вам сиротой!.. Так вот какая оказия случилась с вами, почтеннейший Потап Иванович... И на много они вас таким образом надули, мошенники?

Лоскутков. На две тысячи, моих кровных трудовых денег отняли две тысячи!.. Ах, зачем вы помешали моему намерению?.. Я не хочу жить! Не хочу!.. Две тысячи! Возвратите мне мои две тысячи, или я не хочу жить.

Налимов. Успокойтесь, почтеннейший Потап Иванович. Вас надули на две тысячи... Вам все равно с кого бы их ни взять, только бы возвратить. Согласитесь выдать за меня Лизавету Потаповну, — и я вам сейчас дам две тысячи.

Лоскутков. Благодетель! Вы меня воскрешаете! Дочь моя! Ты жена этого великодушного человека... Давайте же две тысячи... (*Берет деньги.*)

Налимов. Соедините же нас, Потап Иванович.

Лоскутков. Сейчас, сейчас! Дайте только мне сосчитать... Так... (*Соединяет их руки.*) Будьте счастливы, дети мои. Живите мирно и не забывайте своего отца!

Лиза и Налимов. Добрый папенька!

Лоскутков (*разнеживаясь*). Добрые дети! Иван Федорович, я не скуп, видит бог, я не скуп. Эта картина была причиной вашего счастья... Возьмите ее: я отдаю ее за Лизой в приданое. Я не так скуп, как вы думаете...

Налимов. Ну, слава богу! Теперь мы вполне счастливы.

Лоскутков. И я счастлив, дети мои... А все же мне хотелось бы узнать мошенников, которые меня так знатно надули.

Налимов. Ну, это я, может быть, вам скажу после нашей свадьбы.

П. И. ГРИГОРЬЕВ

Дочь русского актера

**ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ
В ОДНОМ
ДЕЙСТВИИ**

1843

Действующие лица

Михайло Васильевич Лисичкин, старый актер в отставке.

Верочка, его дочь.

Акакий Назарыч Ушица, отставной прапорщик, влюбленный в Верочку.

Катерина, служанка.

Сцена представляет небогатую комнату. Дверь в середине и дверь в комнату Верочки. Налево со сцены окно.

Явление I

Лисичкин стоит посредине сцены с поднятыми вверх руками. Вокруг него на стульях — несколько костюмов, париков, театральной обуви; у ног лежат разные пьесы и афиши.

Лисичкин. О неблагодарное отечество, что со мною сделало! Жестокая дирекция! За что самого уморительного актера подкузьмила так ужасно? Я хотел служить вечно, хотел умереть на сцене, и вдруг... объявили, что я стар и никуда не годюсь. Вздор, это интриги, зависть... (*Рассматривая вещи.*) О вы, друзья мои, драгоценные помощники мои, теперь вы осиротели. Вы служили мне верой и правдой. Вот в этом лысом парике я удивительно играл Синичкина. Черт знает, как мне аплодировали. (*Берет другой парик.*) А вот в этом — морил со смеху, играя Наумыча в «Жене кавалериста»¹. (*Плачет.*) Ох, лейтесь, лейтесь, слезы сокрушения. Но нет... нет... я не уступлю. Пусть все погибнет, кроме чести. Выдам дочь замуж, а сам уеду в провинцию собирать лавры и — целковые. Черт возьми, а я еще приготовил было и дочь для сцены, развил ее природные способности... Конечно, не видать им моей дочери, сегодня же кончу все, приведу жениха, назначу день свадьбы, и прощай Петербург.

¹ «Жена кавалериста» — переводной водевиль П. И. Григорьева

Прощай навсегда, почтенная публика... (*Плачет.*) Коли я не гожусь, не нравлюсь, ну, бог с вами, веселитесь без меня.

Явление II

Лисичкин и Верочка, вбегает с письмом.

Верочка. Ах, какая радость, ах, папенька, голубчик, вот письмо! Письмо из Дерпта.

Лисичкин. Ну чего, чего распрыгалась, как глупый козленок? От кого письмо?

Верочка (*быстро*). От моего двоюродного брата. Он пишет, что скоро будет у нас и сто раз целует меня заочно, и говорит, что больше учиться не намерен, одобряет мою страсть к театру, жёлат мне успехов и прочее, и прочее. Ах, я вне себя от восхищения!

Лисичкин. Ну, ну, замолола, затарантила.

Верочка (*с живостью*). Ах, да как же, ведь мы с ним лет девять не видались. Он всегда был такой веселый, играл, шалил, дурачился со мной. Бывало, вы в театре играете что-нибудь, а мы возьмем растормошим ваши костюмы, наденем дурацкие парики, да и давай тоже представлять какую-нибудь странную трагедию. Ха-ха-ха! Ужас, какие сцены сочиняли. Он подойдет ко мне, хватит вместо кинжала столовый ножик, да и закричит (*мужским голосом*): «Приди в мои объятия, а не то сей кинжал поразит твое сердце». Бррр... (*Своим голосом.*) Я сейчас так, знаете, и затрепещу... (*Трепещет, стоя в трагической позиции*). Вот этак... Потом, как будто нехотя, и обниму его, и поцелую. И как это у нас всегда выходило натурально, чудо! Лучше, чем у вас на большой сцене, право. После этого он бросается передо мной на колени... но вдруг мы слышим, что вы приехали из театра, перепугаемся, сбрасываем костюмы, кидаем по углам ваши парики, вытираем лица и садимся смирихонько, как будто ни в чем не бывало, я — за шитье, а он за философию... Ха-ха-ха! Смотрим — вы входите пресердитый, топаете ногами, вот так, и начинаете по обыкновению... (*Передразнивает отца.*) «Черт бы взял весь этот театр, Верочка. Пьеса шлепнулась, и меня ошкаркали опять. Переводчик кричит, что я перефарсил, осел этакий. Давай ужинать. Это не переводчик, а перевозчик». Ха-ха-ха... ведь так? Не правда ли?

Лисичкин (*любясь ей, сквозь слезы*). Злодейка, как она изучила все мои слабости. (*В сторону.*) В ней будет прок. Девчонка с неподдельным дарованьем. Увы, и я должен поразить ее сердце неожиданным ударом...

Верочка. Ах, если бы приехал братец Николай! Но что это, папаша? Зачем вы здесь разложили ваши театральные вещи? Что это значит?

Лисичкин (*важно и с душевным вздохом*). Дочь моя, все кончено. Взгляни на эту бумагу. (*Вынув из кармана лист бумаги и качая головой, поет.*)

Дитя мое, мой час пробил,
Я ждал, что мне дадут прибавку...
И вдруг неожиданно получил
С печатью чистую отставку. } (2 раза)

Верочка (*ужасаясь*). Возможно ли?

Лисичкин.

Но не забудется вполне
Мой дар, талант мой исполинский...
И после смерти обо мне
Вздохнет театр Александринский. } (2 раза)

Верочка. Вы в отставке... Да это невероятно! Ах, боже мой! Да вы не соглашайтесь, не слушайте никого.

Лисичкин. Да я и сам бы хотел служить, хотел умереть на сцене, да дирекция не позволяет.

Верочка. Да на что же это похоже? А я собиралась было дебютировать в вашем будущем бенефисе, надеялась сама поступить на сцену... Это ужасно... это убийственно. (*Топает ногой и плачет.*)

Лисичкин. Утешься, дитя мое. Ты будешь дебютировать в другом роде: из девушки ты скоро сделаешься женой благородного человека. Уж дело решено. Убитый артист на все готов.

Верочка. Как! Что такое?

Лисичкин. Да, да, радуйся! Акакий Назарыч недаром угощал меня обедами: он влюблен в тебя по уши... Помещик, двести душ, человек заслуженный — прапорщик в отставке. Это находка для дочери отставного артиста... Я дал ему слово скорей обвенчать вас и ехать в его деревню. (*Стиснув зубы.*) Вон, вон из этого омута!

Верочка (*с удивлением*). Ни за что на свете! Как? Вы всегда готовили меня к театру, старались всячески развить мое дарование, поселили во мне страсть к благородному искусству... Я начала изучать образцовые характеры, и теперь — все это бросить, забыть, выйти замуж

за какого-то отставного прапорщика и поселиться в деревне! Боже сохрани... я умру преждевременно...

Лисичкин. Пустое, сударыня. Я теперь так озлоблен своей отставкой, что ни за что не пушу тебя на здешнюю сцену. Злость моя кипит в жилах. Сейчас же отправляюсь к твоему жениху; нынче вечером я дал слово представить его тебе, чтоб решить все.

Верочка. Папенька, папенька, ради бога, не торопитесь. Вспомните, что я ведь не театральная невеста, которую в полчаса можно сосватать и обвенчать, ведь вы же мой родной отец, а не какой-нибудь водевильный дядюшка... Дайте мне подумать.

Лисичкин. Ты дура, дитя мое. Акакий Назарыч Ушица будет тебя на руках носить, сделает дворянкой, помещицей, отставной прапорщицей, а ведь ты дочь артиста, и больше ничего, — как же было не дать слова?

Верочка. Ах, боже мой! Во всем этом виновата ваша отставка. Ах я несчастная, я умру с печали.

Для чего вы дали слово?

Ах, нельзя ли подождать?

Посмотрите, я готова

Со слезами умолять.

Признаюсь чистосердечно,

Лучше век на сцене жить.

За кулисами быть вечно,

Чем за прапорщиком быть.

Лисичкин. О да, ведь тебя, я знаю, не переслушаешь... а Акакий Назарыч ждет меня. Прощай, и смотри, будь готова весело встретить нашего благодетеля.

Верочка. Папенька! Голубчик! Послушайте... *(Начинает плакать.)*

Лисичкин. Что, думаешь сыграть драматическую сцену? Дудки. Я уж все наизусть знаю... я умею заплакать во всякое время. *(Кричит.)* Эй, Катерина! Катерина! Где ты, Катерина?

Явление III.

Те же и горничная Катерина.

Катерина. Здесь, Михайло Васильевич. Что вам угодно?

Лисичкин. Спрячь все эти вещи и к восьми часам приготовь самовар, я приведу приятного гостя.

Катерина. Неужели-с? А в театр вы разве нынче не поедете?

Лисичкин *(с отчаянием)*. В театр? Молчи, не заикайся мне о театре, ни ей, ни мне, а не то... я не выдержу... заплачу кровавыми слезами. Верочка, перестань. Ты и в самом деле разрюмилась. Ну, я знаю, что тылюбишь театр... что могла бы быть актрисой... но уж если я отставлен, так чего ж тут надеяться?

Катерина. Как? Что? Вы отставлены?

Лисичкин *(с бешенством, возвышая голос)*. Молчи, или нет, говори. Да, да. Отставлен! Убит! Зарезан! Осрамлен! Ограблен! Разорен! Осмеян! Уничтожен! К восьми часам самовар приготовить. *(Уходит.)*

Явление IV

Те же, кроме Лисичкина.

Катерина. Ах ты господи! Неужели это все правда?

Верочка. Да, да... И представь себе: с досады теперь хочет меня выдать за своего приятеля, за этого уroda, Ушицу... хочет, чтоб я весь век жила в деревне отставной прапорщицей. *(Вскакивает со стула.)* Ну хорошо, пусть я не поступлю на сцену, пусть они сделают меня несчастной, но уж зато до свадьбы я постараюсь вполне опротивить моему жениху. Катя, ты будешь моей помощницей. *(Придумывает что-то.)*

Катерина. О, извольте, сударыня, за вашу честь я кому угодно глаза выцарапаю. *(Подходит к окну.)* У, ведь я тоже не трусливого десятка... меня и ваш батюшка не испугает. *(Взглянув в окно.)* Ахти, да посмотрите-ка, барышня... ведь это никак сам Акакий Назарыч едет сюда. А Михайло Васильич отправился к нему... вот хорошо.

Верочка. А, если он один... тем лучше. Пока папенька не воротился, скажи ему, что я сделалась нездорова и заперлась на весь вечер в своей комнате, понимаешь? *(Шепчет ей на ухо во время ригурнели следующего номера.)*

Из оперы «Любовный напиток»¹,

Пускай он приезжает
И свадьбу затевает,

¹ «Любовный напиток» — опера итальянского композитора Доппетти (1797—1848).

Его здесь ожидает
Не свадебный прием.
Лишь стоит постараться,
На хитрости подняться, —
Так мы свое возьмем:
Расстроим свадьбу, а потом
И одурачим, осмеем
Перед отцом.
Да,
Уж мы поставим на своем,
Да и с ума его сведем.
Я изучила с детства
Все хитрости кокетства,
Так и теперь все средства
Должна я предпринять,
Чтоб жениха заставить
Затеи все оставить
И многих позабавить...
Прощай. Бегу начать.

Катерина показывает, что поняла ее. Верочка, убегая, снова шепчет Катерине на ухо.

Явление V

Катерина, потом Акакий Назарыч Ушица.

Катерина. Вот милая-то барышня. Я не знаю, а надо бы, кажется, однажды навсегда самый строгий закон, чтоб ни один старый жених, начиная с сорока лет, во веки веков не смел свататься за молоденьких; а то, ей-богу, только горе и слезы от этих обветшалых селадонов. Поневоле иная дурачит всячески своего сожителя. Просто сердце не терпит. То ли дело молоденький голубчик... мигнет только глазком, так уж сейчас его понимаешь.

Ушица *(в венгерке)*.

Здорово, Катюша. Здорово, друзья.
А где же милашка и прелесть моя?
Приятно любезным счастливецом родиться,
Приятно по страсти на милой жениться.
Поедешь венчаться, и все зашипят:
«Ах, что за невеста! Вот чудо! Вот клад!

А кто ж новобрачный? Что он-то за птица?

Да просто — Акакий Назарыч Ушица».

Ну что, Катя, где мой почтенный, знаменитый Мишель?

Катерина. Да он, кажется, к вам отправился, сударь.

Ушица. А! Так мы разошлись с ним... Жалко. Впрочем, я подожду его у вас. Ах, Катюша, ужасно тороплюсь ознаменовать свою жизнь третьим бракосочетанием. Две первые покойницы как-то не удались мне, и обе, волею божиею, помре. Не знаю, что теперь третья скажет.

Катерина. Эх, Акакий Назарыч! Сказала бы я вам доброе слово, да боюсь — вы меня душой назовете...

Ушица. Э, Катюша, так ты не знаешь меня. Говори, что такое. Верно, о моей наипрелестнейшей Вере Михайловне?

Катерина. Да-с.

Ушица. Говори, Катюша, говори, что она? Здоровали? Верно, радехонька моему предложению? А?

Катерина. Ох нет, сударь: она больна сделалась от вашего предложения. *(Кланяясь низко.)* Батюшка Акакий Назарыч! Оставьте ее в покое, не сватайтесь. В ножки поклонюсь.

Ушица. Что ты, что ты, дура этакая! Да знаешь ли ты, как я в нее врезался? Ведь вот как!

Катерина *(так же кланяясь)*. Ох, знаю, Акакий Назарыч. Ей-то от этого не легче. Она очень влюблена, я знаю, только не в вас, Акакий Назарыч.

Ушица. Как не в меня? Да в кого же?

Катерина *(так же)*. Ох, в Александринский театр, батюшка. С измалолетства, днем и ночью только и бредит о том, чтобы быть актрисой.

Ушица. О, эта пустая вздорная страстишка не может помешать моему счастью. После свадьбы я увезу ее в деревню, окружу ее всевозможными удовольствиями, поручу ей смотреть за моим погребом, за скотным двором, научу ее разводить гусей, цыплят и уток, познакомлю ее со всем, что называется, изящным, и она забудет и театры, и все эти глупые, пустые желания.

Катерина. Да и вас тоже. Смотрите, коли вы двух жен схоронили, так уже эта до вас доберется.

Лучше не вяжитесь,

Право, откажитесь,

А то ведь она как раз
Успокоит вас.
Ты ведь сам не чаешь,
Что ты затеваешь.
Редкий муженек в очках —
Здесь не в дураках.

Ушица. Пожалуйста, не беспокойся обо мне, я уж пожил на свете. Поди-ка лучше, скажи Вере Михайловне, что я здесь. Поди.

Катерина (*в сторону*). Как бы мне не забыть, что она мне наказывала... (*Ему.*) Да, подите. Она в слезах, бедняжка, и заперлась в своей комнате; к ней приходила давеча какая-то старая цыганка, ворожея московская, точно вот бес какой, столько ей наговорила всяких бед от будущего мужа, что барышня теперь, как река льется.

Ушица. А! Так она гадала обо мне? Прекрасно. Верный знак, что она будет моею. Поплачет, да и перестанет. Девичье сердце мягче воска, это я испытал по милости моих двух покойниц.

Катерина (*смотря в глубину*). У, душегубец. Хорошо же. Что это, кажись, Михайло Васильич возвратился... Ах, да это опять старая колдунья явилась... уйти от греха.

Ушица. А! Вот кстати. Давай ее сюда.

Катерина уходит.

Постой, выведаю все тайны Веры Михайловны. За деньги московская ведьма все разболтает.

Явление VI

Ушица и Верочка в богатом костюме цыганки.

Верочка.

Господа,
Все сюда,
Я все тайны знаю.
Всем служу,
Ворожу,
Все вам разгадаю.
Женихам-
Молодцам

Я невест назначу;
Старичков-
Простачков
Сразу одурачу.
Я и зла,
И мила,
Весела, игрива,
Холодна
И странна,
И как черт ревнива.
Там и сям
По гостям
Песни распеваю
И с купцов-
Молодцов
Денежки собираю.

(Под мотив пляшет по-цыгански.)

Уш и ц а *(про себя)*. Эге, да это и впрямь московская сатана.

Верочка *(изменив голос, говорит грубо и отрывисто)*. Что глядишь на меня, барин? Здравствуй, барин. Здоров ты? Ага?

Уш и ц а. Как тебя зовут? Откуда ты?

Верочка. Изволь, барин, скажу, подари золотой на платочек.

Уш и ц а. Э! Ничего не видя, уж и подари. Где это тебя так избаловали?

Верочка. Ха. Где? Разумеется, в нашей матке-Москве, барин. Там без нас жить никто не может, а здесь не такие господа, барин. А купцы не такой характер имеют: все боятся своих жен и худо живут, не мотают денег.

Уш и ц а. Неужели? Как же тебя зовут-то?

Верочка. Любаша, барин, Любаша. Я первый человек в таборе Ильи Ивановича Соколова¹. Он сюда приехал с нами деньги заживать. Подари на сережки, барин. *(Протягивает руку.)*

Уш и ц а *(в сторону)*. Постой. Попробую, умеет ли она угадывать. *(Вынув из бумажника ассигнацию.)* Ну, Любаша, загадай-ка мне, скоро ли возвратится моя жена из вояжа? И здорова ли она? Вот тебе на платочек.

Верочка. Ха. Изволь, барин, давай руку от сердца... Ченча-алаба-мимши... *(Поглядывая на его руку, смотрит*

¹ Соколов И. И. — содержатель знаменитого цыганского хора.

потом ему в глаза и немного погода грозит пальцем.) У! Ага! Ты, барин, плут.

Ушица. Что? Что такое?

Верочка (*смотря на руку*). Да, большой плут. Тут нет никакой у тебя жены. Право. Да совсем, барин, нет и не может быть у тебя жены.

Ушица. Как не может быть? Врешь, Любаша. С чего ты это взяла?

Верочка (*продолжая вертеть руку*). Не знаю... у тебя тут что-то такое... и странное, барин... Давай мне правую руку...

Ушица. Ну, на, на. Смотри только в оба и не обманывай.

Верочка (*смотря на его правую руку*). Э-ге-ге. Какой ты странный барин. У тебя уж были две жены, и ты обоих уморил, барин, ай-ай-ай!

Ушица. Как уморил? Что ты врешь, колдунья!

Верочка. Право. Вот тут одна женушка лежит... вот тут другая, смотри... а вот скоро и тебе дорога в холодную могилу.

Ушица (*поплеывая на свою руку, вытирает, отходя от нее*). Ах ты проклятая, что ты мне за глупости проносишь? Ну где ты тут нашла глубокую могилу? Неужели я поверю твоим бредням?

Верочка. Гм. А вот ты будешь скоро умирать барин, так поверишь Любаше.

Ушица (*громко*). Перестань, перестань. Скажи лучше, о чем гадала Вера Михайловна. Верно, о женихе, а?

Верочка. Да, да, о женихе.

Ушица. А сказала ли она тебе, кто ее жених? А?

Верочка. Нет, барин, да я сама угадала.

Ушица. Угадала? Что же? Кто он? Что за человек?

Верочка. Гм. (*Махнув рукой*.) Никуда не годится. Старый, нехороший, совсем не годится.

Ушица. Что? Что?

Верочка. Если он захочет жениться на ней — пропал барин. (*Опять машет рукой*.) Она его сделает совсем дураком. (*Вполголоса*.) Она любит другого, барин. Молодого. Страшно любит.

Ушица. Неужели?

Верочка. Да, да... А этот старый перед свадьбой за неделю... тоже умрет.

Ушица. Что за черт, все умрет да умрет. Ну, а если останется жив?

Верочка (так же ему, с таинственностью). Не останется, барин. Право, умрет. Этот молодой, которого она любит, очень часто к ней пишет и божился, что убьет старика до смерти. У них есть, барин, какая-то тайна.

Ушица. Тыфу ты, дьявольщина! (В сторону.) Как же Мишель уверял меня... впрочем, она такая бойкая, глядит так подозрительно, что пожалуй... (Ей.) Ну, московская пройдоха, если твое колдовство хоть немножко похоже на правду, то черт возьми...

Верочка. Ага, вся Москва знает, что я всегда гадаю правду, ченча-алаба-мимши. (Повторяет цыганскую песню.)

Господа,
Все сюда,
Я все тайны знаю... и т. д.
(Приплясывая, уходит.)

Явление VII

Ушица, один, смотрит на свои ладони. Потом Катерина.

Ушица. Проклятая колдунья. Где она тут нашла глубокую могилу? Ну просто врет бессовестным манером, черт возьми, неужели до такой степени можно напрактиковаться? Не знаю, что подумать. Мишель ручался мне за скромность своей дочери, уверял, что сердце ее свободно, а теперь я слышу... Да и Катерина на что-то намекает. Упрашивает... Постой, дай только ему приехать. (Увидя входящую Катерину.) А! Вот Катерина... Поди-ка сюда, поди. Что? Мишель еще не приехал?

Катерина (входит со свечой, оглядываясь). Да не видать еще... (В сторону.) То есть, глядя на него, так и смех разбирает. Хи-хи. (Ему.) И барышня к вам также не выходила?

Ушица. Нет, и не показывалась.

Катерина. Неужто и не показывалась? (В сторону.) Ой-ой, не выдержу! (Ему.) Ну, Акакий Назарыч, а о чем вы толковали с колдуньей? Я чай, она напроорочила вам всякого счастья с три короба?

Ушица. Э, вот как... Послушай, Катерина, ты знаешь, что я люблю Веру Михайловну и должен скоро жениться, но прежде хочу знать все ваши секреты: во-первых, отчего она прячется от меня, во-вторых, что значат твои

давешние намеки? Уж не дурачите ли вы меня? Правда ли, что твоя барышня влюблена в кого-то?

Катерина. Как, сударь мой, а уж разве вы все узнали?

Ушица. Все не все, а слышал-таки довольноно.

Катерина (*машет руками, со страхом*). Ну, так лучше и не расспрашивайте, а то нам беда будет. (*Хочет уйти.*)

Ушица (*останавливая ее*). Стой, стой, плутовская душа! Ты должна мне все сказать.

Катерина (*с робостью*). Не смею, ваше благородие, вот-те бог, не смею.

Ушица. А! Не смеешь! Так, значит, тебе все известно? Признавайся сейчас! Говори все, а не то...

Катерина (*подбоченясь*). А что не то? Не хотите ли застрашать, да и вывести всю подноготную? Нет, ваше благородие, уж коли наша сестра заупрямится, так хоть ты тресни — ничего не возьмешь.

Ушица. Пустяки. Все скажешь, все шашни откроешь, дай только возвратиться Михайлу Васильичу.

Катерина. Вот нашли, как пугать. Да мы его уж давно за нос водим. Я ведь не крепостная, а вольная, как хочу — так и живу.

Ушица. Какова разбойница!

За кулисами слышна русская песня

Катерина. Это что? Ахти! Никак это наш посланный? Беда, как проболтается.

Ушица (*услышав ее слова*). Какой посланный? Что это здесь за дьявольщина?

Катерина. Это курьер моей барышни, он тоже не смеет ничего открыть.... (*Убегает.*)

Явление -VIII

Ушица и Верочка в костюме молодого деревенского парня: красная рубаха, короткий синий армячок и шляпа.

Верочка (*поет и говорит, подражая мужскому голосу*).

Ах ты, молодость разудалая,
Ах ты, жизнь моя горемычная.
Губит молодца девка красная,

Режет с ног долой чарка лишняя,
Из ума нейдет эта парочка,
Днем мерещится, ночью видится...
Полюби ж меня, душа девица,
Оживи меня, свет мой, чарочка.

(Пляшет русскую на мотив этой песни.)

Ушица. Что это за сорванец? Он здесь как будто у себя дома. *(Ей.)* Эй ты, хват! Кто ты такой?

Верочка *(простодушно)*. Ась?

Ушица. Кто ты и зачем сюда зашел?

Верочка *(громко)*. Ась? Кто я? Филимон, ваше превосходительство. *(Кланяясь в пояс.)* А для че зашел сюда? По своему делу, ваше благородие. *(Осматривает комнату.)*

Ушица. Да кого тебе здесь надо?

Верочка. Ась? Кого надо-то? *(Отвесив поклон.)* Не вас, барин.

Ушица. Но кто тебя прислал сюда?

Верочка. Ась? Кто прислал? Ишь ты, больно любопытен. Дашь на чай, так скажу.

Ушица. Изволь, изволь, только смотри, не скрывай ничего, мне надо знать.

Верочка *(хочет взять деньги и останавливается)*. Гм. А что это у тя? Пятиалтынный? Ишь ты, барин. Больно лаком. Так я и сказал. Да, держи карман. Нет, барышня Вера Михайловна больно жалуется за службу. Что хошь, говорит, возьми, Филимонушка, только, говорит, молчи да помалкивай, чтоб тятенька не узнал. Во как у нас дела-то делают.

Ушица *(про себя)*. Прошу покорно. Да тут в самом деле что-то недоброе... *(Ей.)* Но ведь я не тятенька, мне сказать все можно, я с ней дружен и тебя не выдам. Ты от кого к ней пришел?

Верочка. Ась? Не выдашь? Полно, так ли? Смотри, барин, не то мне беда буде. *(Оглядывается и говорит с таинственностью.)* Я к ней принес грамотку.

Ушица. Неужели?

Верочка. Вот те бог.

Ушица. От кого же, от кого?

Верочка *(посмотрев на него)*. Э? От кого? Известно дело, от кого. *(Осмотревшись кругом, говорит вполголоса.)* От него.

Ушица. А! Понимаю. А я было думал, что...

Верочка. Что от другого? Нет, опять-таки от него.

Ушица (*про себя*). Ах, черт возьми. Вот не ожидал... (*Ей.*) Так Михайло-то Васильич не знает ничего об этом?

Верочка. Эво! Да кто бы смел ему сказать? Барышня-то давно собирается открыть ему все, да дело-то такое страшное, барин, что у нее смелости не хватает, а теперь, как друг-то ее сердечный проведаль, что на ней хочет жениться какой-то негодящий старичишка, то вот и пишет ей слезную грамотку.

Ушица. Вот что! А где он живет?

Верочка. Да там, у нас там... на Козьем болоте.

Ушица. Но кто же он такой? Я, кажется, не видал его здесь...

Верочка. Э! Да и не увидишь. А важный барин, почище, поглаже эфтова старичонка... ахвицер.

Ушица. Офицер?

Верочка (*таинственно*). Да еще какой! С аполе-тами.

Ушица. Вот...

Верочка. Да мало того, еще и при шпаге. А какой храбрый! На этих днях побожился поймать старичонку жениха и заколоть на веки веков. Во как! А на ночь в отчаянности написал только ей грамотку и просил меня хоть через здешнюю Катерину доставить Вере Михайловне. (*Отходя.*) Эх, где ты, Катюша? Слышь ты, Катюшка?

Ушица. Да где ж у тебя письмо-то? Покажи-ка.

Верочка (*вынув из шляпы пестрый платок, вывязывает письмо из угла*). А во, во. Ишь, куды схоронил... ишь ты... небось... Всегда в исправности доставки. Што твоя почта. (*Показывает записку.*)

Ушица. Так дай же, я сам отдам Вере Михайловне, пока еще Михайло Васильич не приехал... давай скорей!

Верочка (*оглядываясь*). На, на, пожалуй, коли так. Да еще скажи ей: что, мол, там больно нездорово, дескать. Слышь? Мол, друг ее там-то... уж она знает, где. А? Понимаешь?

Ушица. Хорошо, хорошо, ступай с богом.

Верочка (*кланяясь*). Ну так, прощай, барин. Всякого те благополучия навеки нерушимо... (*Идет и возвращается, протягивая руку.*) А што обещал на чаек-то, ась?

Ушица. На, на. Только убирайся, пока отец не приехал. (*Дает ей деньги.*)

Верочка (*смотря на деньги*). Вот уважил. Спасибо. Пойду в ресторацию.

Явление IX

Ушица (*один, держа письмо*). А! Так вот какова Вера-то Михайловна! Да хорош и батюшка! До сих пор не мог поймать дочку, не умел догадаться старый олух. А еще называет себя опытным, умным актером. Письмо не запечатано... стало быть, я как жених могу его прочесть. Что? Что тут за тайна? (*Читает вслух*.) «Милый друг, я узнал, что за тебя сватается какой-то урод...» — Что? Что? Про кого это? — «Но разве ты не знаешь, что мы и тайно, но уже обвенчаны с тобою давно...» — Что? Что? Возможно ли? Как она, моя невеста, и тихонько от отца... — «Можешь ли ты забыть, расторгнуть этот союз? Вспомни только, что мой милый малютка...» — Батюшки-светы, что это, черт возьми?! Да она уж и мать семейства. Эге, а я, дурак, влюбился, задумал свататься. Ну, так теперь понимаю, почему она от меня все прячется. Признаюсь, есть за что поблагодарить почтенного артиста, одолжил за службу. Этакой ведь бессмысленный слепец! А? Да вот и объявился. Постой же...

Явление X

Ушица и Лисичкин, почти вбегает.

Лисичкин. А, да ты уже здесь, милый Акакий Назарыч! А я все ждал тебя на твоей квартире. Здравствуй, благодетель мой, мой будущий любезный зять, приходи в мои отцовские объятия...

Ушица (*смотря на него и качая головой*). Ах ты, Велизарий, Велизарий...¹

Лисичкин (*подбоченясь*). А что, неужели я похож? Не может быть! Разве по фигуре смахиваю немножко... Я, впрочем, гляжу на тебя и на всех в оба.

Ушица. Да, да. Хорошо ты глядишь. Много видишь.

Лисичкин. Да уж побольше вашего. До сих пор не знал еще никаких очков.

Ушица. Это видно. Да зато теперь уж тебе никакие очки не помогут.

Лисичкин. Как так? А! Понимаю. Ты, верно, узнал об моей отставке? Да, черт возьми! Как обухом по лбу.

¹ Велизарий — герой трагедии Э. Шенка, шедшей в России в переводе П. Ободовского.

(Плачет.) Хорошо, вспомнишь ты меня, Александринская сцена... Но полно плакать, займемся счастьем моей дочери. Она теперь — одно мое утешение. Не правда ли, Акакий Назарыч?

Ушица. Да, славное утешение. Ах ты, отставной колпак! Где у тебя голова-то? А?

Лисичкин. Голова? Как где? Протри свои очки, так увидишь.

Ушица. Да, увидишь. Пустое место. Помилуй, что за отец, когда до сей поры не мог узнать своего детища?

Лисичкин. Друг, постой, постой, что ты заворачешься?

Ушица. А ты что делаешь? Помилуй, ты меня сватаешь в то время, как меня со стороны угощают такими посланьницами! На, прочти-ка, полюбуюсь... (Отдает ему записку.) Можно ли мне жениться? А?

Лисичкин. Что, что это за история? У меня в глазах заребило. (Читает.) «Милый друг... разве ты не знаешь, что мы, хоть и тайно, но уж обвенчаны с тобою давно...» — А-а-а... и-это к тебе пишут? — «Можешь ли ты забыть, расторгнуть этот союз? Вспомни только, что мой милый малютка...» — Как так, у тебя уж есть и малютка? Ого! Вот ты, благодетель, какое чудовище, а я хотел отдать мою Верочку. Не ожидал!

Ушица. Что ты! Что ты!

Лисичкин. Ведь ты просто варвар, нужды нет, хоть и обладаешь каким-то малюткой, — совратить с пути истинного и мое дитя... Ах ты, Дон-Жуан в зеленых очках!

Ушица. Да сумасшедший ты этакой. Неужели ты ничего не понял?

Лисичкин. Дон-Жуан. Ей-богу, Дон-Жуан.

Ушица. Прошу покорно. Да послушай меня прежде, мокрая ты курица!

Лисичкин. Ай-да Акакий Назарыч!

Ушица. Фу, черт возьми!

Явление XI

Те же, Верочка, в своем виде, потом Катерина.

Верочка (Ушице). Добрый Акакий Назарыч, я все в той комнате слышала и теперь прошу вас об одном: если вы истинно благородный человек, то, верно, не захо-

тите погубить меня. Ради бога! Вы знаете, что я теперь не могу быть вашей женой, не обвиняйте меня.

Лисичкин. Напротив, мы должны обвинять его: вообразите себе, ведь он...

Ушица. Сударыня, ваш батюшка хочет меня с ума свести.

Лисичкин. Прошу покорно. С больной головы да сворачивает на здоровую.

Верочка. Папенька, позвольте, мне все известно... мы понимаем лучше друг друга... Не так ли, сударь?

Из оперы «Лючия»¹

Если вы добры душою,
То примите мой совет:
Будьте счастливы с другою,
А со мной... вам счастья нет.
Вашей я любви не знаю.
Если ж быть любимой мне...

(Публике.)

Так от вас лишь я желаю
Заслужить любовь вполне.

Ушица (*подумав, подходит к Лисичкину*). Ну, Михайло Васильич, если я остаюсь в дураках от нее, да зато уж и тебе она приготовила сюрприз. Прощай. Поеду в деревню служить панихиду по покойникам. (*Уходит.*)

Лисичкин. Да что ж это такое?

Верочка (*прыгая*). Избавилась! Слава богу! Ах, папаша, как я счастлива!

Лисичкин. Да кто же кого дурачит?

Катерина (*с письмом*). Прощайте, Акакий Назарыч. Барышня, вот вам письмо театральной дирекции.

Верочка. Как? Возможно ли? Давай, давай, давай скорей! (*Распечатывает письмо.*)

Лисичкин. Письмо из театра. К моей дочери. От кого? А, верно, вспомнили и хотят отобрать у меня все роли. Нет, жизнь мою отдам скорее, а ролей моих ни одной не уступлю. В гроб велю их положить вместе с бренными останками и на том свете буду распевать куплеты.

Верочка (*вне себя от радости*). Принята! Я принята на службу! Папаша! Я тихонько от вас подавала просьбу, и вот мне дают дебют и обещают хорошее жалованье. (*Отдает ему письмо.*) Радуйтесь.

¹ «Лючия» — опера Доницетти («Люция Ламмермурская»).

Лисичкин. Как? Что? Ты будешь на сцене? О, моя фамилия не умрет на этой синевато-серой театральной афишке... Какое счастье!

Катерина. Ну вот, слава богу!

Лисичкин. Но в чем же ты будешь дебютировать? Надо отличиться. Сыграй, по-моему, в четырех или пяти пьесах, а в заключение отхватывай какое-нибудь знаменитое па-де-де вдвоем.

Верочка. Извольте, извольте.

Лисичкин. Знаешь, вот это, которое ты со мной танцевала на моих именинах. Ну, давай-ка, сделаем домашнюю репетицию.

Верочка. О, с удовольствием!

Лисичкин. Катерина, убирай сцену! *(Подходит.)* Господа, прошу покорно не смеяться, а не то я сконфужусь... да уж, кстати, и автора за шутку нашу не браните.

Музыка.

Лисичкин и Верочка танцуют.

К концу занавес падает,

П. И. ГРИГОРЬЕВ

**Петербургский анекдот
с жильцом
и домохозяином**

1848

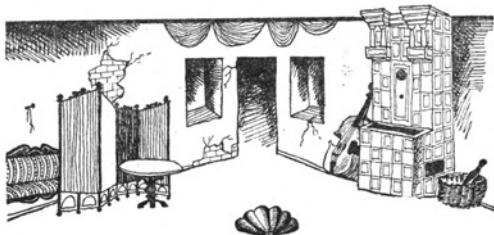
Действующие лица

Иван Иванович Иванов.
Казимир Андреевич Глухов, хозяин дома.
Выжигин, управитель его дома, из мещан.
Неизвестный господин, нанимающий квартиру.
Охтенка, молочница
Прачка
Булочник
Водовоз
Лавочник
Сапожник
Мальчик от портного
Горничная от соседа
Левка, человек Иванова.
Авдей, дворник.
Деревенская баба от кухмистерши.

} Кредиторы Иванова.

Действие происходит в зимнее время, в квартире Иванова.

Театр представляет довольно большую комнату, бедно меблированную. Направо изразцовая печь, которая топится. В середине дверь, выходящая в общий коридор, по сторонам двери два окна; у двери проведен в комнату звонок. Налево, у стены, старый комод и диван; простой круглый стол подле дивана. На столе чайная большая чашка, подсвечник с огарком и графин с водой. Диван загорожен ширмами. За печкой в углу стоит у стены контрабас со смычком, на стене висит тромбон. На полу у печки же разломанная корзинка, топор, сломанный стул, часть плинтуса.

Явление I

Левка (у печки), Иванов (спит за ширмами).

Левка (*ломая корзину, плинтус, стул, все кладет в печь*). Фу! Как холодно стало... Не знаю, долго ли еще наживем мы в этой фатере, а уж больно нам плохо приходится. Деньги прожили и тепереча живем в Питере безо всякой участи! То есть, никакого мы существования не имеем! Да еще, на горе мое, пришла ему блажь отдать меня в ученье к музыкантам! «Учись, говорит, Левка, после спасибо скажешь!» Как же! Скажешь спасибо... Муштруют меня на музыке так, что ахти мне. Эх, кабы можно, как бы я важно истопил печку этим контрабасищем! Разбойник управитель! Как перестал нам давать дрова, с той поры печка совсем тепла не держит, а барыня требует... «Хоть ты, говорит, лопни, Левка, а чтоб горница была натоплена!» Ну и неча делать, вот у соседей мимоходом унес одно полешко, да на дворе стянул корзинку, да

старый стул стащил с чердака, да вот кое-как отодрал весь плинтус у нашей фатеры и отогреваю себя с баринком... а все — ни тепло, ни холодно... Ох! А что-то мы ноница жевать будем? Уж, кажись, никто нам не верит.

За фатеру целый год
Ни гроша не платим,
В долг же мы у всех берем!
Хоть у черта схватим!
Кредиторов целый воз,
Всяк нас осаждает:
Лавка, прачка, водовоз,
Булочник страдает.
И молочница бежит,
И сапожник плачет,
И портной на нас кричит —
Дело худо, значит!
Вишь, в Тамбове жизнь тяжка:
«Еду, еду в Питер!»
Вот, карманы да бока
Питер-то и вытер!

Иванов (*кричит из-за ширм*). Левка!..

Левка (*вскакивает*). Ахти, проснулся! Верно, прозяб...

Иванов. Левка! Ты здесь?

Левка. Здесь, сударь...

Иванов. Что ты там делаешь?

Левка. Да вот печку топлю-с...

Иванов. Хорошо. А чем ты топишь? Дровами?

Левка. Нет, сударь, а так, чем бог послал.

Иванов. Все-таки хорошо. А управляющий приходил за деньгами?

Левка. Уж разумеется... раза три...

Иванов. Это нехорошо. Что же ты ему отвечал?

Левка. Да... что обыкновенно всякий день: «Спит, мол, завтра приходите».

Иванов. Хорошо. Что же он?

Левка. Обыкновенно что: начал нас страмить... потом приводил какого-то барина показывать нашу фатеру, да я не пустил... ну и он, обыкновенно, пришел в обиду, ругается...

Иванов. А как ругается?

Левка. Да обыкновенно нехорошо, говорит: «Черт тебя задави!»

Иванов. То есть, кого же: меня или тебя?

Левка. Да он со мной разговаривал... так я думаю, что меня.

Иванов. А! Хорошо! А что, Левка, напоишь ты меня сегодня чаем?

Левка. Извольте, сударь, хоть сейчас... готов...

Иванов (*выбегая из-за ширм в сюртучном халате*). А! Хорошо! Давай, давай! Спасибо, что распорядился. Я же немножко прозяб... Давай!

Левка. Да чего, сударь?

Иванов. Чаю, дурак!

Левка. Да где же я возьму? Пожалуйста денег, так я разом все изготавлю...

Иванов. Ха! Ха! Ха! болван. У тебя только и речей: «Пожалуйста, да пожалуйста денег!» — а где я возьму тебе денег? У меня были, да все вышли...

Левка. А у меня и отродясь не бывало.

Иванов (*расхаживая из угла в угол*). Ну, так сходи в долг, что нужно...

Левка. Нет, сударь, меня уж из трех лавок чуть не в шею спровадили за неплатеж.

Иванов. Гм! Неужели? Как это неприятно... и даже неловко как-то существовать без денег! Хочется этак и того и другого, и ничего нельзя!.. Матушка из деревни ничего не присылает... Верно, там у нее неурожай, что ли, или опять саранча... Должность ничего особенного не приносит... (*Думает и потом что-то поет.*) А что, Левка, много ли мы в год проживаем? А?

Левка. Да как прожили все, так уж теперь мы совсем ничего не проживаем. А как еще этак пойдет, так и сами много не проживем.

Иванов (*весело*). Ха! Ха! Врешь, дурак? Я скоро поправлю все свои дела. (*Вдруг останавливается, уставя глаза в потолок.*) Постой... сейчас... Кажется, я не всем еще должен? У кого бы еще занять на время! Гм... Нет, надо, надо, надо исправиться... Начну с того, что займу у кого-нибудь побольше денег! Да... да... это главное,

У меня знакомых много.

Все хлопочут поддержать.

Словом, есть везде дорога;

Право, есть где в долг занять.

Жить порядочно мне надо,

Чтоб родства не уронить.

Только вот одна досада:

Не могу долгов платить!

И себе я удивляюсь:
Иногда, при деньгах, так
Долг отдать сто раз собираюсь,
Но ни разу не отдам!
Впрочем, я еще не в штатных,
Хоть и рыщу от долгов;
В Петербурге тьма печатных,
Неисправных должников!

Ну, Левка, так чаю сегодня мы пить, значит, не расположены?..

Левка. Да коли вам угодно иметь это расположение, так я бы вам присоветовал, каким манером можно изворотиться...

Иванов. Неужели? Говори, братец! Я уж испытал, что иногда даже и совет дурака имеет благотворное влияние на пустой карман.

Левка. Да, сударь, уж и мне бы вы сделали благодеяние, если бы приняли мой холопский совет.

Иванов. Ну, ну, советуй: мне деньги очень нужны.

Левка (кланяясь низко). Батюшка! Иван Иванович! Избавьте от греха и мученья вашего Левку. Право, из меня никакого музыканта не будет! Позвольте продать этот контрабас, да и эту чертову дудку! Хошь вы меня и понуждаете учиться, но, ей-ей, никакой у меня музыки не выходит; только трещит да воеет, а пользы ни на копейку!

Иванов. Ах ты болван! Ты опять за старую песню! Ни, ни! И не смей просить! Я тебя, осла, хочу сделать замечательным артистом, потому что у тебя есть отличные способности, есть ухо.

Левка. Помилуйте! У меня, благодаря господа, и два уха есть, да ведь играть-то надо, вишь, пальцами да губами, сударь, а уши тут у меня в стороне... от них мне никакой нет помощи, только трещат при ученьи.

Иванов. Врешь, болван! Я знаю, что у тебя от природы верное, музыкальное ухо! Ты еще не понимаешь, что ты с дарованием, урод! Только не унывай, старайся преодолеть первые трудности. Когда ты пройдешь гаммы во всех тонах, когда постигнешь все средства и конструкцию каждого из этих инструментов, когда, наконец,ознакомишь ухо свое с гармонией звуков, тогда уж ты вполовину музыкант! Я тебя могу определить на жалование в оркестр Гунгля, Германа или Конкордии. Ты будешь полезен мне и себе, будешь благодарить, болван.

Левка (*чесет затылок*). Нет, сударь, эвтово вы и во сто лет от меня не дождетесь... Подумайте: сколько до той поры надо муки перетерпеть! Сколько от моего ученья и хозяин, и все жильцы всякого ругательства нам присылают.

Иванов. Ничего! Брань на вороту не виснет! Ты уж вот и теперь, ничего не видя, а своим талантом мне полезен. Во время твоего ученья на контрабасе или на тромбоне все мои кредиторы затыкая уши бегут вон поневоле! Ха! Ха! Ха!

Левка. Да эвто еще не большое утешенье. Долгито ваши, сколько я ни труби, все только нарастают... а уж я вон, смотрите, и мозоли натер, и губы-то отодрал совсем...

Иванов (*сидясь писать*). Ничего! Терпи, казак! Терпение — первая добродетель, болван!

Левка. Да, хорошо вам, вы не музыкант, вы всякий день в гостях кушаете что угодно. А вон вчерась вы мне на целый день пожаловали только на еду пятак серебра... как я его ни вертел, а досыта не наелся! Воля ваша, а с голодными животами я трубить не в силах!

Иванов. Ха! Ха! Ха! Ты меня, Левка, забавляешь своим прожорством! Ты вечно голоден! Но, так и быть... вот я сейчас pošлю тебя с запиской к моей кузине... Она мне обещала дать денег на короткое время, и мы с тобой, мой будущий артист, заживем! (*Пишет.*) Который теперь час? Поди узнай...

Левка. Да зачем же? Я и так знаю. Когда мне утром больно есть захочется, значит первый час.

Иванов. А! Да верно ли это?

Левка. Да уж так верно, что чудо!

Иванов (*про себя*). Кузина теперь еще дома... Ах, если бы она прислала мне хоть немножко... Я, признаться, и сам крепко проголодался. (*Громко.*) Левка, достань сейчас у соседей облаток или сургуча с печатью.

Левка. Нет, нельзя, сударь! Никто не даст.

Иванов. Неужели? Отчего же? Это значит, что ты дурак: совсем не умеешь жить в ладу с нашими соседями.

Левка. Помилуйте! И умел бы, да нельзя. С тех пор, как вы мне приказали быть музыкантом, все соседи меня лещим зовут! И только вот один, правда, еще новый, что вчера переехал... тот еще пока ничего, а только от моей игры выбегает в коридор да спрашивает: «Что это? Где это? У кого это? Ах, батюшки!»

Иванов. Ха! Ха! Ха! А кто же он сам-то, как его фамилия?

Левка. Говорят, какой-то стряпчий Иванов.

Иванов. А! Мой однофамилец! Приятно слышать; как бы с ним познакомиться?

Левка. Нет, сударь, едва ли!.. Моя музыка расстроит всякое знакомство. Право, сударь, позвольте продать хоть контрабас; я нашел подле нас немецкого столяра, который их работает. Он бы за него целковых десять дал.

Иванов. Нет! Ни за что! Я насильно хочу сделать тебе добро, а продам твои инструменты уж разве тогда, как совсем потеряю кредит.

Слышен звонок

Звонят! Спроси, кто. Прежде не отворяй! Впрочем, ты знаешь, как надо действовать. (*Прикрывается ширмами.*)

Левка (*у дверей, грубо*). Кто там?

Голос деревенской бабы. Отоприте, батюшка, ваше благородие...

Левка (*так же*). Да кто ты? От кого? (*Барину.*) Какой-то бабий голос.

Тот же голос. Здесь, што ль, живет барин Иванов?

Левка (*барину*). Нас спрашивают! (*Бабе.*) А на что тебе, тетушка? Коли со счетом за деньгами пришла, так барина нет дома, и не обедает, и ночевать не будет, и завтра не приходи!

Голос. Нет, родной, я не за деньгами, а пришла с кушаньем от хозяйки.

Левка (*обрадовавшись*). А! С кушаньем? (*Отворяет.*) Так добро пожаловать! (*Барину.*) Ваше благородие! Вам кушанье прислали!

Иванов (*из-за ширм, тихо*). Как! Да кто прислал? Узнай-ка...

Левка (*вводя бабу*). Поди сюда, моя красавица... покажь-ка, что ты там принесла...

Явление II

Те же и деревенская баба (вносит судки, наполненные разным кушаньем).

Баба. Погодь-ка прежде: здесь аль нет живет барин Иванов?

Левка. Здеся! Здеся! А кто тебя прислал?

Баба. Да моя хозяйка, повариха, что живет у Гороховой улицы. *(Ставит на комод судки и утирается рукавом рубахи.)* Ох! Дотащила, кажись, в целости. Вчёрась приходил к нам, вишь, твой барин, да и сторговался с хозяйкой носить к нему обед в первом часу, и деньги отдал, оставил и адрес на Глухова дом, велел только спросить фатеру Иванова.

Левка. Хорошо, хорошо, спасибо, что вовремя принесла. Ну, прощай, красавица...

Баба. Нет, родной, судки наши опростай, надоть еще в них в другое место тащить кушанье.

Левка *(живо начинает перекладывать и переливать кушанье в свою посуду)*. Изволь, изволь, духом переложим! А как тебя зовут, моя красавица?

Баба. Федорой, родимый.

Левка. Неужели? Да уж не родня ли мне приходишься? У меня сноха была Федора.

Баба. А може и так, а може и нет. А ты, голубец мой, разве тоже из олончан?

Левка. Да тут, поблизости, мы из Онеги. Архангельской губернии. Чьих ты господ-то, Федорушка?

Баба. Да помещицы Толстолобовой. Знаешь?

Левка. А! Знаем! *(Нюхая кушанье.)* У! Какой сокус!

Иванов *(про себя, смеясь)*. Ха! Ха! Ха! Разбойник! Что он там делает? *(Вполголоса.)* Левка! Тс! Тс!

Баба *(услылав)*. Ахти! Штой-то тамotka? Слышь? Ась?

Левка. Ничего! Не слушай... это ветерок в окне гуляет. Рама еще не замазана, вчера только так приставил на ночь от холода. *(Отдавая судки.)* Ну, вот, на, ступай. Федорушка, благодари хозяйку и завтра еще приноси...

Баба. А где ж твой барин-то, аль сам господин, што ль?

Левка. Да еще не приехал; завтра увидишь; только приноси пораньше и побольше.

Баба. Да уж, вестимо, как сготовим, так уж и тово...

Левка. Да, да, неси нам и того, и сего, и всего... Прощай!

Баба уходит.

(Запирает дверь на ключ.)

Явление III

Те же, кроме бабы.

Иванов *(выходя из-за ширм)*. Ха! Ха! Ха! Левка! Разбойник! Да с чего ты выдумал, дурак, что это кушанье именно ко мне? Я и не думал посылать за ним.

Левка. Неужели-с? Ахти! Я ведь и забыл, что у нас новый жилец тоже Иванов! Виноват, сударь!

Иванов. С чего же ты взял останавливать?..

Левка *(отчаянно)*. Да с голоду, сударь! Ей-ей! С голоду я, воля ваша, не разбираю ни своего, ни чужого. *(Ставит все кушанье на стол перед печкой.)* Вы, сударь, не смейтесь... Это, знать, уж сам господь всемогуществует нам, грешным... Полюбопытствуйте-ка, батюшка барин... Что это за соус! А суп-то! Батюшки! С какими-то белыми змейками!

Иванов *(поглядывает в нетерпении на кушанье)*. Перестань, дурак! Стану я есть черт знает что и:.. портить аппетит! Я сегодня буду обедать у одного известного гастронома...

Левка *(не слушая)*. Эх, важное кушанье! Барин, что за суп! У!

Как горяч! Как жар горит!..

Да тут всякий ахнет!

Похлебал бы в аппетит,

Больно вкусно пахнет!

Барин! Сядьте... Все подам...

Иванов.

Не хочу и слушать!

Левка.

Да ведь, чай, в привычку вам

На чужой счет кушать.

Сядьте, если бог привел,

Все лишь не съедайте...

Что-нибудь на задний стол

Музыканту дайте;

Не могу играть никак!

Хлеба нет в запасе,

И в желудке пусто так,

Словно в контрабасе!

Иванов *(подходя к столу)*. Но, дурак ты этакий! Ведь надо будет заплатить за этот обед, а у меня совсем нет денег.

Левка. Нет денег! Ничего-с, это, говорят, перед деньгами! Завтра отдадите. Посмотрите, ведь как сготовлено-то! Фигурно... А коли вы сыты, так позвольте мне, я все это... уберу...

Иванов (толкая Левку). Пошел, дурак! (Садится к столу.) И в самом деле, кажется, изрядно, чистенько приготовлено?.. Левка!

Левка. Чего изволите?

Иванов. Так ты очень есть хочешь?..

Левка. Ох, очень, сударь!

Иванов. Ну, и я тоже. (Берет ложкой суп.) Какой славный бульон! Начнем... О! Да мы сегодня с тобой чудесно пообедаем. (Хочет есть.)

Раздается сильный звонок.

(В испуге роняет из рук ложку.) Ай! (Вскрикивая, убегает за ширмы.) Верно, опять проклятый управитель. Меня дома нет!

Левка. А я боюсь, не Федора ли воротилась? Да уж не отдам ей ничего. (У дверей.) Кто там?

Голос Выжигина. Левка, отвори! Это я!

Левка отпирает дверь.

Явление IV

Те же и Выжигин.

Левка. Да что вам угодно, господин управитель,—барина нет дома.

Выжигин (постепенно разгорячается). От тебя, плута, только и слышно одно: нет дома! Нет денег! Завтра приходи! Да что это мне с вами за мука такая? Когда я избавлюсь и от тебя, и от твоего барина?

Левка (на все отвечает холодно). А почему я знаю? Очистим, когда деньги будут.

Выжигин. Да когда же у твоего барина деньги будут? Ведь меня хозяин поедом ест за твоего барина! Ведь вы целый год гроша не отдавали за квартиру.

Левка. Ничего, отдадим. Завтра придите.

Выжигин. Завтра! Да ты, злодей, меня с барином только завтраками и кормишь! Есть ли у вас совесть-то?

Левка. Есть, только денег нет.

Выжигин. Денег нет! (Смотря на стол.) Вот уж жилец навязался! Не дай бог никому! Вишь, денег нет, а

этакие разносолы ест! Ведь, небось, за деньги же покупаете? Что?

Левка. Нет, это так...

Выжигин. Что так? Даром, что ли, достается?

Левка. Да, почти даром.

Выжигин. Да, чего доброго! Я думаю, в долг берете, без отдачи! А зачем ты, рожа, унес зимнюю раму с чердака?

Левка. Барину холодно стало, а вы дров не даете.

Выжигин. И поделом вам! Зачем не платите за квартиру! Ты ведь, дурацкая голова, только мне стекла перебьешь, а не вставишь как следует. Зачем же суешься не в свое дело? Авдей придет и вставит как надо,— слышишь?

Левка. Слышу-с. Прощайте-с... Пожалуйста... (*Указывая на дверь.*)

Выжигин. Ну, ну, холоп! Молчать! Чем бы поблагодарить, а ты еще грубишь. Ведь я не даром пришел; надо же раму-то вставить, хоть вы и не стоите... Эй, Авдей! Где ты там?

Явление V

Те же, Авдей (*в тулупе, входит и оставляет дверь настежь*).

Авдей. Здесь, Лаврентий Семеныч! Раму, что ли, вставлять?

Выжигин. Да! Вставь и замажь хорошенько, хоть, правда, жилец этого и не стоит.

Авдей. Слушаю-с. (*Подходит и вынимает раму.*)

Иванов (*за ширмами про себя*). Вот чудеса! Так управитель еще не совсем зол на меня.

Левка (*про себя*). Эко диво! А я думал, что мы скоро помрем с холоду.

Авдей. Эх, да рама-то не той стороной и стоит-то... вот так надо... (*Схватывает раму и быстро уносит из комнаты.*) Прощайте!

Иванов (*замечая за дворником*). Как! Что же это такое?

Левка. Эй, куда же ты утащил раму-то?

Выжигин (*запирает дверь*). Ха! Ха! Ха! Да так вам и надо! Коли вас выжить нельзя, так вас я хочу холодком протурить... Ха! Ха! Ха!

Иванов (*в бешенстве выходит из-за ширмы*). А! Это уж варварство!

Левка. Ай! ай! Караул!
Выжигин. Э! Да вы дома, судары!
Иванов. Да как ты смеешь так поступать с благородными жильцами? А?

Выжигин. Пожалуйста, вы меня этак не страшайте! Я уж сам тертый калач! Не испугаюсь...

Я давно привык к угрозам;
Денег нет у вас?
Так авось я вас морозом
Выживу от нас!

Иванов.

Но ведь это не поможет...

Выжигин.

Нет, свое возьмет:
Если совесть не тревожит,
Холод проберет!
Чтоб спастись от обманов,
Я теперь готов
Выводить, как тараканов,
Всех дурных жильцов!

Иванов.

Так хозяин не дождется
Денег получить!

Выжигин.

Денег нет, так вам придется
Жизнью заплатить!

Иванов.

Ты на все готов решиться!
Знаю, знаю я!
Вот прошу с людьми ужиться!

Левка.

Просто нет житья!

Иванов.

Это значит управитель!
Кто ты, ада сын?
Кто ты? Плут, злодей, грабитель?..

Выжигин (*гордо*).

Здесьний мещанин!

Иванов (*постепенно одушевляясь*). Неправда! Ты, верно, нездешний, ты пришел сюда в третий этаж прямо из преисподней! Но я тебе докажу, что я выше всех твоих дьявольских замыслов! Если другие жильцы у вас так глупы, что выезжают по вашему глупому приказу, так я зато жилец не дурак! Квартира моя сдана другому? Хо-

рошо! Ничего, но пока я не выведу добровольно, вы меня не выживете! Квартира эта холодна, — ничего! Я надену шубу и теплые галоши. Мы с Левкой — сыны севера! Я люблю непогоды, обожаю ураганы! Вы думаете, что мы от холода заплачем? — Никогда! Мы будем назло вам смеяться, петь и плясать! Левка, играй на контрабасе! Затеем бал! Поднимем весь дом на ноги! Разбудим сонных и растревожим больных! Оглушим хозяина! Весь дом вверх дном! Валяй увертюру из Цампы!

Левка играет на контрабасе.

Вы жигин (*затыкая уши*). Батюшки, да с таким жильцом хоть не живи на свете! Побегу опять жаловаться хозяину!

Иванов. Ха! Ха! Ха! Что, мещанин из преисподней? Поди, поди скажи своему... хозяину, что если я и выведу из его дома, так выведу так, что вы никогда не забудете Ивана Ивановича Иванова! Вон, дурацкая рожа! Выродок сатаны! Домовой! Племянник дьявола! Вон! Левка, уничтожь его контрабасом! (*Садится к столу.*)

Вы жигин (*вынув ключ из дверей*). Хорошо! Но я опять приду! Этим нас не испугаете!

Левка будто хочет поднять контрабас. Вы жигин, струсив, быстро уходит.

Явление VI

Те же, кроме Вы жигина.

Иванов. Ха! Ха! Ха! Браво, Левка! Управитель побежден! Разбитый хан бежит... Теперь надо ждать хозяина... Неблагодарные, требовать денег, выгонять из квартиры тогда, как у меня ни того, ни другого нет в запасе! Левка, запри дверь на ключ!

Левка (*у дверей*). Нельзя, сударь! Управитель унес ключ с собою!

Иванов. Ха! Ха! Ха! Этакой плут! Против воли заставляет нас жить нараспашку. Нечего делать, давай с горя утолять голод! (*Хочет начать есть.*)

Левка. Давайте, давайте, сударь...

Раздается снова звонок.

Иванов (*вскакивает и опять бежит за ширмы*). Ай! Опять! Ну, весь наш обед простынет!

Левка. Кто там? (*Посмотрев за дверь.*) За долгом, кажись, пришли! Никак охтенка?..

Охтенка. Я, Левушка, я... за долгом к твоему барину прибежала...

Левка. Да его дома нет...

Иванов (*выбегая*). Что ты врешь, дурак! Для такой хорошенькой я всегда дома! Здравствуй, душенька. Марфушенька! (*Обнимает ее.*)

Охтенка. Полноте, эка привычка! Не замайте... молочко мое прольете.... Отдайте ж, барин, должок-то.. ведь я прямо к вам с Охты.

Иванов (*заигрывая с нею*). Ох ты, плутовка! Какие у тебя пухлые щечки! Какие варварские глазенки! Просто кровь с молоком!

Охтенка. Не замайте! С вами только грех! Отдайте лучше мои деньжонки...

Иванов (*так же*). Да на что тебе деньжонки? Ты сама дороже всяких денег! Ты просто объеденье, а не молочница! Я бы тебя озолотил, кабы у меня были деньги.

Охтенка. Экий ведь вы шематон, барин! Пожалуйста, заплатите же...

Иванов. Завтра, завтра заплачу, душенька... Ну, что твои коровушки? Здоровы ли? Много ли дают сливок? Много ли у тебя женихов?

Охтенка. Да что вам до них? Вы должок-то отдайте лучше...

Иванов. Хорошо, изволь! Налей прежде бутылку сливочек.

Охтенка. Да сливки, барин, все вышли. Коли хотите, у меня снятого молочка осталось.

Иванов. Хорошо, давай хоть молочка: я ведь страшный лакомка! (*Целует ее.*)

Охтенка наливает в кружку молока. Левка берет у нее.

Охтенка. Да уж я вас знаю! С вами, барин, просто беда! Вы, хоша добрый, веселый барин, Иван Иванович, только больно тяжело деньги отдаете.

Иванов. Да уж тебе, так и быть, отдам, ты так заnimательна, Марфушенька, что мне хотелось бы вечно быть у тебя в долгу. (*Целует ее.*) Браво! Вот и сливочки я снял с твоих щечек; теперь счастлив в полной мере.

Охтенка. Ведь этакий вы греховодник! От вас никак не увернешься. Ну, пожалуйста же, расплатитесь, кстати, за все...

Иванов. Хорошо, мой дружок... (*Шарит в карманах.*) Вот, видишь ли, деньги у меня завтра будут. Завтра я получу тысяч десять серебром.

Охтенка. Как! Опять завтра? Да вы сказали мне, что сегодня...

Иванов. Ну да, душечка, я и говорю сегодня, что отдам завтра. Понимаешь?

Охтенка. Понимаю! Завтра вы опять обманете.

Иванов. О, боже сохрани! Я отроду никого еще не обманывал! Уж кому должен, так должен, у меня долги — святое дело! Я даже нарочно всем должнаю, чтобы только иметь удовольствие расплачиваться! Завтра ты от меня получишь: за сливки, за молоко, за поцелуй, за все одолжения! Да еще подарю тебе на сережки, на платье, на бусы, на платок, и вот задаток! (*Целует в щеку.*)

Охтенка. Да полно вам! Ну как кто увидит из наших...

Левка. Ну, эка важность!

Охтенка. Да, ты говори! Ну так прощайте, я уже опять забегу...

Уж и так молва презлая
Нам покою не дает,
Охта Малая, Большая
Нас вертушками зовет.
Хоть смеюсь я их угрозе,
Но на Охте все кричат,
Будто к нам на перевозе
Подъезжает всякий хват;
Будто охтенки-красотки
Любят все пощеголять,
И на даче Безбородки
В воскресенье погулять.
(*Уходит.*)

Явление VIII

Те же, кроме охтенки.

Иванов. Ну, Левка, коли запереться нельзя, так лучше я поем поскорее и уйду от кредиторов.

Левка. Да уж и меня не забудьте... Неужто вы от такого обеда ничего мне не оставите?..

Иванов. Не знаю, брат... Я сам теперь в таком расположении, что ничего не обещаю... Уж ты лучше потерпи... (*Берет в рот кусок. Опять звонят.*)

Левка (*прячет молоко, которое собрался пить*). Экая напасть сегодня! (*Смотрит в дверь*.)

Иванов. Да, я чувствую, что нынче нам предстоит бурный день. Кто еще? Справляться или нет? Быть или не быть дома?

Левка (*посмотрев*). Какой-то господин... совсем незнакомый... Не тот ли, кому наша фатера сдается?

Иванов. А! Так я не спрячусь... При незнакомом мы покажем себя совсем в другом виде, поддержим репутацию, пустим пыль в глаза. Управитель с ним?

Левка. Идет за ним по лестнице.

Иванов. Хорошо же! Они, как видно, ведут уже со мной дело по-военному, пошли на приступ... Постой же, проглочу еще кусочек, чтобы придать силы воображению! О, мой гений, одушеви, поддержи и спаси упдающую честь моего дома!

Снова легкий звонок.

Левка. Да не заперто! Что раззвонились?

Иванов (*тихо, Левке*). Левка, смотри в оба: потахай мне во всем! Не осрами!

Левка. Да уж не в первый раз. Эту музыку-то я понял.

Явление IX

Те же, Выжигин и неизвестный господин (довольно важной наружности, в пальто и с палкою в руке).

Выжигин. Пожалуйста, ваше высочорodie... Дверь здесь, я знаю, не заперта, напрасно трудились звонить...

Неизвестный. А! Я не знаю этого... (*Увидя Иванова, кланяется*.) Извините, сударь мой, если мы вас обеспокоили...

Выжигин. Ничего-с! Вот это та самая квартира, за которую вы изволили дать задаток.

Иванов (*важно*). Позвольте... Что вам угодно, сударь? Что это значит?

Неизвестный. Да вот он привел меня посмотреть вашу квартиру... Я дал уж и задаток...

Иванов (*с важностью*). Послушай, ты, управляющий! Как ты смел, братец, привести их сюда, не спросивши моего позволения? Что это за наглое невежество? У меня еще не убрано ничего, все разбросано, все в беспорядке...

Неизвестный (*управляющему*). Да... точно... Как же это ты, братец, ведешь? (*Иванову.*) В самом деле, у вас, это видно, что все как будто того... извините...

Выжигин. Ничего: онц только так говорят, для важности...

Иванов. Послушай ты, болван, твои дерзости наконец выходят из границ! Видно, что ты необтесанный урод, который не имеет ни малейшего понятия о том, как должно обращаться с благородными людьми. А вот всякий порядочный человек сейчас видит и знает, что в таком случае...

Неизвестный (*так же*). В самом деле, братец, как же ты это? Я бы и сам не позволил бы войти к себе без позволения... (*Иванову.*) Извините, я право, невольно сделал такое невежество...

Иванов. Помилуйте, я вас и не виню. Судя по вашему лицу и приемам, сейчас видно, что вы прекрасный, умный человек, вполне понимающий необходимые приличия...

Неизвестный. Покорно вас благодарю. Вы тоже, сколько я могу понять, человек прекрасный и как-то с первого разу умеете внушить к себе должное уважение.

Иванов. Благодарю... А эти ослы думают, что если им жилец хоть безделицу задолжал за квартиру, так уж они и вправе забыть к нему всякое уважение. Конечно, я обещал им выехать из этой квартиры, потому что она мне мала и неудобна, но все-таки не позволяю же я обходиться с собою так...

Выжигин. Что вы это такое говорите, судары! Да с вас два раза брали подписку о немедленном выезде, стало быть, хозяин имеет право понуждать вас...

Иванов (*делаясь смелее*). Хозяин твой такой же невежа, как и ты! Не выеду же я черт знает куда, без разбору! В Петербурге квартир много, а порядочной, по вкусу не скоро найдешь! (*Неизвестному.*) Вы не поверите, как ныне многие домовладельцы обманывают жильцов квартирами! Придешь этак посмотреть: все чисто, выкрашено, замазано, забелено, все хорошо, — а только переехал, так, я вам скажу, просто житья нет! В окна везде дует, печи дымят, холод страшный, сырость по всем углам, просто наказание! Просишь починить, поправить — ни за что! Ну поневоле выйдешь из терпения и иногда нарочно не заплатишь месяца за два...

Неизвестный. Да, да, это случается...

Выжигин. Но вы должны нам за целый год. Иванов. Неправда! Вы на меня насчитываете. (*Незнакомцу.*) Я, знаете, сам давно собираюсь купить дом, чтоб, знаете, не переезжать с квартиры на квартиру, но боюсь: обманут, непременно обманут.

Неизвестный. Да, да, ваша правда... Я вам даже и не советую покупать: пожалуй, даром бросите деньги.

Иванов. Покорно вас благодарю за совет; так ни за что не куплю! Имевши свой дом, ведь надо самому во все входить, а я занят ужасно, верить же управляющему нельзя, потому что они, по большей части, разбойники, воруют ужасно.

Неизвестный. Да, да, конечно, бывают такие домашние разбойники, что просто и не поймашь...

Иванов. Да и невозможно поймать! Вот вам хоть этот молодец! Вообразите, что он сделал со мной: я жил лето все на даче в Павловске, квартиру оставил на его попечение, ничего большего не взял с собою и — что же? — приезжаю... У меня здесь все пусто, вся мебель от Гамбса, масляные в золотых рамах картины, старинное наследственное серебро, зимний гардероб, — все, все украли! И он, разбойник, говорит теперь, что у меня ничего этого не было! Просто ужас! Что за люди!

Неизвестный. Неужели? Все украли! Как же тебе, братец, это не стыдно! Как же это ты...

Выжигин. Помилуйте! Это что еще за новости? Что вы это за небылицу взводите?

Иванов. Вот, слышите! Отпирается, да и только! И ведь, к моему несчастью, ничем его уличить нельзя, а вот-и человек мой скажет... Левка, говори!

Левка. Да что серебро! У меня последние сапоги унесли!

Выжигин. Ах ты пропасть какая! Откуда у них все это берется?

Неизвестный (*жмет руку*). Жаль мне вас... душевно жаль. Вы, как видно, прекрасный, благородный человек, рассказываете о такой важной потере и с таким равнодушием... Позвольте узнать, где вы воспитывались? Мне бы весьма было приятно познакомиться с вами моего племянника, для которого я нанимаю эту квартиру...

Иванов. Очень рад...

Неизвестный. Вы бы, я надеюсь, как человек солидный и опытный, остерегли его, внушили бы ему все прекрасные качества вашего характера...

Иванов. Извольте, я с большим удовольствием...

Неизвестный *(с чувством)*. Сделайте милость, я же сам уезжаю в деревню... А, между прочим, позвольте взглянуть на квартиру... *(Осматривая.)* Скажите, пожалуйста, что, тепла она?

Иванов. Нет-с, уж не стану вас обманывать, порядочно холодновата... Не правда ли, Левка?

Левка. Страшно холодно. зуб на зуб не попадает.

Выжигин. Не верьте, сударь: они почти не топили никогда.

Неизвестный. Да уж ты, братец, молчи: я скорей поверю откровенному жильцу, нежели тебе, особливо, как они про тебя порассказали... *(Иванову.)* Так вы говорите, холодновата?

Иванов. Ужасно! Да и нельзя натопить... Вот вам доказательство *(стучит по стене)*: внутри пустые стены... набиты щепнем... дом строен, как многие у нас, на продажу, самым плутовским образом. Я даже думаю, что он скоро совсем обвалится...

Оба стучат по стенкам; Левка также берет колодку и стучит, отбивая штукатурку.

Слышите? Слышите?

Левка. Да еще задавит кого-нибудь! *(Ударив крепко.)* Вон оно!.. Ничего не держится!

Выжигин. Да что ж вы это делаете? *(Левке.)* Ты ведь, дурак, щекатурку отбиваешь.

Неизвестный. Да, да, в самом деле, дом не надежен. Долго ли до несчастья?.. По крайней мере, скажите, суха ли эта квартира?

Иванов. Помилуйте! Сырость непомерная! Все жильцы жалуются, никто жить не хочет.

Хоть дом и новый, но прегадкий,
Как управляющий его;
Стоит на почве самой шаткой,
Все выезжают из него:
Все ищут верного жилища;
Но я уверился в одном,
Что нет надежнее кладбища,
Как в Петербурге новый дом.

Неизвестный. Да, да... а все проклятые спекуляции...

Выжигин. Да не верьте, сударь, у нас весь дом занят...

Неизвестный (*не слушая*). Э, да что же это? И плинтусы все оторваны?

Выжигин. Ой, ай! И вправду, я еще этого и сам не заметил...

Иванов. Видите? Хочет доказать, что будто плинтусы тут были, чтоб обвинить только жильца. О, бессовестный! Настоящий Выжигин!

Выжигин. Понимаю! Но уж это только такой жилец, как вы, может сделать! Плинтусы везде были, право, но ваш Левка, верно, их ободрал, чтоб даром истопить ими печку.

Неизвестный. Ну уж, брат, это что-то невероятно...

Иванов. Не правда ли? Ведь именно смысла нет, чтоб благородный жилец, как я, дошел до того, что начал вместо дров топить печи плинтусами. Ах, когда меня судьба вынесет из этой гнусной квартиры! Когда я избавлюсь от этой скаредной физиономии? (*Неизвестному.*) Не советую вам брать этой негодной квартиры; надо вам сказать еще, что наверху живет здесь всякий сброд, сквозь потолок протекает вода, вечный шум, грохот, стукотня, минуты нет покоя!

Неизвестный. А! Неужели? (*Управителю.*) Как же это ты, братец? Я вам на слово поверил, вы взяли задаток, а к вам просто страшно и переехать.

Выжигин. Ах ты создатель мой! Да не верьте, сударь! Это от них никому здесь покоя нет! (*Показывая на Левку.*) Вот этот олух весь дом будоражит. То зудит на контрабасе, то трубит на какой-то звонкой дудке так страшно, что недавно у одной тут жилицы, почтенной барыни, от испуга сделался родимчик, а один господин шел раз, задумавшись, мимо по коридору и так испугался, как этот черт рывкнул на трубе, что барин покатился с лестницы, вывихнул ногу, ссадил лоб, и от испуга на неделю язык отнялся! Это вам все скажут!

Неизвестный Ха! Ха! Ха! Вот уж быть не может!

Иванов. Ха! Ха! Ха! Это я вам скажу — вот как было: он лжет на какого-то господина; не правда! Это он был сам! Он собирал деньги с жильцов и был крепко выпивши: он пьет запоем, иногда прокутит все, что от жильцов получит! А теперь вздумал обвинять моего человека.

Выжигин. Ах ты батюшки! Это не жилец, а какая-то кара на весь дом!

Неизвестный *(управителю)*. Э! Так вот ты каков! Как же ты, братец? Пусть уж лучше мой задаток пропадает, а моему племяннику здесь не жить! Прощай! У меня же есть на примете другая квартира... *(Иванову.)* Очень вам благодарен за дружеское расположение! Милости просим ко мне... Я стою в «Лондоне», в седьмом номере... Пожалуйста, будьте другом моего племянника! Вы прекрасный человек; он от вас может, как я вижу, много перенять доброго.

Иванов. Помилуйте! Готов служить душой и телом; я уж пожил на свете и могу быть руководителем молодого человека... особенно, если вы дадите ему определенное содержание...

Неизвестный. О, на содержание я не пожалею ничего, лишь бы по пустякам не транжирил да не должен всем...

Иванов. О, на этот счет уж я, если возьмусь смотреть, так будьте покойны. Я не могу копейки задолжать: аккуратен, как немец.

Неизвестный. Вот это бесподобно! Итак, до приятного свидания... *(Уходит.)*

Иванов. Сегодня же явлюсь... Левка, отпри двери! А ты, грубиян, пошел вон! *(Отходит на авансцену и хохочет.)*

Выжигин. Гм, отбил-таки жильца! Пойду опять жаловаться хозяину! *(Берет около печки обе вьюшки.)*

Иванов. Вы что?

Выжигин *(в дверях)*. А вот что! Нет же вам и вьюшек от печки! Умирайте с холоду! *(Уходит.)*

Явление X

Те же, кроме Неизвестного и Выжигина.

Левка. Ай!ай! Барин! А я только что с грехом пополам истопил печку! Теперь нечем нам и трубы закрыть! А уж мороз на дворе...

Иванов *(шагая по комнате весело)*. Ничего, ничего, Левка, мы с тобой сыны севера, не должны унывать от бурь и непогоды... Учись только скорей на контрабасе, и тогда я тебя помещу в теплое местечко...

Левка. Помилуйте! Да у меня без ученья руки окостенели! Теперь нам одно спасенье от холода: руки в брюки, а нос в карман...

И в а н о в (*потирая руки*). Ничего, ничего, Левка, крепись. Если провидение определило нам жить, так тебя и злой мороз не уничтожит! Погоди... Я вот еще приобрел новое выгодное знакомство... О, мы еще проживем! Сверх того, авось здешний хозяин утомится нас преследовать? Я знаю, Казимир Андреевич Глухов — человек старый, больной, уже близок к смерти, а говорят, что самые скаредные люди иногда перед смертью раздобываются. Надейся, Левка!

Л е в к а. Да не могу: холодно.

И в а н о в.

В нашем несчастье опасно сомнение!

Будем же верить и ждать...

Будем испытывать наше терпение,

Будем обед доедать!

В жалобах время напрасно лишь губится,

Жизнь без того коротка;

Помни же, Левка-брат: стерпится, слюбится.

(*Давая ему пустую тарелку.*)

На, замори червяка!

Л е в к а. Ах вы, барин! Да уж и вы не перед смертью ли так раздобрились?

И в а н о в (*продолжая есть*). Нет, Левка, это я тебя благодарю за сегодняшний обед... О, я всегда умею быть благодарным, особенно кто меня хорошо угощает. А каково мы отделали управителя-то? А? Верно, он побежал все рассказать хозяину. Ха! Ха! Ха!

Л е в к а. А каково, сударь, нас отделают, если он приведет сюда хозяина-то?

И в а н о в. Ничего! Уж мы теперь в таком отчаянном положении, что нам остается с горя только смеяться! Знаешь ли, что я еще хочу сделать с хозяином? Авось он перестанет нас преследовать.

Л е в к а. А что такое?

И в а н о в. Я знаю, что он давно собирается жениться на какой-то молоденькой вдовушке, которая живет на одной с ним лестнице. Я прикинусь в нее влюбленным, сделаюсь отчаянным соперником старичишки хозяина, заведу историю; он начнет беситься, ревновать, и я ему не уступлю вдовушку до тех пор, пока он не даст мне в долг рублей двести!

Л е в к а. Вот тебе на! Да мы и без того должны ему.

И в а н о в. Да это уж он пусть там сам собой, как хочет, предает забвению или вычтет с платы управителя.

Да! Да! Конечно! В крайности человек должен за все хвататься: предпринимать, изобретать, выдумывать, особенно, когда зима на дворе, дров нет, есть нечего и рамы не вставлены! О! Тут есть достаточные причины действовать отчаянно! Бывали примеры, что иногда дерзкая мысль спасала человечество!

В наш затейливый век
Холостой человек
И не то иногда затевает!
Пьет, играет, кутит,
Деньги страшно сорит
И наследство отцов проживает!

Я ж совсем не кучу
А лишь только хочу,
Чтоб поправиться средства мне дали,
Чтоб до будущих благ,
Как поможет Аллах,
Из квартиры насильно не гнали.

Я кой-как извернусь,
И, вернее, женюсь...
Не на бедной красивой вертушке;
Нет, уж я отыскал
Пребольшой капитал
У одной допотопной старушки.

Сильный звонок у дверей.

И в а н о в (*бежит за ширмы*). Ай, как этот проклятый звонок сильно действует на мои нервы! И не хочешь, а спрячешься. (*Вполголоса.*) Кто там, Левка?

Л е в к а (*посмотрев*). Ну, барин! Как нарочно, все наши должники нагрянули!

И в а н о в (*тихо*). Ого! Сегодня тяжелый, бурный день! А я только хотел идти соперничать с хозяином! Меня дома нет! Отделайся от них, как сам знаешь, а я пока готовлю письмо к кузине и обдумываю, как лучше атаковать хозяйскую невесту.

Л е в к а. Да, скоро тут отделаешься! (*Смотря в щелку двери.*) Вон их какая компания... булочник, прачка, лавочник, портной, сапожник, водовоз. Всякого калибру есть... По всем частям задолжали! (*Громко и грубо кричит.*) Эй, вы, вражьи дети! Кто там меня беспокоит? (*Берет контрабас.*) Не дадут и поучиться порядочно. (*Играет польку.*) Не смейте входить! Беда будет.

Явление XI

В окна комнаты поочередно выглядывают: булочник, прачка, лавочник, мальчик от портного, сапожник и водовоз.

Булочник (*с бородой, выглядывая в окно из коридора*). Что, Левонтий, дома Иван Иванович?

Левка (*продолжая играть*). Нет.

Лавочник (*также*). А что, разбогатели вы деньгами? Получу я по книжке?

Левка (*при каждом ответе сильно дергает смычком*). Нет.

Сапожник. Что ж барин-то твой отдаст сегодня за сапоги-то, что ли?

Левка. Нет.

Прачка (*кланяясь в окне*). Левушка, полно зудить-то! Барин-от твой вот уже третий месяц водит меня. Вчерась сказал, что отдаст мне за стирку бесприменно.

Левка. Нет.

Мальчик от портного (*показывая счет*). Да ты полно, не некай! Не отыгрывайся! Меня хозяин послал... пожалуйте деньги-с...

Левка. Нет.

Водовоз (*грубо из другого окна*). Да брось ты чертову балалайку! Левка, неужто я даром таскал вам два месяца воду-то? Пожалуйста, отдай...

Левка. Нет.

Все (*вместе*). Эка напасть какая! Да где же твой барин-то?

Левка (*про себя*). Куда бы мне их спровадить? Э! Да барин мой сам ищет случая напасть на хозяина, завести с ним историю... так постой же, заварю я кашу! (*Громко*.) Барин мой теперь пошел рассчитываться с хозяином за квартиру.

Все (*с радостью*). Неужто? К хозяину? Так у него, стало, есть деньги?

Левка. Эх вы, дурачье! Понимаете ли, он, уходя, сказал, что ему надо получить еще с хозяина рублей двести.

Все. Эх, братцы, так мы его там поймаем! Пойдем все к хозяину! Авось! Спасибо, что надоумил...

Левка. Не за что.

Хор. Как с ножом к нему пристанем!

А не даст, так должника

К надзирателю потянем.

Благо часть недалека!

Все уходят.

Явление XII

Иванов и Левка.

Иванов (*выходя из-за ширмы, хохочет до упаду*). Ха! Ха! Ха! Левка, разбойник! Что ты наделал? Ха! Ха! Ха!

Левка (*оставляя контрабас*). Да вы сами сказали: отделись как знаешь. Ну я и отделился.

Иванов. Ха! Ха! Ха! Я воображаю, как они все начнут теперь осаждать хозяина! Ха! Ха! Ха! У Казимира Андреевича пресмешно вытянется физиономия; дорого бы дал я посмотреть на эту сцену! Ха! Ха! Ха! Впрочем, что ж? Если он рассердится и придет ко мне для объяснений, я оправдаюсь, скажу прямо, что я это сделал с горя, с отчаянием, с холоду и, наконец, от любви! Да, зачем хозяин отбивает у меня вдовушку, в которую я влюблен до безумия? Э! Уж коли лгать на себя, так надо смело. Левка, давай одеваться... Бррр! Воображение мое разыгралось так, что я сейчас иду волочиться за хозяйской невестой. (*Одеваясь скоро, говорит с воодушевлением*.) Трепещи, Казимир Андреич! Комедия переходит в отчаянную раздирательную драму! Левка, скорей! (*Расхаживает трагически по комнате*.)

Левка. Ах, батюшки! Видно, это вас с холоду так пробирает...

Иванов. Да, да! Без вьюшек и зимней рамы поневоле взбесишься! Пусть трепещут теперь все вдовушки и хозяйева домов! (*Декламируя*.)

Досель я агнецем был, отныне из вертепа
Выходит тигр на пагубу врагов!

Сильный звонок.

(*Бежит за ширмы*.) Ай! Этот гнусный звонок когда-нибудь уходит меня: он уничтожает всю силу моего характера...

Явление XIII

Те же и горничная.

Горничная (*высовываясь в дверь*). Извините, господа! Не здесь ли живет господин Иванов?

Левка. А на что тебе, голубушка?

Горничная (*громко в дверях*). Ах, очень надо узнать. Мы, видите, вчера сюда переехали, видите-с, барин

мой тоже по фамилии Ива́нов и велел кухмистерше прислать ему сегодня пораньше обед; хорошо-с ждал-ждал и проголодался ужаси как! Послал меня самое к кухмистерше, а та божится, клянется, что обед послала к господину Иванову, но только мы не получали! Да вот теперь бегаем, ищем обед. Барин мой с голодухи ужаси как грызет меня. Не к вам ли ошибкой занесли наш обед?

Левка. Нет, голубушка, у нас всегда свой повар готовит. Верно, управляющий съел ваш обед: он любит чужое.

Горничная. Неужели? Ох, он бессовестный!

Левка. Да! Да! И еще какой... Съест чужое, да потом и отпирается.

Горничная. Неужели? Так пойду скажу своему барину; он у меня такой скупой, что за свой кусок съест самого управляющего! Прощайте... (*Уходит.*)

Явление XIV

Те же, кроме горничной.

Иванов (*аплодируя*). Ха! Ха! Ха! Браво, Левка! Люблю! Ты далеко пойдешь: врешь и не краснеешь! При больших несчастьях это иногда спасает...

Левка. Да, живучи с вами, всему научишься.

Иванов. Молодец! Молодец! Если уж нас и выживут отсюда, так этот дом передаст наши имена в потомство. Прощай, я бегу теперь знакомиться с хозяйской невестой...

Явление XV

Те же и Выжигин.

Выжигин (*впопыхах*). Господин Иванов! Помилуйте! Что вы это за ватагу пригнали к хозяину? Он человек такой деликатный, такой слабый здоровьем, что ваши должники чуть его с ног не сбили! Помилуйте! Уж это злодейство!

Иванов. А! Я этого-то и хочу! Зачем он сам, злодей, меня притесняет? Зачем он отбивает мою невесту, в которую я влюблен до бешенства?

Выжигин. Что? Что? Это еще что за новости? Вы и тут еще хотите вмешаться?

Иванов. Да! Да! Я человек отчаянный! Я могу не платить за квартиру, но не могу видеть, когда старый и хитрый старичишка отнимает мое счастье.

Выжигин (*про себя*). Экого жильца нажили! Хорошо, что хозяин распорядился заранее, как от него избавиться.

Иванов (*надевая шляпу*). Сейчас же иду расстроить вконец свадьбу и здоровье твоего господина...

Выжигин. Нет, уж увольте... Вот он сам к вам идет для окончательной разделки...

Иванов. А, милости просим! Я сегодня уж решился всех принимать у себя, даже и домового хозяина.

Явление XVI

Те же и Глухов (*седой, бледный старик, одетый очень чисто, в фуражке, с палкою в руке*).

Глухов (*с язвительной улыбкой*). А! Господин Иванов! Наконец и я являюсь к вам с визитом... Вы не ожидали? А?

Иванов (*очень вежливо*). Нет... Но, впрочем, я весьма рад вашему посещению... Левка, подай крепкий стул Казимиру Андреевичу.

Глухов садится.

Как ваше драгоценное здоровье?..

Глухов. Гм, не совсем-то хорошо...

Иванов. А это худо! Вы, вероятно, все хлопчете. Мало бережете себя. В нашем климате это опасно.

Глухов. Да... сверх того, и вы также не бережете меня, заставляете к себе ходить...

Иванов. Помилуйте, я нисколько не хотел вас беспокоить... Я вас так уважаю... Ну, как вы проводите время, Казимир Андреевич? Весело ли? Уж, вероятно как человек богатый наслаждаетесь жизнью вполне! Да и грешно бы было жить худо при ваших средствах... А ведь, знаете, у нас есть люди, которые как ни богаты, а живут всегда прескверно! Никого не принимают, дрожат над каждой копеечкой, лишают себя даже необходимого и все только копят деньги, а там, глядишь, и протянут ноги! Ей-богу! То есть, просто...

Глухов. Гм! Позвольте... что ж вы мне рассказываете? Конечно, я бы тоже мог жить очень приятно и счастливо... Но иногда жизнь наша и при деньгах и при доме

бывает невыносимо тяжела! Особливо, как попадетсЯ гадкий жилец, неугомонный, не платящий за квартиру... О! Это адское наказание в жизни!

Иванов (*нисколько не конфузясь*). Да-с, это бывает... Но, послушайте, я вам скажу, что опять ведь нельзя же прожить без неприятностей... Мы все рождены на то, чтоб попеременно испытать и частичку блаженства и час-другой житейского горя. Вы согласитесь, что мы с вами не такие уже праведники, Казимир Андреевич, чтоб иметь притязание на бесконечное блаженство?

Глухов хочет говорить.

(*Перебивает.*) Знаю, знаю, что вы хотите сказать... Но я с этим не согласен.

Добро и зло необходимы миру;
У вас есть дом, другой и так живет.
Один, положим, платит за квартиру,
Другой, глядишь, ни гроша не дает;
Один — к жильцам хорош домовладелец,
(*Смотрит на Глухова.*)

Другой — готов обидеть, как злодей!
Один — все даст, не спорит из безделиц,
Другой — рад взять и выюшки от печей!
Добро и зло — наш друг и наш мучитель;
И как жильцы в домах поразберут:
В одном дому — пречестный управитель,
(*Показывает на Выжигина.*)

В другом, глядишь, — разбойник, вор и плут!
Глухов (*перебивая его с нетерпением*).

Или жилец один живет претихо
И аккуратно платит...

Иванов (*перебивая его*). Да, да, да...

Другой живет и весело и лихо...

Глухов (*так же*).

Живет другой без денег, без стыда!

Иванов.

Да, да, мы все без денег в этом мире.

В долгах затем и дети и отцы,

Что на земле — как в временной квартире —

И вы, и я — не вечные жильцы.

Глухов (*в нетерпении*). Позвольте ж мне хоть слово вымолвить...

Иванов. Извольте, извольте...

Глухов (*ударяя на слова*). Итак, позвольте же...

Жизнь наша то есть тогда только приятна и весела, когда выгонишь из дому неугомонного жильца, от которого нет пользы хозяину и покоя соседям; понимаете?

Иванов (*ветрено*). Понимаю, но не совсем... Потому что я не был домовладельцем, не испытал этого удовольствия...

Глухов. О, сударь, а я так буду благословлять судьбу, если успею выжить от себя такого злодея. Тогда и сердцу легче, и в доме чище, и жизнь приятнее... Скоро вы от меня выберетесь?

Иванов. Я? А, право, еще не знаю. Все жду денег от матушки из деревни, но не шлет: верно, у нее там опять саранча или картофельная болезнь появилась... Не знаю что, только денег нет...

Глухов. Но, однако ж, вы дали подписку выехать. Неужели я опять должен обратиться к правительству?

Иванов. Нет, я вам не советую напрасно беспокоиться. Я недавно сам откровенно имел честь относиться к кому следует, что я все заплачу, дал подписку, за меня поручились; потом я объявил, что надо же мне жить на квартире, а не на улице. А как я вам должен за год, то, во избежание новых жалоб, я и решился лучше остаться у вас. Об этом думали, рассуждали и, наконец, решили, что чем мне переезжать из дома в дом, заводить историю со многими, так уж лучше иметь дело с одними вами. Это уж решено.

Глухов. Помилуйте! Да за что ж я один буду страдать?

Иванов. Ах какие вы! Да все же лучше вам страдать одним, нежели многим. И будь я на вашем месте, я бы согласился охотно держать вас и страдать, чтоб показать пример всем скупым хозяевам.

Глухов. Да помилуйте, я не хочу держать вас! Вы у меня никому покоя не даете! Мне не платите и еще своих кредиторов ко мне присылаете.

Иванов. Совершенно согласен, но я люблю пользоваться жизнью! Сверх того, я вам враг, ваш соперник.

Глухов (*испугавшись*). Что? Что? Мой соперник?

Иванов. Да, Казимир Андреич! Если вы этого еще не знали, так теперь я вам все открою. Вы хотите жениться на той, которую я обожаю, боготворю, я пылаю от нее, несмотря на то, что мороз на дворе.

Глухов. Возможно ли! (*Про себя*.) Еще новое горе! (*Ему*.) Как! Разве вы знакомы с Шарлотой Карловной?

Иванов (*про себя*). Смелее. (*Ему.*) О! Гораздо прежде вас! А она это, верно, от вас скрывала? Душечка! Милая вдовушка! Понимаю: если б она не любила меня, верно бы, открыла вам эту тайну. Но это хорошо, что она скрыла ее: она с большим характером. Левка, ходил ты сегодня справляться о здоровье Шарлоты Карловны?

Левка. Еще бы! Ходил-с, два раза. Они, слава богу, приказали вам кланяться и целуют вас заочно.

Глухов. Что я узнал! Да уж это ни на что не похоже! Неужели я от вас должен еще испытать...

Иванов (*быстро*). О! Вы увидите, что у нас произойдет за все, что я терплю в вашем доме. Если вы влюблены в Шарлоту Карловну, тем лучше для меня! Я не дурен собой, а вы, извините... Она умеет скрываться, тем лучше для нее; я беден, вы богаты, тем хуже для вас! О, моя партия еще не проиграна!

Глухов (*отчаянно*). Господин Иванов, пощадите! Вы не человек, а враг рода человеческого!

Иванов. Вы не хозяин, а душегубец! Вы меня морозите! У вас просто жития нет!

Глухов. Ради бога, выезжайте! Вы меня уморите!

Иванов. Ни за что на свете. Вы заедаете мое счастье!..

Левка (*в это время взял тромбон*). А мне мешаете учиться! (*Берет сильную ноту.*)

Глухов (*испугавшись*). Ай! Ай! Ай! Это еще что?

Левка. Музыка.

Глухов (*садится с помощью Выжигина*). Перестань, разбойник! Ох, как я испугался...

Выжигин (*показывая на хозяина*). Господин Иванов! Ведь он человек больной...

Иванов. Да мне-то что? А мой человек парень здоровый и учится надувать для своей пользы.

Глухов (*Выжигину вполголоса*). Нечего делать, надо с ним кончить, а то беда!

Выжигин. Как вам угодно. Авось на этих условиях избавимся от злодея.

Глухов (*встает*). Послушайте, Иван Иванович... я хочу непременно, чтобы вы выехали...

Иванов. Мудрено, нет никакого средства; не будь у матушки картофельной болезни, о! Тогда бы...

Глухов (*с усилием*). Я вам дам все средства к выезду.

Иванов. А? Что такое?

Глухов. Да, я решаюсь на такую жертву, на которую, я думаю, никто другой не решится. Я нанял для вас квартиру с дровами.

Иванов. А! Покорно вас благодарю, но мне нечем платить.

Глухов *(с криком)*. Позвольте, я все предвидел и заплатил за два месяца вперед: вот у него и расписка в получении. Чувствуете ли вы это?

Иванов *(удивленный)*. Неужели, Казимир Андреич! Вы меня поражаете; это так ново и оригинально, что хоть кого обезоружит. А мой долг за эту квартиру?

Глухов. Уж бог с вами: все прощаю, только сейчас очистите эту квартиру.

Иванов. Неужели?.. Да это редкая, примерная черта! Прощаете долг за целый год?

Глухов. Прощаю.

Иванов. И наняли мне другую квартиру с дровами? И заплатили вперед за два месяца?

Глухов. Заплатил.

Выжигин. Вот и адрес дома и расписка в получении за квартиру.

Иванов *(прочитав, кладет в карман)*. Да... да... чудеса; это оригинальный, поучительный, назидательный пример для всех домохозяев! *(Про себя.)* Постой же... коли уж пошло на уступки и погашения долгов, так я его распечатаю до возможной степени! *(Ему с упреком.)* Казимир Андреевич, да неужели я вам уж так насолил, что вы даже решаетесь...

Глухов *(решительно)*. На все, на все! Только бы сию минуту выжить вас в другой дом.

Иванов *(также)*. Но за что же вы другому хозяину желаете неизбежного зла? Вы поступаете по-татарски, по-вашему, ужасно! *(Громко и решительно.)* Нет! Не хочу выезжать, во-первых, я человек, по возможности благородный, во-вторых, влюблен, в-третьих, около ста рублей должен здесь разным беднякам, в-четвертых, не имею денег переехать и купить кое-что для новоселья, в-пятых... ну, да и этого довольно.

Глухов *(с отчаянием)*. Послушайте вы... вы не жилец, а демон!

Иванов. А вы домовый хозяин, который...

Глухов. Не продолжайте! Я умру, я слабый человек, у меня от вас может лопнуть какая-нибудь артерия...

Так и быть, уж если я отдал вперед за вашу новую квартиру, так не оставлю своего намерения. (*Кричит, обращаясь к дверям.*) Эй, вы, приходите ко мне все, кому должен господин Иванов, все, все отдам до копейки.

Левка. Ага! (*Обращаясь к должникам.*) Слышите, вы? Ступайте все к хозяину, а меня с барином не беспокойте.

Голоса (*в окнах*). Очень рады! Благодарим покорно.

Иванов (*с чувством*). Казимир Андреич, теперь только я знаю, кого в вас лишаюсь. Левка, а тебе я сколько должен?

Левка. Да уж я и счет потерял: целковых-с четыре, кажишь, будет.

Иванов. Казимир Андреич! Он славный, трезвый человек, это видно по его физиономии... притом с большим талантом, отлично играет на двух инструментах... Хотите послушать? Эй, Левка,хвати на тромбоне из «Роберта Дьявола».

Левка хочет играть.

Глухов. Нет, нет, не нужно! Выжигин, отдай ему скорее четыре целковых!

Выжигин (*отдавая Левке*). На, на, дудка проклятая!

Левка. Ага!

Иванов. Казимир Андреич, вы меня победили! Отныне вы будете у меня жить здесь! Здесь! (*Показывая на сердце.*) Но в городе здесь так тяжело жить без денег... (*Вынимая пустой бумажник.*) А здесь у меня так легко, что из рук вон... Так уж заодно одолжите до первых денег целковых тридцать...

Глухов и Выжигин. Еще?

Иванов. Да, да, вы, я знаю, служили некогда в магистрате и недаром нажили четырехэтажный домик; так это ничего не значит.

Левка. Уж, разумеется, рассчитайтесь заодно как следует, да уж и бог с вами.

Глухов. Иван Иванович...

Иванов. Казимир Андреич.

Глухов (*вне себя*). Вы... вы... нет, уж у меня и слов недостает!

Иванов. А, слов! Ну уж это ваша забота. А у меня вот недостает денег... Впрочем, вы, как я вижу, достаете свои...

Глухов (*вынимая деньги*). Да, да, но это последняя жертва. Выжигин, вели сейчас выносить его имение; надо кончить эту операцию!

Иванов. Левка, выезжать нам или нет?

Левка. Ну, уж теперича можно...

Глухов.

Вот вам деньги, и не знайте

В этом мире нас и в том!

Выжигин.

Выходите! Выезжайте!

Иванов и Левка.

Едем, едем в новый дом!

Оба собирают вещи; между тем Выжигин, окликнув многих должников Иванова, заставляет их выносить мебель.

Глухов.

Выносите все живее,

Иванов.

Не сердитесь! Съедем вмиг!

Выжигин.

Выезжайте же скорее!

Левка.

Эх, доехали мы их!

Глухов (*про себя*).

Жить нельзя мне с этим франтом!

Иванов (*считая деньги*).

Трудно деньги наживать.

Левка (*взяв на плечи контрабас*).

Тяжело быть музыкантом...

Выжигин.

Нелегко жильца прогнать!

Иванов.

Худо жить нам в этом мире!

Левка.

Да, придется вспомнить им!

Вот как жили на квартире

Левка с барином своим!

Все (*к публике*).

В жизни все мы переносим,

Всем хлопочем угодить,

И всех зрителей здесь просим,

Чтобы пьесе дать пожить.

В. А. СОЛЛОГУБ

**Беда
от нежного сердца**

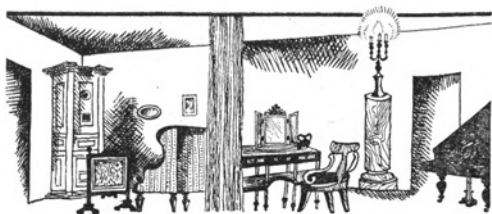
КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ
В ОДНОМ
ДЕЙСТВИИ

1850

Действующие лица

Дарья Семеновна Бояркина.
Марья Петровна, ее дочь.
Настасья Павловна, ее племянница.
Аграфена Григорьевна Кубыркина.
Катерина Ивановна, ее дочь.
Василий Петрович Золотников, откупщик.
Александр Васильевич, сын его.
Слуга Бояркиной.

Театр представляет комнату с четырьмя дверьми; рабочий стол, трюмо, фортепьяно, кресло с большой спинкой и проч.

Явление I

Дарья Семеновна, Марья Петровна в белом пеньюаре; ее завивает француз-парикмахер, потом Настасья Павловна.

Дарья Семеновна. А, боже ты мой! Розового-то платья все-таки нет. Что ж это такое? Платье заказано для нынешнего вечера, а получишь завтра утром... Здесь все так, все так. Такая досада: просто, побила бы кого-нибудь! Настя! Настя! Настенька!

Настасья Павловна (*входит*). Я здесь, тетушка.

Дарья Семеновна. Ну, слава богу; где пропадала, матушка? В голове все вздор, а ведь нет того, чтоб подумать о тетушке; посылала ли ты к *marchande de modes*?

Настасья Павловна. Посылала, тетушка.

Дарья Семеновна. Ну, что Машенькино платье?

Настасья Павловна. Готово, тетушка...

Дарья Семеновна. Так что ж не несут?

Настасья Павловна. Да, тетушка...

Дарья Семеновна. Ну что ты ворчишь?

Настасья Павловна (*тихо*). Без денег, тетушка, не отдают; говорят, и без того много должны.

Дарья Семеновна. Что ты, грубить мне, матушка, что ли, хочешь? Вот благодарность-то: сироту круглую

взяла к себе в дом, кормлю, одеваю, а она мне еще колкости говорит. Нет, милая, забываться я не позволю. Что? Принесли сухари, а?.. Вертят мороженое... А?.. Ни об чем не подумаешь. Ну что ты стоишь как вкопанная? Видишь, Машенька еще не причесана; подавай шпильки.

Марья Петровна. Вот здесь, на лбу, пустить бы колечки... вот так... Машенька, как вам угодно, а платье не принесут — я не выйду ни за что; останусь в своей комнате, скажусь больной. Как вам угодно.

Дарья Семеновна. Что ты? Что ты? С ума сошла! Для тебя я делаю вечер, а тебя не будет; прикажешь мне вместо тебя танцевать? У нас будут самые первые жени... то есть кавалеры.

Марья Петровна. Да! Точно так и поедут.

Дарья Семеновна. А отчего ж, матушка, и не поедут?

Марья Петровна. Что они здесь забыли? Ведь бал-то есть нынче получше вашего; говорила я вам отложить, да вы все хотите по-своему.

Дарья Семеновна. Пора бы тебе замуж, Машенька, а то с этими вечерами сил моих недостает. Смотрите, сегодня будет князь Курдюков, постарайся ему понравиться.

Настасья Павловна. Ах, тетушка, он старик!

Дарья Семеновна. Вас никто не спрашивает. Что ж, что старик, деньги у него молодые.

Входит слуга с письмом.

Это от кого?.. ну... *(С досадой.)* Прекрасно, бесподобно... Князь Курдюков извиняется, быть не может.

Марья Петровна. Ну, что я говорила!

Дарья Семеновна. А что, Машенька, посылать ли за розовым платьем? Ведь князя не будет.

Марья Петровна. Уж, разумеется, послать... Что вы думаете? Что я из-за вашего старика буду без платья ходить, что ли?

Дарья Семеновна. Ах, Машенька, ты хоть бы людей постыдилась.

Марья Петровна. Да он француз, не понимает.

Дарья Семеновна. Ну, так я пойду за деньгами, пошлю за платьем.

Марья Петровна. Давно бы пора... ну, ну... ступайте же.

Дарья Семеновна. Вот и вырастила себе невесту — разоренье, да и только! (*Уходит.*)

Явление II

Те же, кроме Дарьи Семеновны.

Марья Петровна (*парикмахеру*). Вот здесь еще... так... Настя... Настя... об чем ты думаешь?

Настасья Павловна. Так, ни об чем, грустно что-то...

Марья Петровна. Вздор какой! Посмотри-ка, пристала ко мне эта прическа?

Настасья Павловна. Пристала.

Марья Петровна. Очень пристала?

Настасья Павловна. Очень.

Марья Петровна. Право... Ну, а ты что наденешь?

Настасья Павловна. Да я так останусь, мне к чему наряжаться... меня никто не заметит.

Марья Петровна. Ты хоть бы ленту вплела в волосы... там у меня в шкапу много старых лент.

Настасья Павловна. Нет, зачем?

Марья Петровна. Ну как хочешь.

Золотников (*за кулисами*). Дарья Семеновна дома, что ли?

Марья Петровна. Ах, стыд какой, мужчина! (*Убегает, за нею парикмахер.*)

Явление III

Настасья Павловна и Золотников

Золотников. Извините... я испугал здесь кого-то. (*В сторону.*) А, вот эта дочка. (*Вслух.*) А хозяйки нет дома, видно?

Настасья Павловна. Нет-с, дома; я пойду скажу ей.

Золотников. Ни, ни, не беспокойтесь; мне именно вас-то и надо.

Настасья Павловна. Меня?

Золотников. Да; позвольте хорошенько взглянуть только на вас. Повернитесь немного, вот так... бесподобно... лучше вас и желать бы не мог.

Настасья Павловна. Да я вас не знаю вовсе.
Золотников. Со мной скоро познакомитесь. Который вам год?

Настасья Павловна. Восемнадцать.

Золотников. Отлично. Скажите, женихи есть у вас?

Настасья Павловна. Нет-с.

Золотников. Что ж они, дураки, глядят! А вы помышляете о замужестве?

Настасья Павловна. Извините, мне некогда.

Золотников. Нет, вы не сердитесь. Я — Золотников, откупщик. Слыхали, может быть? Человек разбогатевший, так речь у меня резка немножко. А, впрочем, я принимаю в вас живое участие; поверите ли, для вас нарочно приехал из Казани, чтоб сделать вам предложение.

Настасья Павловна. Вы?

Золотников. Да вы не думайте, чтоб я о себе говорил. Во-первых, мне пятьдесят лет; во-вторых, физиономия моя далеко не взрачна; в-третьих, у меня жена сидит в Тамбове. Нет-с, я хочу женить своего сына, и именно, коли сказать всю правду, очень бы мне хотелось женить его на вас. Разумеется, если вы полюбите друг друга. Вы ведь никого не любите? Скажите по правде...

Настасья Павловна. Никого-с.

Золотников. Ну, и не любите. Я сына вам представлю. Он — малый добрый. Сердце такое нежное. Дайте мне слово, что вы не будете прочь от моего предложения.

Настасья Павловна. Послушайте, слово не шутка: давши слово, надо его держать, а я сына вашего не знаю.

Золотников. Так что ж? Он здесь дожидается, в гостинной.

Явление IV

Те же и Дарья Семеновна.

Золотников. Э... да... никак вот и хозяйка! Эге-ге-ге, как переменилась! Талия-то была в рюмочку, а теперь, слава тебе господи... Дарья Семеновна, узнаете ли вы меня?

Дарья Семеновна (*разглядывая*). Виновата-с.

Золотников. Припомните-ка хорошенько.

Дарья Семеновна. Позвольте... Нет, не могу.
Золотников. Спасибо, Дарья Семеновна. А позвольте спросить — играете ли вы еще на фортепианах?

Дарья Семеновна. И, батюшка, куда мне...

Золотников. А помните, в девятнадцатом году, в Казани...

Дарья Семеновна. Боже ты мой, Василий Петрович!

Золотников. Аз многогрешный. Вот оно, время-то. Другим человеком стал. (*Указывая на жилет.*) Тут ничего не было — появилось. (*Указывая на голову.*) Тут много было — ничего почти не осталось. Дарья Семеновна не узнала!

Дарья Семеновна. Вот бог привел свидеться. Так ли я вам, батюшка, стара кажусь, как вы мне? Да я слышала, вы разбогатели страшно.

Золотников. С горя, Дарья Семеновна. Как вы отказали мне, помните, я вошел в дела, в торги, на беду свою, разбогател да с отчаяния и женился.

Дарья Семеновна. Из постоянства, верно; а сюда какими судьбами?

Золотников. Делишки есть, да вот сына привез.

Дарья Семеновна. А детей у вас много?

Золотников. Один сын всего.

Дарья Семеновна. Женатый?

Золотников. Нет, холостой еще.

Дарья Семеновна. Прошу покорнейше садиться. Настенька, погляди, зажжены ли свечи в гостиной. Садитесь, пожалуйста; о чем, бишь, мы говорили?

Золотников. Да об сыне; женить хочу его.

Дарья Семеновна. Ах, будьте осторожны, Василий Петрович! В Петербурге девушки все хороши на вид; а как выйдут замуж, сейчас видно, что воспитание не то, вовсе не то. Вот у меня дочка, так уж могу похвастаться.

Золотников. Да, я говорил сейчас с ней.

Дарья Семеновна. И нет! Вы говорили с моей племянницей, с сиротой, которую я держу из милости. Я мать, Василий Петрович... но я вам скажу, что дочь моя так воспитана, так приготовлена...

Марья Петровна (*за кулисами*). Маменька!

Дарья Семеновна. Что, светик мой?

Марья Петровна. Платье принесли.

Дарья Семеновна. Сейчас, мой друг; и невинная такая — младенца пристыдит.

Золотников. Вот этого-то мне и надо. Саша мой — малый добрый, только в голове у него еще ветер; наговорили ему, что у него два миллиона.

Дарья Семеновна. Два миллиона?..

Золотников. Два миллиона. Так поверите ль, сердце у него такое нежное, только юбку увидит, так и растает; что день, то влюблен; что станешь делать! Ну, для шалости оно бы ничего, а летом, в Тамбове, жениться вздумал на интриганке какой-то. К счастью, гусар подвернулся, а то бы я век с ним плакался. Я вижу — дело плохо: сына с собой в Питер, да и к вам, Дарья Семеновна, из старой памяти — знаю, что не откажете в добром совете; а у вас, — я слышал, дочь. Кто знает? Может быть, дети наши познакомятся, слюбятся... Кошь не мы, так дети наши, Дарья Семеновна, не так ли?

Дарья Семеновна (*вздыхая*). Что старое припоминать!

Золотников. Не возвратится уж, подлинно. Ну на детей полюбуемся... Позвольте руку поцеловать.

Дарья Семеновна. С удовольствием.

Золотников (*с гримасой*). И рука-то постарела; вы табак нюхаете?

Дарья Семеновна. Для глаз, Василий Петрович.

Марья Петровна (*за кулисами*). Маменька, да подите же сюда; какие вы несносные!

Дарья Семеновна. Сейчас, сейчас, мой ангел... (*Золотникову.*) Сейчас приведу вам ее... Не будьте слишком строги. (*Уходит.*)

Явление V

Золотников (*один*). Господи, что за перемена! Меня не узнала... Вот тебе и урок, Василий Петрович... Тридцать лет вспоминал об ней с наслаждением... воображал ее прежней красавицей. И вот черт меня дернул сюда приехать!

Ах, право, хуже оплеухи,
Как, не выдавшись тридцать лет,
Найдешь в развалинах старухи
Любви восторженный предмет.
Ах! Даша! В прежние годочки
С тобой встречались мы не так;
(*со вздохом*) Тогда ты нюхала цветочки,
Теперь — ты нюхает табак!

Золотников и Александр.

Александр (*кидается отцу на шею*). Батюшка, обними меня. Я согласен... будь по-твоему... я женюсь на ней... она мне нравится, очень нравится. Я доволен, я рад, я счастлив, благополучен... Батюшка, обними меня.

Золотников. Да погоди!

Александр. Нет, обними меня.

Золотников. Да выслушай!

Александр. Нет, обними меня: вот так... еще раз. Конечно, решено, я исполню твою волю: я женюсь на ней, и именно на ней, ни на ком другом, а на ней! Вот придумал, вот отец... Обними меня еще раз.

Золотников. Да выслушай!

Александр. Глаза, талия, волосы... какой характер... Сейчас видно. Батюшка, благослови!

Золотников. Да отвяжись, пожалуйста... Мы ошиблись, это не она.

Александр. Как не она? Она, она, она! Я не хочу, чтоб она была не она!

Золотников. Да я сам ошибся: ты думаешь, что говорил я там в гостиной с дочерью...

Александр. Ну да.

Золотников. Вот в том-то и дело, что она не дочь.

Александр. Как не дочь? Не родилась же она без отца и без матери?.. Чья-нибудь же она дочь?.. Мать была же какая-нибудь, да и отец также.

Золотников. Она племянница.

Александр. Все равно.

Золотников. Да говорят тебе, что она племянница.

Александр. Да хоть бы дядей она была, я все-таки на ней женюсь! Твоя была воля... воля отцовская — закон.

Золотников. Да я прочил тебе другую.

Александр. Нет, воля отцовская — закон!.. Я не хочу другую.

Золотников. Да не шуми; они идут сюда.

Александр. Так пушай нейдут... скажи, чтоб не шли.

Золотников. Да взгляни только.

Александр. И глядеть не хочу.

Те же, Дарья Семеновна и Марья Петровна в розовом платье, скромно идя за матерью.

Дарья Семеновна. Вот вам и моя Машенька, Василий Петрович; прошу любить да жаловать. *(На ухо.)* Держись прямой! *(Громко.)* Она у меня застенчива. *(На ухо.)* Да присядь же хорошенько. *(Вслух.)* Вы ее извините, Василий Петрович: она у меня девушка не светская, все за рукодельем да за книгами.

Марья Петровна *(на ухо матери)*. Да перестаньте, маменька.

Дарья Семеновна. Нет, я ей говорю: «Что ты, Машенька, в свои лета глаза портишь... в твои лета надо искать удовольствий, веселиться», — а она мне говорит: «Нет, маменька, не хочу я ваших светских удовольствий, что в них... Женское дело не танцевать и не кокетничать, а быть доброй супругой, нежной матерью».

Марья Петровна. Маменька, я уйду...

Дарья Семеновна. Поверите ли, я ей все хозяйство отдала на руки — пускай привыкает, а в свободное время музыкой занимается, рисует... Где, бишь, у тебя эта головка, которую ты кончила без учителя, ну, знаешь, этого Аполлона Вельбедерского?

Марья Петровна *(вслух)*. Изорвала. *(На ухо.)* Маменька, вы мне надоели!

Золотников. А вот, сударыня, и сынок мой. *(Сыну.)* Да кланяйся же!

Александр. Не хочу.

Дарья Семеновна. Очень приятно познакомиться; вы в первый раз пожаловали к нам в Петербург?

Александр *(отрывисто)*. Да!

Дарья Семеновна. Долго думаете здесь оставаться?

Александр. Нет.

Дарья Семеновна. Отчего же это так?

Александр. Так.

Марья Петровна. Ах, маменька, ваши вопросы очень не скромны: может быть, им неприятно.

Дарья Семеновна. Да где мне уметь говорить с молодыми? Это твое дело занимать молодых людей... Пойдемте-ка, Василий Петрович; сколько лет не видались, есть о чем переговорить... *(На ухо.)* Пущай они знакомятся: без нас посвободнее будет.

Золотников. Конечно.

Дарья Семеновна. А ты, душенька, похозяйничай здесь за меня; пора привыкать: нынче в девушках, а завтра сама, может быть, будешь жить домком. Все в воле господней. (*Целует ее в лоб и говорит на ухо.*) Не забудь! Два миллиона! (*Вслух.*) Пойдемте, Василий Петрович. (*Уходят.*)

Явление VIII

Александр и Марья Петровна.

Марья Петровна (*в сторону*). Он, кажется, вовсе необтесанный. Ах, жалость какая!

Александр (*в сторону*). Ну как ее можно сравнить с той! У той глаза, талия, волосы... Однако ж и эта порядочная так себе.

Марья Петровна. Не угодно ли садиться?

Александр. Нет-с, зачем!

Молчание.

Марья Петровна. Как вам нравится наш Петербург?

Александр (*рассеянно*). Что-о-с?

Марья Петровна. Петербург вам нравится?

Александр. Петербург, что-ли? Город известный-с!

Марья Петровна. Вы когда приехали?

Александр. В самый день магнитного освещения, изволили, конечно, слышать?

Марья Петровна. Да-с, слышала, а не видала...

Молчание.

В Пассаже вы уж были?

Александр. Как же, давеча внизу подовые пироги ел.

Марья Петровна. Вам нравится?

Александр. Пироги, что ли?

Марья Петровна. Нет... Пассаж.

Александр. Приятное гулянье.

Марья Петровна. Что ж вы не садитесь?

Александр. Не беспокойтесь. (*В сторону.*) Глаза-то, глаза у нее какие... Где у меня были глаза, что я не заметил ее глаз!

Марья Петровна. У нас в нынешнем году славная опера.

Александр. Говорят-с.

Марья Петровна. Вы сами, может быть, музыкант?

Александр. Как же-с! Играю немножко.

Марья Петровна. На фортепианах?

Александр. Преимущественно на валторне.

Марья Петровна. А!

Александр. А вы-с? (*Разнеживается.*)

Марья Петровна. Я пою немножко.

Александр. Неужели? Как это приятно! (*В сторону.*) Я не знаю, отчего она мне с первого разу не понравилась. Она очень-очень мила... И манера какая прекрасная. (*Ей.*) Я, право, не знаю... смею ли я вас просить.

Марья Петровна. Как-с?

Александр. Я говорю... я не знаю, смею ли я вас просить.

Марья Петровна. Что?

Александр. Я не знаю, с первого раза смею ли я просить... Ободрите, пожалуйста.

Марья Петровна (*кокетничая*). Отчего же? Что вам угодно?

Александр. Смею ли я просить... например... (*В сторону.*) Да это прелесть, а не девушка... (*Ей.*) Осчастливьте, пожалуйста, дайте послушать.

Марья Петровна. Да мы ждем гостей.

Александр. Успеете.

Марья Петровна. Я, право, не в голосе.

Александр. Попробуйте.

Марья Петровна (*кокетничая*). Разве только для вас... (*Идя к фортепиано.*)

Александр (*в сторону*). Для вас, для меня... Она сказала для вас... Я ей понравился... Да это не девушка... очарование!

Марья Петровна. Только вы аккомпанируйте, пожалуйста; у меня тут новый романс.

Александр. С удовольствием. (*Садится за фортепиано.*)

Марья Петровна (*поет*).

Скажи, о чем в тени ветвей,

Когда природа отдыхает,

Поет весенний соловей

И что он песнью выражает?

Что тайно всем волнует кровь?
Скажи, скажи, какое слово
Знакомо всем и вечно ново?
Любовь!..

Скажи, о чем наедине
В раздумье девушка гадает?
Что тайным трепетом во сне
Ей страх и радость обещает?
Недуг тот странный назови,
В котором светлая отрада.
Чего ей ждать? Чего ей надо?..
Любви!

Когда от жизненной тоски
Ты, утомленный, изнываешь
И, злой печали вопреки,
Хоть призрак счастья призываешь...
Что услаждает грудь твою?..
Не те ли звуки неземные,
Когда услышал ты впервые —
Люблю?!

Александр (*вскакивает со стула и бежит к Марье Петровне*). Ах, что за голос! Что за голос! Какое чувство! Какая душа!.. Вы меня с ума свели; я... я в восторге, я теперь с ума сойду, коль не позволите надеяться.

Марья Петровна. Как надеяться?

Александр. А разве вы ничего не знаете?

Марья Петровна. Нет.

Александр. Вы не знаете, что ваша старуха была влюблена когда-то прежде в моего старика?

Марья Петровна. Как, и маменька тоже?.. Вот никак бы не думала. Да она мне не говорила об этом.

Александр. Да они никогда об этом не говорят. Вот, батюшка, выдумал, чтоб я бы на вас... или вы за меня. Это все равно... только это от вас зависит. Ну, влюблен, влюблен, совершенно влюблен. Ну, а как вы не согласитесь, я буду самым несчастным смертным.

Марья Петровна. Так говорите же.

Александр. Батюшка желает моего счастья; он только и думает, что о моем счастье; да и я желаю себе счастья — кто не желает себе счастья! Только вы, может быть, не захотите моего счастья?

Марья Петровна. Помилуйте... отчего же?

Александр. Как? Вы хотите моего счастья?.. В самом деле?

Марья Петровна. Разумеется.

Александр. Так я могу надеяться?

Марья Петровна. Я завишу от маменьки.

Александр. Не в маменьке тут дело, в сторону маменьку; вы мне про себя скажите... могу ли я вам нравиться?

Марья Петровна (*жеманно*). Почему же нет?

Александр. Марья... как по батюшке?

Марья Петровна. Петровна.

Александр. Машенька! Я счастливейший человек в мире, я вас стану любить, любить, любить, как никто не любил еще, да и любить не будет!

Марья Петровна. Да подождите же.

Александр. К чему ждать, ждать? Это — лицемерство; я не хочу ждать; я люблю вас, мы любим друг друга, мы будем счастливы; у нас будут дети; делайте из меня что хотите; приказывайте, располагайте, позвольте только доказать вам любовь мою.

Марья Петровна. Вы, право, престранный человек. Однако послушайте, у нас сегодня танцевальный вечер.

Александр. Вы хотите танцевать со мною? Уж не взыщите, как сумею.

Марья Петровна. Все равно, только, видите, у меня нет букета.

Александр. Так что ж? На что вам букет?

Марья Петровна. Оно в моде: иметь в руках букет... Вы не понимаете?

Александр. Нет.

Марья Петровна. Ну так я вам скажу: ступайте за букетом, только из живых цветов.

Александр. Да куда же я пойду?

Марья Петровна. Куда хотите: это уж ваше дело. А мне надо гостей принимать... До свиданья! (*Протягивает руку*.)

Александр (*целует руку*). Какая ручка!

Что за ручки, просто чудо!

Целовать бы век готов.

Марья Петровна.

Ну, ступайте же, покуда,

Привезите мне цветов.

Александр.

Что за странности какие,

Вам в букете что за прок!

Вам на что цветы чужие,
Сами лучший вы цветок!
(Целует ее руку и опрометью кидается к дверям, где
встречается с Золотниковым.)

Явление IX

Александр и Золотников.

Золотников. Куда ты, сумасшедший?

Александр. Батюшка, с букетом поздравляю тебя!.. Обними меня! Я исполню твое приказание... Твое желанье для меня закон! Да! Я женюсь на ней... Я счастлив... Я весь переродился... Из живых цветов.

Золотников. Да что случилось?

Александр. Как что случилось? Я влюблен по твоему приказанию. Воля отцовская — закон! Да! Тебе угодно, я женюсь, когда хочешь, хоть нынче... Родитель, благослови.

Золотников. Да объясни сперва.

Александр. Нет, обними, обними по-родительски... Вот так! Конечно! Я женюсь на ней!

Золотников. Да на ком же, на ней?

Александр. На ней!

Золотников. На племяннице?

Александр. На дочери.

Золотников. На Настеньке?

Александр. На Машеньке, на моей Машеньке, на Марье Петровне. Для всех она Марья Петровна, а для меня Машенька!

Золотников. Да как же ты мне сказывал, что влюблен в другую, в первую?

Александр. В первую?.. нет! Это мне так показалось; впрочем, и она очень, очень, очень милая девушка. Только эту ты сам, отец мой, мне назначил, а к тому же она поет... так поет! Батюшка, ты слышал Гризи?

Золотников. Нет, не слышал.

Александр. И я не слышал, так вот как поет. Ну, едем!

Золотников. Как едем?

Александр. Да, едем за букетами, за конфетами... Она этого желает, она приказала; ну, бери шляпу — едем!

Золотников. Да ступай один.

Александр. Нет, один нейду: ничего не найду; вернемся сейчас.

Золотников. Да объясни, по крайней мере.

Александр. Дорогой все объясню. Не забудь, что от этого зависит судьба всей моей жизни. Ну, идем.

Уходят.

Явление X

Дарья Семеновна, Марья Петровна, Кубыркина
и Катерина Ивановна.

Кубыркина. Это бювар ваш, матушка, конечно.

Катерина Ивановна. Будуар, маменька.

Кубыркина. Ну, все равно, у генеральши Ахлебовой точно такой же есть; скажите, как в Петербурге все живут!

Дарья Семеновна. А вы давно здесь не были?

Кубыркина. Пятнадцать лет; шутка сказать! Только, надо признаться, дорогонько у вас.

Дарья Семеновна. Да, не дешево.

Кубыркина. Помилуйте, за что ни возьмись... Говядина филей тридцать четыре копейки! Слыханное ли дело! Поверите ль, квартиру наняла такую, что у нас в Тамбове стряпчий не захотел бы жить... К чему ни приступись, такая шарите...

Катерина Ивановна. Chertè, маменька.

Кубыркина. Все равно.

Марья Петровна (Катеньке). Ваше платье шито дома или в магазине?

Катерина Ивановна. Конечно, в магазине.

Марья Петровна (в сторону). Солгала; сейчас видно, что дома. (Ей.) А пелеринку где брали?

Катерина Ивановна. В Пассаже.

Марья Петровна. Очень мило.

Дарья Семеновна. Поигрываете ли вы, Аграфена Григорьевна, в карточки?

Кубыркина. Страстная охотница, матушка; только не из интереса, а так, по маленькой.

Дарья Семеновна. А много ли вы теперь выезжаете? Балы начались...

Кубыркина. Да, на беду, Катенька моя захворала; хорошо, что еще натура крепкая, выздоровела скоро, а то доктор боялся, что делается рецитатив.

Дарья Семеновна. Рецидив, матушка.
Кубыркина. И, матушка, рецидив, рецитатив —
все равно. А где же ваша комната, Марья Петровна?
Марья Петровна. Здесь, с этой стороны.
Кубыркина. Ах, позвольте полюбоваться.
Марья Петровна. Пожалуйста.
Кубыркина. Пойдем же, Катенька.
Катерина Ивановна. Сейчас приду, маменька;
только локоны поправлю.

Дарья Семеновна, Кубыркина и Машенька уходят.

Явление XI

Катерина Ивановна (*одна перед зеркалом*). Какая манерная эта Машенька! Из чего она нос подымает? Вот важность, что живет в Петербурге. А разве я ее хуже? Ну, чем?.. Просто ничем, просто ничем не хуже. (*Поет перед зеркалом.*)

Мне самой семнадцать лет,
И спросить любого,
В Петербурге лучше нет
Кати из Тамбова!
Против барышень других
Я ничуть не хуже:
Станом я не меньше их,
В талии поуже,
Густы волосы в косе,
И к тому ж я с детства
Изучала тайны все
Женского кокетства;
Знаю, шалости любя,
Сердцем как лукавить,
Как наверное себя
Полюбить заставить;
А глаза мои и взгляды
Вечно куролесят:
То улыбкой подарят,
То насмешкой взбесят.
Мне самой семнадцать лет,
И спросить любого,
В Петербурге лучше нет
Кати из Тамбова!

Катерина Ивановна и Александр с букетом и коробками.

Александр. Вот и букетец... Насилу достал... Вот еще... *(Роняет все.)* Боже ты мой! Кого я вижу? Катерина Ивановна!

Катерина Ивановна. Александр Васильич! Ах! *(Падает в обмороке на стуле.)*

Александр. С ней дурно... с ней дурно!.. Я испугал... Это для меня... Помогите!.. помогите!

Катерина Ивановна. Да не кричите же!

Александр. Очнулась... очнулась... Катерина Ивановна!

Катерина Ивановна опять падает в обморок.

Фу! опять припадок; она этак задохнется в корсете... Нет ли ножниц, разрезать снуровку... А, вот кстати... *(Берет поспешно с туалетного столика ножницы.)*

Катерина Ивановна *(вскакивая)*. Не подходите! Не трогайте! Что вам надо? Зачем вы здесь?.. Мало вам, что вы обманули меня, что после всех ваших обещаний, уверений вы бросили меня, сироту? Ступайте, не показывайтесь мне на глаза.

Александр. Вот те на! Как, я еще виноват?

Катерина Ивановна. Он спрашивает... виноват ли он... Да вы изверг, а не человек! Вы Дон-Жуан, бесовестный!

Александр. Это что такое, Дон-Жуан?

Катерина Ивановна. Не ваше дело!.. Отвечайте... объясните ваш поступок. Я, право, не знаю, как говорю еще с вами. Ну скажите, пожалуйста... Вы живете у нас в деревне... Вы притворяетесь влюбленным, вы ищете руки моей, и когда я, как неопытная, беззащитная девушка, начала чувствовать к вам склонность...

Александр. Пожалуйста, не глядите на меня так.

Катерина Ивановна. Когда я согласилась на предложение ваше, веряю вам участь свою, вы вдруг уезжаете, не говоря ни слова, не простившись, не напившись даже чаю... как ворточно... *(Плача.)* Ах я несчастная! Что ж я такое сделала?

Александр. Нет-с, позвольте-с... Нет-с, позвольте... Поглядите-ка на меня...

Катерина Ивановна. Извольте...

Александр *(в сторону)*. Фу ты, пропасть... Опять

похорошела... (Ей.) Что, бишь, я хотел спросить? Да, позвольте вас спросить, что вы из меня хотели сделать?

Катерина Ивановна. Как, что... Я думала, что вы будете моим мужем. Ну хорошо ли?.. Ну скажите после этого, на кого вы похожи?

Александр. Я похож на матушку... да не в том дело. Каким мужем хотели вы меня сделать?

Катерина Ивановна. Каким мужем? Обыкновенным.

Александр. Да каким обыкновенным?

Хотелось очень мне узнать бы,
В какие именно мужья,
Спустя недельку после свадьбы,
Попал бы, грешный, с вами я?
Все пополам у жен с мужьями,
Чем их господь благословит,
Но как же муж, скажите сами,
Гусара с вами разделит?

Катерина Ивановна. Какого гусара?

Александр. Что? Не знаете, какого гусара? А вот того гусара-ремонтёра, который гостил у вас в деревне!

Катерина Ивановна. Да он мне братец.

Александр. Какой братец?

Катерина Ивановна. Троюродный.

Александр. Знаю я этих братцев! Спасибо за этакое братство; слуга покорный!

Катерина Ивановна. Вы забываете...

Александр. Нет, я, напротив, очень помню... Вы не притворяйтесь — я все знаю.

Катерина Ивановна. Что вы знаете?

Александр. Я знаю, что он вам письма писал.

Катерина Ивановна. Неправда!

Александр. Вот прекрасно!.. Я сам читал, и что за письма такие... «Ангел мой, Катенька!» Ангел мой... Где они учатся, гусары, этакие письма писать?

Катерина Ивановна. Так вы за это рассердились?

Александр. Мало, что ли?.. Чего бы вы еще хотели?..

Катенька смеется.

Ну, чему вы смеетесь?

Катерина Ивановна. Помилуйте, вы такой смешной!

Александр. Кто, я смешной? Нет, я не смешной, я обижен... Можете вы объяснить, зачем вы получали гусарские письма?

Катерина Ивановна. Нет ничего легче.

Александр. Ну попробуйте объясните-ка!

Катерина Ивановна. Не хочу.

Александр. Катерина Ивановна, пожалуйста, объясните.

Катерина Ивановна. Вы не стоите того.

Александр. Катерина Ивановна! Умоляю вас, объясните... не будьте жестоки.

Катерина Ивановна. Ну, так слушайте; помните вы Катеньку Рыбникову?

Александр. Что у вас гостила? Помилуйте, да она Авдотья.

Катерина Ивановна. Это старшая сестра, а та другая; эти письма к ней, я их только передавала... Он даже хотел на ней жениться.

Александр. Как, в самом деле? Ах, Катерина Ивановна! Дурак я, злодей, нечестивец, клеветник! Терзайте меня, бейте меня. Вез вины виноват! И зачем мне эти гусары лезли в голову? Простите меня, Катерина Ивановна!

Катерина Ивановна. Нет, поздно теперь.

Александр. Катерина Ивановна, так вы невинны?

Катерина Ивановна. Ну, конечно! А впрочем, как вам угодно.

Александр (*бросаясь на колени*). Катерина Ивановна, будьте великодушны, не заставьте умереть с горя.

Катерина Ивановна (*плача*). Нет! Я бедная девушка, я люблю гусаров... Меня каждый оскорбить может... Мне суждено вечно быть несчастной — вечно любить да страдать в одиночестве.

Александр (*на коленях*). Катерина Ивановна, простите меня.

Катерина Ивановна. Вы не будете больше ревновать?

Александр. Никогда, Катерина Ивановна... только...

Явление XIII

Александр и Золотников.

Золотников *(в дверях)*. Ба! Это новость какая!

Катенька убегает.

Александр. Батюшка, это она, Катерина Ивановна, Катя тамбовская! Я изверг рода человеческого — гусар писал письма к Рыбниковой, хотел жениться на Рыбниковой, а она, моя Катенька, любила да страдала меня...

Золотников. Да говори хоть по-русски.

Александр. Она страдала, батюшка, да любила за меня.

Золотников. Да ты, брат, из ума выживаешь!

Александр. Батюшка, обними меня.

Золотников. Отвяжись, болван; всего измял!

Александр. Нет, я должен, я хочу, я решился загладить свое преступление... Я обязан перед Катенькой; я не могу иначе: я женюсь на Катеньке, на моей Катеньке.

Золотников. Да женись на ком хочешь; ты мне надоел наконец. Я даю тебе четверть часа одуматься, а уж там велю освидетельствовать в губернском правлении да посажу в сумасшедший дом. Терпенья никакого не станет! Слышишь ли, чтоб через четверть часа был ответ!

Александр. Батюшка! Обними только.

Золотников. Отвяжись ты, осел, от меня! *(Уходит.)*

Явление XIV

Александр *(один, ходя по комнате)*. Нет! Вот положение... вот положение... Я женюсь на Катерине Ивановне... это решено; это моя священная обязанность... Но я просил руки Марьи Петровны; я взволновал ее воображение... И что за девушка Марья Петровна! Прелесть, идеал, рассудка гибель. Очень и на ней хотелось бы жениться! Да вот Настенька, племянница, и на ней бы недурно было жениться... Вот положение! На трех жениться не позволят, а на одной мало! Вот оно — нежное сердце! вот оно до чего доводит! А тут батюшка с ножом пристал; ему легко было, ведь он женился на матушке, а мне-то каково? Убит, просто убит! Катенька, Настенька, Машенька; Настенька, Машенька, Катенька... Что мне делать? Погибаю во цвете лет!.. *(Падает в кресла с большой спинкой, так что его действующим лицам не видно.)*

Александр, Дарья Семеновна и Кубыркина.

Дарья Семеновна. Я не могу наглядеться на вашу Катеньку, Аграфена Григорьевна: в полном смысле красавица!

Кубыркина. Много милости, Дарья Семеновна. Что вам на чужих глядеть! На свою Машеньку, я чаю, не успеете налюбоваться. Давеча мы говорили об ней с генеральшей Ахлебовой. Вот уж девушка, можно сказать, что девушка!

Дарья Семеновна. Все при себе держала, а вы дома свою воспитывали?

Кубыркина. Дома, Дарья Семеновна.

Дарья Семеновна. Скажите, пожалуйста, какие приемы — точно в большом свете век жила... и скромность какая, как себя держит!

Кубыркина. Я уж тем, Дарья Семеновна, довольна, что она с вашей Машенькой сблизилась. Поверите ль, вот месяц, как мы приехали, а я уж нахожу, что Катя много выиграла. Да у кого и перенимать, как не у вашей Машеньки? Вот примерная девица, и бель-ом какая!

Дарья Семеновна. Бель-фам, хотите вы сказать.

Кубыркина. Да, матушка, все равно... Ну уж, нечего сказать, загляденье ваша Маша.

Дарья Семеновна. А на Катеньку вашу, вы думаете, не весело глядеть?

Кубыркина. Что за манеры!

Дарья Семеновна. Какой бон-тон!

Кубыркина. Какая приятность!

Дарья Семеновна. Какая ласка в разговоре!

Кубыркина. Нельзя не поздравить.

Дарья Семеновна. Со стороны порадуешься.

Кубыркина. Я удивляюсь, как она еще не замужем! Женихов-то, я думаю, и перечесть нельзя!

Дарья Семеновна. Да, есть-таки — четырнадцать генералов сваталось.

Кубыркина (*в сторону*). Врет... просто врет!

Дарья Семеновна. Были и полковники и капитаны; князь был один. Только я Машеньку не неволю, пущай сама выбирает. Ведь ей жить вместе придется, а не мне. Однако ж вам как доброй приятельнице я могу сказать секрет: я сегодня Машеньку свою сговорила.

Кубыркина. Неужто? Вот вышел счастливый день, а я Катеньку сговорила сегодня.

Дарья Семеновна. Дочь моя выходит за богача; да не в том дело — человек хороший! Вы, может быть, слыхали про Золотникова Александра?

Кубыркина. Что? Вот пустяки!.. Моя дочь выходит за Золотникова; они обручены давно... а нынче снова порешили.

Дарья Семеновна. Нет-с, извините... он сейчас же просил руки Машеньки.

Кубыркина. Нет-с, не Машеньки, а Катеньки.

Дарья Семеновна. Машеньки, говорят вам!

Кубыркина. Нет-с, Катеньки... Ваша Машенька, конечно, милая девушка, однако ж где ей сравниться с моей Катенькой! Оно хоть и не очень заметно, однако всем известно, что она немножко ведь кривобока.

Дарья Семеновна. Как? Машенька моя кривобока!.. У вас глаза разве кривобоки... Я ей прикажу раздеться перед вами. Кривобокая! Вот прекрасно! Не с того ли вы это взяли, что у вас-то дочь вся на вате?

Кубыркина. Что? Дочь моя на вате? У меня салоп на вате, а не дочь; дочь моя не салоп. Дочь моя, как родилась, так и есть, а платье она носит только для приличия. Ей обманывать некого.

Дарья Семеновна. Да и не обманет; Золотников даром что недалекого ума, однако ж и не такой же пошлый дурак, чтоб жениться на вашей дочери.

Кубыркина. А почему так?

Дарья Семеновна. А потому, что всем известно, что дочь ваша бегала за гусарским офицером, который посмеялся над ней, да и бросил; и тут же бедную сироту оклеветали, которая ни душой, ни телом не виновата. Благородный поступок!.. Гусар сам рассказывает.

Кубыркина. Вы смеете говорить это мне... Вы! А разве, вы думаете, неизвестно всем, что ваша кривобокая влюблена в итальянского певца? Срам, говорят, смотреть на нее, как в опере сидит... все смеются!

Дарья Семеновна. Да вы, кажется, забываетесь? Я вас к себе впускать не велю.

Кубыркина. Я и сама не поеду; и без вас найдем, слава богу, знакомство: генеральша Ахлебова и получше вас, да находит со мной удовольствие.

Дарья Семеновна. И не удерживаю, матушка, не удерживаю!

Кубыркина. Прощайте, матушка, пойду за Катенькой... Нога моя у вас не будет!

Дарья Семеновна. Скатертью дорога...

Кубыркина. А дочка ваша за нашего жениха не выйдет... не выйдет!

Вместе { Дарья Семеновна. Ваша просидит в девках!
Кубыркина. Я с собой шутить не позволю; у меня дядя — сенатор, я найду себе защиту! Уйти поскорей, чтоб хуже не было!
Дарья Семеновна. Да я вам, да я вас... да это неслыханная грубость!.. Да вы со мною так не разделаетесь! Прощайте, век бы с вами не видеться!

Уходят.

Явление XVI

Александр один, потом Настасья Павловна.

Александр (*из-за кресел*). Вот она! Вот она! Вот она штука-то какая! Одна кривобока, другая на вате. Одна любит гусаров, другая итальянца... а обо мне говорят, что я дурак! (*Выбежав из-за кресел.*) Так нет же, не дурак! Я не позволю себя дурачить... Я сделаю по-своему! Я выберу третью, то есть первую, не ту и не другую, а третью, то есть первую! Вот она, штука-то, вот она, вот она! (*Увидя Настасью Павловну.*) Да, вот и она! Погодите, сударыня, позвольте сказать вам два слова.

Настасья Павловна. Мне?

Александр. Вам... вы на меня сердитесь?

Настасья Павловна. За что?

Александр. Ну-ну, признайтесь, что сердитесь?

Настасья Павловна. Нисколько.

Александр. Как же! Я показал вам с первого раза столько внимания, а потом занялся совершенно посторонними предметами.

Настасья Павловна. Так что же!

Александр. Позвольте сперва спросить, у вас нет родственников гусаров?

Настасья Павловна. Нет.

Александр. Вы не поете итальянских арий?

Настасья Павловна. У меня нет голоса.

Александр. Какая вы бесценная девушка! Настасья... как по батюшке?

Настасья Павловна. Павловна.

Александр. Настенька! Я вам торжественно предлагаю руку свою.

Настасья Павловна. Ах, боже мой! Вы, конечно, нездоровы! Не послать ли за доктором?

Александр. Вы будете моим доктором.

Настасья Павловна. Извините, мне некогда... *(Хочет уйти.)*

Александр *(удерживая)*. Нет, решите сперва участь жизни моей. Не конфузьтесь только; скажите, будет ли вам приятно, чтоб я женился на вас?

Настасья Павловна. Я удивляюсь, как вы смее так говорить со мной. Я бедная девушка, но я не позволю дерзких шуток.

Александр. Да, помилуйте, я не шучу; я имею положительное намерение жениться на вас.

Настасья Павловна. Да кто вам сказал, чтоб я разделяла это намерение! С чего вы взяли, чтоб я вышла замуж за первого встречного? Я знаю, в Петербурге богатые женихи не опасаются отказа, но для меня в жизни есть еще многое, кроме денег. Там, в гостиной, говорили сейчас, что у вас два миллиона, и, признаюсь, по этому случаю я столько наслышалась, что мне гадко стало. Впрочем, вам жениться не трудно, скажите только слово... и невесты сбегутся со всех сторон, а мне нужен не бумажник, а человек, которого я бы могла любить и уважать. Прощайте!

Александр. Настасья Павловна! Выслушайте меня.

Настасья Павловна. Зачем? Вы ошиблись во мне: я не похожа на других... Где вам понять гордость бедной девушки, которая, за неимением других сокровищ, хранит свое душевное богатство? Она не променяет души своей на роскошь, ей не нужную; она может сжальиться и осчастливить, потому что она высоко себя ценит, но никогда не продаст себя.

Александр. Так вы мне отказываете, Настасья Павловна?

Настасья Павловна. Решительно.

Александр. И надежды не оставляете?

Настасья Павловна. Ни малейшей.

Александр. Послушайте, Настасья Павловна, я глуп, смешон, дерзок, неуч — все, что вам угодно; только, право, человек я не дурной. У меня нежное сердце; ну, виноват ли я; ну, поверите ль, — все думаю, как бы привязаться, полюбить хорошенько, да затем и баста! Душа-то,

душа-то, так и шепчет: «Привяжись, болван, привяжись»,— ну, а тут, как нарочно, судьба так и дразнит. То гусар подвернется, то итальянец какой-нибудь, а я в дураках с деньгами! Ну, черт ли мне в этих деньгах... скажите сами... Все хотят моих денег, а меня-то, меня-то самого никто не хочет.

Настасья Павловна (*в сторону*). Он в самом деле жалок. (*Вслух.*) Поищите, не торопитесь — найдете, может быть.

Александр. Да я хочу вас, Настасья Павловна; вы открываете мне глаза. Я чувствую себя новым человеком; сжалюсь над моим богатым положением.

Настасья Павловна. Я вам сказала свой решительный ответ. Будьте уверены, что я говорила с вами по убеждению, а не из пустого кокетства. Не сердитесь на меня; этот урок может быть вам полезен; когда вы будете слишком забываться с некоторыми женщинами, вы вспомните невольно, что есть такие, которые не только заслуживают, но даже требуют уважения. (*Холодно приседает и уходит.*)

Явление XVII

Александр, потом все действующие.

Александр. Фу ты пропасть! Час от часу не легче. Давеча было три невесты, а теперь ни одной!

Золотников (*в дверях*). Ну, что, решился?

Александр. Погодите, погодите...

Золотников. С кем поздравить?

Александр. Да ни с кем: отказала!

Золотников. Кто, Катенька?

Александр. Нет.

Золотников. Машенька?

Александр. Да нет!

Золотников. Так кто же?

Марья Петровна (*входит*). Александр Васильевич, что это значит? Правда ли, что вы делали предложение Катеньке? Вы оскорбить меня хотите? Только это так не обойдется... У меня есть брат на Кавказе... Вы с ним не разделаетесь. Слышите ли?

Александр. Я, право, не понимаю, что вам угодно.

Золотников. Вот она каковская!

Кубыркина (*входит*). Она уже здесь, а я-то на

что? Выпровожу, не оставлю вдвоем. Марья Петровна, а я у вас в комнате платочек оставила. Позвольте получить.

Марья Петровна (*в сторону*). Какая несносная! Вот вовремя пришла! Сейчас принесу-с.

Кубыркина. Извините за беспокойство! (*Уходит.*)

Катерина Ивановна (*входит*). Александр Василич, что я узнала? Вы опять хотите обмануть меня: на Машеньке сватаетесь. Это уж слишком... Это вам не пройдет даром — мой троюродный брат вступится за меня, будет биться с вами на пистолетах, убьет, непременно убьет!

Золотников. Хороша и эта.

Дарья Семеновна (*входит*). Так и есть, она уж подцепила молодца: а я-то на что? Катерина Ивановна, вас маменька зовет.

Катерина Ивановна (*в сторону*). Вот в пору пришла, чтоб ее... (*Вслух.*) Где ж она?

Дарья Семеновна. Сюда, кажется, пошла; я вас провожу... (*В сторону.*) А уж вдвоем не оставлю.

Уходят.

Александр. Слышишь, батюшка, что за история.

Золотников. Молчи!

Настасья Павловна (*проходя через сцену*). Ах, я думала, что вы уехали!

Александр. Нет, я иду... я еду... Настасья Павловна, я в отчаянии.

Кубыркина, Катенька, Машенька, Дарья Семеновна выбегают из разных дверей и кидаются на Александра, скороговоркой и почти вместе.

Дарья Семеновна. Нет, это так оставаться не может!

Кубыркина. Это должно объясниться!

Марья Петровна. Да-с, извольте сказать правду!

Катерина Ивановна. Довольно я страдала от вас!

Вместе { Дарья Семеновна. Вы сватались на моей Машеньке?

Кубыркина. Вы сватались на моей Катеньке?

Дарья Семеновна. Я не дам оскорбить моей дочери.

Кубыркина. А я буду жаловаться; у меня дядя сенатор.

Катерина Ивановна. Да что же вы глаза вытаращили?

Марья Петровна. Что вы стоите как вкопанный? Говорите же, объясните!

Золотников (*выбегая на авансцену*). Саша, Саша! Здесь ты? Саша, пропали мы с тобой! Погиб! Беда случилась! Дурно мне!

Александр (*с испугом*). Батюшка! Что это с тобой сделалось?

Золотников. Лопнул! Лопнул!

Александр. Кто лопнул?

Золотников. Тамбов.

Все. Тамбов!

Александр. Что, землетрясение?

Золотников. То есть не Тамбов, а откуп тамбовский, залого все пропали — ведь на два миллиона было... все мое состояние! Вот письмо получил. Деревенька одна осталась, и ту с молотка... Саша!.. У нас ничего нет больше.

Александр. Ну, слава богу! А я так перепугался: думал, что с тобой холера сделалась! Ну и к чему так кричать? Денег у тебя не будет, а я-то на что, я-то на что?

Настасья Павловна (*прислушиваясь*). Да он благородный человек!

Марья Петровна. Ах, бедная Катерина Ивановна!

Катерина Ивановна. Ах, несчастная Марья Петровна!

Кубыркина. Жалко мне вас, Василий Петрович; вот! Можно сказать... неприятный контреданс.

Катерина Ивановна. Kontrdans, маменька.

Кубыркина. Все равно; вам остается смириться перед Промыслом... Сын ваш молод; теперь он остепенится, как женится на Марье Петровне.

Дарья Семеновна. Нет, сын ваш сватался к Катерине Ивановне; я у нее женихов не отбиваю — пускай живет счастливо.

Золотников. Да позвольте спросить: кто же выходит за Сашу?

Марья Петровна. Уж, конечно, не я.

Катерина Ивановна. Да и не я!

Золотников (*Настасье Павловне*). Так не вы ли?

Александр. Нет, батюшка; она мне и богатому-то отказала! Пойдем отсюда; пора за ум взяться: от денег-то у меня и голова кругом пошла; такая забилась дурь в голову. Теперь надо самому быть человеком. Что ж ты думаешь, чурбан я, стул, скотина какая-нибудь, не чувствую,

чем я тебе обязан? Ты поработал на своем веку для меня, слава богу; теперь моя очередь. Обеспечу тебя, прокормлю тебя, работать стану, пойду во что угодно, в магазин, в поденщики, в сапожники, в мастеровые, в батраки, в журналисты, в литераторы! (*Публике.*) Господа, есть ли у кого местечко? Без протекций, вы сами знаете, ведь трудно. Не откажите, оправдаю: честен, добр, предан, останетесь довольны! Ну, пойдем, батюшка, будем сами собой, а не придачей к своим деньгам. Урок этот стоит всего твоего богатства.

Золотников. Ну, пойдем.

Настасья Павловна. Погодите, Александр Васильевич, я перед вами виновата.

Александр. Вы?

Настасья Павловна. Я оскорбила вас давеча, потому что не знала благородства ваших чувств.

Александр. Не говорите, не говорите, а то опять сердце пойдет вверх дном; я теперь и свататься не смею.

Настасья Павловна. А я только теперь могу согласиться на ваше предложение; во мне много гордости, и я чувствую, что могу заменить все, что вы потеряли. Вот вам моя рука.

Александр. Что я слышу? Настенька... Настасья Павловна!

Золотников. Дочь моя! Обними меня... Ну, и ты обними меня, только в последний раз.

Катерина Ивановна. Как трогательно!

Кубыркина. Вот глупость-то!

Дарья Семеновна. Да скажите, Василий Петрович, как это несчастье могло с вами случиться?

Золотников. Да оно, извольте видеть, матушка, не случилось, а могло только случиться.

Кубыркина. Что это значит?

Золотников. А это значит, что я еще в прошлом году отказался от всех откупов, а два миллиончика пойдут, так уж и быть, Настеньке на булавки. Схитрил, матушка; грешный человек! Вот Сашу своего выручить хотел.

Настасья Павловна. Так вы меня обманули?

Дарья Семеновна. Это из рук вон!

Марья Петровна. Какова Настя? Ведь провела, догадалась, должно быть.

Катерина Ивановна. Наперед все знала; впрочем, я очень рада!

Кубыркина. Это ни на что не похоже; мы не дадим себя дурачить; у меня дядя сенатор!

Слуга *(входит)*. Гости приехали.

Дарья Семеновна. Пойдем, Машенька; делать нам здесь нечего. А ты, матушка, поздравляю — мастерица! Отплатила за мои попечения! Всех провела!

Настасья Павловна. Я всех провела... Они в самом деле подумают... Это нестерпимо! Нет, я скорей откажусь от слова.

Золотников. А кто говорил, что слово свято? Нет, если всякого толка бояться, так и жить нельзя будет. Нет, пускай говорят, что угодно, а мы веселым пирком да за свадебку.

Александр. Поскорей бы, батюшка!

Золотников. То-то же! А ты гляди на жену да выбей пустяки из головы, и будет тебе радость да утешение, а не беда от нежного сердца.

Александр.

Свои окончив похождения,
Теперь, в решительный сей час,
Просить я должен снисхожденья
За сочинителя и нас.
Боимся мы, что надоели,
Вы нас утешьте, господа,
Чтоб сердца нежного беда
Бедой не вышла в самом деле!

П. С. ФЕДОРОВ

Аз и Ферт

**ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ
В ОДНОМ
ДЕЙСТВИИ**

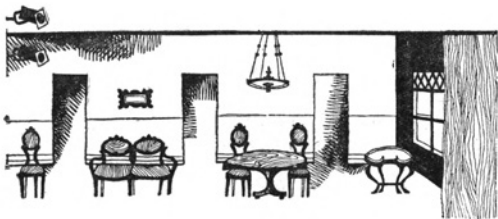
1850

Действующие лица

Иван Андреевич Мордашов.
Марфа Семеновна, его жена.
Любушка, его дочь от первого брака.
Август Карлович Фиш.
Антон Николаевич Фадеев.
Акулина, кухарка Мордашова.

Действие происходит в С.-Петербурге, в квартире Мордашова.

Простая, но опрятно убранная комната; дверь в середине и две по бокам; направо, на первом плане, окно с занавесками.

Явление I

Марфа Семеновна, Любушка. Марфа Семеновна сидит налево; Любушка стоит подле нее.

Марфа Семеновна. Кто ж бы 'это был, Любушка? Я что-то забыла.

Любушка. Ах, маменька, как вы это не понимаете? Два месяца тому назад вы видели его у Олонкиных.

Марфа Семеновна (*припоминая*). Два месяца назад... Когда же это?

Любушка. Да на именинах у Сонюшки... Мы еще в этот вечер танцевали до пяти часов... Помните, еще был музыкант от Бертова моста?

Марфа Семеновна. Вспомнила, вспомнила!.. Только вот физиономию-то его не могу припомнить... Да какой он этак на вид, Любушка?..

Любушка. Этакой, не то что высокий, не то среднего роста; так между блондином и брюнетом... Очень, очень недурен собой... Я удивляюсь, как вы не вспомните!.. Еще он танцевал со мной первый кадриль, потом пятый кадриль, потом танцевал седьмой кадриль, да два раза польку-трамблям... Да польку-мазурку... Да вальсировал раза три...

Марфа Семеновна. Так он тебе очень понравился?

Любушка. Ах, чрезвычайно, маменька!.. Да еще бы не понравиться... Он такой милый, такой умный. Право, маменька, редко найдешь нынче такого молодого человека.

Марфа Семеновна. Ну, и ты ему понравилась?

Любушка. Разумеется, понравилась... А то зачем бы ему было искать случаев беспрестанно со мною встречаться... Ведь недаром же он переехал против наших окошек.

Марфа Семеновна. Да, да... уж, конечно, недаром... И, должно быть, он человек аккуратный, не бедный... Из окна видно, что у него так все хорошо убрано.

Любушка. Как же, маменька! Пунцовые полумериносовые занавесы повешены.

Марфа Семеновна. А зачем же это, Любушка, у него портреты выставлены на окне?

Любушка. Ах, маменька, ведь я говорила вам, что он живописец... Он рисует какие угодно портреты... Да, сверх того, еще учит рисовать во многих пансионах.

Марфа Семеновна. Так он и учитель?

Любушка. Как же, маменька, учителя! И превосходный учитель... Представьте себе: третьего дня, как я была у Сонечки Олонкиной, он тоже является туда. Мы проговорили целый вечер... И вдруг он мне говорит: знаете ли, говорит, Любовь Ивановна, ведь я нарисовал на память ваш портрет... Я и пристала к нему: покажите, покажите. Нет, говорит, он еще не совсем отделан, да я иначе и не покажу его вам, как в вашем доме! Я и сказала ему: ну, познакомьтесь с папенькой... Он и дал слово, как только кончит портрет, так тотчас же явится к папеньке.

Марфа Семеновна. Ах, Любушка, а что скажет Иван Андреевич! Ведь отец твой такой взбалмошный, что и отродясь не выдывала... Как заберет что в голову, так обухом не вышибешь... Иной час все у него хорошо, а иной, как невпопад, так просто беда.

Любушка. Ну уж он сказал, что будет, то будет!.. Да и помилуйте, маменька, как не принять в дом такого человека... Я чувствую, что только с ним могу быть счастлива... Уж этакой жених не чета Алексею Петровичу Фурсикову, за которого совсем было выдал меня папенька.

Марфа Семеновна. Ну да и слава богу, что эта

свадьба расстроилась... Алексей Петрович мне нисколько не нравился... Ведь это только твоему отцу могла прийти в голову такая блажь... Выдать тебя за пятидесятилетнего урода. С ума сошел!.. Видишь ли, говорит, богат!

Любушка. Мне не нужно богатства: мне нужно сердце, пламенная душа!

Вы сами по себе судите:
Ведь если вы вступили в брак,
Так, верно, по любви. Скажите?

Марфа Семеновна.

Уж и сама не знаю как.

Любушка.

Ужли ж так сердце ваше мало
Любовью было занято?

Но что ж в замужестве вас пленяло?

Марфа Семеновна.

Уж и сама не знаю что!

Любушка. Нет, маменька, я хочу выйти замуж по любви... Не иначе как по любви.

Марфа Семеновна. Разумеется... Уж кроме Фурсикова и женихов не стало на свете. Слава богу, у тебя таки было их на порядке... Ты у меня такая умница, такая красавица, что не останешься в девушках, особенно с твоим приданым... Подожди только.

Любушка. Подожди! А между тем время уходит... Ведь уж мне восемнадцать лет... Вон Соничка Морозова моложе меня полугодом, а успела замуж прежде меня.

Марфа Семеновна. Ну, и ты выйдешь!

Явление II

Те же и Мордашов.

Мордашов (*в халате входит при последних словах из дверей с правой стороны*). Разумеется, выйдешь... наиположительным образом выйдешь... Да еще бы не выйти!.. Еще бы Любе не выйти... Этакое богатое приданое!.. Все белье из голландского полотна... из настоящего голландского... Посуда фаянсовая на двадцать четыре персоны; то есть положительно на двадцать четыре... Серебра двадцать три фунта!.. С лишком двадцать три фунта, а ведь все восемьдесят четвертой пробы!.. Только терпение, терпение, терпение! Я уж тебе выберу, выберу! Вот какого выберу!

Любушка. Ну уж выберете! Опять такого, пожалуйста, как этот Фурсиков.

Мордашов. Ты глупа! Очень глупа!.. Толку не знаешь в женихах... Вовсе толку не знаешь!

Марфа Семеновна. Ну, уж ты-то знаешь толк... Вот и кроме Фурсикова ведь сколько было женихов у Любушки, а все не по тебе.

Мордашов. Дрянь! Чистая дрянь!.. Да и не по ее приданому.

Марфа Семеновна. А Павел Николаич? А Петр Антоныч? Разве это дрянь?

Мордашов. Ты филя, Марфа Семеновна, наичистейшая филя.

Марфа Семеновна. Иван Андреич, помилуй, что у тебя за выражения!

Мордашов. Да как же тебя назвать иначе, когда ты сама не понимаешь, что говоришь! Уж если я кому отказал, так, стало быть, имею резон... наиположительный резон... Дайте только срок, я найду Любе жениха... Найду самого наичудеснейшего жениха!

Любушка. Да, когда еще это будет, как все станете браковать.

Мордашов. Люба! Ты пустомеля. Бесстыдная пустомеля! Если б я был девушкой, у меня язык бы не повернулся сказать это отцу!.. Ну, право бы, не повернулся.

Марфа Семеновна. Бог знает, что и ты-то говоришь, Иван Андреич! Ведь Любушке обидно... Вот Соничка Морозова чуть ли не годом моложе ее, а на прошлой неделе вышла замуж.

Мордашов. Как же я этого не знал?

Любушка. Как не знали, папенька? От них и билет был, да вы не хотели и взглянуть... Еще рассердились, как я стала проситься на свадьбу.

Мордашов. Еще бы ехать! Тут ведь сколько расходов. И не перечесть, сколько расходов!.. И платье новое, и перчатки, и карета... Безделица, карета!

Любушка. А говорят, какая веселая свадьба была... Пятеро музыкантов играли!

Мордашов. Да за кого вышла-то она?

Марфа Семеновна. Человек, говорят, прекрасный.

Любушка. Какой-то Фролов.

Мордашов *(вскрикнув)*. Фролов!.. Как его зовут?.. Как по имени зовут?

Любушка. Позвольте, вот тут билет. (*Берет со стола билет.*) Александр Петрович.

Мордашов (*с криком*). Александр Фролов!

Марфа Семеновна. Разве ты его знаешь?

Мордашов. Не знаю... решительно не знаю... Но ведь надобно же быть такому несчастью. Такому ужасному несчастью!

Любушка. Какое ж тут несчастье, папенька?

Мордашов. А такое, что этот Александр Фролов должен бы жениться на тебе. То есть наиположительным образом должен бы жениться на тебе...

Любушка (*с удивлением*). Это отчего?

Марфа Семеновна. Вот еще новости!..

Мордашов. Вы обе глупы. Наичистейшим образом глупы. Ну отчего вы мне прежде о нем ничего не сказали?

Марфа Семеновна. Да разве мы его знали?

Любушка. Да если б и знали, что ж бы за польза была?

Мордашов. А такая польза, что не Соничка твоя, а ты сама была б его женой. Уж во что бы ни стало, а уж ты была бы его женой!

Любушка. А если б он мне не понравился?

Мордашов. Ну это еще буки! Мы бы посмотрели, как бы он тебе не понравился... Александр Фролов! Боже мой, и я упустил такого жениха, упустил такого наивыгоднейшего жениха!

Марфа Семеновна. Воля твоя! Ты в уме рехнулся. Тебя понять нельзя.

Мордашов (*ходя по комнате*). Александр Фролов! Только бы мне этого и нужно... Хоть бы он овдовел! Хоть бы овдовел скорее.

Любушка. Ах, папенька, что это вы говорите!.. Сонечка моя подруга... Она так счастлива...

Мордашов. А мне что за дело!.. Мне какое дело. Мне нужен Александр Фролов.

Марфа Семеновна. Как будто уж на свете других женихов не стало. Да захоти только, так у Любушки завтра же будет жених.

Любушка. Да, папенька, только бы вы захотели.

Мордашов. Не ваше дело! Решительно не ваше дело!.. Оставьте уж это на мое попечение... Я вам уж сделаю сюрприз... Подите-ка распорядитесь, чтоб у нас был сегодня порядочный обед... то есть такой настоящий обед.

Марфа Семеновна. Это еще для чего?

Мордашов. Ни слова, ни полслова!.. Слушайте, что вам говорят... Ну, марш! (*Выпроваживает их в дверь налево.*)

Явление III

Мордашов (*один, ходя по комнате и размышляя*). Александр Фролов! Аз и ферт! Этого бы только мне и нужно... Прозевал! Нечего делать, прозевал. А жаль! Очень жаль. Необычайно жаль!.. Надо опять искать моих вензелей... А все этот Алексей Фурсиков втянул меня в хлопоты... Представьте только себе. Был у меня приятель... Человек богатый, то есть положительным образом богатый... и холостой... На вид решительно холостой... Ударили мы с ним по рукам... сговорил я за него Любу. Ну наирешительно сговорил... Жена и дочь у меня было и руками и ногами, да ведь у меня расправа коротка: молчать! (*Грозит пальцем.*) Молчать, ни слова. Я так хочу! И все пошло как по маслу. Ну, совершенно как по маслу. Угораздило же меня пустить ему пыль в глаза... Ну, знаете, этак из самолюбия и ему и всем захотелось пустить пыль в глаза... Постой же, думаю, пусть дивятся! Дочь одна, так дам же ей приданое... Вот какое дам приданое. У меня ведь, знаете, прикоплено кой-что... Я ведь себе на уме... Был случай, хороший случай... не упустил, понакопил-таки... наиположительным образом понакопил... Я ведь только представлялся таким... Право, только что представлялся... а ведь я себе на уме. Вот я и давай делать белье из голландского полотна. Из настоящего голландского!.. Давай покупать фарфоровую да фаянсовую посуду. Да ведь все английскую посуду!.. Давай заказывать серебро, и ведь этакое, знаете, серебро а-ля-рококо... И ложки, и вилки, и ножи, и чайники, и молочники... Ну, словом, всего двадцать три фунта выделал, с лишком двадцать три фунта а-ля-рококо восемьдесят четвертой пробы... Но это бы все еще ничего... а пыль-то я хотел пустить в глаза вот чем.... На всем на том велел я вышить и вырезать вензеля: «Аз и Ферт», то есть, Алексей Фурсиков. У всех, мол, больших господ делают вензеля, так и у нас будет сделано... И сделал, право, сделал. А он, жених-то мой, Алешка-то Фурсиков, почти перед самым днем свадьбы приходит и чуть не воет... Просто чуть наинижайшим образом не воет. Виноват, говорит, что хочешь де-

лай, говорит, не могу жениться на твоей дочке, говорит. Я так и обомлел... Что ты шутишь, что ли, говорю?.. Нет, говорит, не шучу... На меня, говорит, хочет подать просьбу экономка. Ну, понимаете, экономка... ребята... Что было делать? Разругал его, выгнал вон. Наипозорнейшим образом выгнал вон, а приданое вот и осталось на шее с вензелями. Что ж ему пропадать, что ли? Продавать за бесценок, что ли? Стирать с серебра, что ли, вензеля?.. Нет, я не так глуп. Я давай искать жениха Любе с таким именем и фамилией, чтоб подходил под мои вензеля... Ведь умно? Правда, ведь очень умно?.. Недавно представился было мне случай, нечуднейший случай, да прозевал. Пошел я прогуляться в Екатерингоф... Сел на скамеечку у озера... Вижу, сидит подле меня этакой франтик и курит сигарку... Я и вступил в разговор... Досадно, говорю, не взял сигарок... а чудно бы здесь покурить на вольном воздухе... Да не угодно ли, говорит, и подал мне сигарку. Подал самую настоящую сигарку... Знаете, это было мне так приятно... Ну, понимаете, вежливость! Такая деликатная вежливость... Я и спрашиваю: позвольте узнать имя, отчество и фамилию... Что ж бы вы думали, он мне сказал?.. Антон Николаевич Фадеев. Меня как обухом по голове, то есть наиположительным образом как обухом. Да ведь ни с чего другого, а от радости. Аз и ферт. Просто в глазах потемнело, решительно потемнело... Стой, говорю, тебя-то мне и надо. Глядь, а уж его и след простыл! Бежит за какими-то сорванцами... Я за ним, он от меня, только и видел. Сколько ни искал, часа четыре искал... не нашел... нигде не нашел. Сколько потом о нем ни узнавал, ничего не узнал, решительно ничего не узнал.... Так уж было досадно, что и сказать нельзя!.. А ведь какой жених-то был! Какой наипревосходный жених! Антон Фадеев! Ну, словом, мой вензель, ну совершенно мой вензель... Несчастье, наихудшее несчастье! Однако ж, сегодня у меня есть надежда на одного человека... Я жду его с часу на час... Признаться, стоило мне денег... Стоило порядочных денег заманить его сюда!

Слышен звонок.

Звонят... Не он ли? Ах, как сердце замерло... Фу, как замерло! Идут. (*Увидя входящего Фиша.*) Так и есть!.. Незнакомый мужчина! Решительно незнакомый.

Явление IV

Мордашов, Фиш. Фиш одет весьма неважно.

Фиш. Извините-с...

Мордашов. Что вам угодно?

Фиш. Не с Иваном ли Андреичем имею-с честь говорить?

Мордашов. С ним. А вам что от меня нужно?

Фиш. Одной минуты-с терпения-с...

Мордашов (*в сторону*). Кажется, глуп! Очень глуп!

Фиш. Я имею-с к вам дело-с, очень важное-с дело-с...

Мордашов (*в сторону*). И физиономия глупая... Наиположительным образом глупая! (*Вслух.*) Какое же дело?

Фиш. Я узнал-с, что вы изволили перекупить-с вексель-с.

Мордашов (*со вниманием*). Что? Что?

Фиш. Вексель-с в полтораста рублей серебром, которому сегодня срок-с...

Мордашов. Так, стало быть, вы?..

Фиш. Точно так-с! Эти деньги занял я-с... И вексель дан мною-с.

Мордашов. Так, стало быть, вы...

Фиш. Август Карлыч Фиш.

Мордашов (*в сторону*). Август Фиш! Аз и ферт! Теперь ты не уйдешь от меня. (*Замыкает среднюю дверь.*)

Фиш (*в сторону, робко*). Замыкает двери! Уж не хочет ли он принять какие-нибудь насильственные меры?

Мордашов. Садись, Август.

Фиш. Покорнейше-с благодарю-с... (*В сторону.*) Что это у него так и вертятся глаза!.. Меня начинает проби-
рать лихорадка... (*Вслух.*) Покорнейше благодарю-с

Мордашов. Садись же!.. (*Сажает его насильно на стул.*) Садись, говорят!

Оба садятся.

Фиш (*в сторону*). Какой странный характер! (*Вслух.*) Вам, быть может, неизвестно-с, что меня вынудило сделать-с этот долг-с?.. (*В сторону.*) Надо его как-нибудь разжалобить.

Мордашов. Ведь ты, кажется, купец?.. Кажется, вильмандстрандский купец?

Фиш. Точно так-с... имею-с сигарочный и папиросный магазин-с.

Мордашов. Ну, так, стало, занял на какую-нибудь спекуляцию?.. То есть, на этакую какую-нибудь спекуляцию, то есть аферу?

Фиш. Именно-с... вы изволили угадать-с... Для заведения сигарочной и папиросной фабрики-с... Да, к несчастью-с, мне попался-с такой компаньон-с...

Мордашов. Который тебя надул? Наичистейшим образом надул?

Фиш. Да-с, именно надул-с!

Для пользы я товарища взял в долю

И волю дал ему в моих делах;

А он уж взял такую в деньгах волю,

Что вдруг меня оставил на бобах!

Дела мои так сделались круты,

Что уж к займам пришлось мне прибегать...

Мордашов.

Ну, словом, ты так делал, как банкроты:

Ты занимал, чтоб денег не отдать.

Фиш. Ах, как можно-с!

Мордашов. Ну, разумеется... а все-таки жаль мне тебя, братец, наичувствительнее жаль.

Фиш (*в сторону*). По всему видно, что человек не церемонный и предобрый... а странный характер. (*Вслух.*) Между тем-с вот наступил срок векселью-с... И так как я узнал-с, что вексель-с мой у вас...

Мордашов. У меня! Вернейшим образом у меня... И вот уж последний месяц прошел... Не так ли, ведь последний месяц, Андрей Карлыч?

Фиш. Август-с.

Мордашов. Какой август... у нас теперь май!

Фиш. Нет-с... я говорю, что меня зовут-с Августом-с...

Мордашов. Ну, Андрей ли, Август ли — все равно: тот же аз... Ну, а ты не можешь мне заплатить, то есть самым наирешительным образом не можешь?

Фиш. Ах, никак не могу-с!.. Обстоятельства-с... компаньон-с... торговля-с... столько папиросных фабрик-с...

Мордашов. Вздор! Все чистейший вздор.

Фиш. Нет-с, кланюсь честью-с... не вздор-с... я говорю истинную правду-с.

Мордашов. Не в том дело... Я говорю, что полтора-ста-то серебром вздор... дрянь! Наичистейшая дрянь... Отвечай-ка мне, брат Андрей...

Фиш. Август-с...

Мордашов. Да, бишь, Август... Ты из немцев, что ли?

Фиш. Папенька был немец-с, а маменька русская-с.

Мордашов. А фамилия твоя Фиш? То есть положительным образом Фиш?

Фиш. Фиш.

Мордашов *(в сторону)*. Аз и ферт! Вот они... в руках. *(Вслух.)* Скажи-ка, женат ты или нет?

Фиш *(в сторону)*. Разжалоблю уж его вконец... Кажется, он такой чувствительный... *(Вздыхая.)* Ах!..

Мордашов. Что ты вздыхаешь? Отчего так вздыхаешь?

Фиш *(жалобно)*. Иван Андреич-с, сжальтесь над несчастною женою-с.

Мордашов *(озадаченный)*. Что? У тебя есть жена?

Фиш. Ах, есть-с!.. И я единственная ее подпора.

Мордашов *(вскочив со стула)*. Меня обокрали! Наибесчестным образом обокрали.

Фиш *(также)*. Иван Андреич-с... сжальтесь над несчастным мужем и отцом-с... Отсрочьте вексель-с... и мои пятеро малюток будут благословлять-с ваше имя-с...

Мордашов. Пятеро малюток!.. Жена и пятеро малюток!

Фиш. Да-с, а скоро будет и шестой-с.

Мордашов *(отставляя с сердцем от него стул)*. Пошел вон! Сию минуту пошел вон!

Фиш. Помилуйте-с... Иван Андреич! Что я сделал-с?

Мордашов. Вон!.. Или постой... Нет, я лучше тебя упрячу в тюрьму... Посидишь ты у меня и посидишь!..

Фиш. Иван Андреич... Не губите-с.

Мордашов. Ты обманщик... Хуже! Банкрут!.. Хуже! Муж... Хуже! Отец пятерых детей, а скоро и шестого.

Фиш *(в сторону)*. Какой странный характер! *(Вслух.)* Помилуйте-с, да неужели ж вам этого-с мало-с?

Мордашов. Еще мало! Слышите? Этого мало? Я покупаю его вексель, так вот с ветра... Совершенную дрянь покупаю, а не вексель... Принимаю в дом, ласкаю, то есть как приятеля ласкаю... Сажаю рядом с собой... Думаю, что он один себе, наиположительным образом один себе, холостяк... А у него жена... пятеро детей да скоро и шестой будет.

Фиш. Как, так вы-с за это только изволили рассердиться-с?.. Успокойтесь же, Иван Андреич-с... я соврал... Я не женат-с... У меня нет-с детей-с.

Мордашов. Что? Может ли быть?.. Да нет, брат, вздор... наичистейший вздор.

Фиш. Клянусь честью-с... Я никогда не был-с женат-с. Я для того-с это сказал-с, чтоб вас разжалобить-с... Извольте у кого угодно-с справиться.

Мордашов. Так кто ж тебе велел лгать?.. Сам же и виноват, что я тебя обругал... Возьми же стул... сядем, потолкуем, то есть откровенным образом потолкуем.

Фиш (*в сторону*). Какой странный характер у этого старичишки.

Мордашов. Да садись же! (*Сажает его на стул.*) Скажи, видел ли ты мою Любу?

Фиш. Как-с, Любу?

Мордашов. То есть, знаешь ли ты Любовь Ивановну?

Фиш. Знаю-с!.. Любовь Ивановна-с держит у нас в улице-с кухмистерский-с стол-с.

Мордашов. Какой кухмистерский стол? Кто тебе говорит про кухмистерский стол! Любовь Ивановна — моя дочь... Понимаешь ли, то есть положительным образом моя единственная законная дочь!

Фиш. Ах, виноват-с. Нет-с, не имею чести знать-с.

Мордашов. Ну все равно! Решительно все равно! Хочешь ли ты понравиться моей Любе?

Фиш. Как понравиться-с?

Мордашов. Ну так же, как нравятся девушкам... Выбирай же: жениться на ней... или идти в тюрьму?

Фиш (*в сторону*). Какой странный характер... Верно, у него дочь урод или чучело.

Мордашов. Ты думаешь, брат, что моя дочь... какая-нибудь дрянь... наичистейшая дрянь... Нет, ошибешься!.. Ей только восемнадцать лет.

Фиш. Восемнадцать... (*В сторону.*) Мне кажется, он врет. Недаром он мигает одним глазом.

Мордашов. Моя дочь красавица, то есть наисовершеннейшая красавица... И, сверх того, все белее из голландского полотна, из чистейшего голландского полотна... Фарфоровая и фаянсовая посуда, настоящая английская посуда... и серебра двадцать три фунта, с лишком двадцать три фунта, и все восемьдесят четвертой пробы.

Фиш. Прекрасное приданое-с.

Мордашов. А еще чего можно ожидать от меня впереди... Ты не можешь себе представить, чего можно ожидать!.. У!..

Фиш. А... а мой вексель-с?

Мордашов. Что вексель — дрянь! Наичистейшая дрянь! Я его затем только и купил, чтоб заманить тебя к себе.

Фиш. Неужели я имел-с честь так понравиться-с?

Мордашов. Ты думаешь — моей дочери!.. Да она тебя никогда не видела, положительно никогда в глаза не видела.

Фиш. Так, верно-с, я вам-с имел честь понравиться-с?

Мордашов. Мне?.. Нет!.. То есть скажу тебе откровенным образом, что когда ты вошел сюда, так мне с первого взгляда показалось, что ты глуп... и по виду и по разговору показалось, что ты глуп.

Фиш. Да-с... с первого взгляда-с... а потом-с?

Мордашов. И потом... и теперь я все еще того же мнения... Но то не беда: ты можешь быть хорошим мужем... Ты должен понравиться моей дочери, или в тюрьму... То есть, наивернейшим образом в тюрьму.

Фиш (*в сторону*). Какой странный характер.

Мордашов. Ты, может быть, думаешь, что у моей дочери нет женихов?.. Извини, были, ну да ускользнули... а благо ты подвернулся, брат, Андрей Карлыч...

Фиш. Август-с.

Мордашов. Все равно: тот же аз.

Фиш (*в сторону*). Какой странный характер!

Мордашов. Тсс... Вот и жена и дочь... Смотри же...

Явление V

Те же и Марфа Семеновна, Любушка.
Входят с левой стороны.

Мордашов (*идя им навстречу*). Марфа Семеновна! Люба! Рекомендую... Это сын лучшего моего друга, сын старинного моего друга... Андрей Карлыч Фиш.

Фиш. Август...

Мордашов. Оставь!.. (*Вслух.*) Вот, Август Карлыч, моя жена и моя дочь... Понимаешь ли, моя единственная дочь!

Любушка (*тихо матери*). Какой урод!

Марфа Семеновна (*тоже дочери*). Откуда он выкопал этого немчурку?

Фиш (*в сторону*). Да она прехорошенькая! Право, хоть куда.

Мордашов (*жене и дочери*). Я думаю, вы не раз слышали его фамилию, весьма известную в коммерции фамилию; он фабрикант... наизамечательный фабрикант.

Марфа Семеновна. Фабрикант?

Мордашов. И капиталист. Наибогатейший капиталист. Миллионер!

Фиш (*дергая его*). Иван Адреич-с... вы уж чересчур-с.

Мордашов. Оставь меня... Человек, известнейший на бирже. Человек с наилучшей репутацией на бирже!

Марфа Семеновна. Очень приятно познакомиться... Прошу покорно садиться...

Любушка (*тихо матери*). Маменька, что вам за охота просить его еще садиться.

Мордашов. Андрей... то есть Август Карлыч, только что приехал в Петербург из Лондона... Там у него разные спекуляции, наибогатейшие спекуляции... Да, Август Карлыч, ты ведь у нас сегодня обедаешь? Ну, разумеется, у нас обедаешь... Он у нас сегодня обедает... Слышишь, Марфа Семеновна... обедает! Извини, Август Карлыч, что они одеты по-домашнему. Ну, знаешь, не ожидали такого гостя, такого наиприятнейшего гостя!..

Фиш. Ах, помилуйте-с... что за церемонии-с...

Любушка (*тихо матери*). Преглупейшее лицо.

Марфа Семеновна (*так же дочери*). Вылитый колбасник.

Мордашов. Однако ж время уходит... Прикажи, Милюта... (*Фишу*.) Я иногда называю Милютой Марфу Семеновну, то есть жену мою Марфу Семеновну... Она — моя вторая жена... а дочь эта от первой. Прикажи, Милюта, Акульке, чтоб все было готово к трем... Чтоб непременно было готово к трем... (*Тихо*.) Да вели подать все на новом фаянсовом сервизе... Пушу ему пыль в глаза!

Марфа Семеновна (*тихо дочери*). Вот еще выдумал... на новом сервизе обедать.

Любушка (*так же матери*). Какие глупости! Было бы для кого. Папенька говорит — миллионер, а посмотрите, как он одет!

Мордашов (*тихо Фишу*). А ты между тем, Август Карлыч, поезжай домой и оденься почище... Есть ли у тебя новый фрак?

Фиш (*тихо Мордашову*). Два года тому назад был новый-с, но теперь уж поизносился-с.

Мордашов (*также*). Это скверно, очень скверно... Ну, пообчисть щеткой как-нибудь.

Фиш (*также*). Позвольте-с, я лучше могу сделать-с: я могу-с достать у одного приятеля-с... Будет в самую-с пору.

Мордашов (*также*). Ну, марш!.. И не забывай: или Люба, или тюрьма.

Фиш. Сию минуточку-с!.. Только-с потрудитесь отомкнуть дверь-с.

Мордашов. Ах да, я и забыл, что запер. (*Отмыкает дверь.*)

Фиш. Мое почтение-с! До приятного свиданья-с! (*Раскланивается и поспешно уходит в среднюю дверь.*)

Мордашов его провожает.

Любушка (*матери*). Слава богу!.. Наконец ушел этот урод.

Марфа Семеновна. Погоди, еще придет сюда обедаться.

Мордашов (*подойдя к дочери*). Видела? Я спрашиваю тебя, видела?

Любушка. Видела... и мне кажется...

Мордашов. Ни слова! Ни полслова! Ни четверть слова!.. Заметь хорошенько этого человека да оденься самым наищеголеватым образом и старайся у меня ему понравиться.

Любушка. Папенька, что это значит?

Мордашов. Ни слова! Ни полслова!.. Я знаю, что говорю! Наиположительным образом знаю, что говорю... Марфа Семеновна, марш со мною!

Марфа Семеновна. Куда?

Мордашов. Нужно! Уж если зову, так, стало, нужно! Ну! (*Схватывает ее под руку и уводит налево.*)

Явление VI

Любушка (*одна*). Это что еще за новости! Оденься как можно лучше и понравься... Уж не жених ли мой этот урод?.. Боже мой! Только этого не доставало. Нет уж, папенька, извините... я за него не пойду... Что хотите, не пойду... У меня есть жених не этому чета... Ах, Антон Николаевич, что-то он делает, бедняжка?.. (*Подходит к окну.*) Ах, вот он на улице. Увидел меня, кланяется... По-

казывает на наши окна... Что это значит? Перебежал через улицу... Уж не идет ли сюда?.. Боже мой, вот не вовремя!.. (*Отойдя от окна.*) Папенька не в духе... Увидит — беда! Что я буду делать?.. Надобно предупредить его... (*Хочет идти в среднюю дверь и вдруг встречается с Фадеевым.*) Ах!

Явление VII

Любушка, Фадеев.

Фадеев. Любовь Ивановна!.. Вы не ожидали?..

Любушка. Уйдите, уйдите скорее!

Фадеев. Что это значит?

Любушка. Ах, если увидит папенька...

Фадеев. Что ж такое? Что ж он может со мною сделать?.. Вы сами же мне советовали.

Любушка. Да... только не сегодня.

Фадеев. Отчего же не сегодня?.. Ваш портрет готов, и я нарочно воспользовался этим случаем, чтоб показать свою работу и рекомендоваться вашему папеньке. Помилуйте, ведь это даже смешно... я до сих пор еще в глаза его не знаю.

Любушка. Ах, он сегодня не тем занят.

Фадеев. Я его не задержу... мне только рекомендоваться и объяснить... Ах, Любовь Ивановна, право, уж я не в силах более переносить... или вы, или смерть!

Мордашов (*за кулисами*). Акулька! Акулька!..

Любушка (*испугавшись*). Папенька!.. Уйдите, уйдите!

Фадеев. Помилуйте, я еще ничего не успел вам сказать о моей любви...

Мордашов. Акулька, сапоги!.. Да где она?..

Любушка. Боже мой, он в кухне!.. Он может с вами встретиться... Не ходите... спрячьтесь здесь... спрячьтесь, ради бога!..

Фадеев. Куда? (*Показывая налево.*) Туда?..

Любушка. Нет, там маменька. Ах, куда бы?.. Сюда! Вот хоть за занавесы.

Фадеев подбегает к окну, Любушка закрывает его занавесами, которые довольно коротки и оставляют наружи его ноги.

Явление VIII

Любушка, Мордашов, Фадеев за занавесами.

Мордашов (*входя в среднюю дверь*). Куда эта наиглупейшая баба девала мои сапоги? Не видела ли ты, Люба?

Любушка. Нет, папенька, не видела... Я думаю, не в спальной ли?

Мордашов. Нет, там нет... Ну, уж эта Акулька!.. Я... сгоню... Вот целый час в лавочку ходит... Жди ее... А надо идти сию минуту. Куда она их запрятала? (*Оглядывает комнату и вдруг замечает из-под занавеса сапоги Фадеева*) Ба! Вот они!.. угораздило же...

Любушка (*испугавшись*). Нет, папенька, нет!

Мордашов. Как нет? Разве не видишь?.. Вот оба сапога... (*Оборачивается к Любушке.*)

В это время Фадеев прячет одну ногу.

Ведь угораздило же эту глупую бабу куда поставить!.. (*Подходит к занавесам.*) Что это? Теперь один сапог... наположительно один сапог! Да куда же другой пропал?.. (*Схватывает Фадеева за ногу и вскрикивает.*) Караул!

Любушка. Боже мой, что будет!

Мордашов (*держа за ногу Фадеева*). Люба! Люба! Беги! Пошли скорей дворника за полицией... Вор, наичистейший вор! Караул!..

Любушка. Папенька!

Мордашов. Беги же, говорят. Что ты еще стоишь?.. Или хочешь, чтоб он меня убил, зарезал... (*Кричит.*) Караул! Караул!

Фадеев (*выглядывая из-за занавеса*). Не кричите, ради бога... я не вор.... Вы ошиблись!

Мордашов. Так что ж вы тут делаете в моих сапогах?

Любушка. Боже мой!.. У них будет история... беда. Побегу, расскажу все маменьке... (*Убегает налево.*)

Явление IX

Мордашов и Фадеев.

Мордашов. Я вас спрашиваю, что вы тут делаете в моих сапогах?.. Да извольте же выйти оттуда... Извольте выйти!

Фадеев (*выходя из-за занавеса*). Извините, я нечаянно...

Мордашов (*узнав его, в радости*). Что это? Кого я вижу?..

Фадеев. Сделайте милость, не подумайте...

Мордашов. Он! Наиположительным образом он... Приятель, друг... сюда. Сюда! (*Целует его.*)

Фадеев (*в недоумении*). Что это значит?.. Точно... мне и самому ваше лицо как будто знакомо... Конечно, я очень хорошо теперь знаю, что вы Иван Андреич Мордашов, но, однако ж, странно... Я вас никогда не видел... а, судя по лицу, как будто видел.

Мордашов. Шалун! Повеса! Как же не видеть?.. Ведь я уж сколько времени тебя ищу... Ведь мы с тобой приятели, закадычные приятели!

Фадеев. Неужели? (*В сторону.*) Странно! Он уж и ты мне говорит.

Мордашов. Да как же... вспомни-ка Екатерингоф... Еще ты дал мне сигарку.

Фадеев. Боже мой, теперь я вспомнил!.. Так точно, это вы!

Мордашов. Ну, конечно, я! Ведь этакое ты мне сделал одолжение... наичувствительнейшее одолжение!

Фадеев. Помилуйте... стоит ли это... (*В сторону.*) Вот чудак-то!.. Чего ж это Любушка боялась?

Мордашов. Нет, не говори, стой!.. Ведь твоя фамилия...

Фадеев. Фадеев.

Мордашов. Ну да... Фадеев, Антон... Антон?..

Фадеев. Антон Николаич.

Мордашов (*в радости*). Так и есть! Антон Николаич Фадеев!.. (*В сторону.*) Аз и ферт! Вот они, вот, голубчики, они!..

Фадеев. Как это вы меня не забыли?

Мордашов. Еще бы забыть такого молодца!.. Еще бы забыть такое одолжение... такое наипримечательнейшее одолжение... Нет, брат, такие имена не забываются... Аз и ферт!

Фадеев смотрит на него с удивлением.

Да я тебе отплачу... Ты и не воображаешь, каким наибогороднейшим образом отплачу!.. Жена!.. Люба!.. Сюда! Сюда! Стой, я тебя познакомлю...

С половины этой сцены Марфа Семеновна и Любушка, стоя за дверьми с левой стороны, подслушивали и заглядывали по временам в щелочку.

Явление X

Те же, Марфа Семеновна, Любушка.

Мордашов. Милюта! Люба!.. Вот он, рекомендую... лучший друг!

Марфа Семеновна. Не беспокойся, мы уж знаем давно Антона Николаича.

Мордашов. Как так?

Любушка. Да, папенька, Антон Николаич наш сосед.

Мордашов. Может ли быть?.. Где ты живешь?..

Фадеев. Против вас.

Мордашов. Давно ли?

Любушка. Уж больше трех недель.

Мордашов. Больше трех недель!.. А я его ищу по всему городу! И вы ни слова мне не сказали... А если бы вы знали, что за человек этот Антон Николаич!.. Понимаете ли, Антон Фадеев... Если бы вы знали, какое он мне сделал одолжение!..

Фадеев. Пожалуйста, замолчите!.. Ну, что за одолжение?

Марфа Семеновна и Любушка. Какое? Какое?..

Мордашов. Молчу! Молчу! Нет, так, ничего... решительно ничего... (Фадееву.) Скажи, пожалуйста, у тебя по контракту нанята квартира?

Фадеев. Нет, не по контракту.

Мордашов. Бесподобно. Переезжай с квартиры! Завтра же переезжай с квартиры!

Любушка. Как, папенька, вы не хотите, чтоб Антон Николаич жил против нас?

Мордашов. Не хочу!.. Я хочу, чтоб он жил с нами... (В сторону.) Отсюда уж он не улизнет от меня.

Фадеев. Как? Вы хотите, чтобы я к вам переехал?

Мордашов. Непременно! Всенепременно!.. Ты будешь у нас жить!.. Будешь у нас и есть и пить!.. Я тебе отведу особую комнату... на черный дворик... Отопление и освещение тебе будет готовое... (Марфе Семеновне.)

Ты это всем скажи, чтоб знали
И исполняли мой приказ!
Чтоб и белье ему стирали
И платье чистили у нас.

Марфа Семеновна. Помилуй, это не годится...

Мордашов. Не спорь, пожалуйста, со мной. *(В сторону.)*

Пусть здесь до свадьбы поселится,
А женится — с двора долой!

Марфа Семеновна. Но, послушай, Иван Андрееч...

Мордашов. Ни слова! Я так хочу! Слышишь, я так хочу!

Фадеев *(перемигиваясь с Любушкой)*. Если уж вам так угодно... Извольте, я с удовольствием, согласен.

Любушка *(в сторону)*. Ах, какое счастье!.. Не понимаю, что сделалось с папенькой.

Мордашов. Ну, так нечего и медлить... Переезжай хоть сегодня... а потом... Ах, постой, я и забыл, совершенно забыл... ты женат?

Фадеев. Нет.

Мордашов. Превосходно. Положительным образом превосходно! Ну, так вот что... после... если ты понравишься... *(Подмигивает, смотря на Любушку.)*

Фадеев. Как? Неужели я могу надеяться?..

Мордашов. Понял! Совершенно меня понял!.. Что за голова, что за нанудивительнейшая голова! Слушай же, я человек решительный, положительным образом решительный, и если только согласна будет она, моя Люба...

Любушка. Папенька, я согласна.

Мордашов. Согласна! Милая дочь!.. Послушная дочь!.. Поди, я тебя поцелую... то есть родительским образом поцелую. *(Целует ее в лоб.)* Теперь только за Милотою дело.

Марфа Семеновна. Господи! Да стану ли я-то поперечить... Лишь бы Любушка была счастлива.

Мордашов *(расчувствовавшись)*. Добрая мачеха! Наиразумнейшая... Лучше родной... *(Со слезами.)* Благословил меня господь семьею. Истинно благословил семьею! Счастлив, наиположительным образом счастлив!.. *(В сторону.)* Вот что значит характер: и маменька и дочка как по струнке стали ходить. *(Услышав, что кто-то вошел в дверь.)* Кто там?

Явление XI

Те же, Фиш, разодетый, во фраке. Заметно, что платье на нем чужое.

Фиш (*войдя в среднюю дверь*). Это-с я-с...

Мордашов (*не смотря на него*). Кто ты?

Марфа Семеновна (*тихо ему*). Это опять давишний немец.

Фиш. Фиш.

Мордашов (*в сторону*). Фиш.... Ах, я совсем о нем забыл. (*Вслух Фишу*.) А, да ты разоделся на чужой счет.

Марфа Семеновна, Любушка и Фадеев разговаривают особо.

Фиш. Ах, Иван Андреич-с!

Мордашов. Ну, ты можешь теперь разоблачиться. Господи, как ты глуп. Стоит только взглянуть на тебя, так сейчас увидишь, что ты самым положительным образом глуп.

Фиш. Ах, Иван Андреич-с... помилуйте-с... при вашей дочери-с...

Мордашов. Ну что при дочери! Ей все равно... Взгляни, как она тобой занимается.

Фиш. Но вы забыли-с, что сами-с, давеча-с...

Мордашов. Ну что давеча?

Фиш. Вы изволили мне приказать-с, одно что-нибудь-с... или понравиться-с вашей дочери-с... или идти в тюрьму-с.

Мордашов. Ну, ты и пойдешь в тюрьму... То есть положительным образом пойдешь в тюрьму.

Фиш. Нет-с... уж если выбирать-с... так я лучше желаю-с быть вашим зятем-с!

Марфа Семеновна, Любушка, Фадеев. Зятем?

Мордашов. Что? Ты хочешь быть моим зятем? Хочешь быть моим зятем? Ты, нищий, банкрот!.. Человек, которого я в глаза не знаю... то есть положительным образом не знаю.

Марфа Семеновна. Иван Андреич! Помилуй! Ну можно ли так обращаться с сыном старинного своего друга... С известным фабрикантом.

Мордашов. Какой он сын моего друга! Какой сын фабриканта! Я его не знаю. Я знаю только, что он Андрей Фиш.

Фиш. Август.

Мордашов. Ну, Андрей, Август... все одно... Пошел вон!.. Слышите, захотел быть моим зятем?.. Да тебе ли, чучеле? Тебе ли, заморской чучеле? (*Показывая на Фадеева.*) Вот мой зять!.. Гляди, вот мой настоящий зять. Не тебе чета. Он не занимает денег, как ты, а если и занимает, так отдает... то есть наивернейшим образом отдает!

Фиш. Помилуйте-с... да и я отдам-с!.. Только-с потерпите-с...

Мордашов. Не хочу ни минуты терпеть... Вон! Сию минуту вон! Или постой, я тебя упрячу в тюрьму!..

Любушка (*матери*). Маменька, уйдемте от этой истории!

Марфа Семеновна. Уйдем! Уйдем!

Любушка (*Фадееву*). Антон Николаич, уговорите папеньку... (*Уходит с Марфой Семеновной налево.*)

Мордашов (*Фишу*). Ты еще стоишь?.. Ты не боишься тюрьмы?.. Ну, так ладно же! Эй, люди! Акулька, беги за полицией! Беги сию минуту за полицией.

Фиш. Нет-с, уж извините, я не дам-с. (*Поспешно уходит в среднюю дверь.*)

Явление XII

Мордашов, Фадеев.

Мордашов. Ага! Испугался! Улизнул! Дрянь этакая! Голыш! Да я еще с ним разделаюсь... Да ну его! Поговорим лучше, любезнейший Антон Николаич, о нашем деле, поговорим о нашем семейном деле... Ну так ты согласен жениться на Любе? То есть, не шутя, согласен жениться на Любе?

Фадеев. Ах, я был бы счастливейший человек в мире... Но позвольте, Иван Андреич, я боюсь, чтоб вы не раздумали, когда узнаете вполне мое положение.

Мордашов. Э, братец, вздор, все наичистейший вздор!

Фадеев. Нет, лучше же теперь объясниться откровенно... Я должен вам сказать, что я человек небогатый, но труда не боюсь и надеюсь, что Любовь Ивановна не будет жить со мною в нужде.

Мордашов. Ну и бесподобно! Наиположительным образом бесподобно!

Фадеев. Я, Иван Андреич, не более как скромный художник.

Мордашов. Это что такое—«художник»?.. Ведь мало ли есть художеств на свете...

Есть художники в картишках
Просто, что твоя чума;
Есть художники в делишках
Для кармана и ума.

Фадеев.

Но к искусствам святость чувства
Отворяет только дверь...

Мордашов.

Чувства нет, брат, у искусства!
Чувства в деньгах все теперь.

Ну, а какое же твое-то художество?

Фадеев. Я живописец... Учю рисовать и пишу портреты.

Мордашов. А! Ты пишешь портреты?.. Ну так ты и нас срисуй... и с меня, и с Марфы Семеновны, и с Любы срисуй... то есть наисходнейшим образом срисуй.

Фадеев. Я уж и то нарисовал один на память... с Любовью Ивановны... И принес вам показать...

Мордашов. Покажи!.. Покажи!..

Фадеев подает ему миниатюрный портрет.

Она!.. положительным образом она. Мастер! И та же улыбка, то есть самая наизывательная улыбка.

Фадеев. Вы хотите сказать — очаровательная!

Мордашов. Ну да не все ли равно... очаровательная, язвительная... Положительно все равно!.. Постой, а это что ж тут внизу за вензеля? Аз и фита?

Фадеев. Это начальные буквы моего имени и фамилии.

Мордашов. Как имени и фамилии?.. Ведь ты Антон Фадеев? Аз и Ферт... то есть, наивернейшим образом Аз и Ферт?

Фадеев. Нет... моя фамилия пишется с фиты.

Мордашов. Как с фиты?

Фадеев. Да... и папенька мой и дедушка писали всегда нашу фамилию с фиты... так у меня и в документах и везде.

Мордашов. И в документах... в официальных документах?

Фадеев. Если угодно, я покажу...

Мордашов. Не нужно. Ты обманщик... Ты наихитрейший обманщик... Вон из моего дома!

Фадеев. Что это значит?

Мордашов. Отчего ты мне прежде не сказал, что ты фита, а не ферт? Отчего мне прежде не сказал, что ты наиглупейшая фита, а не мой умный ферт?

Фадеев. Иван Андреич... я вас не понимаю... выслушайте...

Мордашов. Не хочу ничего слышать! Не видать тебе моей дочери, как своих ушей... Обманщик! Маляр! (*Бросая на пол портрет.*) Вот твой портрет! Он похож так же на мою дочь, как ты на честного человека.

Фадеев (*подымая портрет*). Послушайте, вы забываетесь...

Явление XIII

Те же, Фиш входит с робостью в среднюю дверь.

Мордашов (*увидя Фиша*). Bravo! Брависсимо! Вот, кстати, вернулся!.. Войди, не бойся... ничего не бойся. (*Фадееву.*) А ты... вот дверь... И чтоб нога твоя не была здесь... То есть положительным образом, чтоб нога твоя не была здесь.

Фадеев. Хорошо-с, но я этого так не оставлю!.. И уж во что б ни стало, а Любовь Ивановне не быть за этим уродом! (*Уходит в среднюю дверь.*)

Явление XIV

Мордашов, Фиш.

Мордашов. Как же, так и поглядят на тебя!.. Он тебя назвал уродом. Не обижайся... Ты хоть и действительно урод, то есть положительным образом урод, но все-таки мне нравишься... Только постой... ведь ты Андрей?

Фиш. Нет-с, Август.

Мордашов. Ну, да... ведь ты Август Фиш?..

Фиш. Точно-с так-с...

Мордашов. То есть, ты положительным образом
Аз и Ферт?

Фиш. Нет-с... я Август Фиш.

Мордашов. Знаю... Да ведь ты подписываешься: Аз и Ферт?

Фиш. Нет-с... я подписываюсь Август Фиш.

Мордашов. Фу, как ты глуп!.. Ну, с какой буквы начинается твое имя? Ведь с Аза?

Фиш. Да-с.

Мордашов. А фамилия — ведь с Ферта?

Фиш. Да-с.

Мордашов. Ну так и дело с концом.

Фиш. Но если вам угодно, я могу и переменить буквы...

Мордашов. Вздор! Не нужно. Ничего не нужно... Слушай, я передумал... Теперь ты можешь опять нравиться моей дочери... Можешь приобрести ее руку.

Фиш *(в сторону)*. Какой странный характер!.. *(Вслух.)* Так, стало-с, я могу опять надеяться-с...

Мордашов. Очень можешь, положительным образом можешь... Теперь только мне надо посмотреть твой табачный магазин, и дело с концом... Поди же возьми скорей извозчика.

Фиш. Так, стало-с... я теперь могу быть уверен-с, что уж не попаду в тюрьму?..

Мордашов. В какую тюрьму?.. К черту тюрьму!.. И чтоб тебя успокоить... то есть положительным образом успокоить, вот твой вексель. *(Отдает ему вексель.)*

Фиш *(схватывает бумагу)*. Ах, мой благодетель-с! Мой второй-с отец!.. *(В сторону.)* Вот уж странный-то характер...

Мордашов. Ну поди же за извозчиком... А я сейчас оденусь... мигом оденусь...

Фиш поспешно уходит в среднюю дверь.

Явление XV

Мордашов, Марфа Семеновна и Любаша.

Мордашов. Ну, слава богу! Почти покончил... Ох, дети, дети, сколько с вами хлопот, наужаснейших хлопот! *(Увидя входящих с левой стороны жену и дочь.)* Радуйтесь, радуйтесь, все кончено!.. Люба, ты почти невеста! То есть положительным образом почти невеста.

Любушка. Ах, папенька, какие вы добрые.

Марфа Семеновна. Вот уж истинно добрый отец.

Мордашов. Теперь небось и добрый, а давеча что говорили? Что вы про меня говорили? Я ведь сказал,

что уж выберу жениха, и выбрал... То есть наинастоящего жениха выбрал.

Любушка. Ах, я воображаю, как счастлив теперь Антон Николаич!

Мордашов. Какой Антон?.. Андрей... то есть Август!

Любушка и Марфа Семеновна. Как Август?

Мордашов. Ну да... я уж Антона побоку... Он не годится... То есть положительным образом не годится.

Любушка. Это отчего?

Мордашов. Я уж это знаю, отчего... Твой жених — Август Карлыч Фиш.

Любушка. Этот урод!.. Нет, воля ваша, я за него не пойду!.. Лучше век останусь в девицах, а уж не пойду.

Мордашов. А вот посмотрим, как не пойдешь!.. Я этого хочу, слышишь?.. Наистрожайшим образом хочу!

Любушка *(со слезами)*. Боже мой, боже мой, как я несчастна!

Марфа Семеновна. Иван Андреич, я долго молчала, но, воля твоя, это уж ни на что не похоже!.. Это уж просто каприз! Ну за что ты губишь дочь? Ну отчего не хочешь выдать ее за Антона Николаича? Такой прекрасный человек! Так он нравится Любушке...

Мордашов. Не хочу я мою дочь выдавать за фиту.

Марфа Семеновна. Как за фиту?

Мордашов. Его фамилия начинается не с ферта, а с фиты.

Марфа Семеновна. Ну так что ж за беда?

Любушка *(со слезами)*. Слышите, какая пустая причина!

Мордашов. Пустая причина... вы глупы! Положительным образом обе глупы! А приданое-то? А белье-то? А посуда? А серебро-то?.. Понимаете ли: серебро! Ведь там везде «Аз и Ферт»!..

Марфа Семеновна. Так только-то?..

Любушка. Так из-за этого только делать меня несчастной?

Мордашов. А что ж мне прикажете, бросить, что ли, все это?.. Делать новое приданое? То есть положительным образом все новое?.. Нет уж, и так денег много пошло.

Марфа Семеновна. Иван Андреич! Прости меня: виновата!

Мордашов. Что? Что еще такое?

Марфа Семеновна. Ведь белье-то все уж я продала.

Мордашов. Как продала?

Марфа Семеновна. Да, продала Сонечке Морозовой, что вышла на прошлой неделе за Фролова... Видишь, им вензеля-то пришлось кстати.

Мордашов. Прдала, не спросясь меня... Не спросься-таки решительно меня...

Марфа Семеновна. Да выгодно дали, так я и соблазнилась больше получить, чем самим стоило.

Мордашов. Больше!.. А где деньги?

Марфа Семеновна. У меня целехоньки... Я отложила их, чтоб купить нового полотна... Вот они хотели и серебро у нас купить, да серебро-то продать уж я побоялась.

Мордашов. А им оно нужно? И теперь нужно?

Любушка. Как же, папенька... Мне еще вчера опять писала Сонечка

Мордашов. И хорошие деньги дадут, то есть положительно хорошие?

Любушка. Как же, папенька, хорошие.

Мордашов. Ну, так можно продать. Признательно сказать, мне и самому этот Фиш не по нутру... Да вот беда — у нас еще остается фаянсовая и фарфоровая посуда с вензелями.

Любушка. Ну уж, посуда что за важность!..

Марфа Семеновна. Конечно, что за важность.

В эту минуту слышен стук разбитой посуды.

Мордашов. Это что? Это еще что?

Марфа Семеновна. Что-то разбили.

Мордашов. Это, верно, опять Акулина напраказала. *(Кричит.)* Акулька! Акулька!

Явление XVI

Те же, Акулина, потом Фадеев.

Акулина *(вбегая в среднюю дверь впопыхах и прямо бросаясь в ноги Мордашову)*. Батюшка! Отец родной, виновата! Не погуби!

Мордашов. Что ты там разбила?.. Что разбила?

Акулина. Ох уж, и сама не знаю что! Кажись, с дюжину тарелок, да миску, да салатник, да подливальник.. да еще что-то...

Мордашов. Из какой посуды? Из какой посуды?

Акулина. Ох уж, и сама не знаю из какой... Барыня дала мне ключ и говорит: достань, говорит, новую посуду...

В это время показывается в дверях Фадеев и, остановясь, подслушивает.

Мордашов. Так ты это перебила мой английский сервиз?

Акулина. Ох уж, не знаю английский или какой... Только не весь, видит бог, не весь... А ведь барыня как дала ключ, так еще сказала: «Смотри, говорит, осторожнее вынимай...» Вот я и пошла в шкаф и отворила... и все ладно, и думала взять осторожно. Взяла под мышку салатник — и ничего... Положила в него подливальник — тоже ничего. Взяла вот в эту руку миску — и то ничего. Да захотелось за один раз уж и тарелки снести... Как потянула их к себе, да захватила вот этой рукой, уж и сама не знаю, как грех случился... Вся-та дюжина так вот и грянула на пол... А тут со страха, что ли, и миска, и салатник, и подливальник туда же... Батюшка! Родной! Не погуби.

Мордашов. В рабочий дом тебя! В исправительное заведение!

Акулина. Родимый, не погуби!

Мордашов. На каторгу, то есть положительным образом на каторгу!.. А прежде еще я заставляю тебя за всю посуду заплатить... наитиранским образом заставляю... Все именишко твое продам.

Акулина (кланяясь). Родимый! Не погуби. (Хнычет.) Ох, я несчастная! Ох, я горемычная!

Мордашов. А посуду бить ничего? То есть наирешительно ничего?

Акулина. Что делать, коли грех такой.

Мордашов. Легко ли... разбить мой английский сервиз с вензелями...

Любушка (в сторону). И слава богу.

Марфа Семеновна. Иван Андреич, ну уж простите ее.

Акулина. Матушка моя, родная!

Мордашов. Молчать, молчать! И слышать не хочу. Фадеев. Позвольте хоть мне ей помочь.

Мордашов. А, ты опять-таки пришел?.. *(В сторону.)* Правду сказать, этот уж куда лучше того... да и человек ремесленный, то есть положительным образом ремесленный!.. Теперь же и вензеля все к черту.

Фадеев. Я было не хотел идти к вам, но мне слишком дорого счастье Любовь Ивановны... Прежде, однако ж, позвольте мне помочь вашей беде... У меня есть прекрасный фарфоровый сервиз. Он достался мне случайно на аукционе... Позвольте мне им заменить ваш и выкупить грех вашей Акулины.

Акулина. Красавец мой! Касатик! Ясный сокол! Вот уж добрейшая душа.

Мордашов. Благородно! То есть положительным образом благородно. Ну уж, когда так... дари ж твой сервиз невесте.

Фадеев. Иван Андреич!..

Любушка. Папенька! Добрый папенька!

Марфа Семеновна. Вот уж теперь опять и я скажу, что добрый отец.

Мордашов. Ну! Ну! Ни слова больше. *(В сторону.)* Мне главное, что свадьба-то обойдется без лишних расходов. Ну да и человек-то, по всему видно, хороший попался. *(Акулине.)* А тебя бог простит. Только берегись у меня в другой раз.

Акулина. Уж будьте благонадежны... Уж не возьму в другой раз столько посуды.

Явление XVII

Те же, Фиш.

Фиш *(входя в среднюю дверь)*. Извозчик готов-с... Насилу нашел-с...

Марфа Семеновна и Любушка. Опять явился!

Мордашов. Напрасно и искал: мы не поедem.

Фиш. Как так-с? Но ведь вы хотели ехать со мною?

Мордашов. Разве для того, чтоб свезти тебя в тюрьму... То есть наивернейшим образом в тюрьму.

Фиш. Помилуйте, да ведь вы хотели сделать меня своим зятем?

Мордашов. Атандел! Не в свои сани хотел залезть. То есть положительно не в свои сани хотел залезть.

Фиш. Нет уж, это бесчестно, подло.

Мордашов. Это что? Да уж ты иначе начал поговаривать? Ты осмеливаешься мне грубить?.. А тюрьма?

Фиш. Да разве я вам должен?

Мордашов. Батюшки, я ведь ему отдал вексель!.. Подай вексель!.. Подай мой вексель.

Фиш. Нет уж, он разодран в мелкие кусочки и плавает теперь в Екатерининском канале.

Мордашов. Злодей, он украл у меня полтораста целковых...

Фиш убегает.

Постой же, я с тобой сам управлюсь!.. Где он? Убежал, то есть положительно убежал. Плакали мои денежки!.. А все вензеля! Все проклятые вензеля! Все это Аз и Ферт!.. Кончено! И другу и недругу закажу выделять на приданом вензеля... то есть положительным образом...

Марфа Семеновна. Полно, пойдем: обед готов.

Мордашов. Постой, Милюта. Мне еще нужно исполнить здесь одно поручение, одно наинужнейшее поручение. *(Поет к публике.)*

Пьеса наша, как хотите,

Нельзя сказать, чтобы плоха...

Нет, позвольте, извините, это не то... решительно это не то!.. Извольте видеть, в чем дело, в чем дело, в чем самое-то настоящее дело... Переводчик, или, как вам назвать его вернее, переделыватель, автор, что ли!.. Ну кто бы ни был, все равно... Только он говорит мне... положительным образом говорит: «Послушай, Мартынов...» Он, впрочем, мне не говорит ты, но уж это моя привычка... Извините, это моя неисправимая привычка. «Послушай, говорит, Александр Евстафьевич Мартынов! Я написал тебе два окончательные куплета, то есть положительным образом написал два куплета...» Он, впрочем, не сказал: положительным образом... это опять моя неисправимая привычка. «Ну так ты, говорит, выбери, который хочешь,— решительно, который хочешь... Я взял, прочел и пришел в недоумение, то есть истинно пришел в недоумение... В одном, извольте видеть, он отстаивает пьесу, хвалит актеров, хвалит вас, словом — наирешительно и нас и вас хвалит; а другой куплет... Пропеть его разве вам? Извольте, пропою, то есть наивернейшим образом пропою... и уж там что хотите делайте... положительно что хотите делайте,

Мы посмешить вас всех желали,
В том нашей шулки цель одна!
Но как ее мы разыграли —
Судить нас публика должна.
Мы все немножко эгоисты;
Так, с добротой, и в этот раз
Решите, что должны артисты
Ждать за игру свою от вас?

Разве пропеть уж и другой?.. Нет, совестно себя хвалить,
то есть положительным образом совестно хвалить...
Итак,

Решите, что должны артисты
Ждать за игру свою от вас?

ВОЛШЕБСТВО ВОДЕВИЛЯ

СТИХИЯ ЖАНРА

Жанровое решение спектакля зависит в первую очередь от режиссера.

В процессе творческих поисков он находит те выразительные средства, с помощью которых сможет наиболее полно выявить идею пьесы и решить спектакль в жанре, избранном автором.

Но задача жанрового решения образа стоит и перед актером. Как же «быть в жанре», оставаясь на сцене живым человеком?

Учиться этому весьма полезно в работе над такой пьесой и такими ролями, в которых наиболее ярко выявлены законы жанра.

В книге Н. М. Горчакова приводится высказывание К. С. Станиславского о водевиле. Он считал, что «это трудный жанр: жизненное правдоподобие, искренность чувств, подчас сатира и злободневность, изящество и поэтичность, музыкальность и ритмичность... Это чудесная школа для молодого актера»¹.

¹ Н. М. Горчаков, Режиссерские уроки К. С. Станиславского, М., «Искусство», 1952, стр. 264.

Попробуйте предложить молодым участникам вашего коллектива поставить водевиль.

«Водевиль?! Здорово! — услышите вы в ответ. — Это смешно, весело! Можно подурачиться, попеть, потанцевать! И потом — какие типы!»

Не секрет, что существует мнение о водевиле как о чем-то весьма легковесном.

Водевильные роли кажутся актерам вначале совсем простыми. Все эти типы такие смешные, не то что серьезные образы из серьезной пьесы. Тут и трудиться нечего, взял и «представил», — говорят они, — «подурачился». Это не Гамлет и не Чацкий.

Но нет ли в оброненном словечке «подурачиться» предвкушения возможности перевоплощения?

А «дурачество» в творчестве — не есть ли то самое импровизационное самочувствие, когда все легко, все можешь и когда испытываешь наслаждение от самого процесса творчества, без всяких «мук»?

«Вдохновение», — говорят о таких минутах...

Раз испытав это наслаждение, художник будет стремиться испытать его еще и еще. Укажите ему, как «приманить» вдохновение, и он не пожалеет труда.

Еще одной стороной манкости водевиля являются его «боевитость», сатиричность, юмор.

Если к старинному водевилю найти верный подход, он может звучать вполне современно.

К тому же «манкость» водевиля позволяет незаметно, как бы шутя, проделать серьезнейшую техническую работу по тренировке актерского аппарата. Когда техника не имеет конкретной сегодняшней цели, актер, как правило, относится к ней довольно небрежно. Водевиль неумолимо ставит эту цель именно «сегодня».

Как же извлечь из водевиля его жанровую квинтэссенцию?

Уточним прежде всего, чем характеризуется водевиль.

1. Характеры «беглые, но четкие», как сказал Ф. Кони. Поступки человека продиктованы исключительно его характером, они рожают события. В водевиле характеры — пружина действия.

Без внутренней характерности, без гиперболического заострения какой-то черты характера в водевиле также не обойтись.

«...Водевиль — это совершенно своеобразный мир,

населенный существами, которых не встретишь ни в драме, ни в комедии, ни в трагедии,— говорит К. С. Станиславский. ...Мир водевиля — это совершенно реальный мир... Персонажи... очень жизненны и просты... это самые обыкновенные люди. Их особенность — это то, что они абсолютно во все верят»¹.

Детская вера во все, что предлагает герою водевильная ситуация, вера в самые невероятные происшествия, наивность — вот чаще всего встречаемая черта водевильных героев.

И еще — одержимость своей целью, страстное желание ее достичь, несмотря ни на какие препятствия. В то же время герой водевиля легко отвлекается от своей цели, если на пути встречается другая, более пленительная.

Наивность и вера, одержимость своей целью — краеугольные камни водевильного характера.

Но внутренняя характерность никак не исключает характерности внешней. «Внешняя характерность объясняет, иллюстрирует и, таким образом, проводит в зрительный зал невидимый внутренний душевный рисунок роли»². Следовательно, внешняя характерность служит дополнением характерности внутренней, составляет с ней единое целое.

2. Интрига, круто замешанная на чрезвычайных происшествиях, богатая всякими неожиданностями, полная путаниц и препятствий.

3. Время, отпущенное герою водевиля на свершение всех своих замыслов, играет большую роль. Оно ограничено самими обстоятельствами, в которых происходит водевильное действие. Можно сказать, что короткое время в водевиле является одним из главных предлагаемых обстоятельств.

4. Для преодоления в такое ограниченное время всех невероятных препятствий, распутывания всех немислимых путаниц нужна не только одержимость целью, духовная энергия, но и энергия физическая. Отсюда — сугубо водевильный темп действия. Надо успеть все сделать как можно скорее, надо успеть победить!

5. Если соединить три таких категории, как активной-

¹ Н. М. Горчаков, Режиссерские уроки К. С. Станиславского, стр. 239.

² К. С. Станиславский, Собрание сочинений, т. 3, М., «Искусство», 1955, стр. 201.

шее стремление к цели, масса препятствий на пути к ней и короткое время для преодоления всех препятствий, то мы убедимся, что в водевиле есть свой темп-ритм.

6. А *a'parte*, то есть реплика в сторону, почти не встречающаяся в драме? Водевильный «а парт» существенно отличается от внутреннего монолога и просто монолога. Он требует своей техники воплощения, о которой мы будем говорить ниже.

7. Куплет — «нерв водевильного жанра». Это тоже совершенно особая форма сценического поведения. Значит — особая техника.

8. Танец. И не просто танец, а продолжение жизни героя в ее стремительности, в ее накале. Подтанцовка — своеобразные танцевальные движения, тесно связанные со словом, разговорным или певческим. Словом, и танец и подтанцовка в водевиле — это единая «физическая жизнь тела», которая выявляет внутреннюю жизнь человека.

9. Легкость диалога. Владение искусством диалога необходимо актеру в любом жанре. Но водевиль особенно насыщен каламбурами, метафорами, афоризмами, игрословием, а это требует особой легкости, искрометности, выразительности диалога.

10. Возможность современного звучания водевиля. Ведь без этого зрителю не нужен ни один спектакль, в каком бы жанре он ни был решен и какие бы учебные цели ни преследовал режиссер. Здесь кстати вспомнить и родословную водевиля, его народные корни и его роль «боевого листка» в руках передовых русских литераторов.

Все дело в том, что идейная направленность водевиля и отсюда его современное звучание проявляются лишь при верно найденных и верно воплощенных специфических жанровых чертах.

Водевиль обладает волшебным свойством: в нем заключена пружина сквозного действия, которая приводит к осуществлению сверхзадачи героев.

Нужно, чтобы актер сам постепенно познакомился с «анкетой» водевиля, со свойствами водевиля в живом, творческом общении.

Как же играть водевиль? И как его ставить?

Как конкретно начинать работу над водевилем? Так же, как и над всякой пьесой, или есть особенные ходы к

нему, приемы, позволяющие актерам глубже погрузиться в атмосферу жанра?

Начинать, конечно, каждый режиссер будет по-своему. И продолжать по-своему... И завершать тоже по-своему... Опираясь на свой опыт, темперамент, свое видение данного произведения, учитывая те обстоятельства, в которых проходит работа. Так, очевидно, бывает со всякой пьесой.

Так и с водевилем. Будет ли работа над ним идти с совершенно новым, незнакомым для режиссера коллективом, или водевиль взят как своеобразный творческий отдых после большого и серьезного спектакля с давно сложившимся опытным коллективом, или назрела потребность совершенствования техники данного коллектива — все это не может не отразиться на режиссерском замысле.

Но в любом случае нам представляется целесообразным начинать с создания обстановки веселой, активной, пробуждающей самостоятельную выдумку. Надо на первых же порах не обмануть представления актеров о водевиле как о чем-то веселом, легком, о возможности отдохнуть, «подурачиться».

Практика показывает, что полезно начинать занятия с простейших этюдов, постепенно усложняя задачи исполнителей. Этюды эти непременно должны носить специфически водевильный характер, чтобы создать у актеров определенный настрой.

Итак, первое занятие. Вы к нему, конечно, подготовились. Возможно, что вы уже знаете, над какими водевилями будете работать. Возможно, вы даже для себя распределили роли. Но не объявили еще об этом. А может быть, и выбор водевиля и распределение ролей — это только проект, рабочая наметка? И в этом случае упражнения, которыми вы будете заниматься сейчас с актерами, помогут вам увлечь их новым видом работы и в то же время дадут возможность вам проверить свои предположения — на каком произведении остановиться и как вернее распределить роли. В «разминке» вы обязательно встретитесь с еще не раскрытыми, неожиданными сторонами творческой индивидуальности ваших актеров.

Предложите им, например, такое простое и легкое упражнение: все садятся полукругом, затем один за другим, по порядку встают, выходят на середину зала, останавливаются перед режиссером, говорят свое имя, отче-

ство, фамилию (настоящие, а не вымышленные!), затем проходят к полукругу товарищей, повторяют то же самое — имя, отчество, фамилию... и садятся на место.

Лучше делать это упражнение под музыку. Незаметно, не акцентируя на этом внимания актеров, предложите пианистке сыграть какой-нибудь вальс — тихо, не назойливо.

Непременное условие этого простого упражнения — говорить свое имя надо, глядя в глаза тем, кому говоришь — режиссеру, товарищам. И больше никаких других требований. Не определяйте пока задач — зачем, почему, для чего актер должен сказать свое имя. Это произойдет само собой. Каждый следующий будет делать упражнение все смелей, будет невольно искать оправдание поступка. У каждого появится свое приспособление, иной характер поведения, иная задача. Очень поможет исполнителям заинтересованность товарищей, ваше серьезное отношение к тому, что они делают, и... конечно, вальс! Попробуйте кого-нибудь из них лишить этой «подпорки», как бы невзначай остановите пианистку — и вы тотчас же услышите: нельзя ли музыку?

Все прошли это испытание. Напряженность первых минут спала. Предложите теперь проделать то же самое, но... уже под польку, и появятся новые оправдания этого действия, новый характер поведения и новые неожиданные приспособления.

Сколько будет выдумки, смеха, шуток! Каждому хочется еще и еще раз повторить «свой выход». Пусть выходит и тот, кто уже был, пусть другие нетерпеливо ждут возможности еще раз выйти... Возникает нечто вроде соревнования. А вам ведь очень важно, чтобы актеры увлеклись, чтобы появилось у них «творческое самочувствие». Особенно если вы в первый раз встретились с участниками. Нужно добиться свободного выполнения любого задания.

После того как все проделали «церемонию» представления под польку, можно побеседовать с актерами: узнать их мнение, кто действовал верно, органично, без наигрыша и зажима, и поэтому смотреть было интересно, у кого были ошибки и какие.

Задачи в этом упражнении могут быть любые. Но если у кого-то не проснулась вера в необходимость такого действия, значит, он еще не готов к творчеству.

Если коллектив организован недавно, молодым людям

будут особенно интересны творческие открытия. Если же участники уже умудрены опытом и знают всю кухню творческого процесса, они лишний раз на таком неза-мысловатом материале убедятся в правильности закона: нет веры — нет творчества актера.

Только не давайте беседе перейти в теоретическую конференцию. Актеры полны желанием «играть», не дайте остыть их творческому самочувствию. Предложите повторить упражнение, но теперь уже по собственному желанию; можно каждому отдельно заказать ту или иную музыку: вальс, польку, галоп, песню, романс, вообще все, кому что захочется, вплоть до отрывка из большого музыкального произведения. И снова произнести свое имя (подлинное), но представить себя — трехлетним, пятилетним, десятилетним ребенком. А потом стариком. Можно смотреть в глаза партнера, а можно и не смотреть, если того требует замысел.

Предложите для этого варианта упражнения слегка изменить костюм, использовать некоторые вещи — портфель, сумку, ленточку, платочек и т. д. Возраст требует хоть небольшого внешнего преобразования, неправда ли?

Задание можно постепенно усложнять, находя новые варианты одного и того же упражнения. Например, бульвар, гуляющие группами, парами, в одиночку люди. Встречаются, здороваются, представляют своих новых знакомых старым. Те должны назвать свое имя, вступить в краткий разговор.

А могут быть и такие обстоятельства: молодой человек хочет познакомиться с девушкой, ищет возможности представиться, находит или изобретает такую возможность — происходит знакомство.

В общем сочинить обстоятельства, в которых необходимо назвать свое имя, отчество и фамилию (заметьте, опять свою настоящую!), может каждый, но важно, чтобы все было оправдано, логично и естественно.

На этом можно кончить первое занятие. Актеры хорошо поработали, они переполнены впечатлениями. Не стоит их перегружать. Дайте задание к следующему занятию: создать парные и групповые этюды. На возраст — подросток, юноша, старик и т. д.

— Со словами можно? — обязательно спросит кто-нибудь.

— Конечно. Если они вам нужны. Если вы ими чего-то добиваетесь, что-то раскрываете своему партнеру..

А если не очень нужны, то можно без слов. Вообще это на ваше усмотрение. Полная свобода творчества.

— А одеваться можно? Ну какой-нибудь костюм или деталь костюма, вещи — например, палки, сумки? — уточняют они.

— Тоже как вам захочется. Если необходимо, то можно и переодеться. А если не очень нужно, то можно обойтись и своим ежедневным костюмом.

И тут же, еле дослушав, они выходят группами, бурно фантазируя по поводу будущих этюдов. Вы замечаете, что даже в трамвае, в автобусе они не успокаиваются, говорят, думают, спорят...

Что же вы сделали сегодня как педагог?

Во-первых, объединили малознакомых людей. Они стали нужны друг другу как возбудители личного творчества — когда они смотрели на работу товарищей, и когда так хотелось сделать поскорей самому, и сделать чуть иначе, может быть, лучше, интереснее. Они стали нужны друг другу и как строгие, придирчивые зрители, не прощающие ошибок, неправды, наигрыша. Наконец, они стали нужны друг другу и как единомышленники-партнеры, с которыми завтра будут «играть» свои этюды.

Если же они давно знакомы, знают друг друга по нескольким совместно созданным спектаклям, знают в каких-то определенных ролях, то в этюде они узнали друг друга заново. Простенькое упражнение обязательно раскрывает в каждом что-то новое, интересное. Этот «интерес» — толчок к творчеству.

Вы поставили их в положение, в котором они не могли не искать смысл, логику, конкретное содержание своего совсем крошечного поступка — представиться, назвать себя. Обстоятельства, которые вы предложили, а также строгий контроль товарищей не позволили им «играть вообще», быть неправдивыми.

Ну, а было ли в сегодняшнем задании что-то от волевого? Было, конечно, было. Но мы раскроем это несколько позднее.

Второе занятие. Артисты придумали много этюдов. Среди них и законченные «новеллы» с интересными названиями и скромные этюды без названий. Возможно, актеры уже знают, что всякий этюд — это маленькая пьеса и потому требует названия, отражающего основное содержание происшествия или характер главного действующего лица. Возможно, кое-кто из них недостаточно

проникся необходимостью этого. А возможно, они еще настолько молоды, неопытны, что просто не успели этого узнать и потому не дали названия своим пьескам. Не было у них такой потребности.

И в том, и в другом, и в третьем случае это прекрасная возможность обратить внимание ваших артистов на то, что, определяя названием основное событие пьесы-этюда, они тем самым уточняют для себя и предлагаемые обстоятельства, в которых произошло это событие, и самое событие, его характер, и свое отношение к нему, уточняют и дею этюда-пьесы. В общем уточняют многое, что позволяет им затем гораздо свободнее существовать в этюде.

Среди сегодняшних этюдов были удачные, были и неудачные. Но все артисты пытались выполнить задание — изменить свой возраст. По собственному почину они «украсили» свое поведение в выбранном ими возрасте (и согласно ему) песнями, танцами, чтением стихов. Прошное задание — назвать свое имя — может остаться, хотя вы не напоминали об этом. Оно возникло как органическое следствие их поведения. Например, бабушка приводит Олечку в музыкальную школу, и Олечка по требованию бабушки, желающей продемонстрировать воспитанность внучки, называет полностью свое имя, отчество, фамилию. Или: в детском саду идет репетиция концерта к Восьмому марта и ребята, выходя на импровизированную сцену, называют себя, или же их представляет ведущий, а они повторяют. В Доме ветеранов сцены на вечере воспоминаний происходит нечто похожее.

Актеры поют, танцуют, декламируют, живут в каких-то интересных, созданных ими предлагаемых обстоятельствах. Но они живут еще и в х а р а к т е р а х, хотя и остаются самими собой. Особенно это проявляется в этюдах, где герои — старики. Прожитая (в воображении) жизнь оставила след на манере вести себя. Это рождает особую х а р а к т е р н о с т ь.

Но вот просмотрены все этюды.

У руководителя накоплен богатый материал для беседы, для анализа. Можно ли дать рецепт проведения этой беседы? Конечно, нет. Ведь все будет зависеть от того, что и как произойдет на этом занятии, от степени подготовленности коллектива к этой беседе и, наконец, от творческого видения возможности повернуть беседу так или иначе у самого руководителя.

Но одно нам кажется необходимым — вести беседу надо с таким расчетом, чтобы в потоке оценок, самооценок, критики и одобрений, находок и открытий актеры пришли к неизбежности ответить на вопрос: что значит «быть ребенком» (стариком) и «наигрывать ребенка» (старика)? Что значит сыграть возраст приблизительно или точно? Точно — прежде всего в понимании самого актера. И откуда могла появиться именно такая характеристность у этого старика?

Но как бы вы ни повели беседу, она обязательно будет и взволнованной и активной. Все участники ее будут наперебой делиться своими впечатлениями, открытиями, предположениями.

Обязательно будет что-то похожее на это:

— Сегодня произошло что-то — не побоюсь этого слова — вроде чуда.

Во-первых, все были свободны. Ушла зажатость, которой страдали многие. У разных людей она обуславливалась разными причинами. Вот наши новенькие — Вера К., Сеня Г и Вадим М. — чувствовали до сих пор себя чужими. Ведь прийти в уже сложившийся коллектив нелегко. И вчера, на первом занятии, они были скованны, это было очень заметно. А сегодня они были такими, будто все три года провели с нами.

— Многие из нас, оказывается, такие интересные... Я раньше и не подозревал, что они могут быть такими...

— Я стала думать, наблюдать. Нас нередко призывали к этому педагоги и режиссеры. И читала я много о необходимости для актера уметь наблюдать людей, их поведение, но как-то все это конкретно не захватывало меня. А теперь я постоянно ловлю себя на том, что приглядываюсь к людям, наблюдаю, как они ходят, говорят, совершают какие-то поступки... А главное — как они думают. И пытаюсь представить себе, как я буду это делать, когда мне будет восемьдесят лет. Или вспоминаю, как делала, когда было шесть лет. Почти все забыла, но кое-что запечатлелось ярко... В общем, чувствую, что я сегодня какая-то другая...

— Больше всего меня поразило в сегодняшнем занятии то, что у нас было такое повышенное творческое внимание друг к другу на площадке. Откуда это? И особенно в «массовых» сценах, но никто друг другу не мешал, все было слышно, видно, реплики шли за репликами, будто

выученные и проверенные на репетиции. А ведь репетиций-то не было!

— И еще интересно,— добавляет кто-то,— разговаривая со своими партнерами, мы будто заранее знали, предугадывали, что они хотят сказать, сделать. И от этого рождались наши слова, наше отношение к ним, наши поступки.

Не сомневайтесь, в той беседе, что произойдет после показа этюдов, впечатления и открытия будут именно такими. Открытий не может не быть. Конечно, при условии, что вы внимательно, даже придирчиво следили за каждым из них во время упражнений и импровизаций и осторожно, но целеустремленно подводили их к необходимости таких открытий.

А может, вам и не придется сомневаться? Может, впечатления ваших артистов будут еще богаче? Ведь то, что сказано здесь,— это только «средняя арифметическая» обычного молодежного театрального коллектива. Ведь «чудо» здесь в нормальной творческой природе артиста, а не в составе коллектива и степени его подготовленности.

Как бы бурно или сдержанно, конкретно или расплывчато ни проходила беседа, вы должны уловить такие интересующие вас моменты, как:

а) свобода исполнителей (необходимое условие творческого самочувствия);

б) «интересность» исполнителей — то есть способность быть непохожими на себя в жизни, перевоплощаться;

в) рождение потребности наблюдать людей, накапливать «зарисовки» для будущих ролей;

г) особое творческое внимание партнеров, взаимное предугадывание мыслей и желаний друг друга, как основа подлинного действия.

Если вы нашли этот ход, это «сквозное действие» в вашей беседе, то стоит заострить внимание аудитории на последнем. Постарайтесь закрепить ощущение творческой радости от только что происшедшего подлинного общения.

Попросите принести в репетиционную комнату школьную доску, или лист фанеры, или просто большой лист бумаги. Напишите на ней крупно, чтобы было видно всем, следующее:

— К.В.М.О:Э.Н.М.Б.З.Л.Э.Н.И.Т?

— Т.Я.Н.М.И.О.

— А.Т...

— Ч.В.М.З.И.П.Ч.Б.

— М.Н.З.И.П.Я.Н.П.Л.В.

Написав, спросите их, что это такое?

Несколько мгновений будет стоять напряженнейшая тишина. Это от неожиданности. Ведь среди них есть люди образованные, много читавшие. Но сейчас они забыли, где и когда они встречались с этим.

И вдруг кто-то вскрикнет, обязательно вскрикнет: «Да ведь это разговор Кити и Левина! «Анна Каренина»!..»

Верно!.. Все даже вздохнут от облегчения, от радости узнавания...

Тут хорошо бы раскрыть страницу романа и прочесть весь этот странный разговор. Странный, потому что Кити и Левин только по начальным буквам слов понимали все, что писали.

Внимание к внутренней жизни друг друга у них было заострено до предела, потому и казалось им, что каждый слышит «разговор сердца» другого, слышит его биение.

Не является ли это высшей ступенью общения?

А на сцене, в драматическом искусстве, где самым главным художественным созданием является духовная жизнь человека, его мысли, его чувства, разве не происходит тот же процесс особо пристрастного внимания к «разговору сердца»? И, может быть, именно он, этот процесс внимания, его подлинность, и заставляет зрителя поверить в вымысел автора.

Внимание на сцене всегда должно быть подлинным, а не условным, если я хочу быть артистом, раскрывающим внутренний мир человека.

Хорошо бы научиться актеру слушать своего партнера так, как слушали друг друга Кити и Левин...

На сцене — все неправда, все вымысел, все взято актером «на прокат». Сюжет, взаимоотношения, характеры, текст даны автором. Мизансцены — режиссером. И трактовка авторского замысла — режиссером. Свет, костюмы, грим — художником. И хотя я — актер — в той или иной степени и принимал в этом участие, но в большинстве случаев не я автор всего этого. Мне это предлагают.

Что же остается на мою долю? В чем самостоятельность актерского искусства? Конечно, во многом... И в том, что предложенное автором и режиссером я в процессе творческой переработки делаю своим собственным.

Подлинное внимание к жизни на сцене, к внутренней жизни партнера и есть то единственное мое, целиком мое, чего никто, кроме меня, не может сделать.

На сегодняшнем занятии вы выполнили основную вашу задачу — возбудили у актеров желание самостоятельно творить. Ценно было то, что творили они сейчас, опираясь на личный опыт и знание жизни, что в их творчестве сегодня слились воедино и жажда «играть» и потребность анализа этой «игры», потребность завтра прийти еще более вооруженными, сыграть еще точнее.

О сценическом общении как об акте подлинного творческого внимания на сцене, казалось бы, известно всем.

Но разве редки случаи, когда общение происходит больше «по памяти», «вообще», когда забывают о данных обстоятельствах, о существе данного характера?

В водевиле же в силу его легкости, стремительного темпа и многих других черт это общение может очень скоро, на самых же первых спектаклях, перейти в чисто внешнее. Напомнив «разговор» Кити и Левина, вы сделали «прививку» вашим молодым актерам против этого «вообще».

У каждого режиссера, вероятно, найдется свой индивидуальный подход к тому, чтобы заострить внимание на этой или какой-либо другой, особо важной проблеме. И разговор Кити с Левиным не единственная форма глубокого взаимодействия людей. Но мы привели его здесь так же, как и рассказ о своих занятиях с единственной целью — обратить внимание молодых режиссеров на то, что творческая активность актера может быть достигнута очень быстро. Все зависит от точности, своевременности и увлекательности задания.

Когда программа занятия исчерпана, вы должны, не давая «остыть вдохновению», перейти к созданию этюдов на «водевильную ситуацию». Каждый читал водевили или видел их на сцене, может быть, даже играл в них когда-то. Пусть же теперь они создадут этюды согласно своим представлениям о водевиле.

Наступает день третьего занятия. (Третьего, или пятого, или седьмого — это зависит от тех условий, в которых протекает работа. Мы даем только их основную последовательность.)

В сочиненных для этого занятия этюдах еще больше разнообразия и выдумки, еще больше смелости в исполнении. Ведь это же водевили! Должно быть обязатель-

но смешно, обязательно «необыкновенное происшествие», которое угадывается уже в самом названии этюда.

Естественно, будут и такие случаи, когда название водевильное и интересное, но основные приемы не водевильные; или есть комедийное событие, но в нем только вывод и нет процесса нарастания и разрешения конфликта, нет препятствий и стремления их преодолеть. Словом, нет борьбы, нет драматургии.

Может быть, не стоит на этой встрече с «водевилем» обременять актеров анализом, а предложить им приготовить новые этюды на водевильную ситуацию. Не надо только репетировать на другой-третий день эти «водевили», не надо задерживаться на их «ролях». Через несколько дней актеров ожидает встреча с настоящими водевильными героями. Пусть «роли» в этюдах будут только легкими эскизами, сделанными в поисках будущего ощущения себя в водевиле.

Хорошо предложить устроить «цирк». Вся театральная молодежь и в профессиональном и в народном театре великолепно знает, как это сделать. Конечно, «цирк» требует и костюмов, и аксессуаров, и гримов. «Гримом» может быть только иная, чем в жизни, прическа, борода и усы из бумаги, полотенца, мочалы...

На следующих занятиях вы увидите каскад цирковых номеров: жонглеров, музыкальных эксцентриков, заклинателей змей, фокусников, дрессированных животных.

Вырабатывается острая характерность, артистизм в выполнении профессионального действия. «Артистизм», конечно, вымышленный, как вымышленно и самое профессиональное действие фокусника или жонглера.

После «цирка» можно перейти к парным этюдам (заметьте — парные!) на вальс, на польку, или какое-либо другое музыкальное произведение — романс, песню, но сделать это надо в двух вариантах.

Вариант первый. Музыка (вальс, полька и т. д.) звучит во время всего этюда. Музыка должна быть оправдана предлагаемыми обстоятельствами. Этюд может быть со словами и без слов.

Вариант второй. Музыка нет. Она — как бы фон внутренней жизни актера. Это оправдывается либо воспоминаниями о каком-то моменте жизни, связанном с этой музыкой, либо аналогией характера музыки с характером действия. Второй вариант по сюжету может не иметь ничего общего с первым.

Все, что приносится на следующие встречи, интересно для вас, так как дает возможность наблюдать, так сказать, творческое созревание актеров для задуманной вами работы и мысленно проверить еще раз, верно ли вы распределяете роли в выбранных вами водевилях. Интересно это и для участников коллектива, так как за все эти дни они сыграют уйму «ролей», будут творить не только как актеры, но и как драматурги, режиссеры, наконец, как костюмеры, реквизиторы, помогая своим товарищам. Они горячо спорят, пробуют, ищут. Ни один из них не просидел на занятии, только созерцая работу товарищей и томясь неудовлетворенным желанием скорее выйти на сценическую площадку, как нередко бывает в профессиональном театре.

В процессе работы желательно использовать и старые задания. Например, чисто импровизационно, без подготовки можно предложить участникам прежнее упражнение — «назвать свое имя». Но имя, отчество и фамилию теперь надо спеть. И надо оправдать, почему имя поется, а не говорится.

И опять что-то новое войдет в их сознание, в их творческое самочувствие. Казалось бы, совсем уж усталые от обилия всяких дел, которыми они жили сегодня, они сразу обретут новые творческие силы для этого задания. И снова шутки, смех...

Бурная деятельность коллектива за эти дни теперь подготовила участников к ответу на вопрос: «Что такое водевиль? Что вы узнали о нем?»

Очевидно, выводы будут примерно такими (судя по многолетним наблюдениям и работе с коллективами разными и по возрасту и по предварительному театральному опыту актеров):

1. Водевиль (для актера) — это активнейшее стремление к своей цели, влюбленность в эту цель, одержимость ею.

Актеру надо успеть оценить многочисленные препятствия, возникающие на пути героя к цели, не нарушая при этом психологической достоверности происходящего.

Нужна острота и стремительность решений (актерское искусство!).

2. «Водевильная жизнь» — это горячая наивная вера во все происходящее, пусть самое невероятное. Какая-то детская вера. Но, как и в детской вере, в ней есть и

логика и полная оправданность, обусловленная характером героя и обстоятельствами, в которых случилось невероятное. И все же к этой вере надо подойти, надо настроиться на нее органически, а не только играть веру, надо быть наивным, а не «наивничать».

В этом очень помогают жизненные воспоминания артистов — сочинителей и участников этюдов «на водевиль». С каждым из них или с их близкими, знакомыми случалось нечто необычайное, только в водевиле это подано в концентрированном виде.

3. А этот вывод, может быть, самый важный для актеров. Они действовали от себя, а получилось что-то чуть-чуть иное. Какой-то другой человек, хотя и похожий на меня. Какой-то пустяк в костюме, в том, как я нафантазировал свое отношение к событиям, к партнеру, заставили меня жить в иной, чем в обычной жизни, характерности.

И от этого стало легко и радостно, хотя я ни на минуту не забывал, что это «я», что я «играю», и в то же время я жил полной мерой своего увлечения, своей веры.

Это все старые, известные истины; может быть, и не стоило бы о них говорить... Но что за радость открыть их самому!..

Да, это верно. Они стали неожиданно интересными, иными и для товарищей и для себя самих. Например, Валерия К., три года «ходившая» только в героинях, вдруг надела чью-то чужую кофточку, из шарфика смастерила шляпку с бантиком, выпустила из-под нее закрученные валиком волосы, напудрила их и... превратилась в бабушку Оли Е., которую привела в музыкальную школу. Она действительно была старухой в этот момент, да такой смешной, такой искренней в своей убежденности, что ее Олечка — талант и ей непременно надо учиться! Она так настойчиво добивалась этого от меня, заведующей школой, что все покатывались от хохота, видя, в какое затруднительное положение поставила меня «старушенция»... И, окончив этюд, Валерия К. еще долго «не отошла», сидя потом на своем месте, она еще по-прежнему была бабушкой.

Или Машенька Д. — тихая, скромная, даже застенчивая девушка, став горничной своей водевильной хозяйки, так ловко, не стесняясь, обманывала ее и прятала за

ширмой «кузена» хозяйки, что все не переставали удивляться ее смелости и находчивости.

А Володя С.— тоже застенчивый и молчаливый, старающийся на занятиях всегда сесть где-нибудь подальше, в углу,— выскочил вдруг в каком-то нелепом ярком наряде (и как только он смастерил его в одну минуту!) и произнес монолог, яркий, сильный, страстный! Заклинатель змей зазывал толпу посмотреть свое искусство. Так ли ведет себя настоящий заклинатель змей или иначе, было неважно. Важно то, что Володя С. был убежден, что именно так и надо! И убедил нас в этом! Мы ему поверили.

Когда ему сказали: «Вот ты какой, оказывается! А мы и не подозревали, что ты можешь быть таким смелым!»— Володя С. по-прежнему застенчиво ответил: «Я сам не знал. Просто захотелось!»

Захотелось!.. Вот то самое важное, что вызвали эти незамысловатые занятия,— полная самостоятельность замысла, характера исполнения и общая творчески накаленная атмосфера занятий.

А «характерность» — вот тот родничок всякого актерского творчества, который делает актера таким живым, неожиданным, неповторимым. Будто напился живой воды...

«— Чудно! — вспомнили наши товарищи слова молодого актера,— такое состояние раздвоения не только не мешало, но даже помогало творчеству, поощряя и разжигая его»¹.

— Ах, так вот оно «импровизационное самочувствие»? Может быть, все так легко получалось от того, что мы не репетировали свои этюды, а только оговорили, кто что делает, кто и как к кому относится?

А что, если попробовать прорепетировать все это? Надо только обязательно добавить какое-то новое условие, которое поможет даже и после репетиций сохранить импровизационное самочувствие. Это условие — зрители!

Предложите актерам из всех сочиненных ими этюдов отобрать самое, по их мнению, лучшее, наиболее отвечающее программе работы, то есть «водевилю», и пригласить на это «контрольное занятие» или «вечер отдыха» своих товарищей, преподавателей по речи, танцу,

¹ К. С. Станиславский, Собрание сочинений, т. 3, стр. 214.

пению, наконец, просто работников клуба или дворца культуры, в котором вы занимаетесь. Надо только, чтобы зрителей было не очень много. Бьюсь об заклад, что предложение ваше встретит единодушное горячее одобрение. И посыплются вопросы — а можно ли показать «это», а можно ли и «цирк» показать? Ну ясно, что вы разрешили или посоветовали этюды и на «водевиль», и на «цирк», и на «песни», в общем, что им хочется. Полное доверие их чувству меры, их вкусу.

Вы ведь так и сказали, не правда ли: «вашему чувству меры, вашему вкусу...» И это обязало их быть осторожными, ответственными, требовательными и к себе и к товарищам.

Показ может происходить в небольшой комнате, в которой вы постоянно работаете. Зрители все свои, сидят совсем рядышком, а не отделены рампой. Их присутствие не мешает «импровизационному самочувствию». Наоборот, разжигает желание играть как можно лучше. От этого что-то звучало по-новому, добавились какие-то детали. Но главное, что дают такие репетиции, — это прочное творческое самочувствие.

Короткие сроки работы стимулируют творческую активность молодого актера. Он вынужден призывать на помощь весь свой жизненный и творческий опыт. Он не может не вспомнить и не воспользоваться тем, что он слышал от педагогов, прочел в книгах. С каждым днем он все больше ощущает конкретную помощь «теории», которая оказывается сегодня настоящей «практикой».

А занятия кажутся такими интересными, увлекательными, товарищи так здорово работают! И не хочется отставать, не хочется ударить лицом в грязь. Да, кроме того, увлекателен и самый процесс подготовки к занятиям, процесс самостоятельной работы. Тут-то и можно почувствовать свою силу, почувствовать себя художниками.

Короткие сроки работы нужны не для всякой работы, но нам кажется, что для водевиля они просто необходимы. Особенно в начальный период вхождения в атмосферу водевиля. Сейчас очень важно найти ощущение целого: ощущение жанра, атмосферы водевильного мира, зерна «водевильных чувств». И если удалось заразить всем этим актеров — смело можно начинать репетиции самой пьесы.

Упражнения, этюды, наконец, «итоговое занятие» со зрителями раскрыли каждую творческую индивидуальность вашего коллектива. И пока шла вся эта шумная, веселая жизнь, вы, конечно, успели и выбрать водевили и распределить роли с возможно большим попаданием.

В назначенный день читаются выбранные водевили, может быть, даже прослушивается музыка к ним. И удивительное дело — актеры воспринимают пьесу как давно знакомую, хотя слышат ее в первый раз. Знаком и близок самый дух водевиля, понятен строй мыслей и чувств его героев.

Да ведь так и должно быть. Актеры сами пережили подобные чувства, создавали примерно такие же отношения и встречались с подобными препятствиями. Вся атмосфера водевильной жизни для них своя, родная. Хорошо ли это? Облегчит ли это дальнейшую работу? Думается, что облегчит.

Роли распределены, назначен день первой репетиции. Но самих ролей — тетрадок с текстом — нет. Они пока не понадобятся. Прежде чем репетировать, выясним для себя, как же все случилось в этой пьесе, как все началось. Собственно, проделаем почти то же, что мы делали, когда создавали свои «водевили»...

Предположим, мы работаем над водевилем «Беда от нежного сердца» В. Соллогуба, который, как нам кажется, позволяет это сделать с наибольшей наглядностью, так как в нем отчетливо выражены свойства жанра. Автору данной статьи приходилось неоднократно ставить эту пьесу с различными коллективами. В описании различных этапов работы мы будем исходить из личного опыта. Наиболее характерные моменты, возникавшие в работе с разными коллективами, для большей наглядности мы будем соединять, чтобы по возможности дать наиболее полную картину рождения спектакля.

Конечно, могут быть и другие пути, каждый автор, каждая пьеса требуют своего особого подхода.

Мы хотим лишь познакомить постановщика со спецификой работы над спектаклем водевильного жанра. Поэтому все, что здесь найдет читатель, не должно восприниматься как рецепт для постановки любой водевильной пьесы.

Первая репетиция.

...Почему такое большое волнение и ссоры из-за розового платья в доме Дарьи Семеновны Бояркиной? Почему прислал записку князь Курдюков с извинением, что быть на балу не может? Почему именно сегодня приехал к Бояркиной откупщик-миллионщик Василий Петрович Золотников? Правда, он и сам говорит Бояркиной, что приехал сватать своего сына, так как Александр чуть было не женился в Тамбове «на интриганке». «А у вас, я слышал, дочка... Уж если не мы, так дети наши...»; но он-то, Золотников, прежде чем сказать эти слова, должен знать, как все произошло в Тамбове и чем грозила ему, отцу, женитьба Александра на интриганке...

Катерина Ивановна Кубыркина, та самая «интриганка» Катенька тамбовская, из сетей которой Золотников спас своего сына, в свою очередь нападает на бывшего жениха Александра, посмевшего уехать «не простившись, не напившись даже чаю, как вор какой», и этим смертельно обидевшего, оскорбившего ее. А жених-то считает, что он поступил правильно, не мог поступить иначе. Обиженным и оскорбленным является он. И обижен он этой самой Катериной Ивановной, которая еще смеет бранить его!.. «Нет уж, позвольте!..» Чтобы сказать это «позвольте», да еще так грозно, чтобы оно, по его мнению, могло бы разоблачить, убить Катеньку, он, Александр Золотников, должен точно знать, как все произошло в тот роковой день и почему он не верит теперь Катерине Ивановне.

Но вот как происходило все на самом деле — это должна знать, конечно, Катерина Ивановна — уж ей ли этого не знать! Но ей надо еще твердо знать и другое — почему же она упрекает своего жениха в неверности, почему так яростно нападает на него, что ей от него нужно? Ведь иначе не сыграть актрисе этой сцены.

У каждого действующего лица свое видение одного и того же факта, как, впрочем, и в жизни. Разные цели — отсюда и разные точки зрения на поведение своего партнера — противника в борьбе, отсюда и разное видение самого факта. Отсюда ведь и конфликты, недоразумения, разрывы.

Актеры еще не остыли от того жаркого сочинительства, которым занимались раньше. Им сейчас легко окунуться в новую задачу — нафантазировать вероятно сти возникновения обстоятельств, данных нам автором

уже в какой-то кульминационный момент их существования.

Автор только намекает на то, как это могло быть, и фантазия актеров разыгрывается все больше, больше. Предлагаемые обстоятельства будоражат творческое воображение.

Целесообразно уже на этом этапе работы над ролью использовать костюмы. Пусть каждый оденется согласно своим представлениям об эпохе и о характере своего героя, соотносясь с возможностями вашей костюмерной. Да и сами исполнители пусть смастерят кое-что. Сочиняли же они себе костюмы для первичных этюдов и для «цирка».

Мы не советуем, чтобы актер на этом первом этапе работы над ролью искал верное самочувствие в воображаемом костюме. Во-первых, сейчас у нас в работе не «самая первая пора знакомства с ролью», актеры уже занимались предварительными этюдами. А во-вторых, что должен актер вообразить? Что у него на голове цилиндр, его тело облегает фрак или пышный кринолин с несколькими нижними юбками? Разве без конкретно-чувственного опыта ношения такого костюма так уж легко вообразить себя в нем? А ведь кроме того, что актер вообразил себя во фраке, с цилиндром на голове, он еще должен знать, как его носить, как держаться во фраке, садиться в нем, как не запутаться в длинной юбке и т. д. Костюмы, которыми актеры пользовались в предварительных этюдах, были неточны, здесь была фантазия вообще, скорее «маскарадного» плана. Сейчас же необходимо приближение к тому костюму, в котором придется играть в спектакле. И его надо сделать «своим».

Смотрим этюды на «дожизнь».

Например, показывается этюд «Александр Золотников и гусары». Наследник папенькиных миллионов, Александр (а наследники, как известно, всегда прокучивают добытое папенькиными трудами богатство!), кутит где-то с гусарами, не то у цыган, не то в шантане. В самый разгар холостого веселья приходит еще один гусар и с ним... Катенька! Александр потрясен, подбегает к Катеньке и как жених требует объяснения. Гусар оскорбился и вызвал Александра на дуэль. Все как в самом захватывающем романе.

Актеры с увлечением создают «атмосферу кутежа», однако когда оканчивается этюд, возникает множество

вопросов. Непонятна логика этюда. Во-первых, если Александр кутит с гусарами, значит он не такой уж «папенькин сынок», не умеющий даже самостоятельно купить букет своей невесте. Помните, он просил папеньку пойти с ним вместе за букетом, за конфетами? «Один не пойду».

Да и нет в водевиле ни одного момента, который бы давал возможность усмотреть склонность Александра к кутежам.

Так же непонятно и то, зачем понадобилось купеческой дочке Кате Кубыркиной показываться на людях со своим тайным любовником, да еще в такой час, да еще в таком месте? Могла ли вообще в те времена поступить так любая девушка? Ну, а если уж пришла, то могла ли так спокойно встретить своего миллионного жениха? По водевилю ясно — она гоняется за его миллионами, а эта встреча грозит их потерей.

Немало претензий и к исполнению. Например: непонятно, где они кутят — это шантан или загородный ресторан с цыганами? Актер, играющий Александра, не знает, как его герой должен вести себя, он не подумал обо всех деталях обстоятельств и от этого ровет. Неуверенно чувствуют себя и Катя, и ее гусар, и все участники кутежа. Стало ясно, что этюд «не к делу».

Но наряду с такими этюдами могут быть показаны и очень достоверные, похожие на то, что могло бы быть. В них будет и логика событий и логика поведения исполнителей. Возможно, найдутся неожиданные, интересные и в то же время убедительные решения чрезвычайных ситуаций, в которых действуют герои водевиля. Но все же это еще не означает, что создатели более правдоподобных этюдов избежали ошибок. Недостаточная оценка нового чрезвычайного положения, неубедительное, неинтересное приспособление для решения задачи, недостаточная активность действия в момент, когда по логике событий она больше всего нужна. Но обсуждение этих этюдов подводит актеров к новым вопросам. Почему, например, Машенька никак не может выйти замуж? Почему маменька не хочет оплатить заказанное к балу платье — ведь этот бал может решить многое в судьбе Машеньки-невесты? Почему отказался приехать на бал князь Курдюков? А как происходило сватовство Катеньки и Александра в Тамбове? И произошло ли оно вообще? А как они жили на даче, как проводили день, о чем говорили? Как появился

там гусар? Каким образом мог узнать отец о неблагоприятном поведении Катеньки, ее «шашнях» с гусаром и как вырвал из Катенькиного плена Александра и т. д. и т. д.

Эти и другие вопросы не обрушиваются на актеров в первый же день показа этюдов. Они возникают от занятия к занятию, заставляя актеров все глубже и глубже вгрызаться в обстоятельства, в которых придется потом жить, то и дело ощущая свое незнание эпохи, быта, психологии героев.

Бесконечные вопросы, требовательность к товарищам и к себе, радость «находок», приобретаемые знания о том времени, укладе жизни, нравах делают работу не только интересной и веселой, как это было на первом этапе познания жанра, а как-то по-особенному захватывающей.

Иногда создается по несколько вариантов одной и той же «вероятности». Отбираются всем коллективом наиболее верные, наиболее логичные... «вариации»... «вероятности»...

Удивительное словечко писателя Лескова метко определило наши поиски.

До сих пор в предварительных этюдах актеры действовали от собственного лица. Но коль скоро теперь зашел разговор о логике поведения, то невольно встает вопрос — чья же логика действует в данный момент — исполнителя, актера Юры В., или Александра Золотникова? Ведь они разные люди, совсем не похожие друг на друга.

Как же Юра В. может знать, как поступил бы, должен был поступить в том или ином случае Александр, когда сам он, Юра В., поступил бы совершенно противоположно? С ним даже и не могло случиться того, что случилось с Александром. Так о чьей же логике мы говорим? И от «себя» ли действует Юра В., живя в предлагаемых обстоятельствах водевиля? Правда, автор дал нам поступки Александра согласно логике этого самого Александра, но он дал актеру только часть поведения героя, остальное всдъ актер должен дофантазировать сам. И, кроме того, я — актер должен быть убежден, что именно так и надо было поступить, я должен верить в это, когда я действую на сцене... Как же это происходит?

Может быть, все начинается с оправдания поступков героя? Конечно, это оправдание чисто творческое, а не

жизненное. Вряд ли Юра В. в жизни оправдывает поведение Яго. И даже Александра. Это скорее объяснение, чем оправдание. Но чем глубже проникает он в логику поведения своего героя, чем тщательнее исследует обстоятельства, в которых тот действует, чем настойчивее ищет он приспособления, которыми может пользоваться этот человек в общении с людьми для достижения своей цели, тем четче в его сознании (а может быть, и в его самоощущении?) начинает жить этот, именно этот человек. И все, что он делает, становится логичным, иначе и не может быть.

«Как же я становлюсь им? — спрашивает себя актер. — Как уловить этот момент прихода творческой веры в то, что «я» — это «он»? Как это вышло, что товарищи, а потом и зрители сказали мне: «Ну, ты живой Александр!» Как вышло, что они затаили дыхание, ожидая моего поступка, заплакали или развеселились от моих бед или радостей? И почему я сам так искренне, так страстно хотел, чтобы Настенька полюбила меня, приняла бы предложение стать моей женой? Ведь я, именно я, а не какой-то там выдуманный драматургом Александр, хотел, чтобы Настенька посмотрела на меня ласково, полюбила меня!.. Да, это тайна творчества, к которой надо стремиться... Вспоминаю разговор Левина и Кити. Ведь для того чтобы Левину написать первые слова, надо было обладать именно его характером (логика чувств, логика поведения?); надо было знать и помнить все обстоятельства, которые привели его к этому разговору с Кити (самая подходящая минута в длинной цепи других минут его общения с Кити, когда этот разговор не мог состояться, «линия жизни?»); и надо было хотеть добиться от Кити согласия стать его женой (заветная мечта, цель?); надо было не вспугнуть Кити. Он знал ведь и характер Кити и обстоятельства ее жизни, предполагал, догадывался, чем она живет сейчас, какие сложные чувства испытывает после всего случившегося с нею, с ними обоими... И он нашел средство (приспособление?) облегчить этот трудный для Кити и решающий для него разговор. Он стал п и с а т ь. А может, еще и потому, что сам волновался? Старался не выдавать волнения, чтобы не помешать Кити?

Левин предполагал, что Кити должна ответить так, как ему хочется, может быть, потому и понимал все, что она пишет, только по начальным буквам. Так же как и

Кити понимала Левина, потому что угадывала, предполагала цель его разговора.

Значит, и мой Александр предполагает, что Маша, Катя, папенька, Настенька должны или хотят ему ответить? Как, в общем, и я, Юра В., предполагаю все это, разговаривая с кем-нибудь в жизни! И подтверждение моего предположения или, наоборот, неожиданный ответ моего собеседника дает мне «горючее» для дальнейшего поведения. Значит, я должен все хорошо знать о моем партнере. Это, собственно, и происходит во время моего поиска «верояций».

А подлинность моего внимания к душевной жизни партнера в самый момент разговора с ним на сцене, попытка угадать его намерения — не есть ли это самое важное ощущение подлинности вымышленной жизни, ощущение реальности происходящего «здесь, сегодня сейчас?»

Вспомним хотя бы групповые этюды на «детский сад» в самом начале нашей работы... Может быть, тут и таится начало того самого «чуда», которое приводит к перевоплощению? К «истине страстей и правдоподобию чувствований» в данном характере, в данных обстоятельствах?..

...Какие бы жесткие сроки работы ни стояли перед вами по плану, не бойтесь уходов в теорию актерского творчества. Каждая роль — это университет для актера. И чем больше рождается у него потребности обдумывать общие вопросы творчества в момент работы над ролью, тем лучше, да и скорее создаст он эту роль. В другое время никакие общие разговоры не могут заменить этого «сплава» теории и практики...

Но вернемся к нашей работе. Как «делать» характер, с чего начать поиски его? Как найти логику самых невероятных поступков человека?

Начнем с определения его основной жизненной цели. Пусть она будет только на то время, которое дано в водевильной жизни, пусть она будет вначале только предположением, нашей «рабочей гипотезой». Но без нее мы не сдвинемся с места, все наши разговоры будут «вокруг да около». Надо определить цель — сверхзадачу героя.

Вспомним все, что мы знаем об Александре и его жизни в водевиле.

Но сверхзадачу найти не так легко, если не накоплен опыт, не созданы крепкие навыки работы над ролью. К тому же сверхзадачу надо определить поточнее, ведь

потом придется строить к ней путь — непрерывное сквозное действие всей сценической жизни Александра. Но актера уже захватили поиски «верояций», он уже получил от встречи с ролью творческую радость, он вынужден идти вперед, проверяя все найденное ранее через фокус сверхзадачи (конечно, пока только предполагаемой).

И еще открытие — Александр Золотников живой, неповторимый человек со своим особым миром! И актер вынужден — по своей воле — глубже исследовать этот мир, дофантазировать причинности поступков этого человека, о которых вчера еще не думал, влезать в самые недра его психики. Оказывается, это нужно везде, всегда, кем бы ни был человек, которого актер создает, — героем ли трагедии или героем водевиля.

Вот какие вопросы подняли перед нами «верояции». Все старые, давно известные истины. Но какой новизной сверкают они сейчас, так как возникли из конкретно-чувственной практики. Актеры будто «потрогали их руками». А главное — они нужны им сегодня, сейчас! Ведь завтра нужно жить в характере, освоиться в нем, сделать своим.

В новой волне этюдов день ото дня нарастают видения, завязываются нити будущей «линии жизни». Прожитое в этюде — верояции — откладывается в самочувствии актера как реальное, обретает права подлинного факта. И сам сюжет пьесы насыщается живыми обстоятельствами.

Неуклонно день за днем закрепляется правдивое существование в смешных, странных ситуациях... Впрочем... смешными и странными они казались давно... Это было, когда мы читали водевиль. А что же странного в этих людях, в этих приключениях, чрезвычайных событиях? Все естественно... И «верояции» становятся действительностью.

Еще одна особенность этого периода работы. До сих пор этюды почти не репетировались, ну разве только к показу «на итогах». Эти же новые этюды будут репетироваться, просматриваться, уточняться, а потом снова репетироваться. Конечно, репетировать следует только те этюды, которые идут «к делу», то есть помогут будущему спектаклю. Уточняется сюжет, поведение действующих лиц, правдивость исполнения. Отрабатываются отдельные элементы технического порядка, связанные с ношением костюма, обращением с вещами и т. д.

В итоге из этих этюдов сложилась новая пьеса, с теми же действующими лицами, с теми же отношениями и общим содержанием жизни, но как бы пьеса «наоборот». То, что у драматурга происходило за сценой, теперь получилось на сцене, а то, что составляло авторский сюжет водевиля, теперь скрыто от глаз зрителя. Зрители, которых вы снова пригласите на итоговое занятие, будут приятно удивлены нашим водевилем, хотя он был только «верояцией». Им может показаться, что спектакль уже почти готов, и только вы знаете, что еще самое начало работы. Главное — впереди...

АВТОРСКИЙ ТЕКСТ

Ощущение готовности водевилей появилось, между прочим, и у актеров. Они настолько увлеклись созданием жизни своих героев, настолько старательно «отрабатывали» сюжет, так тщательно искали характеры своих героев, так сжились со всеми обстоятельствами, что им показалось, будто все готово... Роль уже живет в актере, он схватил в ней самое существенное — «зерно».

Вот тут-то и надо предложить актерам переписать роли. Переписать обязательно самим и обязательно не в спешке, а отведя для этого специальное время. Дать молодому актеру роль, переписанную чужой рукой или на машинке, — значит оказать ему медвежью услугу. Актеры старого поколения ощущали это и всегда в процессе работы над ролью не раз переписывали ее сами, хотя и получали в готовом виде из режиссерского управления театра.

«Свидание» с текстом роли — это глубоко творческий акт, и в особенности сейчас, когда актер уже знает свою роль, он уже играл ее только что! Правда, он говорил другие слова... Открыв пьесу сейчас, он убеждается, что в этюде говорил почти по авторскому тексту. Вот это «почти», эту разницу особенно остро воспринимает актер сейчас. Он замечает, что некоторых слов он даже и не помнил, не успел их заметить во время общей читки... Он даже и не предполагал, что его герой может так говорить, так выражать свои мысли. Словом, теперь текст роли приобретает для него особую выпуклость и от этого легче запоминается.

Хорошо бы во время переписки ролей рядом с ролевой тетрадкой положить ту самую рабочую тетрадь, в

которую уже записаны и «гипотеза» сверхзадачи и все, что казалось актеру нужным для работы. Все, что мелькнет в уме во время переписки текста, — будет ли это новая мысль о сверхзадаче роли, или просто о задаче данного куска, или название этого куска, или еще какие-то видения поведения, отношения к своим партнерам, — все заносится в эту тетрадь, все пригодится в дальнейшем. Ведь сейчас происходит процесс более глубокого исследования роли, и каждое слово, которое актер заново открывает в ней, вызывает целую вереницу видений. Они потом могут улетучиться, забыться, надо их «поймать», чтобы потом идти по ним, как по следу.

Роли переписаны. Теперь проведите репетицию таким образом: прочитайте по ролям первую сцену и вместе с исполнителями определите в ней самые главные слова и целые фразы. Открываем, например, первую сцену старшего Золотникова с Дарьей Семеновной, явление 4-е.

Подчеркнем в указанном куске самые главные слова красным карандашом. Определению красных слов очень помогает такой прием: предположим, актер не может сразу решить, какой текст у него «красный». Предложите ему вычеркнуть из текста фразу, которая вам кажется самой главной. Увидите, как он рьяно запротестует: «Она важная! Без нее у меня пропадет то-то и то-то...» Значит, она и есть «красная».

Что же в результате просмотра текста остается в сцене (которой, конечно, вы уже дали название, определили основное событие куска и т. д.)?

А текст остался такой:

«Золотников. Дарья Семеновна, узнаете ли вы меня?

Дарья Семеновна. Боже ты мой! Василий Петрович!

Золотников. Аз многогрешный.

Дарья Семеновна. Я слышала, вы разбогатели страшно?

Золотников. На беду свою, разбогател.

Дарья Семеновна. А сюда какими судьбами?

Золотников. ...Сына привез.

Дарья Семеновна. Женатый?

Золотников. Нет, холостой.

Дарья Семеновна. Ах, будьте осторожны, Василий Петрович! В Петербурге все девушки хороши только на вид... Вот у меня дочка, так уж могу похвалиться...»

Не кажется ли вам, что в этом сокращенном диалоге есть все, что нужно актеру для первых репетиций? Здесь и встреча старых друзей, здесь и устремления обоих к своим целям — «выдать дочь» за богатого, выдать поскорей, сегодня же вечером (князь-то отказался!), и «женить своего дурака поскорей», пока не наделал бед! («Как увидит юбку, так и влюблен, давеча чуть было не женился на интриганке какой-то!»). Чувствуется и то душевное состояние, тот настрой, в котором ведут разговор Золотников и Дарья Семеновна.

Этот краткий диалог не лишен даже свойственного Золотникову юмора («на беду свою, разбогател»), намек на его отношения с Дарьей Семеновной. Эту сцену называли «На ловца и зверь бежит».

Нередко для усвоения только что прочтенной сцены из новой пьесы создают этюды со «своим» текстом, по смыслу похожим на текст пьесы. Нам думается, что после проделанных «верояций», в которых происходит первая встреча с ролью, эта необходимость отпадает, а этюды же на написанную автором сцену теперь могут только затормозить дальнейшее исследование роли. В слове, вернее, в том, как им пользуется человек, таится не только его биография, но и среда, и эпоха, в которой он живет, его характер, и характерность, «личная» особенность этого человека. Поэтому сейчас полезнее сыграть сцену с авторским текстом по отобранной схеме. Пусть актеры произносят только «красные» фразы, а все, что им надо создать в своем поведении, все, что можно сыграть без слов, они обязаны создать «физической жизнью тела».

В водевиле несколько действующих лиц, у каждого есть своя первая сцена. В результате у нас будет несколько первых сцен. Выбрать их и подготовить к следующей репетиции по «красному тексту» должны сами артисты. Обратите внимание — мы теперь говорим «репетиции», а не «занятия». Подготовить эти сцены надо с костюмами, реквизитом, бутафорией, мизансценами.

Вот когда значение точного, выразительного физического действия, раскрывающего всю внутреннюю жизнь роли, пусть пока только в этом маленьком кусочке, встает перед исполнителем во всей своей полноте. Ему без этого просто ничего не сделать. Ведь текст краткий. Исполнитель придет на репетицию беспомощным, если не найдет выразительного физического действия.

«Красная схема» — это словесный фарватер роли. На

этой стадии работы она должна сыграть роль бура, с помощью которого вы погружаете актера в самые глубины действия. Здесь намечается перспектива роли, определяется ее сквозное действие.

Сколько раз вы будете принимать от актеров «красный текст», требуя все большей и большей точности? Это зависит от степени активности актеров, их одаренности, вашей требовательности и терпения. Потом, очевидно, вы прибавите к этой первой сцене другую, самую важную после первой, потом последнюю, финальную. И через некоторое время по «красному карандашу» сыгран весь водевиль. Правда, он будет только в схеме, в каркасе, но от этого еще больше разгорится желание актеров поскорее сделать все. Они уже взяли в руки свои роли, провели их через интересные находки неожиданных и точных физических действий, мизансцен. Они чувствуют себя не просто исполнителями, а хозяевами, создателями своего... чего? Кто-то говорит — «образа», кто-то осторожно поправляет — «характера», кто-то из самых вдумчивых говорит: «Это ведь только проект того, что можно сделать. А можно и лучше, и глубже, и подробнее...»

Со стороны может показаться, что водевиль совсем готов, странно только, что он не совсем такой, каким видели его зрители на прошлых «итогах», какая-то другая пьеса, хотя персонажи опять те же. Пьеса стала еще интереснее.

Теперь снова сядем за стол и попытаемся найти в каждой сцене еще одну, две, три фразы, самые важные после «красного текста». Подчеркнем их, предположим, синим карандашом. Работа идет легче, актеры прекрасно усвоили этот цветной чертеж сцены, они теперь точнее определяют свои «синие» фразы.

На следующей репетиции просматриваются те же сцены, но уже с расширенным текстом. Актеры не должны учить весь текст роли. Но «красные» и «синие» слова роли они обязаны знать точно. А так как их сравнительно мало и они связаны между собой логической нитью мысли, то ошибки замечаются легко. Сразу видна перестановка слов или неточное выражение.

Эта работа прививает актерам вкус к точному слову, умение видеть речевое своеобразие персонажа, за словами текста угадывать самый характер его мышления.

Далее определяем слова, так сказать, третьей значимости, «зеленый текст».

Особенно внимательно надо отнестись к нахождению «красного», «синего» и «зеленого» текста в монологах. Точное определение соподчиненности элементов текста укрепляет перспективу монолога. Кроме того, это помогает достичь скульптурной лепки монолога, когда каждая фраза действенна, каждое слово содержательно и неповторимо. Монолог тогда не покажется ни скучным, ни длинным, каким бы большим он ни был.

В результате проделанной работы актеры запоминают текст наизусть без специального его заучивания.

ФАБУЛА

А что, если перед тем как сыграть водевиль по цветной схеме — на репетиции, конечно, — попробовать проверить: все ли мы знаем о нем и о каждой роли. Новый «манок» нашему воображению, нашей активности поисков. Пусть актеры напишут рассказ о своей роли, не пропуская ни одной детали своего поведения, ни одного момента переживаний и поступков своего героя. Не по тому только, что написано автором, а и по всему тому, что нафантазировано в процессе «верояций». Словом — описать жизнь этого человека.

Несмотря на подробное предварительное изучение роли, в ней откроется много нового.

Кто-то принес «фабулу» в виде письма к подруге, товарищу, в форме дневника героя. Кто-то напишет просто рассказ о том, как жил в обстоятельствах пьесы его герой. Но в рассказе, обращенном к конкретному человеку — подруге, товарищу, — «просматривание» жизни своей роли обычно бывает гораздо подробнее и точнее.

Сочиняя письмо или дневниковые записи своего героя, актер еще раз вспомнил все предлагаемые обстоятельства, в которых ему, именно ему — актеру — пришлось жить в эти дни. Рассказ ведется от первого лица, эмоциональная сторона рассказа более насыщена, и все отношения к друзьям и недругам четко определены — «люблю», «ненавижу», «боюсь» и т. д. Значит, это уже личное переживание.

Рассказы о роли, созданные в третьем лице, менее подробны, в них могут быть упущены важные повороты в жизни действующего лица. Бледно очерчиваются, а иногда и совсем не очерчиваются отношения с другими людьми.

ми. В этих рассказах обычно личное переживание отсутствует.

Нам кажется, что направить такого актера довольно легко. Укажите на какое-нибудь конкретное действенное место в его рассказе, а такое всегда найдется, и он сразу же почувствует облегчение, ухватится за него. Например, актриса, работающая над ролью Дарьи Семеновны Бояркиной, пишет: «Дарья Семеновна взволнована, ей надо поскорей сосватать свою Машеньку этому миллионеру Золотникову, а то как бы красавица Настя не отбила». Мы знаем, что в авторском тексте роли Дарьи Семеновны нет ни одного намека на то, что она боится соперничества Насти — этой «замарашки, прислуги, ничтожества». Да и в этюдах, которые создавала актриса, и в схеме, которую она уже проиграла на репетициях, тоже не было ни малейшего намека на такие мысли Бояркиной.

Следовательно, в своем описании актриса не только не суммировала свой опыт сближения с ролью, наоборот — она обеднила себя тем, что не построила свою фабулу на «линии жизни». Ведь когда Настя в финале вела нежданно-негаданно оказывается невестой Александра — владельца миллионного наследства, — это должно потрясти, поразить как громом Дарью Семеновну и вызвать такой приступ ярости, что, не помня себя, она набросится на Настеньку. Невероятно! Замарашку, ничтожество, уродку предпочли ее красавице Машеньке!!!

Актриса не только не подумала о перспективе роли, но и о своей перспективе, перспективе создателя, конструктора роли, не подумала о распределении своих выразительных средств.

Перспектива роли и перспектива артиста живут обязательно вместе, взаимно дополняя и обогащая друг друга. Игра актера, овладевшего перспективой, «становится, так сказать, дальноточкой, а не близоточкой...»¹ — как сказал К. С. Станиславский.

Фабула может помочь и в других случаях. Например, той же актрисе долго не удастся сцена ссоры с Кубыркиной. (Признаться, сцена сама по себе нелегкая для молодых актрис.) Никакие подсказки на репетиции не помогают. И вдруг среди кучи ненужных слов в ее «фабуле» вынатыкиваются на такие фразы: «С чего, думаю, она такая ласковая? А-а-а, льстит, на бал напрашивается! При-

¹ К. С. Станиславский, Собрание сочинений, т. 3, стр. 135.

ходи, приходи, не страшна мне теперь твоя Катенька! Дочь-то моя уже сосватана. Воображаю, как вытянется твоя толстая физиономия, когда ты узнаешь, что моя Машенька с двумя миллионами!..»

Но, даже написав эти слова, актриса за была об этом верном переживании, родившемся во время создания «фабулы». На следующей репетиции сцена опять не идет. Но достаточно указать актрисе на ее находку в «фабуле», как роль буквально оживает. Почему же так вышло, что актриса забыла о том, что пережила во время написания «фабулы»?

Нет еще навыков, нет умения беречь найденное, укреплять его, она и не придавала значения тому, что «подсказала» ей творческая природа.

«Фабула» дает еще одну прекрасную возможность овладеть существом роли. Актеры принесли «письма к близким» и «дневники». Обратите внимание на то, какими словами сообщают они о событиях своей жизни. Ведь это же говорит тот самый человек, характер которого актер хочет постичь и воспроизвести во всей неповторимости его. Значит, слова в письме или дневнике должны быть похожими на то, как говорит он в роли, по авторскому тексту. Это же его речевая характеристика! Хорошо бы, если это позволяет материал самого письма, дневника или рассказа, пользоваться и подлинным текстом роли. В особенности, если есть слова, не попавшие в «схему», но интересные для характеристики человека. Предложите актерам обязательно воспользоваться в рассказах и письмах именно этими словами.

Возьмем, например, монолог Александра после того, как папенька оставил его для размышлений — на ком же ему жениться.

«Я женюсь на Катерине Ивановне... это решено: это моя священная обязанность... Но я просил руки Марьи Петровны, я взволновал ее воображение!.. И что за девушка Марья Петровна! Прелесть, идеал, рассудка гибель!.. Да вот Настенька...»

(Вы помните, конечно, что твердое решение Александра вначале жениться на Катерине Ивановне кончается полным крахом — он не может выбрать ни одной невесты...)

Это одна из самых главных сцен Александра. Какими словами он говорит сам с собой? Они, естественно, заимствованы из модных романов и романсов того времени.

И это актеру необходимо понять, вкусить, попытаться воспроизвести этот стиль разговора. Монолог раскрывает еще и чрезвычайную молодость Александра, наивность: «Хорошо было батюшке (выбрать невесту.— Е. Л.). Он женился на матушке!»

Слов, выражений, которые могли бы помочь актеру, найдется в его роли немало. Они приобретут сейчас, при отборе их для «писем» и «дневников», особую значимость. И теперь он их уж не забудет, не переставит в тексте ни во время репетиции, ни на спектакле; они станут для него своими.

Все, что актер уже сыграл, пережил в этюдах и сценах по «цветной схеме», и все, что он не мог сыграть, но обязательно должен был продумать, представить, проанализировать, создавая «фабулу роли»,— все теперь слилось в единую «линию жизни».

Задача наша — всячески активизировать умение актера самостоятельно работать над ролью. Значит, надо не пропускать ни одной возможности выманить его на широкую дорогу самостоятельного творчества. Тогда и спектакль и вся работа коллектива будут находиться на ином качественном уровне.

Если верно провести работу по созданию «фабулы роли», то в дальнейшем вы обязательно услышите от актеров: «А знаете, я еще поработаю над уточнением фабулы своей роли, я теперь увидел что-то новое в ней»... Или: «А этого у меня не было в моей фабуле, я теперь обязательно допишу, это мне помогает...» Или еще: «Вот прочтите, я написал новое письмо своему «дяде» («товарищу»). То, что случилось вчера со мной на репетиции, то что я открыл, я не мог пережить один, надо было поделиться, попросить совета, помощи...»

Ну и, конечно, вы предложите отныне не говорить о своем герое «он», «она», а только «я», как это сделали те, кто написал так в своих письмах и дневниках. Это ведь тоже приближает ощущение «себя в роли и роли в себе». Прием простой, а действует безотказно.

Ну, кажется, все готово, чтобы приступить к самым что ни на есть обычным репетициям, подготавливающим спектакль к прогону, а затем и к выпуску. Так можно было бы и сделать, если бы... если бы мы имели дело с обычной пьесой. Но это в де вилы! А у него свои особенности.

До сих пор репетиции шли почти обычным путем. И вдруг «а парт»! О нем даже забыли.

И появляется новое задание: выписать все в ту же рабочую тетрадку все «а парт» своей роли. Выписывая, подумать — почему и когда, в какой момент своей жизни герой обращается к зрителям, чего хочет от них сейчас.

Назавтра артисты приходят с новыми открытиями. Оказывается «а парт» им очень нужен! Это органическая ткань жизни их образа. Вот — Александр Золотников; он пятнадцать раз обращается непосредственно к зрителям!.. Пятнадцать!.. И оказывается, что обращается он к зрителям в самые важные моменты своей жизни, в минуты наисильнейших переживаний.

«А парт» подчеркивает те или иные черты характера действующего лица, заостряет действенность его поведения. Взять, например, сцену Александра с Машенькой. В момент острейшей борьбы за свою свободу, за свободу выбора в любви у Александра возникают слова: «Ну, как ее можно сравнить с той? У той глаза, талия, волосы!»... Это первая встреча его с Машенькой, которую он не знает, знать не хочет, а его оставляют — заметьте, оставляют насильно. — с тем, чтобы он мог влюбиться в Машеньку. Только что в передней он встретил девушку, которая свела его с ума, перед которой даже померкла любовь к Кате из Тамбова! («Я женюсь на ней, именно на ней, и ни на ком другом!») Только что он горячо благодарил отца за такую чудесную невесту, радостно объявил, что «влюблен по его приказанию» — и вдруг такое! Откуда ни возьмись — эта Машенька, и надо теперь любезничать с ней, чужой, неинтересной, ненужной! Да ни за что на свете!.. Отец говорит, что они ошиблись, что невеста именно эта, а не та, в передней. Ну и пусть отец ошибается, но он-то, Александр, не ошибся! Сердце его говорит, что только та, в передней, и есть самая что ни на есть лучшая. Но Александр не смеет послушаться папеньку, он покорный сын, он вынужден остаться с Машенькой, он боится отцовского гнева... Но влюбляться в новую невесту нет сил, нет никакого желания. Он в труднейшем положении. А тут еще она сидит рядом и, по-видимому, ждет от него чего-то... Конечно, предложения руки и сердца!.. Нет, надо спастись, надо бежать! Нужна чья-нибудь помощь, чье-

то позволение уйти... Зритель! Вот он друг мой! Обращусь к нему — выручай, помогай, подтверди, что я прав! «Ну, как ее можно сравнить с той? У той глаза, талия, волосы!» — и секундочку, совсем крошечную секундочку, Александр ждет ответа, подтверждающего его правоту. И зритель ответил — он смеется! Значит, он прав, ее действительно нельзя сравнить с той! Значит, он может не послушаться папеньки, может уйти и быть свободным? Теперь он непокорный сын, хоть и боится все же отца. Робок, а непокорен. Любовь делает его смелым.

Но на пути к выходу его встречает удивленный и обеспокоенный взгляд Машеньки. Споткнулся об этот взгляд. Остановился... разглядел ее лицо, глаза, которых до сих пор не видел, не желал видеть. «Какая!» — и... растерялся. Не знает, что делать, убежать или смотреть на это лицо, в эти прекрасные глаза? Но надо же восстановить душевное равновесие (растерялся!), надо что-то делать... Что? И опять за помощью к другу-зрителю (может быть, я ошибаюсь?). «Однако и эта порядочная так себе!» — ищет он подтверждения друга. Друг-зритель весел, он смеется! Значит, он согласен со мной? Она действительно «порядочная так себе»... «Остаюсь! Решительно остаюсь!..»

До сих пор в «схеме» это место игралось по такому плану:

а) Появление нового объекта в поле зрения внимания Александра — «глаза!»

б) Оценка этого явления — «чудесные!»

в) Перемена отношения к ним, значит, и к Машеньке — приятно смотреть на них!

г) Возникновение нового желания (задачи) — хочу быть с ними (то есть с Машенькой), любоваться ими!

д) Активное действие — остаюсь, разговариваю, хочу понравиться, влюбляюсь, сватаюсь!

Все психологически последовательно, как в обычной пьесе. И «а парт» — обращение к зрителю — актеру было не нужно.

Но слова написаны! Актер обязан сказать их! Если произнести их, как размышление, обращение к себе самому, то это может обеднить характер Александра, это снизит накал его душевной жизни, ритм ее. Александр не размышляет, он весь порыв, необдуманное действие, он весь целиком отдается охватившему его чувству, стремительно с головой кидается в новое действие. Если

же произнести эти слова в том же ключе размышления, но более горячо, возбужденно, это может привести к нажиму, наигрышу.

Обращение же в трудную минуту за помощью к зрителю не лишает всю сцену психологического оправдания, но делает в то же время поведение героя особенно активным. И теперь все верно, но верно уже по-водевильному. Получается своеобразное развитие характера. До сих пор Александр был просто влюбчивым — так по крайней мере считает его отец («как увидит юбку...»), — а теперь это маленькое «а парт» дало возможность актеру ощутить в характере своего героя «оправдание» влюбчивости: это не просто волокитство, а «поиски прекрасного». Также актер увидел в этой сцене благодаря неизбежности «а парт» большую внутреннюю энергию Александра, стремление к самостоятельности, которое в конце пьесы проявляется в зрелом, обдуманном отказе свататься к самой чудесной из всех девушек, Настеньке. «Нет, батюшка, она мне и богатому-то отказала. Пойдем отсюда, пора за ум взяться. От денег-то у меня голова кругом пошла, такая забилась в голову дурь. Теперь надо самому быть человеком...»

Все было понятно актеру и раньше, но «а парт» как-то заново открыл ему это. А внутренний монолог, который ему пришлось нафантазировать, чтобы подойти к «а парт», еще больше наполнил внутренний мир Александра особой душевностью, согрел образ этого смешного, чудаковатого, но, оказывается, такого симпатичного юноши, что актер еще больше полюбил свою роль. «А парт» становится актеру категорически необходимым, это теперь неотторжимая часть жизни Александра.

На этом этапе работы актеры испытывают активную потребность в зрителе. Им необходима эта «душевная акустика». Актер больше не скользит рассеянным, испуганным взглядом по щеке зрителя, он смотрит ему прямо в глаза, вливается в него, он добивается от зрителя нужного ответа, иначе он, актер, перестанет действовать органично, в полную меру правды своей водевильной жизни! Обращение к зрителю вошло в плоть и кровь его действий.

«А парт» является неотъемлемой жанровой чертой водевиля. Это та сфера жизни образа, которая наиболее способствует рождению «импровизационного самочувствия», так как «а парт» не позволяет актеру ни на минуту

«забыть», что он «играет» свою роль перед зрителем. И в то же время вера зрителя в игру, как в настоящую (сценическую, конечно!) жизнь, питает, подкрепляет и актерскую веру в «подлинность» сейчас происходящей вымышленной жизни.

Герой водевиля может лгать кому угодно, может скрывать свое настоящее отношение к другим действующим лицам от них же, но он никогда не лжет зрителю в своих «а парт». Со своим другом-зрителем он всегда искренен.

Обнажая перед зрителем самые интимные стороны своих чувств и отношений к другим действующим лицам водевиля, герой его «волен» уйти со сцены и как бы переселиться в зрительный зал, быть заодно со зрителем, смотреть с ним вместе со стороны на то, что происходит на сцене. Через «а парт» водевильный герой борется за симпатии зрителя к своим затеям, или за антипатии к своим противникам.

«А парт» не может не быть подлинным действом здесь, сегодня, сейчас, ибо каждую минуту оно обращено к живому, серьезно, в а п р а в д у ж и в у щ е м у и ничего не играющему партнеру-зрителю. Зритель становится как бы действующим лицом в спектакле водевильного жанра. И если в «а парт» нет подлинного действия, нет подлинного актерского желания получить от своего партнера-зрителя отдачу (симпатии), сочувствие, смех, аплодисменты или привлечь его особо активное внимание, то «а парт» (а значит, и правда сценической жизни актера в данный момент) не состоялось. В этом реалистическое и театральное свойство одной из наиболее ярких жанровых черт водевиля — «а парт».

«А парт» водевиля всегда лежит на линии сквозного действия героя. Это, так сказать, хребет роли, выражение какой-то грани сверхзадачи.

А разве «а парт» не существует в других жанрах? — могут нас спросить. Например, в бессмертной комедии Го го л я «Ревизор» или, скажем, в оперетте? Вот уж где «а парт» занимает почти такое же место, как в водевиле.

Напомним, что оперетта — это младшая по возрасту сестра водевиля, так как родилась гораздо позже его. И, как утверждают историки театра, оперетта при рождении взяла себе в приданое самое лучшее из водевиля. Отнесем к этому лучшему и «а парт». В нашу задачу не входит анализировать сейчас это явление более подробно, удовлетворимся утверждением историков.

Что же касается гоголевских «а парт» или в инсценировке «Мертвых душ» во МХАТ, то тут стоит вспомнить великолепное решение этого приема артистом В. О. Топорковым. Он произносит свои «а парт», глядя в глаза партнеру, но произносит так, что нам ясно — он говорит не ему, а себе. Партнер же, не слыша слов Чичикова, продолжает свое дело, свои мысли. В этом приеме и живая жизнь и «жанр» именно этой комедии.

Так же говорятся «а парт» и в «Ревизоре», в каких бы спектаклях и каких бы исполнителей ни приходилось наблюдать. Это размышление действующего лица о возникшей ситуации (Хлестаков: «А попрошу-ка я у него взаймы!») или оценка партнера (Чичиков: «Дурак этот губернатор»), это внутренняя жизнь героя без обращения к зрителю. Это его мысль.

Что же касается приема «а парт» — скажем лучше, обращения к зрителю (очевидно, так будет вернее) — в других драматургических жанрах, начиная с обращения хора в древнегреческой трагедии и кончая драматургией наших дней (здесь и «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, и «Иркутская история» А. Арбузова, и пьесы Б. Брехта, и многие другие пьесы), то это особая и большая тема. Нам думается, что в каждом отдельном случае прием обращения к зрителю должен иметь свое сценическое решение, как того требуют и задача обращения, и характер действующих лиц, и жанр произведения.

Водевильное же «а парт» самой природой этого жанра требует решения именно в том ключе, о котором мы говорили. Оно только тогда жизненно, когда обращено непосредственно к зрителю за сочувствием, за помощью, когда требует вовлечения зрителя как действующего лица во все перипетии водевиля.

И, может быть, только после того, как актерами уже много сделано для создания своих ролей, можно творчески осмысленно переступить эту черту жанра, полностью окунуться в стихию водевиля. Это ничего, что не у всех действующих лиц есть «а парт», все равно общая атмосфера прямого общения со зрителем заражает весь коллектив актеров. Отныне «а парт» становится рабочей задачей репетиций.

С первых же дней этого этапа работы наши актеры сталкиваются еще с одним видом «а парт». Ведь вступительные куплеты — это тоже «а парт». Помните упрям-

нение «представиться»?.. И финальный куплет — тоже «а парт», это тоже обращение к зрителю! И еще где-то в середине водевиля тоже есть такие куплеты. Значит, и куплет надо включать в рабочую задачу наших репетиций по «а парт».

КУПЛЕТ В ВОДЕВИЛЕ

Куплет — порождение водевиля, его законное дитя. Что же может дать актеру куплет, этот «нерв водевильного жанра»?

«Куплет никогда не может быть бездушен», — говорит К. С. Станиславский; куплеты почти всегда отмечают кульминационные моменты в той или иной сцене, поэтому они всегда заключают в себе наиболее сильные актерские задачи для исполнителя, наполнены наиболее искренними чувствами. Большую и непоправимую ошибку совершают те, кто полагает, что куплет в водевиле — это развлекающий и отвлекающий от главного действия сценический момент¹.

Но вот утверждение другого мастера и знатока водевиля — Ф. Кони: «Куплет придает пьесе рельеф!»

Если в разных водевилях проанализировать куплеты, то мы увидим, что по характеру прямого действия они делятся на несколько видов.

1) Куплеты — разговор со зрителем:

а) вступительный куплет, представление самого себя или других действующих лиц, предупреждение зрителя о том, что сейчас будет;

б) заключительный куплет, или, как его называли в старину, «водевиль», — просьба не очень журить за шутку, за исполнение, поощрить — похлопать, или вывод — мораль водевиля, его идея;

в) куплет — посвящение (по ходу действия) зрителя в свои чувства, переживания, свои намерения или сообщение зрителю о некоторых особенностях своей биографии, своего характера;

г) так же, по ходу действия, сообщение зрителю о своем партнере, о его качествах, отношении к нему, высмеивание, порицание или, наоборот, восхищение им — все это явления одного порядка, а именно общение со зрителем;

¹ Н. М. Горчаков, Режиссерские уроки К. С. Станиславского, стр. 262.

д) куплеты, используемые автором как средство литературной полемики, куплеты, порицающие существующий строй, бичующие взяточничество, бюрократизм, злую цензуру и т. д. Иногда куплеты такого рода сюжетно не связаны с содержанием водевиля.

2) Певческий или речитативный диалог — средство общения с партнером, продолжение диалога разговорного.

Хотя действенная основа этих двух видов куплетов одинакова, построена на общении, но все-таки непосредственное общение с партнером и общение со зрителем через рампу, естественно, технически осуществляются по-разному.

Есть куплеты совсем уж разговорного характера: подпевание, напевание, произнесение слов на музыке без попытки петь или же переход от пения в середине музыкальной фразы к прозаической речи, и, наоборот, — быстрый, «без передышки», переход от разговора к пению.

И есть куплеты «ариозного» характера, которые в свою очередь могут делиться на лирические, элегические, романсные и балладные. Иногда водевильный куплет переходит в подражание народной песне, встречаются и куплеты с хором.

Словом, техника куплета — это раздел мастерства, требующий сознательного отбора средств выражения «жанра» или «стиля» куплета, а следовательно, и большой тренировочной работы... Один только маленький, бесхитростный, казалось бы, куплет — а за ним море возможностей для актера проявить свое искусство.

Вместе с куплетом в водевильный спектакль входит и музыка, и танец, и подтанцовка. Вы ищете наиболее выразительные, наиболее отвечающие характеру и существу данной сцены м и з а н с ц е н ы танца и подтанцовки.

Во всех углах вашего репетиционного помещения идет бесконечное, в поисках «шикарности», надевание цилиндра, вырабатывание походки с тросточкой, проверка танцевальных движений. Самое время напомнить актерам о пантомиме с тросточкой водевильного любовника, которую так блестяще продемонстрировал К. С. Станиславский на репетиции «Льва Гурыча Синичкина»¹. Это несомненно заразит актеров, обогатит их фантазию, подстегнет их рвение в работе.

¹ См.: Н. М. Горчаков, Режиссерские уроки К. С. Станиславского, т. 3, стр. 253.

На первых порах (ох, какое большое время охватывает эта «первая пора!») у актера обязательно что-то не будет получаться. То он не сможет перейти от разговорной речи к пению «с той же ноты» — это требует специальной тренировки, умения, навыков. То у него не будет четкой дикции при скороговорках и особенно в пении — это тоже требует специальных навыков. То не сможет он одновременно и петь и танцевать — это требует тренажа! То, наконец, овладев темпом и текста и движений, он забывает о своей задаче. Все это требует умения, навыков, мастерства!

Но, раз встав на эту дорогу, актер уже не сможет остановиться. Оттачивание техники, приобретение навыков стало для него личной потребностью.

«Видите, какой это трудный жанр», — вспоминаем мы снова К. С. Станиславского¹. Давайте во всем упражняться...

И хотя «упражнения» в разгаре, в самый неожиданный для артистов момент вы усаживаете их снова за стол. У вас как у режиссера есть своя сверхзадача, свое сквозное действие.

«СЕСТЬ — ПРИСЕСТЬ»

Проверим первую сцену Золотникова с сыном.

— Зачем? — недоумевают актеры, — там же все ясно.

— Ясно-то ясно, но что-то не получается у Володи Н. — отца Александра.

— Да, не получается, — вздыхает Володя.

— Ну, прочтем по тексту.

— Да я его знаю наизусть...

Вспоминаем первую сцену Золотникова и Бояркиной.

Золотников объявляет Бояркиной, что приехал женить своего сына на ее дочери. Бояркина в восторге спешит за своей дочкой Машенькой, чтобы поразить красотой и воспитанностью жениха с двумя миллионами. И Золотников счастлив, что дело так легко улаживается, что наконец-то он пристроит своего легкомысленного сына, как вдруг из передней, где отец оставил его дожидаться, влетает Александр. Он на вершине блаженства, он женится на той, которую встретил сейчас там, в передней, на той, ко-

¹ Н. М. Горчаков, Режиссерские уроки К. С. Станиславского, стр. 264.

тору, по его мнению, выбрал ему отец. Перепуганный отец пытается объяснить сыну, что это ошибка, что та, в передней, совсем не дочь, а племянница.

«Александр. Все равно!

Золотников. Да говорят тебе, она племянница.

Александр. Да хоть бы дядей она была, я все-таки женюсь на ней! Твоя была воля... воля отцовская — закон.

Золотников. Да я прочил тебе другую.

Александр. Нет, воля отцовская — закон!.. Я не хочу другую.

Золотников. Да не шуми, они идут сюда.

Александр. Пушай нейдут... скажи, чтоб не шли.

Золотников. Да взгляни только.

Александр. И глядеть не хочу!..»

Актер, играющий Золотникова-старшего, должен найти определение того, что он делает в этой сцене.

— Объясняю сыну, что мы ошиблись.

— А он не слушает объяснений.

— Да... налетает как-то чересчур на меня, а я не знаю, как ему еще объяснить, — оправдывается актер. — И слов мало, и одинаковые все какие-то...

Нужно найти какое-то другое действие, похожее на объяснение, но, очевидно, более активное...

Может быть — «растолковать»? Нет, тоже не получается... А ведь отцу надо спешить! За дверью уже мелькают женские фигуры, слышится приглушенный шепот, они сейчас войдут!.. Надо немедленно что-то сделать с сыном, иначе все старания пропали.

И вдруг актер находит! Надо в темяшить этому дуралею в его дурацкую башку!.. И на ваших глазах актер становится оживленным; несмотря на то, что он сидит за столом, руки и ноги невольно задвигались, голос стал крепким, властным, появилось раздражение, даже гнев на непонятливого сына. Он зажил в другом ритме. Вот теперь ему стало ясно то, что казалось ясным. Актер нашел точное выражение и отношения Золотникова к сыну и оценку предлагаемых обстоятельств, а отсюда ритм действия, накал борьбы и даже самый характер отца... И все это сделало одно только слово — точный глагол!

Что греха таить, молодым актерам кажется подчас скучным, школьным это занятие. Редко проводят они всю роль через четкие определения каждого крупного действия. На поверку же оказывается: то, что актер считает

ясным, не помогает ему сейчас, а наоборот, тормозит его творчество.

Как часто мы встречаемся с таким явлением: глагол (определение действия), найденный в самом начале работы, постепенно начинает тускнеть, забывается, утрачивает свою силу «манка», возбудителя действия. Актер знает теперь о роли гораздо больше, но по инерции он пользуется «глаголом», найденным в начале работы, и это иногда бывает губительным для роста роли. «Глагол» надо время от времени пересматривать, искать более активное слово для данного этапа работы — слово, вбирающее все оттенки найденных уже отношений, уточненных предлагаемых обстоятельств, определившихся черт характера роли. А если актер и оставит старое определение действия, то, пересмотренное, оно как бы наполнится новым смыслом.

Именно в то время когда у актера почти все готово, когда он и тросточкой владеет, и цилиндр шикарно надевает, и поет, и танцует, когда отдельные куски роли выходят легко и радуют, но почему-то в других местах что-то мешает этой легкости, верному самочувствию, полезно обратиться к уточнению действий актера.

Какие нюансы действий и состояний, характеров и «характера» образа действий», внутреннего и внешнего темпо-ритма кроются в простейшем физическом действии — сесть, если попробовать определить его разными словами? Например: «сесть», «присесть», «развалиться», «плюхнуться». Точно так же и в глаголах — «сказать», «объяснить», «растолковать», «втемяшить».

Проходит еще несколько репетиций, чередующихся с застольным уточнением внутреннего действия. Текст произносится уже без всяких ошибок, актеры мыслят словами роли. Пение, танец, мизансцены вплетены в единую линию действия. Нельзя больше ждать, необходимо назначить прогоны — один, другой, третий. Ощущение целого, получаемое в прогонах, помогает попутно и выправлению отдельных мест. Хорошо бы теперь сыграть спектакль на сцене для своих близких зрителей.

Правильнее, конечно, назвать этот спектакль генеральной репетицией с публикой. Но не важно, как назвать, важно, что к арсеналу творческих средств, которыми актер воплощает свой замысел, прибавляется более полный, чем на репетициях, костюм, грим, настоящая сцена, свет, а главное — зритель, который воспринимает уже не

репетицию в аудитории, а настоящий спектакль. У зрителя ведь тоже своя психология восприятия.

Да, мы не рассказали, что занятия гримом, поиски «моего лица» начались давным-давно, параллельно с репетициями. Много раз на специальных занятиях актеры встречались с гримером, приносили свои эскизы и пробовали их. Они уже знают своих Александра, Катеньку, Машеньку и, что особенно важно, свою Кубыркину, Бояркину, Золотникова-отца, то есть возрастные гримы. И это тоже сделало более полным их видение своих героев.

Спектакль прошел благополучно, более гладко, чем все мы предполагали. И смеялись зрители и аплодировали, но... Это же не водевилы!.. Это просто обыкновенная комедия, может быть, и сыгранная по всем правилам сценической правды. Однако нет в спектакле особой легкости, искрометности, «изящества и шика». А ведь на репетициях это было... Правда, лишь иногда!..

В чем же дело? — В нашем спектакле нет нужного водевильного темпо-ритма. Импровизационное самочувствие куда-то ушло от страха перед настоящей сценой.

Конечно, моментами было легко общаться с партнером, творчески радостно, исчез страх перед черной дырой портала, но плохая организация закулисной жизни нарушала спокойное существование (спокойное для артиста, хотя и очень взволнованное для образа).

Проверили, уточнили, сделали все, как надо. Спектакль второй раз прошел лучше, но и вы и ваши артисты не совсем довольны. И опять мы вспоминаем о темпо-ритме. Как быть с этим важнейшим средством создания образа?

ЧАРОДЕЯ ТЕМПО-РИТМ

«Счастливые музыканты, певцы и танцоры! — пишет К. С. Станиславский. — У них есть метроном, дирижер, хормейстер, регент! У них вопрос темпо-ритма разработан и его исключительное значение в творчестве осознано. Верность их музыкального исполнения до некоторой степени гарантирована и зафиксирована в смысле его правильной скорости и размеренности»¹.

У музыкантов есть ноты, специальные обозначения скоростей и самого характера исполнения этих нот. Но;

¹ К. С. Станиславский, Собрание сочинений, т. 3, стр. 164.

оказывается, даже им нужен дирижер, хормейстер, направляющий в момент исполнения весь ход музыки в определенное русло.

Но, может быть, и мы «до некоторой степени» можем разработать и зафиксировать темпо-ритм своей роли, своего спектакля? Ведь и мы «до некоторой степени» уже знаем свои роли... У нас тоже есть «ноты» — наш текст. И есть обозначения если не скоростей, то определения характера действий — задачи. Правда, у музыкантов указан темп куска — «престо», «аллегро»... Но как нельзя музыканту играть, а певцу петь просто «медленно» или «быстро», так и нам нельзя просто быстро или медленно играть сцену. Это будет формальный темп. Ведь кроме темпа есть еще и действенная задача куска, есть еще и предлагаемые обстоятельства, в которых она выполняется в определенном темпе и ритме! Как сделать, чтобы он был именно таким, каким требует и характер действующего лица и характер сцены?..

И опять вспоминаются слова «счастливые музыканты, певцы»... Да, конечно, у них, кроме определения «темпа», есть еще какие-то «хитрости», вроде «аллегретто» или «аллегро виваче». Это, очевидно, более точно определяет характер исполнения. Но почему же тогда и это более точное указание на характер музыки разные музыканты воспринимают по-разному, подчас чуть ли не противоположно трактуя один и тот же музыкальный момент?

Очевидно, образ, который видится в данной музыке исполнителю, диктует ему характер исполнения ее.

Позвольте, а разве мы «не видим» образа драматического события? Вспомним наши этюды на вальс, на польку, песни. Почему была так интересна, увлекательна для нас эта работа, почему так легко создавались предлагаемые обстоятельства этих этюдов, ничего не надо было выдумывать, они будто рождались сами собой? Ясно, нам помогал образ чувств, образ возможного поведения. Он возникал перед нами от конкретного, именно этого вальса, этой польки, этой песни.

Все содержание жизни наших этюдов диктовалось «биением пульса» музыки. Делалось это произвольно. Между нашими видениями, оценками их и нашим поведением была непрерывная связь — образ действий. Может быть, это и вызывало нужный темпо-ритм?

То же самое в этюдах на точное название — «Школьный вальс», «Последняя папираса», «Утро на реке», «Пер-

вая встреча» и т. д. Мы знали, что нам надо делать, как вести себя в предлагаемых обстоятельствах. Может быть, названия заменяли нам музыку?

Значит, видение образа действий может помочь найти нужный темп-ритм (во всяком случае, нужный нам). Раз он дает нам живое существование, значит, и зритель поверит в правду нашей сценической жизни.

И у актеров появляется горячая потребность сейчас же, заново просмотреть внутреннюю сущность отдельных кусков роли, весь ход «линии жизни» — музыку ее.

Возьмем, например, сцену Александра и Настеньки после того, как Александр подслушал ссору маменек Катеньки и Машеньки из-за его миллионов и решил отомстить им, выбрав «ни ту, ни другую, а третью»... Как мы называли эту сцену, чего искали в ней? «Решительный выбор»? Так, кажется, было вначале? А потом, когда мы глубже заглянули в ее сущность, — «Первое фиаско Александра»? Или «Настенькино кредо»? (Заметьте, что названия давали сами актеры, вы помогали им только тем, что принимали или отвергали их предложения. Ну и, конечно, незаметно подталкивали на верную дорогу.)

— Так что же все-таки происходит в сцене, что является для вас самым главным? — спрашиваете вы актеров. — Вы любите эту сцену, многое в ней раскрыли, но все-таки что же произошло во время объяснения Александра с Настенькой? Сколько раз он предлагал в течение вечера руку и сердце разным девушкам?

— Три.

— Похожи ли эти предложения по чувствам и по форме?

— Похожи, — отвечает актер. — Нет, подождите, — перебивает он себя. — Хотя и с Настенькой я начинаю почти так же, как с Катенькой и Машенькой — предлагаю, настаиваю... Позвольте, но я ведь ни Катеньку, ни Машеньку не упрашивал такими словами: «Послушайте, Настасья Павловна, я глуп, смешон, дерзок, неуч — все, что вам угодно, только, право, человек я недурной. У меня нежное сердце, ну, виноват ли я; ну, поверите ль — все думаю, как бы привязаться, полюбить хорошенько, да затем и basta! Душа-то, душа-то так и шепчет: «Привяжись, болван, привяжись!..»

Так искренне, так сердечно, так самокритично Александр действительно еще ни разу не говорил с девушкой

ми. Что заставило его говорить так? Настоящее чувство? Да, наверное. Но когда, как оно возникло на наших глазах? Это же водевиль, в нем все происходит стремительно. Где тот рубикон, переход которого сделал из этого беспечного «влюбленного в любовь» Керубино человека, способного на такое большое настоящее чувство?

— Как же я этого раньше не понимал? — волнуется актер. — Это же первая любовь!.. Нет, не только первая, но и единственная! Я не знаю сейчас, как назвать этот кусок, где Настенька отчитывает меня, но я знаю как я должен вести себя здесь. Я ведь потрясен до глубины души! Я такого еще никогда не слышал, не знал, не видел в своей жизни! Вот тут-то я и нашел свою необыкновенную суженую, ту, без которой я не смогу дальше жить! Во всяком случае, я не смогу быть таким беспечным мотыльком, каким был до сих пор. Недаром же я говорю ей: «Вы открываете мне глаза. Я чувствую себя новым человеком!» Это и есть самый момент появления любви. Может, и называется сцена «Новый Александр» или «Любовь открыла Александру глаза»... Пока не могу решить. Но твердо понял — моя сверхзадача совсем не «жениться», как я думал до сих пор, а привязаться. Вот чего он ищет в девушках, с которыми сталкивает его судьба. Он ведь говорит Настеньке: «Все ищу как бы привязаться. Сердце так и шепчет: привяжись, болван, привяжись...»

И сейчас же открывается актеру еще одно: «если моя сверхзадача «привязаться», а сверхзадача моего отца «женить меня», то — отсюда и конфликт между нами! Я как-то смутно улавливал его. А теперь знаю точно. Не «жениться», а «привязаться». А отец не понимает моих чувств и спешит женить меня. И как хорошо теперь может получиться конец, когда я поучаю папеньку, как надо жить дальше: «Пойдем отсюда. Пора за ум взяться; от денег-то у меня и голова кругом пошла, такая забила дурь в голову. Теперь надо самому быть человеком...» И дальше весь монолог говорит о прекрасных сыновних чувствах, о человеческой зрелости Александра.

— А Настеньку он слушает во все уши, смотрит на нее во все глаза, когда она говорит, что не все счастье в деньгах, что ей противна вся возня вокруг его миллионов и она ни за что не согласится быть его женой... Вот как надо играть эту сцену!.. Во все глаза, затаив дыхание, на высочайшем темпо-ритме! Но надо застыть на этой мину-

те как после стремительного бега вверх. Это вершина внимания! А потом стремительно вниз — просить, умолять, раскрыть ей, почему она стала ему так необходима... Понял! Понял! — радуется актер. — Он просит, умоляет ее, но он робок с ней, ведь она для него по-особенному прекрасна, она «та самая» и потерять ее, это потерять все... И ритм такой же высокий, как и в предыдущей сцене, как в паузе (наверху!), и темп быстрый, а все не так, как было. Ко всему, что было только что, до ее монолога, прибавился страх — страх потерять ее. Поэтому он совсем по-особенному, не так, как раньше, настойчив. Настойчив, но робок. Иная окраска темпо-ритма. Я, кажется, уловил...

Вся перспектива роли, ее движение по сквозному действию, осветилась как прожектором, до мельчайших подробностей. И это актер нашел с а м. Пришло время найти. Это открытие вдохновляет его, и почти всегда, если не помешает что-то из ряда вон выходящее, нужный темпоритм приходит сам собой. «Образ» сцены врезался в память актера, теперь он не сможет забыть его.

В чем же специфика, своеобразие водевильного темпоритма? Ведь без темпо-ритмической партитуры не может быть ни одного хорошего спектакля. Только, очевидно, самый жанр пьесы, стиль драматурга определяют и характер и структуру этой партитуры.

Водевиль не допускает вялых ритмов, медленных темпов. В водевиле герой не входит, а врывается, влетает. Влюбляется сразу же пылко и страстно! А затем... отказывается от возлюбленной, чтобы так же пылко полюбить другую. Чародей темпо-ритм!

Водевиль требует от артиста стремительной и естественной, правдивой оценки, мгновенной перемены отношений к одному и тому же явлению или человеку, неожиданного возникновения пылкого желания (вспомним Александра в сцене с Машенькой: «Глаза-то, глаза у нее какие! Ну, где были мои глаза, что я не видел ее глаз?!»)

Водевиль учит мастерству сценического воплощения тончайших нюансов простейших человеческих поступков. Это ли не школа для молодого актера? Не надрываясь над выполнением сложных психологических задач, которые подчас ему не под силу, молодой артист приобретает ту артистическую технику, которая позволит ему потом увереннее браться за создание больших образов, смелее решать свои актерские задачи.

У водевиля, в силу его жанровой природы, есть еще одно свойство помогать рождению верного темпо-ритма. Это музыка.

Куплет, танец, подтанцовка пронизывают все существование водевильного героя, держат его все время как бы в ритмическом корсете. Здесь актеры становятся такими же «счастливыми», как музыканты, певцы, танцоры.

И хотя, по утверждению К. С. Станиславского, нужный, горячий, обжигающий не только зрителей, но и самого исполнителя чародей темпо-ритм приходит неожиданно-негаданно от многих благоприятных причин (как и вдохновение), помогайте ему приходить. Увеличивайте количество «благоприятных причин»!

Темпо-ритм всего спектакля — это категория режиссерского искусства. Спорить по этому поводу бессмысленно. Но в момент спектакля режиссер как бы передает свою «дирижерскую палочку» ансамблю актеров. Ведь в нужном для спектакля темпо-ритме будет существовать актер. Он и должен будет воздействовать на чувства зрителей. Ему, актеру, и нужно обеспечить эту возможность воздействия всеми средствами режиссерского искусства.

И наши скромные попытки спасти положение перед премьерой водевиля — это лишь начало большой повседневной работы актера по воспитанию в себе чувства ритма, владению им как одним из самых мощных выразительных средств сценического искусства.

Немало найдется жанров, которые тоже могут служить «взлетной площадкой» творчеству молодого актера. Взять хотя бы современную пьесу. Ведь персонажи современной пьесы куда ближе и понятнее молодым актерам, чем герои водевиля. Что нового дает нам водевиль, да еще старинный?

Новое, как мы уже говорили, в кажущейся неприязнительности водевиля. Всякий знает, что образ героя в классическом произведении — дело ответственное. Создание образа нашего современника, даже в одноактной пьесе, тоже дело нелегкое. А водевиль?! Подумаешь, образ Александра Золотникова! Дело такое простое, что не стоит и копья ломать! — спешит с выводами молодой актер и... попадает в «западню», которую расставил ему лукавый водевиль.

Начав с «дурачества», актер от занятия к занятию рас-

крывает для себя самого много неожиданного: человечность этого «смешного типа», казавшегося ему таким невероятным, совсем нежизненным; оказывается, все его поступки и странности абсолютно логичны. Конечно, логичны только для него, а вообще-то, может быть, и нелогичны, нелепы...

— Он не мог поступить иначе, уж такой у него характер,— оправдывает своего героя актер.

Чем больше актер увлекается своим героем, тем активнее растет в нем желание (ведь он художник!) показать этого человека зрителям во всем его своеобразии, во всей неповторимости характера поведения, манеры приспособлений, продиктованных и эпохой, средой, профессией, конкретностью предлагаемых обстоятельств и т. д. и т. п. Возникает потребность овладения техникой, с тем чтобы воплотить все это с наибольшей художественной точностью.

Проблема замысла и воплощения приобретает те самые черты углубленных поисков, которые только и могут рождать высокое мастерство художника, в какой бы области он ни творил.

На этой грани смыкаются и задачи режиссера (педагога) и задачи актера. Теперь они общие. И чем опытнее педагог, тем меньше он навязывает свою волю актеру, тем больше он будет пытаться будить волю самого актера, конечно, тайно руководя ею.

О том, что им придется проделать, открыть, пережить, актеры и не подозревали, когда обрадовались вашему предложению сыграть веселый водевиль...

Близится день выхода на большую сцену, день премьеры. Идут монтировочные, световые репетиции, не прекращаются тренировочные занятия. Но хорошо бы выбрать еще одну репетицию для спокойной, уютной беседы, поговорить о том, удалось ли нам создать живые человеческие характеры в таком веселом, легком и в то же время опасном жанре.

Он опасен именно тем, что делает его «жанром», — своей кажущейся легкостью.

Когда сверхсверхзадача художника устремлена только «к себе» — хочу достичь профессионального мастерства, хочу нравиться, — она может привести и к формализму, к отрыву от зрителя, читателя, слушателя. Такое определение своей жизненной цели художником может быть только временной рабочей задачей, этапом на

пути к умению делать «для других», к осмыслению всей жизненной деятельности.

«Водевиль всегда реалистичен, несмотря на музыку, пение и танцы. Это его поэзия, но не «условность»... водевиль имеет свою «душу», свою внутреннюю сущность. А душа водевиля — это его жизненное правдоподобие. Пусть настоящий водевиль отображает жизнь в капле воды, но он отображает именно жизнь, а не театральные приемы игры и режиссуры»¹, — говорил К. С. Станиславский.

Последняя репетиция — не первая беседа на эту тему. Но сейчас актерами уже накоплено ощущение всей системы образов водевиля и всех — режиссерских и актерских — выразительных средств для воплощения идеи спектакля в целом и, как показывает практика работы, это чувство хозяина, чувство ответственности за все в целом, служит прекрасным противовесом против актерских грехов — самопоказа, спекуляции своими данными, красования, трюкачества, демонстрации образа, а не жизни в образе. Систематическая работа воспитала в них серьезное, трепетное отношение к «легкомысленному» и такому серьезному жанру, как водевиль.

Есть еще одна проблема, которую вам не обойти. Это проблема современного прочтения старинного водевиля.

Режиссеру необходимо найти при постановке водевиля баланс между современным прочтением его и созданием ощущения иной эпохи. Не стоит обращаться за панибрата с эпохой, избрав старинное драматическое произведение только как возможность блеснуть своими режиссерскими новшествами, своей режиссерской фантазией. Режиссерское мастерство не умалится, а лишь вырастет от соблюдения «баланса», и водевиль может стать школой не только для молодого актера, но и для молодого режиссера. В этом, нам кажется, и заключен тот самый режиссерский «манок», о котором мы упоминали в начале разговора о «манках» водевиля. Работа над водевилем может послужить школой овладения одной из самых сложных проблем нашего театрального искусства — проблемой современного прочтения классики.

В русском старинном водевиле, лучшие образцы которого всегда демократичны, отражают в той или иной мере

¹ Н. М. Горчаков, Режиссерские уроки К. С. Станиславского, стр. 263.

прогрессивные идеи, волновавшие тогдашнее общество, для режиссера найдется возможность определить мысль, интересную и для нашего времени. Чтобы сделать ее выпуклой, доходчивой, есть много режиссерских средств. Хорошо бы подобрать и новую музыку, хотя и напоминающую старинную, но все же более привычную для нашего современного восприятия.

Нельзя только чересчур увлекаться этим. Нельзя, чтобы водевиль стал непохожим на то, чем был. Во всем необходимо соблюсти меру, иначе можно так «осовременить» автора, что непонятно будет, зачем же взят именно этот водевиль, когда проще было бы написать другой, более соответствующий «идее» режиссера.

Если «осовременивание» старинного водевиля будет способствовать выращению зерна, заложенного в этом водевиле, если наш сегодняшний зритель сможет вдоволь «посмеяться и поплакать» на спектакле, если он узнает что-то новое об этих наивных, простых людях, порадоваться их счастью, их победе над злыми силами, если, наконец, он воспримет сатиру водевиля — задача современного прочтения будет решена.

Но, к сожалению, мы нередко встречаемся с явлениями режиссерского «диктаторства», «ячества». «Раз я ставлю водевиль, а это прежде всего веселое, смешное зрелище, — значит, надо смешить во что бы то ни стало, любыми средствами, — рассуждает иной режиссер. — И чем эти средства «позаковыристее», тем лучше, тем оригинальнее я как художник. А идея — какая может быть идея в водевиле?!»

Какое глубокое заблуждение!..

В одной из театральных библиотек Ленинграда лежит тоненькая книжечка. На обложке книжечки значится: «Соллогуб. «Беда от нежного сердца». А в конце пьесы, там, где помещен заключительный куплет:

«...Просить должны мы снисхождения

За сочинителя и нас...» —

слово «сочинителя» зачеркнуто, и твердой рукой написано

«...за постановщика и нас...»

Кажется, такой пустяковый случай. Мало ли кто из режиссеров «марают» и переделывает текст. Но в этом пустяке видится большее, чем просто «милая шутка» режиссера. Это проявление того самого «ячества», о котором мы говорили. Искусство режиссера, нам кажется, не в том, чтобы «подменять» автора (да еще такого, как

Соллогуб, да еще в таком водевиле, как «Беда от нежного сердца»!), а в том, чтобы раскрывать то лучшее, что есть в произведении автора.

Советский театр знает много попыток возродить на сцене жанр водевиля. Это и обращение к лучшим образцам старинного водевиля и создание своих современных водевилей, отражающих нашу сегодняшнюю действительность. И каждый раз, когда режиссер пытался использовать водевиль только как возможность показать лишь свою изобретательность в области формы, трюков, тонкая ткань водевиля не выдерживала, рвалась. Когда же коллектив актеров под руководством вдумчивого режиссера пытался проникнуть в самую сущность жанра, водевиль покорял и нашего современника.

Все, что сказано здесь, не исчерпывает полностью свойств водевиля, его возможностей способствовать воспитанию синтетического актера.

Попробуйте окунуться в волшебную стихию этого жанра — и вы сами откроете еще много нового.

Попробуйте!.. Радость, которую вы получите от встречи с водевилем, принесет радость и вашим зрителям.

Е. Лепковская

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя

5

А. И. Писарев
хлопотун,
или
ДЕЛО МАСТЕРА БОИТСЯ

19

Д. Т. Ленский
ХОРОША И ДУРНА,
и
ГЛУПА И УМНА

53

Ф. А. Кони
ПРИНЦ С ХОХЛОМ,
БЕЛЬМОМ И ГОРБОМ

99

П. А. Каратыгин
ДОМ
НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНЕ

143

П. А. Каратыгин
ВИЦМУНДИР

169

Н. А. Некрасов
АКТЕР

201

Н. А. Некрасов
ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОСТОВЩИК

223

П. И. Григорьев
ДОЧЬ РУССКОГО АКТЕРА

253

П. И. Григорьев
ПЕТЕРБУРГСКИЙ АНЕКДОТ
С ЖИЛЬЦОМ И ДОМОХОЗЯИНОМ

273

423

В. А. Соллогуб
БЕДА ОТ НЕЖНОГО СЕРДЦА
307

П. С. Федоров
АЗ И ФЕРТ
337

Е. К. Лепковская.
ВОЛШЕБСТВО ВОДЕВИЛЯ
369

РУССКИЙ ВОДЕВИЛЬ

Редактор
Н. Каминская
Художественный редактор
Л. Орлова
Художник
Ю. Селиверстов
Технический редактор
Н. Карпушкина
Корректоры
В. Назимова
и Е. Станкевич

Подп. в печать 4/VI-1970 г.
Сдано в набор 14/VI-1969 г.
Ф-т бумаги 84×108/32. Бума-
га типографская № 3. Усл.
печ. л. 22,26. Уч.-изд. л. 21,88.
Тираж 28 000 экз. Издатель-
ство «Искусство», Москва,
К-51, Цветной бульвар, 25.
Ярославский полиграфком-
бинат Главполиграфпрома
Комитета по печати при Со-
вете Министров СССР.
Ярославль, ул. Свободы, 97.
Заказ № 711.
Цена 1 руб. 34 к.

